

БИБЛИОТЕКА КРИМИНОЛОГА

Рафаэле Гарофало

КРИМИНОЛОГИЯ

znanium

электронно-библиотечная система

Москва
ИНФРА-М
2026

УДК 343.9
ББК 67.51
Г20

**Составитель серии «Библиотека криминолога»
доктор юридических наук, профессор В.С. Овчинский**

Серия печатается в современной орфографии
с незначительными сокращениями и редакцией

Гарофало Р.

Г20 Криминология / Р. Гарофало ; сост. и предисл. В.С. Овчинского. —
Москва : ИНФРА-М, 2026. — 296 с. — (Библиотека криминолога).

ISBN 978-5-16-021823-6 (print)

ISBN 978-5-16-114572-2 (online)

Выдающийся итальянский юрист и ученый Рафаэле Гарофало ставит в своей книге вопросы о сущности преступного поведения, защиты общества от преступности и системах наказания преступников, которые остаются актуальными и по сей день.

Работа печатается в переводе с американского издания 1914 года.

Книга предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, а также для широкого круга читателей, интересующихся проблемами борьбы с преступностью.

УДК 343.9
ББК 67.51

ISBN 978-5-16-021823-6 (print)
ISBN 978-5-16-114572-2 (online)

© Овчинский В.С.
Составление, предисловие, 2026
© Оформление. ИНФРА-М, 2026

Оглавление

Предисловие составителя серии «Библиотека криминолога»	7
Предисловие Гарофало к изданию 1914 года.....	10

ЧАСТЬ I. ПРЕСТУПНОСТЬ

Глава I. ЕСТЕСТВЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ	19
I. Необходимость социологического понятия преступности.....	19
Преступление не есть собственно юридическое понятие	19
II. Метод получения социологического понятия.....	20
Анализ фактов недостаточен	20
Анализ чувств – истинный метод.....	22
III. Моральное чувство	24
Абсолютная мораль	24
Относительная мораль.....	25
Различия в морали	25
Поверхностные правила поведения	26
Истинная мораль.....	27
IV. Составные инстинкты морального чувства	28
Элементарные моральные чувства.....	28
Любовь к родине	28
Религиозное чувство.....	28
Целомудрие	29
Чувство чести	30
Альтруистические чувства.....	31
Чувство благосклонности	31
Чувство жалости.....	33
Чувство справедливости.....	38
Чувство честности	39
V. Обоснование естественной грязи	41
Оскорбление сострадания или честности.....	41
Деяния, оскорбляющие скромность и целомудрие.....	41
Действия, оскорбляющие семейные чувства	42
Политические преступления	44
Неполитические местные правонарушения, угрожающие общественному порядку	46
VI. Разграничение преступности.....	46
Исключенные правонарушения.....	47
VII. Критика теории естественной преступности.....	50
Средние нравственные чувства.....	52
VIII. Взгляды Тарда.....	53
Война и смертная казнь.....	54
Глава II. ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ СИТУАЦИИ.....	56
I. Неадекватность правового понятия	56
Объективный характер юридического изучения преступности.....	56

Отсутствие точного определения.....	57
Понятие естественного преступления – единственное решение	58
II. Необходимость непосредственного изучения преступника	60
Преступник – личность, несовместимая с обществом	60
Метод исследования	61
Глава III. КРИМИНАЛЬНАЯ АНОМАЛИЯ	62
I. Антропологические данные.....	62
Антропологические теории. Взгляды Ломброзо	63
Физические аномалии.....	64
Физиогномические типы	67
II. Психическая аномалия.....	72
Крайние случаи.....	72
Промежуточные случаи	73
Преступные чувства.....	74
Никаких нравственных аномалий, никаких природных преступлений.....	77
III. Наследственная передача преступных наклонностей.....	80
Доказательственные данные	81
Рецидивизм как следствие наследственности.....	83
IV. Различие между моральной аномалией и патологической аномалией.....	83
Случайный преступник не существует.....	83
Рассмотрение некоторых возражений.....	84
Преступный инстинкт, а не болезнь	85
Болезнь как отклонение от вида	86
Различное воздействие внешних впечатлений при безумии и моральной аномалии.....	89
Смертная казнь оправдана.....	90
V. Гипотезы об источнике моральной аномалии	91
Теория атавизма	91
Теория морального вырождения.....	94
Гипотеза дочеловеческого атавизма.....	95
VI. Классы преступников.....	96
Заключительные замечания.....	111
VII. Классификация Ферри	112
Глава IV. СОЦИАЛЬНЫЕ ВЛИЯНИЯ	114
I. Цивилизация.....	114
II. Школа	115
III. Религия.....	117
IV. Экономические условия: социалистический тезис	119
V. Теория прямой зависимости между преступностью и материальным благосостоянием.....	134
Глава V. ВЛИЯНИЕ ЗАКОНОВ.....	138
I. Законодательство, влияющее на причины преступности	138
Изменение окружающей среды	138
Теория законодательного предупреждения преступлений	139
Выводы.....	141
II. Уголовное законодательство.....	146
Критерии полезности наказания.....	146

Влияние смягчения наказания в целом.....	150
Преступление как ремесло.....	152
Уклонение от наказания.....	153
Бесполезность тюремных заключений.....	154
Рецидивизм.....	156

ЧАСТЬ II. УЧАСТИЕ В РЕПРЕССИИ

Глава I. ПРАВО АДАПТАЦИИ 160

I. Элиминация и репарация.....	160
Естественный закон исключения из общества.....	160
Исключение из общества – логическая форма реакции на преступление.....	162
Средства исключения из общества.....	162
Принудительное возмещение ущерба как форма репрессии.....	167
Теория реституции и освобождения.....	168
II. Различные концепции наказания.....	170
Мечь.....	170
Искушение.....	170
Изоляция как требование общественного чувства.....	172
III. Запугивание.....	177
Моральный мотив.....	178
Мотив страха.....	181
Запугивание – это следствие, а не критерий наказания.....	182
IV. Отбор.....	186
Избирательный эффект абсолютной элиминации.....	186
Избирательный эффект относительной элиминации.....	188
V. Коррекционалистская теория.....	189
Теория в целом.....	189
Ограниченная эффективность образования и невозможность отличить его влияние от влияния наследственности.....	190
Постоянство типа характера.....	193
Взгляды Деспена.....	194
Невозможность искусственного создания нравственных инстинктов.....	195
Система Эльмира.....	198
Статистика рецидивизма: опровержение теории исправительных учреждений.....	199

Глава II. СУЩЕСТВУЮЩИЕ ТЕОРИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА..... 201

I. Общие положения.....	201
II. Моральная ответственность.....	203
Ошибки принципа.....	203
III. Безумие.....	206
IV. Опьянение.....	212
V. Гипноз.....	214
VI. Малолетний возраст.....	215
VII. Соразмерность преступления и наказания.....	217
Тяжесть преступления.....	217
Тяжесть наказания.....	219

Истинное исследование — вопрос адаптации	221
VIII. Покушение на преступление.....	228
Объективные доктрины покушения	228
Истинная теория покушения.....	229
Вопрос о наказании за покушение	232
IX. Участие в преступлении.....	237
X. Множественность правонарушений.....	238
XI. Рецидивизм	239
XII. Смягчающие обстоятельства	243
XIII. Наказания существующей системы	244

Глава III. ДЕФЕКТЫ СУЩЕСТВУЮЩЕГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 249

I. Различие между публичными и частными уголовными делами.....	249
II. Исполнение решения суда о возмещении ущерба.....	250
III. Судебное расследование	253
IV. Временное освобождение.....	254
V. Уголовный процесс: присяжные.....	261
VI. Уголовный процесс: судьи	268
VII. Давность уголовных исков	269
VIII. Давность наказаний.....	270
IX. Помилование исполнительной властью.....	271

Глава IV. РАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ 274

I. Наказание убийц	274
Первая категория: мотив как показатель	274
Вторая категория: способ убийства как показатель.....	275
Преднамеренность не является верным критерием аномалии	275
Устранение смертью — необходимая мера.....	277
II. Наказание жестоких преступников.....	281
(a) Убийцы	281
(b) Правонарушители, виновные в актах серьезной физической или нравственной жестокости.....	284
(c) Молодые правонарушители	285
(d) Правонарушители, испытывающие недостаток только в профессиональной подготовке или сдержанности	286
III. Наказание преступников, лишенных честности	288
(a) Инстинктивные и привычные правонарушители.....	288
(b) Непривычные правонарушители.....	290
Юные правонарушители, подверженные влиянию дурных примеров	290
Взрослые новички.....	291
Случаи аберрации или алчности.....	292
IV. Наказание похотливых преступников	294
V. Случаи сохранения существующих наказаний.....	294
Исключительные случаи, например, фальшивомонетчики	295
Случаи, не связанные с естественной преступностью	295

Предисловие составителя серии «Библиотека криминолога»

Барон Рафаэле Гарофало (1851–1934) — представитель итальянской дворянской семьи испанского происхождения, родился в Неаполе. Получил юридическое образование и по завершении университета поступил на службу. Он достиг высокого положения в сравнительно раннем возрасте. Среди важных должностей, которые он занимал, — пост президента Трибунала в Пизе, заместителя генерального прокурора Кассационного суда в Риме и президента отделения Апелляционного суда Неаполя. В период американского издания «Криминологии» он являлся генеральным прокурором Апелляционного суда Венеции. Кроме того, он являлся сенатором Королевства Италии и адъюнкт-профессором уголовного права и процесса в Неаполитанском университете, а также имел личные отличия, включая членство в руководящем органе Геральдического совета, звание офицера Ордена Святых Маврикия и Лазаря, а также звание «Комендатора» Королевского ордена Короны Италии.

К моменту назначения в Сенат он уже имел большой опыт полезной деятельности в сфере законодательства, направленной на совершенствование уголовного права. Заметным достижением в этой области стала подготовка в 1908 году по просьбе министра юстиции проекта кодекса о реформировании уголовно-процессуального права в итальянских судах.

Он был членом Королевской академии Неаполя, а также Международного института социологии, штаб-квартира которого находилась в Париже. Будучи президентом последней из упомянутых организаций, он был председателем Конгресса, состоявшегося в Берне в 1909 году. Он был избран президентом Итальянского социологического общества.

Гарофало был автором множества статей по юридическим, социологическим и экономическим темам, а также многочисленных докладов, прочитанных в обществах для развития смежных исследований, в частности, исследований преступности. Среди других его трудов: «Покушение на преступление недостаточным образом», «Истинный способ суда и приговора», «Возмещение ущерба лицам, пострадавшим от преступления», «Международная солидарность в пресечении преступности».

Но именно благодаря его «Криминологии» Гарофало получил международную известность.

Заметно отличаясь от работ Ломброзо и Ферри, но придавая такое же значение экспериментальным и индуктивным методам, он был отнесен к трем главным представителям итальянской позитивистской школы и обеспечил себе главенствующее место среди лидеров науки о преступности. Как поясняется в его собственном предисловии, эта книга выросла из брошюры, опубликованной им в 1880 году: «О позитивном критерии наказания». Первое итальянское издание «Криминологии» вышло в Неаполе в 1885 году, второе — в Турине в 1891 году. Чтобы обеспечить более широкую аудиторию, автор лично подготовил французскую версию. Она выдержала пять изданий, в последнем из которых, вышедшем в 1905 году, он полностью переработал книгу.

В своей книге Гарофало постоянно говорит, что «господствующая теория сегодня заключается в защите преступника от общества, а не в защите общества от преступника».

«Мы уделили слишком много внимания преступлению и слишком мало — преступнику. Мы должны больше внимания уделять личности, а не главе и статье писаного закона, устанавливающего наказание за каждое преступление».

Гарофало считает, что «единственный способ защитить общество от рецидивиста — это устранить его из общества».

Гарофало развивает идеи о том, что «мотив, побудивший преступника совершить преступление, является одним из важнейших элементов, которые следует учитывать при определении мер, которые необходимо принять для защиты общества от будущего вреда со стороны того же преступника».

Гарофало уверен в том, что «наказание должно иметь единственную цель — разоружить врага общества, адаптируя размер и вид наказания к потребностям каждого отдельного преступника. Закоренелый преступник должен быть искоренен из общества. Преступнику, способному адаптироваться к достойной жизни среди себе подобных, следует оказать содействие в достижении лучшей жизни, которую оно является долгом общества дать тем, кого оно может вернуть к добропорядочным гражданам».

*Доктор юридических наук
В.С. Овчинский*

THE MODERN CRIMINAL SCIENCE SERIES

Published under the Auspices of

THE AMERICAN INSTITUTE OF CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Criminology

BY

BARON RAFFAELE GAROFALO

*Procurator General at the Court of Appeals of Venice and Senator
of the Kingdom of Italy*

Translated by

ROBERT WYNESS MILLAR

Lecturer in Northwestern University Law School

WITH AN INTRODUCTION BY

E. RAY STEVENS

*Judge of the Circuit Court, Madison, Wis., Member of Executive Board
of American Institute of Criminal Law and Criminology*

LONDON

WILLIAM HEINEMANN

1914

Предисловие Гарофало к изданию 1914 года

I

С самого начала моих юридических исследований меня начал мучить вопрос: как законодатель пришел к точному знанию вида и меры наказания, подходящего для каждого из различных уголовных преступлений? Каким образом он пришел к убеждению, например, что пять лет каторжных работ — надлежащее наказание за один вид кражи, а за другой достаточно двух лет более мягкого тюремного заключения? Какие шаги он предпринял, чтобы взвесить то или иное отягчающее или смягчающее обстоятельство с такой точностью, чтобы оправдать увеличение или уменьшение наказания в шесть месяцев, один год, пять лет, десять лет, в зависимости от конкретного случая? Где он нашел свой критерий, свою нить, ведущую в этом лабиринте?

Мое первое впечатление было наивным, что он действовал экспериментально. Но, возбудив таким образом свое любопытство и восхищение, я обнаружил, что это мнение совершенно беспочвенно. Я узнал, что, устанавливая свои правила, законодатель нисколько не потрудился проверить их эффективность. ***Искать средства от преступности, этой социальной болезни, которая принимает столь различные формы и проявляет столь разнообразные изменения в зависимости от личности, — вот, казалось бы, к чему следовало бы стремиться.*** Но законодатель не последовал этому правилу. Он оставил нас в полном неведении относительно того, насколько сильно или слабо любое наказание по своему виду, продолжительности или отношению к характеру преступления или преступника, способствовало социальной защите или исправлению преступника.

Прогресс социальных наук за последнюю четверть века, действительно, был таков, что потребовал некоторого признания со стороны юридического мира. Следовательно, в этом плане союз права с социологией, психологией и антропологией был формально признан. Однако это признание оставалось исключительно теоретическим: за ним не последовало никаких изменений в правовых системах. Юристы довольствовались абстрактными заявлениями, например, что «целью наказания является восстановление юридического порядка, нарушением которого является преступление», или что «всякое наказание должно иметь своей главной целью исправление преступника»,

или же что «наказание должно оградить общество от повторения преступления».

Тем не менее они не смогли предоставить нам никаких доказательств целесообразности репрессивных мер, которые по их рекомендации были закреплены в кодексах. Во всех других областях науки в настоящее время доминирует экспериментальный метод. Наука об уголовном праве, хотя и является преимущественно социальной наукой, стоит особняком в своем нежелании признать его главенство.

Главная цель этой книги, впервые опубликованной много лет назад и впервые доступной англоязычному читателю, — введение экспериментального метода в науку, которая, изучая преступные явления, должна искать средства, наиболее подходящие для их искоренения. Эта цель криминологии должна быть в равной степени целью уголовного права. ***Прежде чем говорить об исправлении преступников, мы должны сначала рассмотреть, поддаются ли преступники исправлению как класс или как отдельные личности, и изучить средства, необходимые для такого исправления.*** И если мы говорим о защите общества от преступных посягательств, мы должны начать с выяснения того, существуют ли наказания, способные обезоружить преступника, и определения того, каким образом их следует применять. Чтобы избавить теорию от бесполезного труда, ей должен предшествовать опыт.

II

Еще одна цель настоящей работы — согласовать судебную логику с общественными интересами. Нельзя отрицать, что с моральной точки зрения индивидуальная ответственность значительно уменьшается дурными примерами в восприимчивом возрасте, заразой социальной среды, традициями расы или семьи, укоренившимися дурными привычками, неистовством страстей, темпераментом и т.д. Но согласно юридическим теориям, всякое смягчение ответственности является элементом оправдания преступника. Наказания должны варьироваться пропорционально большей или меньшей значимости, придаваемой этому элементу, и, когда возможно установить крайнюю силу преступного побуждения, их следует свести к незначительному минимуму.

Однако существует лишь несколько случаев, когда преступник не имеет подобных смягчающих обстоятельств. Фактически нет такого преступления, в котором их было бы легко обнаружить. Достаточно лишь поверхностного расследования, и они роятся повсюду. Короче говоря, единственные преступники, которые кажутся нам не имеющими оправдания, — это те, для кого мы не потрудились его

найти. Можно ответить, что, в конце концов, речь идет всего лишь о дурных наклонностях и что свободная воля всегда должна проявлять себя. Но возникает вопрос: как отличить роль этих дурных наклонностей от той, которую играет свободная воля? Что же сказать о данных антропологии, которые показывают, что почти все самые опасные преступники демонстрируют психофизическую аномалию организации? Обусловить наказание моральной ответственностью означало бы оправдание самого жестокого убийцы. ***Стоит лишь установить его крайнюю природную жестокость или непреодолимость его преступных побуждений, и от моральной ответственности не останется и следа.*** В каждом случае наказание будет пропорционально смягчено, по мере того как причины дурных наклонностей станут более известными и очевидными.

Таким образом, репрессия в своем применении будет действовать в отношении, совершенно обратном испорченности и несправивности преступника. Бессмысленно говорить, что мы напрасно тревожимся и что стадия провозглашения безнаказанности преступлений никогда не будет достигнута. Этот принцип наглядно проявляется в современном состоянии уголовного правосудия, постоянно захваченного потоком ошибочных идей, которому оно служит лишь шатким барьером. Бесполезно протестовать против оправдательных приговоров или снисходительности судей. В конце концов, мы видим торжество судебной логики, но торжество, достигаемое за счет социальной безопасности и нравственности. В этом состоянии единственным средством является принятие иного критерия наказания — ***замена принципа нравственной ответственности личности принципом общественной необходимости.***

Зрелище преступления в цивилизованном обществе гораздо более тягостно, чем в варварском племени или в группе дикарей. Его жертва вызывает у нас гораздо больше сочувствия, потому что, полагаясь на защиту законов, привыкнув к мирному урегулированию личных разногласий, окруженная, одним словом, благами цивилизации, она пренебрегла теми мерами предосторожности для защиты жизни и имущества, которые в нецивилизованной среде она, несомненно, приняла бы. Формы жестоких преступлений, сохраняющиеся в наши дни, — убийства, изнасилования, поджоги, грабежи, жестокости по отношению к женщинам и детям, всевозможные посягательства на свободу личности — являются позором современной цивилизации.

Ни к жертве преступления, ни к предотвращению будущих преступлений общество не проявляет должной заботы.

Здесь вступает статистическая наука. Складывая цифры, объединяя разрозненные суммы человеческих страданий, порожденных

человеческой злобой, она разворачивает перед нами сцены ужасающей мировой трагедии. Статистика показывает нам поле битвы, усеянное остатками ужасной бойни. Она объединяет в один душераздирающий крик стоны раненых, причитания их родственников. Она заставляет выстроиться перед нами легионы искалеченных, сирот и нищих. Она ослепляет нас светом огромного пожара, пожирающего леса и дома. Она оглушает нас воплями пиратской армии.

И в зловещей кульминации статистика открывает нам виновника этих сцен опустошения — таинственного врага, не узнанного историей. Мы называем его ПРЕСТУПНИКОМ.

Государство делает мало для нашей защиты. Поскольку, благодаря теоретикам права, уголовное право — это одно, а меры, необходимые против злодеев, — другое, действия государства стали практически неэффективными.

Абсурдно, что тысячи профессиональных воров продолжают заниматься своим ремеслом, несмотря на усилия полиции.

Абсурдно, что единственные наказания, которых нужно опасаться, имеют в лучшем случае лишь условное значение, а в случае профессиональных преступников — вообще никакого. Действительно, в некоторых случаях эти наказания представляют собой положительную выгоду для преступника. Получив за государственный счет жилье, питание, обогрев и одежду, он становится свободным гражданином, и никто не имеет права напоминать ему о его преступлениях. Предполагается, что он искупил свои грехи, что он выплатил обществу то, что должен, и что отныне его следует считать честным человеком. Все это чистая риторика.

Истина же заключается в том, что преступник ничего не заплатил: общество, в свою очередь, оплатило расходы на его содержание. На налогоплательщика было возложено новое бремя, и ущерб, уже понесенный обществом от преступления, в результате увеличился. Преступник не претерпел морального перерождения. Тюрьма не творит таких чудес — отнюдь нет. Преступник не запуган, потому что наши пенитенциарные системы стали настолько мягкими, что утратили всякий устрашающий эффект. Даже если он и пострадал от заключения, он скоро забудет об этом, ибо память о физических страданиях быстро стирается.

Таким образом, освобожденный заключенный выходит из тюрьмы тем же человеком, каким попал туда, и, более того, возвращается в ту же среду, из которой был освобожден, чтобы столкнуться с теми же соблазнами и теми же обстоятельствами, которые подтолкнули его к преступной карьере.

Сказанное мною относится в целом к пенитенциарным системам Европы. Однако есть и исключения. Во Франции, в частности, вопрос преступности стал предметом большого внимания. С помощью законов, направленных против рецидивистов, была предпринята попытка обуздать деятельность рецидивистов. Несмотря на слишком ограниченное применение, польза этих законов была очевидна с самого начала. С момента их принятия преступность, особенно в ее наиболее тяжких формах, заметно снизилась.

Правосудие не обладает абсолютной властью. Принцип защиты от естественных врагов общества здесь понятен гораздо лучше, чем где-либо еще, и все остальные принципы во французском законодательстве часто молчаливо подчинялись ему. Более того, по настоянию Принса и Листа была создана ассоциация «Международный союз уголовного права», членами которой являются юристы и судьи, порвавшие со старыми метафизическими представлениями о наказании, — для экспериментального изучения преступности и преступников. Новое направление, заданное этой ассоциацией изучению этих предметов, привело во многих европейских странах к принятию законов или законопроектов, касающихся пресечения рецидивизма, обращения со впервые совершившими правонарушения и несовершеннолетними правонарушителями, а также индивидуализации наказания.

Пришло время провозгласить войну с преступностью во имя цивилизации лозунгом уголовной науки. Мы имеем дело с ярко выраженной социальной функцией, которая не должна быть запутана в узких взглядах и ошибочных рассуждениях юридической школы.

Согласно распространенному мнению, материальное право, процессуальное право и сама судебная власть слишком часто действуют сообща для защиты преступника от общества, а не общества от преступника. Чтобы развеять это впечатление и оправдать многие миллионы, ежегодно тратящиеся на борьбу с преступностью — борьбу, которая до сих пор не принесла должных результатов, — в этом и заключается долг тех, кто управляет судьбами государства.

Настоящую работу часто причисляют к школе уголовной антропологии. Если признать, что в этой науке уголовная психология — важнейшая глава, то я вполне готов считаться «рациональным антропологом», как меня иногда называют.

Принцип принудительного возмещения ущерба вместо наказания, который я отстаивал в течение последних двадцати пяти лет и защищал перед многими научными собраниями, особенно на Римском пенитенциарном конгрессе 1885 года, на конгрессах в Брюсселе в 1889 году и Париже в 1893 году, а также на Международном пенитенци-

арном конгрессе в Брюсселе в 1900 году, добился значительного прогресса с момента появления последнего французского издания настоящей работы.

То же самое можно сказать и о теории индивидуализации наказания, которую я предложил и изложил в общих чертах. Впоследствии она была подробно разработана другими авторами. Эта теория неуклонно развивается. Особенно в вопросах преступности среди несовершеннолетних она нашла отражение в законодательстве. Условное осуждение и те достижения в уголовной науке, которые достигли наивысшего развития в Соединенных Штатах, а именно суд по делам несовершеннолетних, система пробации и неопределенный срок наказания, — все это свидетельствует о ее практической ценности.

Правда, попытки получить точное внешнее описание, которое позволило бы нам отличать преступника от других людей, не увенчались успехом. Но это никоим образом не подрывает предположение о наличии у преступников психической аномалии, отличающей их от большинства людей. Некоторые физиологи считают это предположение лишенным научной ценности. Однако те самые авторы, которые отказываются признавать какую-либо ценность некоторых физических признаков, по-видимому, обнаруживаемых у преступников, в то же время решительно утверждают, что между моральным характером и физической конституцией индивида обязательно существует корреляция. Они не верят в возможность определения различий в этом отношении между индивидами, поскольку такие различия следует искать в гистологической организации, в составе крови и нервных волокон, а также в функционировании органов. «Физиологические акты, — говорят критики, — в значительной степени являются результатом молекулярных явлений, и мы очень далеки от обладания анатомией молекул». Очевидно, однако, что этот аргумент никоим образом не противоречит идее криминальной аномалии: он означает лишь, что субстрат этой моральной аномалии нам неизвестен.

У физиолога нет оснований отказываться присоединиться к новой школе. Поскольку ***мы не отвергаем гипотезу о корреляции между инстинктами, побуждениями, дефектом морального чувства преступника и строением его нервных клеток***, то в наших доктринах нет ничего, что физиолог не мог бы свободно принять.

Обвинение в фатализме, выдвинутое против нашей школы, совершенно безосновательно. В дальнейшем будет видно, что мы верим в использование для морального прогресса общества всех новых открытий экспериментальной науки. Это обвинение вызвано неверным

толкованием наших идей. Критики говорят, что мы считаем человека, а следовательно, и преступника неспособным к переменам и действующим только в определенном направлении. Подобных ошибок никогда не было в наших взглядах. Опыт показывает, что индивид всегда действует в одном и том же направлении, пока его интеллектуальные и моральные условия остаются неизменными и он находится в одних и тех же внешних обстоятельствах. Вот почему ***мы считаем верхом безумия надеяться на исправление преступника посредством тюремного заключения или любого другого вида наказания, если по его окончании он будет возвращен в ту же среду и те же условия существования, что и прежде. Но мы ни в коем случае не считаем невозможным преобразовать деятельность преступника. И это произойдет, когда его среда изменится, когда новые условия существования убедят его в необходимости честного труда и когда, наконец, он увидит, что хищническая жизнь потеряла для него всякую привлекательность и выгоду.***

Скорее, обвинения в предвзятости заслуживают наши оппоненты. Ибо, признавая неэффективность существующих пенитенциарных систем, они отказываются признать, что что-либо можно изменить. По их мнению, преступность существовала всегда и ее всегда надо терпеть как одно из зол, поражающих общество. Придерживаясь таких взглядов, они, очевидно, не вправе называть фаталистической школу, чья цель — найти самые верные и действенные средства для устранения этого позора с цивилизации.

Наши оппоненты в равной степени уязвимы для другого обвинения, выдвинутого против нас, — обвинения в материализме. Ведь именно они создали тариф за преступления и ответственны за систему законов, в которой учитывается только объективный факт, а природа преступника не имеет никакого значения. Именно они материализовали уголовное право. Позитивизм, который мы отстаиваем, напротив, — это всего лишь вопрос средств. Он не означает никакой философской системы, а является лишь экспериментальным методом.

Мы полностью учитываем влияние физической и моральной среды, и именно поэтому мы не можем понять теорию, которая оставляет преступника подверженным этим — тем самым влияниям, которые способствовали его деградации.

Но утверждение, что вместо наказания следует стремиться к изменению окружающей среды и тем самым искоренить причины преступлений, не заслуживает серьезного рассмотрения. Законодатель не может достичь того, что является делом времени.

Какое законодательство могло бы искоренить нищету и невежество, устранить соблазны, подавить алчность, честолюбие, тщеславие и все другие страсти, терзающие человечество? Государство не может доверить все медленному и порой прерывистому прогрессу цивилизации. И более того, разве этот прогресс не будет насильственно прерван, если репрессии прекратятся или будут смягчены? ***Мы оставим Толстому его мечты. Мы восхищаемся им как филантропом и писателем, но его теорию непротivления злу мы не можем даже допустить в качестве предмета обсуждения.***

Безусловное прощение всех преступлений означает не что иное, как угнетение честного гражданина порочными преступниками. Борьба с преступностью не должна прекращаться ни на мгновение. В этом заключается первейшая обязанность государства, ибо первейшее право гражданина — я бы сказал, даже главная причина существования общества — заключается в обеспечении ему физической неприкосновенности, свободы действий и пользования законной собственностью. Государство в этой войне не только не должно позволять себя разоружать, но и должно постоянно стремиться к использованию все более совершенного оружия, время от времени отказываясь от того, чью неэффективность показывает опыт.

Но, чтобы бороться с надеждой на успех, мы должны знать своего врага. Враг, с которым нам предстоит столкнуться, неизвестен последователям юридической школы. Знание о нем приходит лишь благодаря длительным наблюдениям в тюрьмах, исправительных учреждениях и каторжных колониях. Тем, кто изучал его в таких условиях, будущее поручит задачу сделать уголовное право отвечающим общественным потребностям.

III

Моя убежденность в том, что принципы действующего уголовного права далеки от его истинной цели, побудила меня опубликовать в 1876–1878 годах несколько эссе. Изложенный там план был позднее завершен в моей «Криминологии». Эту последнюю книгу я лично перевел на французский язык.

Когда возник вопрос об английском переводе, я настоятельно просил, чтобы он был сделан на основе последнего французского издания — 1905 года, а не последнего итальянского. Поскольку французский перевод был моей собственной работой, никаких возражений против этого решения не могло быть. Мое решение было продиктовано тщательной переработкой — фактически почти полной переработкой, которой книга подверглась с момента ее последнего издания

на итальянском языке. Во-первых, она содержала ответ на ряд возражений, выдвинутых против моих взглядов. Опять же, необходимо было принять во внимание многочисленные изменения, произошедшие в европейской преступности. И, наконец, мои собственные идеи не могли не претерпеть некоторых изменений. Соответственно, некоторые слишком категоричные утверждения были исключены, и, хотя основа моей работы осталась нетронутой, в других случаях мое выражение мыслей приобрело иную форму.

Но есть некоторые идеи, которые ни самая ученая критика, ни мое собственное последующее исследование ни в малейшей степени не побудили меня изменить. Такова идея «естественной преступности» в отличие от преступности, которая является лишь юридической или общепринятой. Я мог бы допустить возможность ее облачения в другие слова, но я считаю, что основополагающее понятие «естественной преступности» устоялось. Оно является предметом дискуссий уже двадцать лет и до сих пор остается актуальной темой. Оно не исчезнет, поскольку существует в мировом сознании. Оно предоставит средства для создания международного уголовного кодекса — начинания, которого ждет цивилизованный мир. Международный кодекс такого рода станет проявлением той всеобщей солидарности, которая требует взаимной помощи наций в борьбе с преступностью.

Часть I ПРЕСТУПНОСТЬ

Глава I ЕСТЕСТВЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

I. НЕОБХОДИМОСТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

К концу XIX века изучение преступника с точки зрения естественных наук стало привлекать пристальное внимание. В результате были отмечены его антропологические и психологические характеристики. Он был представлен как тип, как разновидность «рода homo». Но когда мы начинаем рассматривать, как эта теория может быть применена к законодательству, мы сталкиваемся с серьезными трудностями. *Далеко не каждый человек, являющийся правонарушителем по юридическим меркам, соответствует описанию преступника, данному натуралистами*, — обстоятельство, которое ставит под сомнение практическую ценность подобных исследований. Иначе и быть не могло, поскольку, хотя натуралисты и говорят о преступнике, они не говорят нам, что они понимают под словом «преступление». Эту задачу определения они оставили юристам, не пытаясь определить, является ли преступность с юридической точки зрения тождественной преступности с социологической. Именно это отсутствие определения до сих пор делало изучение преступности натуралистами чем-то обособленным и приводило к тому, что его рассматривали как вопрос чисто научного интереса, к которому законодательство не имеет никакого отношения.

Преступление не есть собственно юридическое понятие

Итак, на мой взгляд, первым шагом в нашем исследовании должно стать постижение социологического понятия преступления. Неверно утверждать, что мы имеем дело с юридическим понятием и, следовательно, его определение принадлежит исключительно юристам. Речь идет не о техническом термине, а о слове, выражающем идею, доступную каждому независимо от его познаний в праве. Законодатель не создал этот термин, а заимствовал его из народного языка. Он

даже не дал ему определения. Он лишь сгруппировал определенное количество деяний и назвал их преступлениями. Вот почему в один и тот же период времени, часто в пределах одной страны, мы обнаруживаем, что определенное деяние в одной местности рассматривается как преступление, а в другой — вовсе не наказывается. Из этого следует, что юридическая классификация никоим образом не может исключать социологическое исследование. Чтобы разрешить свои сомнения относительно границ преступности, социолог не может обратиться к юристу, как он обратился бы к химику за информацией о природе солей или кислот или к физику за информацией о понятии света или электричества. Это понятие преступления он должен найти сам. Только когда он потрудится объяснить нам, что он понимает под преступлением, мы поймем, о каких преступниках он говорит. Одним словом, ***мы должны прийти к понятию естественного преступления.*** В этом выражении, следует отметить, ***слово «естественное» имеет значение того, что не является общепринятым, того, что существует в человеческом обществе независимо от обстоятельств и требований данной эпохи или от конкретных взглядов законодателя.*** Я использую термин «естественное преступление», потому что считаю его наиболее ясным и наименее неточным — я не говорю, что самым точным — словосочетанием ***для обозначения тех деяний, которые ни одно цивилизованное общество не может отказаться признать преступными и пресечь наказанием.***

II. МЕТОД ПОЛУЧЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ

Анализ фактов недостаточен

Первый вопрос, который мы должны себе задать, — это можно ли собрать группу деяний, которые во все времена и везде считались преступлениями. Вопрос не в том, все ли то, что является преступлением в настоящее время и в современном обществе, всегда и везде считалось таковым. Такой вопрос почти отвечает сам на себя. Разве не знакомо нам знание о том, что по обычаям многих народов убийство ради мести за убийство не только допускалось, но и предписывалось как самый священный из сыновних долгов? Что на протяжении истории дуэль в одно время каралась суровыми наказаниями, в другое время была настолько легализована, что стала основной формой судебной процедуры? Что ересь, колдовство и святотатство, некогда считавшиеся преступлениями самого отвратительного характера, сегодня

исчезли из сводов законов всех цивилизованных наций? Что грабеж иностранных судов, выброшенных на берег непогодой, в некоторых странах когда-то был разрешен законом? Что на протяжении столетий многие народы, ныне ставшие цивилизованными, использовали разбой и пиратство как основные средства к существованию? И, что, наконец, совершенно независимо от вопроса о диких обычаях нам стоит лишь выйти за пределы европейских рас, чтобы найти полуживилизованные общества, где разрешены детоубийство и продажа младенцев, где проституция является почетным занятием, а прелюбодеяние даже стало устоявшимся институтом? Разве не столь же верно, что в цивилизованной Европе в сравнительно недавний период расхождение в политических взглядах с теми, кто управлял государством, считалось преступлением величайшей тяжести? Разве не является историческим фактом, что смертная казнь применялась за контрабанду хлеба или его продажу по ценам, превышающим установленный законом максимум? Такие вопросы слишком хорошо известны, чтобы на них останавливаться. Единственная тема исследования заключается в том, ***есть ли среди преступлений и правонарушений, признанных существующими законами, какие-либо, которые во все времена и везде признавались наказуемыми деяниями.*** Когда мы думаем о некоторых ужасных преступлениях, таких как отцеубийство, убийство, убийство с целью грабежа, убийство из чистой жестокости..., вопрос, казалось бы, требует утвердительного ответа. Но даже небольшое исследование помогает развеять эту идею. Из описаний диких обычаев, предоставленных древними и современными исследователями, мы узнаем, что у многих племен отцеубийство было продиктовано религиозным обычаем. Чувство сыновнего долга побуждало массагетов, сардов, славян и скандинавов доисторических времен убивать своих родителей, когда последние становились беспомощными из-за болезни или глубокой старости. Говорят, что огнеземельцы, фиджийцы, батты Суматры, чукчи, камчадалы и аборигены Новой Каледонии — все они следовали этому зверскому обычаю.

Убийства из чистой жестокости до сих пор часто практикуются вождями многочисленных диких племен, особенно в Центральной Африке. Воину даже позволено убить человека, чтобы продемонстрировать свою силу или ловкость, поупражняться в бою или опробовать оружие. Общественное сознание нисколько не тревожится. До нас доходят рассказы о каннибальских пиршествах на Таити и в других местах. Наконец, убийства с целью ограбления постоянно совершались представителями одного дикого племени по отношению к представителям другого.

Анализ чувств — истинный метод

Но если мы таким образом вынуждены отказаться от идеи сбора совокупности фактов, повсеместно ненавистных и караемых, то из этого вовсе не следует, что понятие естественного преступления недостижимо. Однако для этого мы должны изменить метод: ***мы должны отказаться от анализа фактов и заняться анализом чувств.*** Преступление, в действительности, всегда является вредоносным действием, но в то же время действием, оскорбляющим одно из чувств, которые по общему согласию называются моральным чувством человеческой общности. Однако моральное чувство развивалось медленно: оно менялось и продолжает меняться в зависимости от обстоятельств расы и времени. Каждое из чувств, из которых оно состоит, время от времени претерпевало заметное усиление или ослабление. Отсюда и возникают большие различия в представлениях о морали и, как неизбежное следствие, не менее значительные различия в этом виде безнравственности, без которого ни одно вредоносное действие никогда не может считаться преступлением. Итак, мы должны попытаться выяснить, не существует ли, несмотря на отсутствие единообразия в эмоциях, вызываемых действиями, по-разному оцениваемыми различными группами, постоянного характера в эмоциях, вызываемых действиями, оцениваемыми одинаково. Иными словами, не является ли это различие скорее формой, чем содержанием. Только обращение к эволюции морального чувства может пролить свет на этот вопрос.

Дарвин приписывает происхождение морального чувства инстинктивному сочувствию к ближним, Спенсер — мыслительному процессу, который, внушая нашим предкам необходимость следовать определенным правилам поведения, стал привычкой ума, передающейся по наследству потомкам и преобразовавшейся в инстинкт.

Сегодня человек обладает суммой моральных инстинктов, которые не обусловлены индивидуальным мышлением, а являются наследием индивида в той же степени, что и физический тип его расы. Некоторые из этих инстинктов можно заметить у ребенка, конечно, не раньше, чем начнет проявляться интеллектуальное развитие, но, безусловно, до того, как он станет способен к сложному мыслительному процессу, необходимому для того, чтобы убедить его в косвенной индивидуальной пользе альтруизма.

Точно так же существование одного лишь морального чувства может объяснить те редкие и неясные жертвы, на которые люди порой вынуждены идти, полагая, что их жизненные интересы — это лишь просвещенный эгоизм, однако верно и то, что зачастую эгоизм был бы для нас гораздо полезнее, избавил бы нас от многих бед или по-

звонил бы нам достичь того, чего мы так страстно желаем, не опасаясь ни настоящего, ни будущего. Знание того, что человек претерпит зло или отвергнет благодеяние, не задумываясь о пользе своей жертвы, заставляет нас признать существование чувства, не зависящего от разума, хотя, согласно вышеупомянутой гипотезе, такое чувство, унаследованное нами и не заслуживающее нашей похвалы, могло иметь утилитаристское происхождение у наших далеких предков. Как уже указывалось, сам Дарвин без помощи этой гипотезы приходит к тому же выводу. «Хотя, — говорит он, — человек в его нынешнем виде обладает немногими особыми инстинктами, утратив все, которыми, возможно, обладали его предки, это не причина, по которой он не мог сохранить с очень отдаленных времен некоторую степень инстинктивной любви и сочувствия к своим братьям. ... В конце концов человек приходит к пониманию, благодаря приобретенным и, возможно, унаследованным привычкам, что для него лучше всего подчиняться своим самым настойчивым побуждениям. Властное слово “должен”, по-видимому, просто подразумевает осознание существования правила поведения, как бы оно ни возникло».

Чем выше интеллект, тем легче достичь идеи альтруизма — концепции высшей морали, которая, по мнению позитивистов, заключается в максимально возможном слиянии эгоизма и альтруизма. Мы не утверждаем, что верно обратное, но, безусловно, существует немало примеров высокоинтеллектуальных людей, которые при этом совершенно бесчестны. С другой стороны, мы часто встречаем людей весьма ограниченного интеллекта, которые противятся малейшему отклонению от самых строгих норм нравственного поведения. И почему? Очевидно, не потому, что они понимают косвенную пользу своих поступков, а исключительно потому, что обязаны соблюдать моральные предписания, и это даже там, где религия и законы страны молчат. Итак, ***мы должны принять как установленное существование нравственного чувства у определенной расы людей, созданного, как и все другие чувства, путем эволюции и передающегося из поколения в поколение, либо как следствие одной лишь психологической наследственности, либо как следствие этой наследственности в сочетании с раздражительными способностями ребенка и влиянием семейных традиций.***

Но, поскольку нравственное чувство есть психическая деятельность, оно может быть подвержено изменениям и слабостям, может болеть и даже полностью утрачиваться. Оно может отсутствовать от рождения вследствие какой-либо психической уродливости, которую, подобно другим уродствам, встречающимся в человеческом организме, мы вынуждены, за неимением лучшего объяснения, при-

писать атавизму. Существует бесчисленное множество градаций между высочайшей энергией благопристойной воли и полным отсутствием нравственного чувства.

Поэтому неудивительно, если среди нравственно развитой расы мы обнаруживаем более или менее значительное число индивидов, демонстрирующих полное отсутствие нравственности. Это психические аномалии — исключения, подобные физическим уродствам. Вопрос скорее в том, в какой мере это моральное чувство меняется во времени и пространстве — каким оно является в настоящее время среди европейских рас и цивилизованных народов других рас, каким оно было в прошлом и каким оно будет в будущем. Далее следует исследовать, какую часть, если таковая вообще имеется, этого морального чувства можно обнаружить в древнейших человеческих сообществах, какие моральные инстинкты господствовали в эпоху низшей цивилизации и какие инстинкты, едва зародившиеся в то время, с тех пор развились в основу общественной морали.

Доисторический человек не должен нас задерживать. В данном отношении мы ничего о нем не знаем. Дикая племена, которые либо вырождаются, либо не поддаются развитию, мы можем также обойти стороной, поскольку при должном рассмотрении они представляют собой аномалии человеческого рода. Наше исследование направлено на то, чтобы отчетливо выделить моральные чувства, которыми, можно сказать, безусловно обладает цивилизованная часть человечества, — чувства, абсолютно обусловленные необходимостью социального сосуществования, которые образуют истинную современную мораль, подверженную не утрате, а постоянному развитию.

III. МОРАЛЬНОЕ ЧУВСТВО

Абсолютная мораль

Следует отметить, что наше внимание должно быть ограничено средним моральным чувством всего общества. Всегда есть люди, превосходящие средний уровень в нравственном отношении, как и те, кто его не достигает. Первые — это те, кто собственными усилиями достиг абсолютной нравственности, — согласно Спенсеру, идеала поведения, достижимого обществом в целом, в котором существует полное слияние чувств разумного эгоизма с чувствами просвещенного альтруизма. Однако таких идеалистов мы находим немного. И они не могут сделать многого для продвижения или ускорения своего эволюционного прогресса. Как заметил один ученый автор, утверждение и распространение религиозного и морального идеализма христи-

анства, согласно которому человечество рассматривается как единая семья, подчиненная Богу, стали возможными лишь тогда, когда Рим, поддерживая связи со всем известным миром, объединил почти все цивилизованные народы в единую империю.

Без этого условия этика христианства, возможно, не нашла бы почвы, благоприятной для своего развития и существования... Нравственные идеи народа никогда не возникали как единое целое из данной философской системы, как и уставы корпорации.

Относительная мораль

Этот капитал моральных идей — продукт переработки прошлых веков, переданный нам по наследству с помощью традиции. Вот почему во все века существовала относительная мораль, заключающаяся в приспособлении индивида к обществу. Мораль еще более относительная существует в каждой части страны и в каждом социальном классе: это то, что мы называем «общественными обычаями». Пока индивид следует принципам поведения, общепринятым в народе, племени или касте, к которым он принадлежит, нельзя сказать, что он действовал безнравственно, как бы далеко его поведение ни отступало от абсолютной морали. Так, например, рабство, рассматриваемое по идеальным меркам, является безнравственным институтом. В совершенном человеческом обществе не может быть такого явления, как владение одним человеком другим. Но дает ли это нам право делать вывод о безнравственности рабовладельцев древнего мира? Тенденция того времени к идеальной морали проявлялась в чувстве, которое побуждало самых гуманных господ освободить тех из своих рабов, которые проявили заметное рвение и верность или в силу своего ума и особых способностей могли найти свой собственный путь и занять лучшее положение в обществе.

Различия в морали

Учитывая огромные различия, существующие во многих отношениях между моралью разных народов или одного и того же народа в разные эпохи, было бы бесполезно умножать примеры. Дикие племена и варварские народы дают примеры обычаев, которые кажутся нам невероятно безнравственными. Хотя скромность кажется абсолютно естественным инстинктом, мы читаем о человеческих сообществах, где в моде полная нагота и где обычай предписывает публичное заключение брака (сексуальную близость). Капитан Кук, первооткрыватель Сандвичевых островов, описывает, что подобный инцидент, свидетелем которого он стал, не вызвал удивления у современного ему юриста, поскольку, как он справедливо заметил, брак

должен был отмечаться публично. Ксенофонт упоминает о подобном обычае у мосиноеков. Мы также читаем о спартанских девушках, борющихся нагишом в гимназиях. Даже в наши дни японская дама не стесняется принимать гостей во время купания, в то время как ее скромную сестру можно увидеть ныряющей в бочку, установленную посреди улицы.

Хотя по роду и уровню своей цивилизации классический мир не так уж далек от нашего, мы находим там преобладающие обычаи, которые были полным отрицанием скромности. Свидетельством этому служат: празднование некоторых мистерий природы; культ бога Приапа и процессии в его честь; религиозная проституция Кипра и Лидии; смена жен, примеры которой имели место в Риме; прелюбодеяние, допускавшееся обычаями Спарты и поощрявшееся мужем, когда брак не приводил к потомству; те странные привязанности, о которых греческие писатели говорят как о чем-то не только терпимом, но даже рассматриваемом с одобрением; практика кровосмешения.

Поверхностные правила поведения

Но оставим историю и обратимся к современному обществу. Здесь мы прежде всего обнаруживаем определенные правила поведения, составляющие то, что известно как обычаи. Некоторые из них являются общими для всех слоев общества, другие — специфическими для отдельных классов, объединений и групп. Все регулируется, от самых торжественных церемоний до вопросов личного приветствия и индивидуальной одежды. Не только предписано, какие фразы уместны в данных обстоятельствах, но и манера выражения и интонация, придаваемая конкретным словам, также предписаны обычаям. Тех, кто не соблюдает эти правила, называют иногда эксцентричными, иногда невежественными или невоспитанными. Они вызывают у нас веселье или жалость, иногда — презрение. Многое, дозволенное в одном классе или сообществе, в другом строго запрещено. Время года, место, час, цель встречи — все это влияет на правила поведения. Так, дама должна появляться с декольте на обеде или вечернем приеме, в то время как при дневном визите такой наряд был бы совершенно неуместен. Так, джентльмен, которого только что представили даме на балу, действует в соответствии с общественными обычаями, когда, приглашая ее на танец, обнимает ее за талию, чтобы повести в вальсе. Хотя в любом другом случае, кроме интимной близости любви, такой поступок был бы сочтен непростительной фамильярностью. Каждое наше движение продиктовано устоявшимся обычаям. Едва ли хоть одно наше действие не подчиняется какому-либо правилу. Традиция,

воспитание и постоянный пример обязывают нас беспрекословно следовать этим предписаниям.

Истинная мораль

Но, помимо всех преходящих и частных законов такого рода, мы обнаруживаем другие, гораздо более общие по своей природе и, подобно солнечному лучу, пронизывающему все жидкие слои водоёма, обладающие силой, которая проникает через все социальные классы. И, подобно тому, как солнечный луч претерпевает различное преломление в зависимости от плотности среды, через которую он проходит, эти общие принципы поведения подвержены значительным изменениям в различных слоях общества. В этих принципах (сумма которых, собственно, и называется моралью) время меняет свою природу, но настолько постепенно, что для нахождения истинных различий мы должны обратиться к народам, предшествовавшим нам, или к тем, кто стоит ниже нас на шкале цивилизации. Однако неоспоримо, что в один и тот же период и в одной и той же нации существуют принципы, соблюдаемые повсеместно. Тем не менее эти принципы не действуют с одинаковой силой и в одинаковой степени в каждом слое общества.

Существует, хотя, возможно, и в общих чертах, всепроникающее нравственное чувство. Взятое в целом и рассматриваемое с точки зрения большинства его членов, даже низший слой общества имеет в отношении морали нечто общее с высшим. Причина очевидна. Если признать, что мораль — это исключительно продукт эволюции, то она неизбежно менее утончена, менее совершенна в тех слоях общества, которые, не имея возможности идти в ногу с другими, обнаруживают низшую степень психического развития. Тем не менее те же инстинкты существуют в зачаточном состоянии во всех классах. И по той же причине они существуют и в таких варварских племенах, которые стоят ниже по развитию, чем низший слой нашего общества, но здесь их существование лишь в зачаточном состоянии. В результате в каждом моральном чувстве можно выделить наложенные друг на друга слои, которые имеют тенденцию к возрастанию благородства. Если же мы отделим поверхностные части от их глубинной структуры, то в последней мы обнаружим действительно существенное моральное чувство, одинаковое у всех народов, чья психическая эволюция и прогресс цивилизации во многом схожи с нашими. Таким образом, отбросив идею универсальности морали, мы тем не менее сможем установить тождественность некоторых чувств в очень широкой области человеческого существования. Нам

также станет ясно, что преступление заключается в действиях, нарушающих эти же чувства.

IV. СОСТАВНЫЕ ИНСТИНКТЫ МОРАЛЬНОГО ЧУВСТВА

Элементарные моральные чувства

Это такие чувства, которые признаются и поддерживаются в человеческом обществе, возникшем с младенчества, и отличаются преобладанием интеллектуальной жизни, отличной от животной. Существуют чувства, считающиеся неотъемлемыми для индивидуальной морали, при этом действия, которые они подавляют, не считаются преступными, поскольку они не являются антиобщественными, или, другими словами, поскольку они не нарушают исконные условия человеческого общежития. Хотя такие действия безнравственны и подлежат осуждению со стороны общественного мнения, они действительно вредны только для самих авторов, их семей или государства, а не для общества в целом.

Любовь к родине

Это чувство несомненного благородства, но в наши дни действие, противоречащее интересам государства, само по себе не делает действующее лицо преступником. Человек не совершает преступления только потому, что предпочитает чужую страну своей или не испытывает слез при виде национального герба. Если человек не подчиняется установленному правительству, если он принимает службу в руках иностранного государства, несовместимую со своим долгом перед отечеством, он может заслуживать звания плохого гражданина, но не плохого человека. Речь идет о безнравственности отдельного человека, рассматриваемого как член человеческого рода, а не о его безнравственности как члена определенной общности. Именно возможность проведения такого различия, не существовавшая ни в Спарте, ни в Риме, демонстрирует существующее разделение между национальным чувством и индивидуальной моралью.

Религиозное чувство

Во всех странах, подчиненных европейской расе, правительства давно перестали навязывать гражданам правила определенного вероисповедания. У древних религиозное чувство было тесно связано с чувством патриотизма, поскольку считалось, что от поклонения божеству зависит безопасность страны. Этот же предрассудок сохраняется и в наши дни во многих варварских племенах. В Средние века

представление о христианах как о семье Божьей делало их непримиримыми врагами всех неверных. Богохульство, ересь, святотатство, колдовство и даже научные учения, противоречащие догматам, были преступлениями самого тяжкого характера. Но сегодня религиозные предписания отличаются от предписаний общественного поведения, хотя, тем не менее, Евангелие, способствуя развитию альтруизма, отчасти является основой современной морали.

Более того, признано, что доброта и нравственность не противоречат отсутствию веры. Религия — источник большого счастья; тот, кто лишен ее, возможно, достоин жалости, но ни в коем случае не может считаться врагом общества.

Целомудрие

Наличие этого чувства, которым мы восхищаемся как высшей женской добродетелью, тем не менее совершенно несущественно для благополучия человеческого общества. В тех странах, где гостеприимство, оказываемое гостю, включает предложение жены хозяина на ночь (Гренландия, Цейлон, Таити во времена открытия), оно совершенно неизвестно. Равным образом неизвестно, где одна жена принадлежит нескольким братьям (тоды и тоттыры в Индии) или где женщина обещает свою верность только пять или шесть дней в неделю (некоторые африканские племена).

В нашем собственном обществе, действительно, полиандрия встречается достаточно часто, по сути, единственное отличие заключается в лицемерных усилиях, которые предпринимаются, чтобы скрыть ее. Прогресс цивилизации не оказывает заметного влияния на ее уменьшение, возможно, даже способствует ее распространению среди социальных классов. Образ прекрасной и элегантной светской дамы, дарящей свои чувства как избраннику, выбранному по ее склонностям, так и законному мужу, отнюдь не чужд в наших социальных кругах. И тот факт, что другие женщины того же класса имеют репутацию целомудренности, часто может свидетельствовать лишь об их лучшем умении скрывать подобные слабости.

Незамужняя женщина, по крайней мере, у латинских народов, более сдержанна. В других местах ей предоставлена большая свобода и ею управляют гораздо менее строго. А как быть с высшими сословиями, чьи дочери находятся под постоянным надзором? Нередки случаи, когда девушки, воспитанные в лучших принципах и в самой строгой семейной обстановке, внезапно поддаются влиянию страсти или уловкам соблазнителя.

Свободная любовь чаще всего противоречит особому положению личности, почти всегда каким-то личным или семейным интересам.

В других, более редких случаях она оскорбляет чистоту религиозного чувства.

Чувство чести

Здесь достаточно нескольких слов, поскольку очевидно, что из всех чувств это наименее определено. Каждое объединение, каждый социальный класс, каждая семья имеют свои собственные стандарты чести. То же самое можно сказать почти о каждом человеке. Во имя чести совершаются всевозможные поступки, добрые и злые. Именно это чувство направляет кинжал убийцы, вдохновляет солдата бросаться на врага и в поединке обязывает кроткого и миролюбивого гражданина служить мишенью для пистолета своего противника. В низших классах общества, в самых деградировавших человеческих сообществах, в преступных организациях, среди ссыльных существует вопрос чести, который порой приводит к совершению самых жестоких преступлений мести. То, что является честью в одном сообществе, является бесчестьем в другом. Дело чести убийцы — не считаться вором. Дело чести бродяги — уважать собственность своего благодетеля. Самые отъявленные преступники гордятся ловкостью или смелостью своих преступлений.

Иногда чувство чести означает существование и преобладание лишь части элементарных нравственных инстинктов. Иногда оно представляет собой не более чем остаток, обломки того, что когда-то было нравственным чувством. И, снова, благодаря своеобразной инверсии оно иногда служит для того, чтобы сделать более заметным полное отсутствие нравственного чувства. Чаще всего оно представляет собой лишь преувеличенную форму самоуважения, ограниченную, однако, определенным видом деятельности. В общем, обычно это лишь внешнее и наиболее яркое выражение качеств и недостатков индивидуального характера, смешанное с особыми и иррациональными предрассудками класса, касты, профессии или секты. Поэтому ничто не может быть более гибким и изменчивым, чем это чувство чести — чувство, которое Спенсер классифицирует как эго-альтруистическое, поскольку другие люди попадают в его сферу лишь постольку, поскольку оно позволяет нам вызывать их восхищение и одобрение.

Сегодня в наших высших слоях общества едва ли можно утверждать, что вопрос чести основан главным образом на поддержании высокого уровня честности. Но там, где это происходит, чувство чести приобретает особое значение и попадает в категорию, привлекающую наше внимание.

Альтруистические чувства

Единственные чувства, которые в настоящее время имеют истинное значение для общественной морали, — это чувства, называемые альтруистическими, то есть такие чувства, которые имеют своей прямой целью интересы других, хотя косвенно их проявление может служить нашей собственной выгоде. Эти альтруистические чувства встречаются в совершенно разной степени развития у разных народов и в разных классах одного и того же народа. Тем не менее они встречаются повсюду, за исключением, возможно, очень немногих диких племен. Их можно свести к двум различным типам: чувству благосклонности и чувству справедливости. Проследивая эти чувства до их истоков, мы, правда, можем убедиться, что они представляют собой всего лишь последующее развитие эгоистических чувств. Инстинкт индивидуального самосохранения сначала распространяется на семью, а затем на племя. От него постепенно отделяется чувство сочувствия к ближним. Круг ближних сначала охватывает тех, кто принадлежит к одному племени, затем тех, кто говорит на одном языке и в одной стране, затем всех людей одной расы и одного цвета кожи, и в конце концов охватывает все человечество независимо от расы.

Чувство благосклонности

Чувство любви или благосклонности к ближним начинается как эгоистическое чувство под видом любви к собственным детям, которые почти являются частью нас самих. Затем оно распространяется на других членов нашей семьи, но становится альтруистическим только тогда, когда перестает быть обусловленным кровными узами. В этот период оно определяется физическим или моральным сходством людей, принадлежащих к одной касте, одной нации или одной расе и выражающих себя почти одинаково. Потому что мы не способны испытывать симпатию к людям, которые совершенно от нас отличаются и с чувствами которых мы совершенно не знакомы. По этой причине, как очень ясно указал Дарвин, различие расы, а следовательно, и внешности, и обычаев является одним из главных препятствий к всеобщности чувства благосклонности. Лишь постепенно человек способен достичь точки, когда он будет смотреть на людей всех стран и рас как на своих собратьев. Наконец, симпатия к животным — это моральное приобретение, приобретаемое с опозданием. Даже в наши дни она распространена только среди людей высшей нравственной утонченности, о чем убедительно свидетельствует существование охоты и бойни. Но, чтобы различить различные степени этого инстинкта благожелательности и выяснить, насколько он дей-

ствительно является неотъемлемой частью морали и в определенной степени универсален, нам необходимо продолжить наш анализ.

Прежде всего, мы обнаруживаем небольшое число людей, чей единственный интерес — благополучие других и чья жизнь посвящена облегчению бедности и страданий без всякой мысли о вознаграждении. Эти люди действуют не из честолюбия, а напротив, стремятся скрыть свои добрые дела. Это люди, которые лишают себя не только роскоши, но и самого необходимого ради блага других. Такие люди — филантропы в истинном смысле этого слова. Далее, мы видим большее число людей, которые не делают служение другим главной целью своего существования, но тем не менее охотно пользуются возможностью оказать такое служение, когда представляется случай. Они не ищут таких случаев, но и не избегают их. Возможность сделать что-то для других доставляет им удовольствие. Этот класс людей можно обозначить как благодетельных или щедрых. Основная масса, однако, состоит из тех, кто не прилагает никаких усилий и не приносит никаких жертв ради увеличения счастья или уменьшения несчастий других, но при этом не причиняет сознательно страданий своим ближним. У таких людей есть способность подавлять любые намеренные действия, причиняющие боль их ближним.

Это сопротивление импульсам, которые, будучи неконтролируемыми, привели бы к причинению страданий другим, проистекает из чувства жалости или человеколюбия, то есть отвращения к жестокости. По своему происхождению это последнее чувство не является абсолютно альтруистическим. Подобно тому, как удовольствие, которое мы испытываем, представляя себе удовольствие других, порождает великодушный поступок, так и жалость, как сказал Герберт Спенсер, проистекает из личной боли, испытываемой при представлении себе боли других, которую мы таким образом ощущаем как свою собственную. Следовательно, оно берет начало в эгоизме, но этот эгоизм трансформировался в безрассудный инстинкт, непосредственным объектом которого являются наши ближние. Именно в этом смысле мы можем назвать альтруистическим чувство, которое возникает из сочувствия к страданию и, следовательно, из страха испытать мучительную эмоцию при виде страдания, причиной которого мы сами стали.

Из этого следует, что чувство благосклонности проявляет много степеней развития: жалость, которая удерживает нас от причинения физических страданий; жалость, которая препятствует причинению нами нравственных страданий; жалость, побуждающая нас помогать ближнему, которого мы видим в беде; более высокие типы того же чувства, а именно благодеяние, щедрость и филантропия,

посредством которых удовольствие извлекается из помощи другим не только с целью облегчения их нынешних страданий, но и с целью сделать их будущие менее обременительными. Первые два проявления негативны, то есть они заключаются в воздержании от определенных действий. Другие, напротив, позитивны, подразумевая не бездействие, а действия. И именно здесь мы видим ошибочность теории, которая предполагает, что действие или бездействие преступно всякий раз, когда оно принимает двойной аспект безнравственности и вреда обществу. На самом деле этот двойной аспект отчетливо проявляется в любом действии, характеризующемся отсутствием того позитивного вида жалости, который побуждает нас протягивать руку помощи другим. Отказ подать милостыню достойному субъекту благотворительности или сделать все возможное, чтобы помочь бедным и нуждающимся, может нанести вред обществу, одновременно доказывая отсутствие должного развития альтруистических чувств. Тем не менее, каким бы неблагородным ни было такое поведение, общественное мнение нигде не считает его преступлением. *Чтобы связать действие с идеей преступления, недостаточно того, чтобы оно было безнравственным, недостаточно того, чтобы оно оскорбляло альтруистические чувства в том виде, в каком они существуют на высших стадиях развития, в той утонченной степени, которая характеризует немногих исключительных личностей. Действие должно быть таким, чтобы оскорблять эти чувства у людей на нижней стадии их развития, какую мы можем назвать их зачаточной стадией.* Это объясняет, почему мы обнаруживаем чувство жалости почти всеобщим среди высших рас человечества и тех, кто находится на пути к цивилизации, но только в его негативных формах. В результате ненормальный факт, с которым мы связываем идею преступления, неизбежно включает в себя нарушение чувства, которое мешает нам быть добровольной причиной страдания.

Чувство жалости

Итак, лишь первая степень жалости стала почти всеобщей, а именно отвращение к действиям, причиняющим физическую боль. Что касается тех, которые причиняют моральные страдания, то здесь необходимо провести различие. Существуют действия, последствия которых зависят главным образом от чувствительности того, на кого они направлены. Тот же самый вред, который причиняет страдания культурному человеку, может почти не затронуть невежду. Поэтому резкие слова и вульгарные эпитеты так распространены среди низших классов, занимая место, которое в высших слоях общества занимают

едкая шутка и изысканный сарказм. Ни в том, ни в другом случае мы не принимаем во внимание, сколько страданий причиняется человеку, чья утонченность превосходит утонченность его окружения: здравый смысл морали не причиняет ему никакой раны.

Также нет необходимости рассматривать те виды моральных страданий, которые могут привести к болезни или смерти. Эффект слишком сильно различается в зависимости от природы человека, намерение ранящего человека слишком неопределенно, чтобы моральное чувство могло возмутиться. Если оно и возмущается, то не может сделать ничего, кроме как осудить факт, поскольку не имеет возможности определенно приписать результат тому или иному действию.

Но совершенно иная ситуация возникает, когда моральные страдания осложняются физическим элементом, как в случае насильственного ограничения свободы человека или преступления против целомудрия, совершенного с применением насилия. Различие также существует, когда к моральным страданиям добавляется ущерб, нанесенный социальному положению пострадавшего. Так обстоит дело, например, в случае клеветы, ложного обвинения, вовлечения в проституцию и соращения до достижения брачного возраста. Подобные действия рассчитаны на причинение непоправимого вреда: они могут привести к крайней степени унижения жертвы. Предвидение таких последствий пробуждает всеобщее чувство, которое клеймит виновников подобных действий как преступников.

Очевидно, что до сих пор существовало альтруистическое чувство, которое в зачаточной стадии своего развития было всепроникающим, по крайней мере, среди высших рас человечества и тех народов, которые вышли из дикости, — чувство благосклонности к себе подобным, или жалости, по крайней мере, в ее негативной форме. В случае рас, достигших определенной степени развития, это, следовательно, представляется устойчивым и неизменным чувством. И, за исключением некоторых отстающих в развитии племен, которые по сравнению с остальным человечеством составляют лишь незначительное меньшинство, его можно с полным правом назвать всеобщим.

Было высказано предположение, что этот результат противоречит теории эволюции. «Если мораль — продукт эволюции, — говорит один исследователь, — почему ее изменения должны быть не единообразными? И если до определенного момента времени она претерпевала единообразные изменения, почему процесс изменений должен прекратиться, а не продолжаться “до бесконечности”?». Ответ дают следующие слова Спенсера: «Вывод о том, что описанный процесс не может породить никаких устойчивых чувств, означает предпо-

ложение об отсутствии устойчивых условий для общественного благосостояния. Очевидно, если временные формы необходимого поведения порождают временные идеи правильного и неправильного с ответным возбуждением чувств, то следует сделать вывод, что постоянные формы необходимого поведения будут порождать постоянные идеи правильного и неправильного с ответным возбуждением чувств; и, следовательно, подвергать сомнению генезис этих чувств означает сомневаться в существовании этих форм. Тот факт, что существуют такие постоянные формы поведения, не может отрицать никто, сравнивающий своды законов всех рас, переросших чисто хищнический образ жизни. Эта изменчивость чувств является лишь сопутствующим фактором перехода от первобытного типа общества, приспособленного к разрушительной деятельности, к цивилизованному типу общества, приспособленному к мирной деятельности».

Но можно утверждать, что вывод о том, что человеколюбие — это чувство или инстинкт человеческого рода, противоречит многим фактам истории: например, пиратству; разграблению затонувших кораблей, следы которого сохранились в Европе до сравнительно недавнего времени; продаже детей, терпимой в Китае; институту рабства, не так давно существовавшему в Америке; варварским формам наказания, практиковавшимся в Средние века; бесчисленным жестокостям, причиненным христианами еретикам и маврам, испанцами — туземцам Нового Света. Как же объяснить тот образ мышления, который позволил древнему летописцу описать каннибальское пиршество Ричарда Львиное Сердце не только без содрогания, но и несколько не ослабив своего восторга перед рыцарским характером героя?

Это противоречие, однако, лишь кажущееся. Объяснение нетрудно найти. Объекты чувства жалости уже были обозначены: мы показали, что его сфера ограничена нашими ближними. Как уже было видно, человек сначала считал своими ближними только членов своего племени. Затем он включил в эту категорию всех людей одной страны, позже всех тех, кого объединяла одна вера, один язык или общее происхождение, — и, возможно, не ранее наших дней, всех людей без различия расы или религии.

Жалость существовала с самого начала, но она была далеко не космополитичной по своему охвату. Доказательством служат жестокости, чинимые европейскими армиями не так уж и много лет назад.

Здесь мы можем понять, почему в менее просвещенную эпоху испанцы не считали индейские народы людьми. Мы также можем понять, почему несколько столетий назад мавры, сарацины, нехристиане всех мастей, альбигойцы и все прочие еретики заслуживали жалости

не больше, чем бешеные собаки. Они не были братьями католиков. Они отличались от последних так же, как воинство Сатаны от воинства Архангела Михаила. Они были врагами Христа и должны были быть уничтожены под корень. Причина заключалась не в недостатке чувства жалости. Она заключалась в неспособности видеть сходство между людьми, без которого не может существовать сочувствие, источник жалости. Потребовались 1800-е годы, чтобы вызвать у Виктора Гюго торжествующий, но преувеличенный клич космополитизма: «Герой — всего лишь разновидность убийцы». Чтобы оценить изменения, которые эволюция может произвести в нравственном чувстве, достаточно лишь спросить себя, можем ли мы представить себе какого-либо монарха наших дней, который приказал бы выгравировать надпись, подобную той, что была в Ашшур-назир-пале, где рассказывается, как король, взяв вражеский город, приказал содрать кожу с некоторых влиятельных людей, других — заживо похоронить, а третьих — распять и посадить на кол. В расширении этого чувства сострадания прогресс был колоссальным. Ограниченное в доисторические времена членами семьи, оно теперь не признает иных границ, кроме человеческих. Более того, существует тенденция даже преодолевать эти границы, культивируя зодофилию, то есть жалость к низшим животным. И все же это чувство, круг объектов которого таким образом постоянно расширялся, существовало всегда, с самых ранних стадий формирования дикой группы, с того момента, как человек впервые увидел вокруг себя своих собратьев. Следовательно, указанное выше противоречие отсутствует.

Однако существуют некоторые факты, которые не допускают такого же объяснения, а именно: религиозные отцеубийства, человеческие жертвоприношения, торговля детьми и узаконенное детоубийство. Здесь мы должны принять иную точку зрения.

Разве не все мы знаем среди знакомых людей, чья профессия — хирургия, которые, выполняя операции, привыкли причинять боль, не обращая внимания на крики и мучительные содрогания своих пациентов? И все же эти люди не злодеи. За выполнение этих самых операций они получают денежное вознаграждение, похвалу и благодарность. Очевидно, что нет никаких доказательств того, что жалость не является моральным чувством, не является основополагающим чувством человеческой природы. Причина проста: поскольку цель болезненной операции — не причинить вред, а напротив, принести пользу здоровью пациента, то жалость, которая остановила бы руку хирурга, была бы абсурдной и иррациональной. Ибо истинное сострадание затмевает нынешние и преходящие страдания пациента представлением о его будущих страданиях или о его верной смерти

в случае отсутствия операции. С этой точки зрения следует оценивать жестокие обычаи, существовавшие у первобытных народов и в некоторой степени до сих пор встречающиеся у диких племен, которые привели к вышеупомянутым фактам. Иногда определяющим мотивом было благополучие общности: это касалось человеческих жертвоприношений. Иногда — собственное благо жертвы, как в случае с престарелыми или больными родителями, публично убитыми своими детьми. Суеверие подавляло любую склонность к бунту против подобных практик. Индивидуальное отвращение было вынуждено уступить требованиям общественного, религиозного или сыновнего долга. Сходные причины объясняют существование погребальных жертвоприношений в Дагомее сегодня, как и в Перу во времена инков.

Агамемнон и Иеффай принесли в жертву своих дочерей. Патриотические или религиозные предрассудки, обычаи, объяснимые лишь необходимостью отбора или предотвращения слишком большого роста населения, привели к терпимости к детоубийству в Китае, Австралии, Парагвае и Южной Африке, а также к практике абортов у многих полинезийских племен. Действие тех же причин породило закон Ликурга, по которому все слабые и уродливые дети были отданы на волю. Таким образом, здесь не рассматривается вопрос об индивидуальной жестокости: речь идет об институтах, против которых личность бессильна. Именно элемент вредоносности делает жестокость отвратительной для альтруизма. Там, где преобладала такая практика, именно несовершенство этих актов якобы необходимой жестокости считалось бы вредоносным. Среди бесчеловечных практик, разрешенных законами народов, о которых мы говорили, остаются необъяснимыми: каннибализм; право вождей и воинов убивать из чистого каприза, из желания продемонстрировать свою ловкость или испытать оружие. И, наконец, такие жестокие акты, которые не вызваны религиозными или патриотическими предрассудками или институтами, имеющими экономическую или социальную цель, и могут быть объяснены только полным отсутствием чувства жалости. Подобные обычаи действительно встречаются у некоторых варварских народов или, по крайней мере, существовали у них во времена их открытия цивилизованным человеком. Таковы или существовали фиджийцы, маори Новой Зеландии, австралийские аборигены и некоторые племена внутренней Африки. Но это исключения, подтверждающие правило. Это социальные аномалии, которые по отношению к человеческому виду соответствуют индивидуальным аномалиям по отношению к расе или нации. По этому поводу было сказано достаточно, чтобы подтвердить положительное утверждение о существо-

вании рудиментарного чувства благосклонности или сострадания, присущего всему виду (вероятно, за некоторыми исключениями) в негативной форме, то есть чувства, побуждающего воздерживаться от жестокости, бесполезной для общества, и, кроме того, что общественное мнение всегда рассматривало нарушения этого чувства как преступления. Более того, очевидно, что сегодня сфера действия этого чувства значительно расширилась благодаря развитию человеческого сострадания и постепенному исчезновению религиозных и политических предрассудков и суеверий.

Чувство справедливости

Теперь мы переходим к наиболее значимой форме альтруизма, к чувству, которое выделяется наиболее заметно среди эго-альтруистических инстинктов, — чувству справедливости. «Это чувство, — говорит нам Спенсер, — очевидно, состоит не из представлений о простых удовольствиях или страданиях, испытываемых другими. Но оно состоит из представлений о тех эмоциях, которые испытывают другие, когда им фактически или в перспективе разрешается или запрещается деятельность, посредством которой можно получить удовольствие или избежать страдания. Чувство справедливости, таким образом, образуется из представления о чувстве, которое само по себе весьма репрезентативно... Предел, к которому стремится это высшее альтруистическое чувство, довольно ясен... Это движение направлено к состоянию, в котором, хотя каждый гражданин не будет терпеть никаких других ограничений своей свободы, он будет терпеть те ограничения, которые подразумевают аналогичные требования сограждан. Более того — он не просто будет терпеть это ограничение, но будет спонтанно признавать его и отстаивать — будет сочувственно заботиться о должной сфере деятельности каждого другого гражданина, как о своей собственной; и будет защищать ее от вторжения, воздерживаясь от вторжения сам».

Хотя идея справедливости хорошо развита у детей и низших социальных классов, они редко действуют в соответствии с этой идеей, если это противоречит их личным интересам. Ребенок и дикарь прекрасно умеют отличать свое от чужого, но постоянно стремятся схватить все, что попадает им в руки. Это доказывает, что им не хватает именно чувства, а не идеи справедливости.

Что касается представителей цивилизованной расы, то они, как правило, обладают в силу наследственности и традиций определенным инстинктом, удерживающим их от присвоения обманом или насилием того, что им не принадлежит. В этом проявляется

альтруистическое чувство, соответствующее эгоистическому чувству собственности, которое один итальянский исследователь точно охарактеризовал как «вторичную форму чувства индивидуального самосохранения».

Чувство честности

Единственное слово, которое мы находим для обозначения этого последнего альтруистического чувства, — это «честность». Это термин, выражающий уважение ко всему, что принадлежит другим.

Очевидно, что среднестатистическое моральное чувство общества не может охватить все градации чувства справедливости. Изысканная вежливость в этом чувстве, например, помешала бы нам принимать простую похвалу, которая, как мы знаем, нам не полагается. Но подобные чувства присущи лишь избранному меньшинству. Прежде чем будет нарушено моральное чувство сообщества, необходимо, чтобы объектом нападения стало некое почти универсальное чувство. И единственное чувство такого рода, с которым можно столкнуться, — это та элементарная честность, которая, как уже было сказано, заключается в уважении к чужой собственности.

Иногда подвергают сомнению безусловное наличие этого чувства. Предполагается, например, что под влиянием социализма уважение к чужой собственности находится в упадке и может полностью исчезнуть в случае реорганизации общества на коллективистской основе. Но если такое изменение произойдет, честный человек будет уважать коллективную собственность. Право собственности на основную массу собственности в обществе не повлияет на исчезновение честности или нечестности. Единственное отличие будет заключаться в том, что тогда они будут относиться к общественной собственности, а не к собственности отдельных лиц.

В гражданских делах одна сторона получает неправомерное преимущество за счет другой. Однако попытки добиться этого могут быть сопряжены с опасностью. Во-первых, крайне сложно разоблачить недобросовестность, которая может скрываться в юридических тонкостях гражданского дела. С другой стороны, если речь идет о правах на недвижимость, само наличие спорной собственности оказывает успокаивающее действие. Поэтому мошенничество такого рода не вызывает серьезной тревоги в обществе и, следовательно, не относится к числу вредоносных деяний.

Наконец, следует помнить, что честность — это чувство, далеко не столь глубоко укорененное, как сочувствие, гораздо более оторванное от нашего организма, гораздо менее инстинктивное и гораздо

более изменчивое в зависимости от наших методов рассуждения и индивидуальных представлений. Оно проистекает — в гораздо меньшей степени, чем сострадание, — из естественной наследственности, и в гораздо большей степени, чем сострадание, — из воспитания и примера. Следовательно, крайне сложно провести какую-либо границу между обычной честностью и высшей честностью, той утонченностью чувств, которая составляет идеальное чувство справедливости, описанное выше.

Когда задумываешься, в какой степени общество терпит использование ложных знаков и этикеток на промышленных товарах, использование ложных заявлений при продаже лошадей, предметов искусства и тому подобного, а также различные другие источники неправомерной наживы, из которых весьма многочисленный класс извлекает свой основной доход, порой возникает искушение усомниться в том, что это чувство честности вообще существует у большинства людей. Притворство, злоупотребление доверием и пренебрежение к более тонким чувствам честности настолько распространены, что делают взаимную терпимость неизбежной. В результате клеймо нечестности в силу произвольного ограничения приписывается только самым грубым и очевидным формам посягательств на собственность, тогда как оно должно применяться ко всем видам посягательств на собственность независимо от того, является ли эта собственность материальной или нематериальной.

В случае лишь одного вида подделки, а именно подделки денег, нравственное чувство не меньше оскорбляется поддельной имитацией какого-либо готового продукта, даже если, продаваясь по более низкой цене, чем оригинал, оно может принести пользу всем, кроме производителя подлинника. Несомненно, наличие бесконечно большей общественной опасности в первом случае не может не иметь своего влияния, но, тем не менее, общественное мнение признает одинаковый характер нечестности в обоих этих видах подделки, хотя первый наказывается каторгой, а второй — лишь штрафом. С другой стороны, несмотря на любые рассуждения на эту тему, мы никогда не сможем испытывать к контрабандисту или тому, кто извлекает выгоду из своего преступления, такое же отвращение, какое мы испытываем к вору или скупщику краденого. Разница лишь в том, что в первом случае преступник просто уклоняется от уплаты налога — отказывается отдавать государству свои собственные деньги. Очевидно, отказ содействовать обогащению другого человека — это совершенно иное дело, чем кража того, что ему уже принадлежит.

V. ОБОСНОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ ГРЯЗИ

Оскорбление сострадания или честности

Из сказанного в параграфе IV можно заключить, что элементом безнравственности, необходимым для того, чтобы вредоносный поступок мог быть признан общественным мнением преступным, является оскорбление той части морального чувства, которая представлена тем или иным из элементарных альтруистических чувств сострадания и честности. Более того, ущерб должен ранить эти чувства не в их высшей и более высокой степени, а в средней мере, в которой ими обладает сообщество, — мере, необходимой для адаптации индивида к обществу. При таком нарушении любого из этих чувств мы имеем то, что можно по праву назвать естественным преступлением.

Я признаю, что вышеизложенное не является полным определением, но оно дает детерминанту, которую я считаю чрезвычайно важной. Я стремился показать тщетность обычных утверждений о том, что преступление — это деяние одновременно безнравственное и вредное. Это нечто большее: это определенный вид безнравственности. Можно упомянуть сотни деяний, которые и вредны, и безнравственны, и все же не считаются преступлениями. И это так, потому что элемент безнравственности, который они содержат, не является ни жестокостью, ни бесчестностью. Если, например, говорить о безнравственности вообще, мы обязаны признать, что этот элемент в той или иной степени присутствует в каждом добровольном неповиновении закону. Но, тем не менее, существует множество деяний, которые с точки зрения закона являются проступками и даже преступлениями, но при этом не умаляют уважения к своим авторам в глазах их друзей.

Несомненно, каждое неповиновение закону должно сопровождаться уголовным наказанием независимо от того, оскорбляет ли оно альтруистические чувства или нет. В чем же тогда практическая цель вашего различия? — может кто-то спросить. Мы сейчас это объясним, но сначала, чтобы завершить наш анализ, мы должны показать, почему некоторые нарушения чувств иного порядка были исключены из нашей категории преступности.

Деяния, оскорбляющие скромность и целомудрие

Результат нашего обсуждения вопроса о скромности достаточно оправдывает исключение всех действий, оскорбляющих только это чувство. Преступления против целомудрия становятся уголовными из-за вмешательства в личную свободу — нарушения чувства благосклонности или сострадания, — и это даже если преступление

совершается путем соблазнения без применения силы, из-за нравственных страданий, стыда и других вредных последствий, испытываемых жертвой. Но когда женщина подчиняется по собственной воле и не имеет никакого элемента соблазнения, сам по себе целомудренный акт является предметом безразличия. Та же причина в равной степени препятствует нам классифицировать как преступления некоторые акты сексуального извращения, хотя законы некоторых стран все еще стремятся пресекать такие преступления посредством физических наказаний.

Цивилизованное общество действительно настаивает на соблюдении общественных приличий: оно не потерпит полной наготы или публичного общения полов. Подобные зрелища вызвали бы веселье или отвращение, а то и, особенно у родителей, глубочайшее негодование. Но даже последнее вряд ли потребовало бы смерти преступников. Они протестовали бы не против преступления, а против непристойности. Очевидно, что в этих случаях единственное, что нужно изменить, — это модалность, а именно место, и жаловаться не на что. По этой причине подобные факты в зависимости от периода карались плетью, незначительными ограничениями свободы или штрафами, как и пьянство, но не более. Общественное сознание не способно обнаружить преступление в том, что становится нарушением приличий («неудобством») только благодаря одному внешнему обстоятельству публичности. Можно добавить, что серьезность нарушения приличий зависит от того, насколько публично место, о котором идет речь.

Действия, оскорбляющие семейные чувства

Обратимся теперь к другому классу чувств, которые когда-то имели большое значение, а именно к семейным чувствам. Мы знаем, что семья была ядром племени и, следовательно, нации и что нравственное чувство впервые появилось в форме любви к своим детям — это чувство еще не было альтруистическим, но было чисто эго-альтруистическим. Развитие альтруизма значительно уменьшило значение семейной группы, поскольку мораль впервые вышла за пределы семьи, чтобы на более поздних стадиях выйти за рамки племени, касты и народа и, в конечном счете, не признавать никаких иных границ, кроме общечеловеческих.

Но, несмотря на этот постоянный прогресс, семья продолжает существовать со своими естественными правилами послушания, верности и взаимопомощи со стороны ее членов. Что же тогда говорить о нарушении таких чувств? Всегда ли это является естественным преступлением? Ни в коем случае, если одновременно не нарушается

одно или оба элементарных альтруистических чувства, обсуждавшихся выше. Предположим, сын плохо обращается с родителями, мать бросает своих детей. Какое чувство здесь действительно оскорбляется? Чувство семьи — семьи, рассматриваемой как совокупность, организм, или, скорее, чувство жалости, которое, следует отметить, обычно ярче проявляется, когда его объекты связаны с нами кровными узами? Именно эта всеобщность сострадания в семье делает преступными некоторые действия по отношению к нашим родителям и детям, которые, будучи совершены против посторонних, не имели бы преступного характера. С другой стороны, идея семейной общности — традиционная идея, сохраняющаяся вопреки законам, — отрицает преступный характер некоторых посягательств на собственность внутри семьи, например, кражи между отцом и сыном, мужем и женой или братом и сестрой. И это происходит не потому, что чувство честности подавляется чувством семьи, а просто потому, что идея общей собственности уменьшает степень нечестности или делает ее существование сомнительным.

Неповиновение отцовской власти давно перестало считаться преступлением, но прелюбодеяние продолжает считаться таковым. То, что прелюбодеяние вредит семейному укладу и с этой точки зрения безнравственно, не подлежит ни малейшему сомнению. Тем не менее, за исключением некоторых исключительных случаев, оно не наносит прямого ущерба элементарным альтруистическим чувствам. Это всего лишь нарушение обязанности, нарушение договора, как и в случае других договорных отношений.

Его правовые последствия должны быть ограничены предоставлением права расторжения договора со стороны потерпевшего. Мы пока не пришли к этому, но история показывает нам постепенное смягчение наказания за прелюбодеяние.

Израильское побивание камнями, тевтонское побоище, позорный столб и другие формы телесных наказаний, применявшиеся в Средние века, уступили место нескольким месяцам исправительного заключения, которым это преступление карается в наши дни. Короче говоря, то, что является всего лишь нарушением права и не оскорбляет ни чувства сострадания, ни чувства чести, не может считаться преступлением общественным мнением. С другой стороны, преступный характер двоеженства, например, когда второй супруг не знает о предыдущем браке, легко распознается. То же самое относится и к подлогам, с помощью которых авантюрист проникает в уважаемую семью и вступает в брак с одним из ее членов. Хотя этот последний факт пока не упоминается в кодексе, нельзя отрицать,

что брак, заключенный обманным путем, вызывает общественное возмущение гораздо сильнее, чем прелюбодеяние.

Политические преступления

Тема политических преступлений представляет трудности весьма серьезного характера. Как мы можем утверждать, что заговор или мятеж против законного правительства не являются истинным преступлением? Может ли быть что-либо более опасное для конкретного общества? Разве это не атакует общественный порядок самым прямым образом? И все же как еще можно объяснить сочувствие, которое политические преступники часто внушают своим злейшим врагам, в отличие от отвращения, которое каждый честный человек испытывает к вора, мошенникам, фальшивомонетчикам и людям этого сорта? Здесь существует четкое различие. Конечно, можно говорить о политическом преступлении, но слово «преступление», взятое отдельно, не имеет никакого отношения с данным классом деяний. Это различие всегда осознается общественным сознанием. В качестве примера можно привести выражение этого понятия у самого философичного из романистов, Бальзака, в «Волшебной коже». Речь идет о молодых людях из литературной богемы:

«Что ж, — подытоживает первый, — нам еще остается...» — «Что?» — спрашивает другой.

«Преступление...»

«Есть слово, которое и виселицы высотой, и Сены глубиной», — отвечает Рафаэль.

«О! Вы меня не понимаете. Я имею в виду политическое преступление».

На самом деле эгоизм часто чужд политическим преступлениям. Они объясняются не отсутствием морального чувства, а, скорее, революционной наивностью, которая чувствует себя способной преобразить мир.

Тем не менее существуют определенные преступления, обычно называемые политическими, которые по праву подпадают под наше определение. Таковы, например, посягательства на жизнь главы государства или других должностных лиц, использование бомб и динамита для революционной пропаганды и подобные акты насилия. В этих случаях не имеет значения, какова политическая цель, если оскорблено чувство человечности. Имело ли место убийство или покушение на убийство вне военных действий или осуществления законной самообороны? Если да, то уже по одному этому факту виновный является преступником. Степень его преступности может быть большей или меньшей в зависимости от намерения и сопут-

ствующих обстоятельств — вопрос, к которому мы вернемся позже. Но если преступление возникает из-за одного лишь факта серьезного нарушения чувства жалости, должна быть хотя бы попытка его совершения. Это так, потому что мы не можем допустить существование какого-либо преступления до того, как будет предпринят какой-либо шаг к его осуществлению, даже если замысел был полностью сформирован в сознании автора. Возможно, что государственная политика в случаях такого характера будет рассматривать как наказуемое покушение то, что не является покушением в обычном смысле. Здесь мы имеем дело с настоящим политическим преступлением. Однако случаи, на которые мы ссылаемся, — это те, в которых имели место убийство, поджог или взрыв динамита, фактически или покушавшиеся. В таких случаях преступление существует независимо от страсти, которая его спровоцировала. Оно существует из-за умышленного намерения уничтожить человеческие жизни. Только когда действие фанатика или революционера не проявляет подобной жестокости или небрежности по отношению к человеческой жизни, мы можем отличить истинное политическое преступление и сказать, что оно по своей сути отличается от естественного преступления.

Но деяние, которое обычно является политическим преступлением, может стать естественным преступлением, когда общество внезапно возвращается к состоянию, в котором коллективное существование оказывается под угрозой. Война, состояние, напоминающее хищнический образ жизни, отодвигает чувства, развиваемые мирной деятельностью, на подчиненное положение. Стоит независимости однажды стать главной заботой народа, и попытка гражданина предать свою страну врагу принимает худшие аспекты безнравственности. При таких обстоятельствах каждый гражданин должен считаться солдатом; военное положение царит безраздельно; законы мира исчезают. Измена, дезертирство, шпионаж становятся тогда настоящими преступлениями, поскольку ведут к разрушению нации. Но в настоящее время состояние войны — это кратковременный кризис. По мере того, как мирная деятельность сменяет хищническую, мораль состояния мира сменяет мораль состояния войны, и правонарушение, которое считалось преступлением только в связи с этим состоянием войны, становится политическим преступлением или вообще не преступлением. Во всяком случае, оно перестает относиться к естественным преступлениям. Таким образом, дезертирство становится не более чем добровольным изгнанием; заговор и мятеж больше не угрожают жизни нации, а лишь форме правления. Что касается шпионажа, то он представляет собой не более чем разглашение государственных секретов, которое, как и многие другие деяния подобного характера,

может быть наказуемым, если оно связано с продажей за деньги или иным образом тайны, которую человек обязан хранить по долгу чести. В этом случае присутствует элемент нечестности, моральное чувство, следовательно, оскорбляется, и деяние продолжает оставаться естественным преступлением.

Неполитические местные правонарушения, угрожающие общественному порядку

Таковы, например, попытки свергнуть тот или иной государственный институт, неповиновение установленным властям и отказ гражданина исполнять законно возложенные на него общественные обязанности. Что касается этих вопросов, нам достаточно лишь повторить, что для общественного мнения не существует ни преступления, ни преступника без ущерба для всеобщего нравственного чувства.

VI. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

А теперь о нашем разграничении преступности. Для нас все преступления делятся на две обширные категории в зависимости от того, мотивируется ли преступление главным образом одним из двух изначальных альтруистических чувств. Что касается этого распределения, не имеет значения, какие права могут быть затронуты или как преступление классифицируется в кодексах.

(1) Оскорбление чувства сострадания. Первая категория — оскорбление чувства жалости или гуманности — включает в себя: (а) посягательства на человеческую жизнь и всевозможные действия, направленные на причинение физического вреда людям, такие как преднамеренное причинение физических пыток, нанесение увечий, жестокое обращение со слабыми и немощными, намеренное причинение болезней, принуждение детей к чрезмерному труду или такой работе, которая может нанести вред их здоровью или задержать их физическое развитие; (b) физические действия, которые причиняют страдания одновременно физические и моральные, такие как нарушение личной свободы в эгоистических целях, будь то для плотского удовольствия или материальной выгоды: похищение женщины или похищение с целью выкупа могут быть указаны в качестве типов; и (с) действия, которые непосредственно причиняют моральные страдания. К последнему типу относятся клевета, ложное обвинение и совращение под обещанием брака.

(2) Оскорбление чувства порядочности. Классифицируются как полицейские правонарушения («контравенции»).

Правонарушения, нарушающие элементарное чувство порядочности: (а) нападения на собственность с применением насилия,

а именно: грабеж, вымогательство с угрозами, злонамеренное вредительство («разорение»), поджог и тому подобное; (b) нападения, не сопровождающиеся насилием, но связанные с нарушением доверия: получение денег обманным путем, хищение, передача собственности в целях обмана кредиторов, банкротство, произошедшее по неосторожности или мошенничеству, разглашение профессиональной тайны, незаконное присвоение литературной собственности и все различные формы подделки, направленные на нарушение прав изобретателей и производителей; и (с) все косвенные нарушения имущественных или гражданских прав человека, вызванные ложными заявлениями или записями, сделанными в какой-либо официальной или торжественной форме, среди которых можно упомянуть лжесвидетельство, подделку или порчу официальных документов и записей, подмену детей и сокрытие гражданского статуса.

Исключенные правонарушения

Следует отметить, что таким образом мы исключаем из сферы преступности:

(а) деяния, угрожающие государству. К этому типу относятся такие деяния, которые могут вовлечь одну нацию в военные действия с другой, несанкционированная военная вербовка, политические беспорядки, собрания с целью заговора против правительства, произнесение подстрекательских возгласов, подстрекательские оскорбления в прессе, принадлежность к революционным сектам или антиконституционным партиям, подстрекательство к гражданской войне и т.д.;

(b) действия, которые посягают на общественную власть, но не имеют политической цели. К ним относятся: сопротивление должностным лицам закона (за исключением случаев, когда оно сопряжено с убийством или причинением телесных повреждений), узурпация титулов, почестей или государственных функций без цели незаконной выгоды, отказ от выполнения обязанностей, возложенных на государство, контрабанда и т.д.;

(с) действия, нарушающие общественный порядок, политические права граждан или уважение к религии или наносящие оскорбление общественной морали. К этой категории относятся незаконное вторжение в частные жилища («нарушение жилища»), осуществление права силой вместо законных средств, распространение ложных сведений, способных вызвать тревогу у общественности, содействие или подстрекательство к побегу заключенных, предвыборные интриги, преступления против религии или культа, незаконные аресты, акты сексуального извращения, жертвой которых не стал невиновный;

(d) действия, противоречащие местному или особому законодательству данной страны, например, азартные игры, незаконное ношение оружия, тайная проституция, нарушения законов, касающихся железных дорог, телеграфа, санитарии, обычаев, охоты, рыболовства, лесного хозяйства и водотоков, гражданского статуса граждан, а также нарушения различных видов муниципальных правил и т.д.

Было бы легко продемонстрировать, что преступления одной категории могут быть с равным правом отнесены к другой, поскольку, как они утверждают, то, что несправедливо, жестоко, а то, что жестоко, несправедливо. Напротив, я твердо убежден, что эти два чувства совершенно различны и что одно может быть задето, не затрагивая другое, хотя часто случается, что оба задеты одним действием. Есть ли, например, какая-либо жестокость в ограблении дома богача, запертого на лето, или в хищении нескольких тысяч франков из столичного банка? Очевидно, что речь идет только о нечестности.

С другой стороны, какой элемент бесчестности содержится в убийстве из мести, если оно совершается исключительно как увеличенная реакция на зло, причиненное убийце или его родственникам? Конечно, можно сказать, что причинение вреда кому бы то ни было всегда является злом. Но зло и несправедливость — не синонимы, и в любом случае элемент злобности, присущий последнему примеру, не является нарушением чувства справедливости, ранее обозначаемого как «честность».

Было выдвинуто еще одно возражение: альтруистические чувства не отличаются единообразием и границы преступности постоянно расширяются. Мы, конечно, полностью признаем, что альтруистические чувства в прежний период и при ином состоянии общества никоим образом не достигли своей нынешней степени развития. Это, по сути, и было нашей отправной точкой, когда мы говорили о развитии этих чувств в соответствии с развитием цивилизации. Более того, следует иметь в виду, что современная мораль основана на альтруизме, тогда как мораль других народов и других эпох основывалась на чувствах иного рода — патриотизме, религии, преданности государю, уважении к касте, понятии чести и тому подобном. Цель нашего исследования, таким образом, состоит в том, чтобы выяснить, каковы истинные преступления современного общества, — установить, что представляет собой преступление в наших глазах — в глазах европейцев нашего столетия. В этом нет ничего, что противоречило бы возможности дальнейшего развития альтруизма или тому, что действия, которые сегодня не считаются преступлениями, могут когда-нибудь приобрести этот характер. Прогресс, несомненно, будет

все больше и больше способствовать обогащению нравственного чувства.

Весьма вероятно, что многие факты, считающиеся сегодня безразличными, станут считаться безнравственными, а другие, просто безнравственные, будут наделены преступным характером. К последнему классу можно отнести отказ от незаконнорожденных детей, недостаточный уход родителей за своими детьми или неспособность дать им адекватное образование, или же вивисекцию, искусственный откорм и другие формы жестокого обращения с животными, которые в последние годы вызвали справедливое возмущение зоофильных обществ. Этот прогресс в равной степени повлияет на чувство честности. Все эти ненаказуемые мошеннические действия, встречающиеся при ведении гражданских дел, займут свое место — если только практические трудности не окажутся непреодолимыми — рядом с другими видами мошенничества, которые сегодня наказуемы, так что эти два вида станут неразличимыми. Точно так же преступным станет и оставление тех лиц, которые уже имеют или могут быть наделены будущими законами правом на помощь и поддержку, — родителей, детей, престарелых или немощных домашних или рабочих, не имеющих средств к существованию. Однако легко понять, что чувства, оскорбленные преступлениями будущего, будут теми же чувствами, с которыми мы имели дело, но эти чувства в их более высоком и утонченном развитии — состоянии, которое течение времени сделало гораздо более распространенным, чем в настоящее время. Совершенно невозможно предположить преступления иного характера или предположить, что оскорбления других чувств когда-либо могут стать преступлениями. Как мы уже отмечали, тенденция совершенно противоположная. Правонарушения, не связанные с оскорблением рассматриваемых чувств, все меньше и меньше рассматриваются как преступления по мере развития цивилизации.

Вот и все о будущем. Разве этот взгляд на него не дает нового доказательства обоснованности нашей концепции преступления?

Преступления, которым нет места в нашей схеме, не входят в сферу социологического изучения преступности. Они связаны с особыми условиями конкретных стран. Они не выявляют у своих авторов аномалии — недостатка той части морального чувства, которую эволюция сделала почти универсальной. Законодатель, несомненно, должен принимать меры, направленные на их наказание, но, с нашей точки зрения, только истинное преступление, требующее исследования его естественных причин и социальных средств правовой защиты, способно стать предметом истинной науки. Исключенные преступления часто представляют собой лишь нарушения

предрассудков или обычаев или, в любом случае, просто противоречат законам определенного общества — законам, различающимся в разных странах и не являющимся необходимыми для социального сосуществования. В этих случаях исследование биологических причин не требуется, а что касается наказания, то не требуется ничего иного, кроме наказания, строгость которого зависит от степени необходимого устрашения.

VII. КРИТИКА ТЕОРИИ ЕСТЕСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

С 1885 года, когда впервые появилось мое определение естественной преступности, критика не прекращается. Некоторые из выдвинутых возражений основаны на недопонимании. Например, утверждается, что не может быть такого понятия, как естественная преступность, потому что в природе сам факт преступления не является ни хорошим, ни плохим: это действие, подобное любому другому, и становится преступным только в социальном состоянии. Но поскольку наше рассмотрение велось с социологической точки зрения, совершенно очевидно, что природа, которую мы рассматриваем, — это не что иное, как социальная природа.

Наиболее распространенное возражение заключается в том, что многие преступления остаются за пределами тех границ, которые я обозначил для преступности. Здесь нет места для споров, поскольку именно это я и имел в виду. Мои исследования ограничились одним разделом наказуемых фактов, связанных между собой общим характером, — ибо только они представляют интерес для науки.

Другие авторы готовы признать за мной это право, но утверждают, что мои исследования лишены практической ценности, поскольку, по их словам, если деяния, которые я рассматривал как естественные преступления, теперь считаются по закону наказуемыми, то мое открытие сделано слишком поздно; если же, с другой стороны, такие деяния теперь не наказуемы по закону, то открытие бесполезно, поскольку общественная власть признает в них преступный характер лишь постольку, поскольку она имеет затронутый интерес и в состоянии его защитить. Эта критика, однако, смешивает цель достижения различия, предмет которого чисто научный, с целью установления для законодателя, какие деяния должны подлежать наказанию, — что совершенно не входит в мои намерения. Единственная цель моей концепции преступления — выделить среди наказуемых деяний те, которые подчиняются одним и тем же естественным законам, поскольку они выявляют некоторые индивидуальные аномалии,

главным образом, отсутствие части морального чувства или, другими словами, недостаток чувств, которые, как основа морали, постоянно развиваются в ходе развития цивилизованных наций.

Расследование имеет научный интерес. И если все научное не является одновременно практическим, то я осмелюсь добавить, что в отношении определения средств пресечения и предупреждения моя концепция преступления далеко не бесплодна, как, надеюсь, станет ясно из дальнейшего.

Некоторые авторы утверждают, что криминалист позитивной школы не может мыслить преступление иначе, как «действие, запрещенное под страхом наказания». «В действительности, — говорят они, — для социолога, который не допускает никакой свободы выбора в человеческой совокупности, поиск естественного преступления абсурден, поскольку это было бы чем-то независимым от позитивных законов. Подобно тому, как взрыв пушки подчиняется определенным законам химии, физики и механики, так и установленная власть, запрещая одни действия и разрешая другие, лишь подчиняется естественным законам общества. Следовательно, каждое действие, запрещенное под страхом наказания, является естественным преступлением. Я бы пошел еще дальше и сказал, что единственно существующее естественное преступление — это то, которое законы считают таковым». Мне кажется, эта критика путает значения слов. Несомненно, для позитивиста каждое нарушение закона есть естественный факт, не более и не менее как обнаружение самих законов и содержащихся в них уголовных санкций. Но разве моя концепция хоть в чем-то не соответствует этому представлению? Я выбрал из всех этих естественных фактов определенный класс правонарушений, демонстрирующих отличный характер особой безнравственности, и назвал их «естественными преступлениями», чтобы обозначить, что в настоящее время они носят универсальный характер независимо от законов и правительств. Поэтому это возражение представляется скорее игрой слов, чем серьезной критикой.

Некоторые из тех, кто не согласен с моими взглядами, склонны насмехаться над альтруизмом. Они считают это слово лишеным смысла или, по крайней мере, не имеющим социальной значимости.

Критики утверждают, что моральное чувство не может быть определяющим критерием в вопросе преступности, поскольку само моральное чувство во многом обязано страху и последствиям наказания. Раз это так, продолжают они, обращаться к моральному чувству, чтобы установить, какие деяния должны быть наказаны, означало бы ходить по кругу. Однако эти авторы упускают из виду, что деяния, в значительной степени оскорбляющие интересы или мораль опре-

деленной группы, именно поэтому неизменно вызывали реакцию общества. Следует признать, что наказания, в свою очередь, способствовали укреплению морального чувства, поскольку воспоминание о карательных санкциях, передаваемое по наследству из поколения в поколение, превратило в инстинкт то, что некогда было исключительно следствием страха или рассуждения. Однако верно и то, что одни лишь наказания никогда не могли убедить в преступности деяний, которые общественное мнение не считало преступлениями, таких как дуэль, прелюбодеяние, политические преступления или свобода мысли в отношении религии. Хорошо известно, что подобные факты карались наказаниями, превосходящими по суровости любые другие преступления. Почему же тогда они в равной степени не подпадают под запрет морали?

Средние нравственные чувства

Коладжанни, выдающийся социолог, считает, что принятие средних нравственных чувств высших рас в качестве критерия для различения преступлений повлекло бы за собой риск узаконивания самого преступления. Например, пишет он, среднестатистическое моральное чувство порождает линчевание в Соединенных Штатах. Оно требует убийства из мести в Албании и Черногории, как ранее на Корсике и Сицилии. Следует, однако, отметить, что я не говорил безоговорочно о высших расах: я добавил «цивилизованного мира». Албания и Черногория, как и все балканские страны, все еще находятся в состоянии полуварварства. Что касается Корсики и Сицилии, как признает сам автор, вендетта больше не встречает одобрения высших классов и в целом сохраняется только в низших классах, которые неизбежно представляют собой самую отсталую часть населения. Что же касается линчевания, то это всего лишь разновидность скоропалительного правосудия, совершенно не относящаяся к данному вопросу.

Более того, каков бы ни был способ его формирования, нравственное чувство сегодня, вне всякого сомнения, существует независимо от наказания. Именно по этой причине я счел возможным среди вредоносных деяний, которые необходимо подавить, выделить те, которые следует отнести к низшей степени индивидуальной морали. Последние — это те, которые оскорбляют самые элементарные альтруистические инстинкты; именно здесь, а не где-либо еще, мы находим преступление. В действительности в настоящее время невозможно представить себе преступлением какой-либо факт, в котором это условие отсутствует.

Я предположил, что, хотя подобные факты могут быть менее разрушительными для общественного спокойствия, чем некоторые другие деяния иного характера, общественное сознание тем не менее считает их гораздо более серьезными. Таким образом, существует различие, как я уже указывал, между двумя классами вредоносных деяний: с одной стороны, деяния, которые ставят своего автора в положение социальной неполноценности и называются в просторечии преступлениями; и с другой стороны, деяния, характеризующиеся восстанием против государства или неповиновением законам, без какого-либо намека на отсутствие у действующего лица элементов морали, которые современное общество считает необходимыми.

VIII. ВЗГЛЯДЫ ТАРДА

Здесь также, возможно, уместно рассмотреть замечание Тарда, которое, возможно, было вызвано выражением моих взглядов. «Может ли деяние быть преступным, — спрашивает он, — только потому, что оно оскорбляет среднестатистическое чувство сострадания или справедливости? Очевидно, нет, если только общественное мнение не считает его преступным. Вид трупов на поле боя вызывает более острое чувство ужаса, чем вид одного убитого. Мы скорее сочувствуем жертве, ограбленной в результате набега вражеской армии, чем жертве обычного ограбления. И все же командир, ответственный за лишение жизни в одном случае, за изъятие имущества в другом, не является преступником. Законный или незаконный характер данного деяния — например, убийства в целях законной самообороны, убийства из мести, захвата имущества в качестве акта войны или акта пиратства — определяется общепринятым мнением, господствующим в социальной группе, к которой принадлежит человек. Более того, деяние, запрещенное общественным мнением, когда оно направлено против члена этой группы или даже более крупной группы, становится разрешенным этим же мнением, когда оно выходит за пределы группы. Верно, мы не забыли об этом последнем факте, говоря о постепенном расширении нравственного чувства, которое, как мы уже объяснили, охватывая сначала только семью, в конце концов охватило все человечество. Но зачем отличать среднее нравственное чувство от общественного мнения? Из чего же выводится это мнение, если не из средней степени выраженности нравственных чувств? Этот вопрос лишен достоинств».

Война и смертная казнь

Вопрос о том, почему командир, ответственный за умышленную гибель многих людей, не является преступником, допускает простое решение. Как уже было видно, прежде чем говорить о преступнике, необходимо понятие преступления. А для этого понятия недостаточно, чтобы рассматриваемое деяние было жестоким или несправедливым: оно должно, кроме того, быть вредным для общества. Война, очевидно, не является преступлением. Она всегда имеет, по крайней мере, видимость социальной необходимости: ее цель — не навредить нации, а защитить ее интересы или спасти от уничтожения. В каком-то смысле этот случай идентичен случаю смертной казни. Принятие жизни на поле боя — это защита нации от внешних врагов; принятие жизни на эшафоте — это ее защита от внутренних врагов.

Но, могут возразить, сама эта самооборона неизбежно оскорбляет чувство сострадания. Если предположить, что это верно, то оскорбление чувства сострадания является элементом, общим как для преступлений, так и для несправедливых деяний, и, следовательно, само по себе не может служить критерием. По нашему мнению, однако, такого тождества элемента нет. Читатель, который дошел до этого места, поймет всю силу этого предположения. Было показано, как чувство сострадания в его обычной или средней мере выводится из чувства сочувствия и как само сочувствие возникает из способности представлять себе чувства наших ближних. Так, когда нам показывают преступника, полностью лишенного моральных инстинктов и, следовательно, совершенно отличного от нас в моральном отношении, мы не можем видеть в нем нашего ближнего и, следовательно, не можем испытывать к нему то сочувствие, которое делает возможным сочувствие. Это объясняется огромным значением психической жизни для человека. В то время как низшие животные изгоняют из общества особей своего вида, чьи физические уродства кажутся им оскорбительными, люди терпимы и даже сочувствуют физическим недостаткам. Одна лишь психическая аномалия лишает человека сочувствия окружающих, поскольку для них он не является ближним. Так, мы предпочитаем общество верной собаки обществу озверевшего человека. Нравственные качества первой приближают ее к нашему уровню. Она похожа на нас морально гораздо больше, чем убийца — физически. Человек прежде всего стремится к моральному сходству. И это, по-видимому, объясняет, почему доброжелательные люди — даже представители противоположного пола, чьи чувства в целом более тонкие, чем наши, — никогда не испытывают желания спасти от виселицы приговоренного к смерти за хладнокровное убийство. Достижение целей правосудия даже приносит им определенное

внутреннее удовлетворение. Представительная власть, которой они наделены, заставляет их ощущать весь ужас преступления, а утонченность их нравственных инстинктов не позволяет им уступить его виновнику ни одного места в пределах своего сочувствия. А без сочувствия не может существовать никакая жалость.

По этим причинам, хотя и существует аналогия между двумя фактами преступления и смертной казни, аналогии нет между чувствами, которые эти факты соответственно вызывают.

В случае войны элемент необходимости присутствует более отчетливо. Но, помимо этого, этот случай допускает объяснение, аналогичное случаю смертной казни. Мы не испытываем жалости к врагу по той же причине, которая удерживает нашу жалость к преступнику: мы не можем испытывать к нему того сочувствия, из которого возникает жалость. Однако в данном случае отсутствие сочувствия обусловлено не утонченной чувствительностью, а напротив, своего рода историческим регрессом, откатом наших чувств к той стадии, когда человек считал своими ближними лишь членов своего клана или орды. Стадии развития, которые чувство благосклонности медленно проходило в течение веков, пересекаются одним махом; достаточно звука пушки, чтобы воскресить первобытную ненависть к расе и племени и изгнать любовь к человечеству — этот нравственный инстинкт, с таким трудом приобретенный в ходе вековой эволюции.

Некоторые авторы не соглашались со мной по этому вопросу, утверждая, что в Испании каждый смертный приговор является сигналом к решительному протесту против его приведения в исполнение и что прилагаются все усилия для того, чтобы добиться помилования преступника. Достаточно сказать, что в других, не менее цивилизованных странах, ситуация прямо противоположная. Взять, к примеру, широкое движение в Бельгии по делу братьев Пельтцер. Петиция о приведении в исполнение вынесенного им смертного приговора собрала сотни тысяч почтенных подписей. Во Франции милосердие президента Гриви принесло ему народное прозвище «отец убийц» и стало предметом суровой критики со стороны прессы. Наши читатели также помнят бунт в Цинциннати (США) в марте 1884 года, который стал кульминацией давнего народного недовольства снисходительностью к преступникам, но который был немедленно спровоцирован неадекватными приговорами по делам Бернера и Палмера, виновных в убийстве. Бунтовщики совершили нападение на окружную тюрьму с целью линчевания заключенных. В результате беспорядков, продолжавшихся три дня, здание суда было сожжено, 45 человек погибли и 145 получили ранения.

Глава II

ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ СИТУАЦИИ

I. НЕАДЕКВАТНОСТЬ ПРАВОВОГО ПОНЯТИЯ

В современном обществе наука о преступлениях рассматривается лишь как раздел юридической науки. Наказаниям придан юридический характер. Функция юриста распространяется не только на создание уголовных законов, но и на их применение. Один и тот же класс государственных служащих выносит решения как по гражданским, так и по уголовным делам. В залах суда присутствует почти та же сцена: судьи в черных мантиях за столом, судебные клерки, занятые пером и бумагой, адвокаты, излагающие свои аргументы... И все же наблюдатель не может не почувствовать, что между этими двумя категориями дел нет никакой реальной связи, что между этими двумя залами суда, входы в которые находятся всего в нескольких футах друг от друга, моральная дистанция неизмеримо велика.

Юристы овладели наукой о преступности. Им это было позволено, и это, как мне кажется, было ошибкой. Это утверждение может показаться несколько странным, но я надеюсь в ходе этой работы убедить читателя в его истинности.

Объективный характер юридического изучения преступности

А пока, однако, рассмотрим, как юридическая школа подходит к феномену преступления.

Что означает преступность для юриста? Он едва ли знает это слово. Его совершенно не интересуют естественные причины преступности. Знание таких вопросов для него, самое большее, своего рода академическое образование. Он смотрит на преступника не как на психически ненормального человека, а как на человека, отличающегося от других людей только тем, что он совершил запрещенное и наказуемое деяние. Юрист изучает преступление только в его внешней форме. Он не проводит анализа с точки зрения экспериментальной психологии. Происхождение преступления не входит в его расчеты. Его интересует установление внешних характеристик различных тяжких преступлений и проступков — классификация фактов в соответствии с правами, которые они нарушают, — поиск наказания, которое пропорционально и «in abstracto» является справедливым

наказанием, а не наказания, эффективность которого для снижения преступности в целом доказана опытом.

Отсутствие точного определения

Что юрист понимает под «преступлением»? Но и здесь нас постигает разочарование. Старая утилитаристская школа так и не вышла за рамки представления о преступлении как о «действии, которое считается необходимым запретить ввиду вреда, который оно причиняет или может причинить», или просто «действию, запрещенном законом», или же «действию, наносящем ущерб общественному благу». Расплывчатость подобных определений сразу бросается в глаза. Они могли бы подойти практически к любому деянию — и уж точно к любому деянию, которое в каком-либо аспекте можно считать вредным для общества.

С тех пор была предпринята попытка ввести моральный элемент — элемент несправедливости. Так, выдающийся итальянский писатель утверждает, что преступление — это «добровольное действие здравомыслящего человека, вредное для других и одновременно несправедливое».

Основатель современной французской школы права утверждает, что «единственное, что социальная власть может считать преступлением, — это нарушение таких обязанностей по отношению к обществу и отдельным людям, которые способствуют поддержанию общественного порядка и поддаются абсолютному юридическому принуждению».

Хотя это понятие повсеместно принято, оно явно ошибочно, поскольку трактует общественную полезность лишь как одно из условий, делающих безнравственный поступок наказуемым. Оно также не может быть иным, кроме как расплывчатым, поскольку постулирует в качестве сопутствующего условия идею несправедливости вообще, не уточняя ее вид или характер. Последний недостаток иллюстрируется следующим отрывком из классического французского труда по уголовному праву: «Всякое нарушение общественного порядка есть моральное преступление, поскольку такое нарушение есть нарушение долга — долга человека перед обществом. Следовательно, деяния, с которыми приходится иметь дело карательному правосудию, бывают двух видов: (1) те, которые несут на себе отпечаток внутренней безнравственности, и (2) те, которые по своей сути свободны от безнравственности, но приобретают безнравственный характер, поскольку влекут за собой нарушение долга. В этих двух случаях имеет место социальное преступление. В первом случае элемент преступности является внутренним; во втором — относи-

тельными. По большей части, полицейские правонарушения попадают во вторую категорию». Другими словами, когда кто-то совершает действие, запрещенное законной властью, безнравственность существует из-за неподчинения закону. Какой тогда смысл выделять моральный элемент и настаивать на нем как на непременном условии преступления? Если подчинение закону является моральным долгом, мы могли бы с тем же успехом вернуться к определениям старой школы и прямо заявить, что преступление — это деяние, запрещенное законом.

Должник, не уплачивающий свой долг, нарушает право, полностью определенное и обеспеченное законом. Предположим, что неуплата вызвана его неплатежеспособностью, можем ли мы назвать его преступником? Нет, согласно существующим законам, даже если его кажущаяся неплатежеспособность стала результатом мошеннической передачи его имущества. И еще один пример: отец имеет право на опеку над своими детьми. Если они покидают дом, он может силой вернуть их. Однако никто ни на мгновение не мог предположить, что нарушение его права на опеку является преступлением со стороны детей.

Более того, согласно обсуждаемому определению, любое нарушение закона — фактически любое неповиновение законному распоряжению государственных властей — было бы социальным преступлением. Таким образом, мы всегда возвращаемся к исходной точке. Этот аргумент — просто порочный круг. Попытка показать нам, что преступление в глазах закона — это совершение того, что сам закон запрещает.

Понятие естественного преступления — единственное решение

Следовательно, понятие преступного деяния столь же неопределенно, как и прежде. Определенность будет достигнута только с определением конкретного вида безнравственности, который должен существовать, прежде чем общественное мнение сможет заявить о совершении преступления.

Недостаточно сказать, что преступление — это установленное нарушение условий общественной жизни — прежде всего следует указать, какие именно деяния носят этот характер. Точность описания важна, чтобы не путать необходимые условия сложившейся общественной жизни с условиями, необходимыми для безопасности государства в данный период. С другой стороны, опасность или вредоносность деяния не обязательно делает его преступным.

Можно утверждать, что наш анализ приведет к исключению из уголовного кодекса большого числа правонарушений, которые

в настоящее время наказуемы и которые в интересах общественного обеспечения должны оставаться наказуемыми. Но что мешает существованию наряду с уголовным кодексом отдельного кодекса о неповиновениях? Один касается естественной преступности, а другой — всех простых нарушений закона, которые государственная политика считает необходимым пресекать мерами строгости. Дифференциация — одна из характеристик прогресса. Уголовное и гражданское право, переплетенные в кодексах Ману и Моисея, были разделены европейскими законодателями. Позднее стало проводиться различие между различными классами преступлений.

Различие основано на характере наказания: правонарушение — это «преступление», «проступок» или «контравенция» в зависимости от того, к какому наказанию оно относится: уголовному, исправительному или полицейскому. За неполитические правонарушения уголовные наказания всегда относятся к наказаниям, которые воздействуют на тело правонарушителя и одновременно делают его бесчестным, влекущим за собой его гражданскую деградацию. К ним относятся смертная казнь, каторжные работы и тюремное заключение. Исправительные наказания включают тюремное заключение исправительного характера сроком от 6 дней до 5 лет и штрафы от 16 франков. Полицейские наказания предполагают тюремное заключение сроком от 1 до 5 дней или штраф от 1 до 15 франков.

Гражданское разжалование, как следует отметить, всегда является дополнительным наказанием в случае преступлений. В случаях осуждения за преступление может иметь место полное или частичное приостановление действия некоторых «гражданских и семейных прав», но, в отличие от лишения гражданских прав, это является дополнительным: другими словами, оно должно быть назначено в обвинительном приговоре. Существует значительное число других видов недееспособности и инвалидности, зависящих от основного наказания и варьирующихся вместе с ним. «Высылка» (т.е. пожизненное заключение в колонии за морями) не включена в вышеприведенное подразделение. Это дополнительное наказание, которому подлежат некоторые рецидивисты после окончания основного наказания.

Формирование кодекса естественных преступлений, единого для всех цивилизованных стран, в отличие от специальных репрессивных законов различных наций, было бы лишь логическим результатом этого процесса.

Необходимость научного исследования потребовала от нас выделения естественного преступления. Такое исследование было бы невозможно, если бы нам пришлось рассматривать все наказуемые деяния, разнородно собранные в кодексах. Точно так же юридическое

понятие преступления должно быть отброшено как бесполезное для наших целей. Следовательно, нашим первым шагом было игнорирование всех фактов, не оскорбляющих альтруистические чувства. Такие факты абсолютно невозможно рассматривать как преступления. Затем мы свели альтруистические чувства к двум различным типам. И, наконец, мы определили среднюю меру, в которой эти чувства присущи цивилизованному человечеству. Их более высокое развитие, присутствующее лишь у незначительного меньшинства, не имеет значения.

Одним словом, **понятие естественного преступления должно основываться не на нарушении прав, а на нарушении чувств.** В этом принцип, который мы отстаиваем, совершенно отличается от принципа юристов. И нет никаких оснований для опасения, что этот принцип будет способствовать вовлечению в сферу преступности деяний, которые лишь выявляют безнравственные наклонности и которые никогда не были и никогда не будут наказуемыми. Наше стремление к необходимой мере альтруистических чувств препятствует этому. Используя этот критерий, мы фактически не можем считать преступлениями деяния, которые, несмотря на свою вредоносность, не могут быть должным образом наказуемы.

II. НЕОБХОДИМОСТЬ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРЕСТУПНИКА

Преступник — личность, несовместимая с обществом

Важность определения понятия преступления таким образом, как мы изложили, более полно проявится в ходе нашего исследования. **Поскольку преступление заключается в деянии, которое одновременно вредит обществу и нарушает одно или оба самых элементарных чувства — сострадание и честность, — преступник неизбежно является человеком, у которого наблюдается отсутствие, ослабление или слабость этих чувств, одного или обоих.** Это очевидно, поскольку, если бы он обладал элементарными альтруистическими чувствами в достаточной степени, любое реальное нарушение их с его стороны было бы невозможно. Наличие этих чувств, возможно, и не противоречит кажущемуся нарушению, но в этом случае преступление не является преступлением.

Поскольку эти чувства являются субстратом всякой морали, их отсутствие делает неполноценного человека несовместимым с обществом. Если средняя и относительная мораль заключается в адаптации индивида к обществу, эта адаптация становится невозможной,

когда отсутствующие чувства оказываются именно теми, которые окружающая среда считает необходимыми. То же самое происходит и в более узком кругу, где требуется более высокое чувство морали и где правилом являются утонченность, поддержание высокого уровня чести и крайняя вежливость. Там отсутствие этих качеств подразумевает непригодность индивида к окружающей среде.

Таким образом, в тех объединениях, чья мораль основана на религиозных или патриотических чувствах, нарушение этих чувств является смертельным преступлением. Общество в целом довольствуется малым: оно требует, чтобы индивид воздерживался от нарушения той тонкой меры морали, о которой мы говорили, — оно настаивает на сохранении неприкосновенности той самой элементарной и наименее утонченной степени морали, которая жизненно важна для его существования. Только когда она попирается, общество протестует против совершения преступления.

Метод исследования

Теперь ясно, какие классы преступлений привлекают наше внимание. Этим классам, как мы увидим, вне всякого сомнения, соответствуют две психические разновидности расы, два различных типа: с одной стороны, люди, лишенные чувства жалости в его средней мере, с другой стороны, люди, лишенные чувства честности. Эти явления мы должны изучать непосредственно и выявлять случаи, в которых вследствие невосприимчивости преступника к нарушенному им чувству аномалия неустранима. Эта невосприимчивость будет зависеть, как превосходно выразился один современный писатель, «от наличия в психической организации лакун (соответствующих утрате какого-либо физического органа или физической функции), посредством которых эти существа полностью дегуманизируются». Существуют и другие случаи, в которых аномалия, возможно, может быть смягчена, поскольку имеет место не полное отсутствие, а лишь слабость морального чувства. В этом случае дефект делает невозможным приспособление преступника, пока его окружение остается неизменным, но допускает его, когда он оказывается оторванным от пагубного окружения и подвергается новым условиям существования.

Глава III

КРИМИНАЛЬНАЯ АНОМАЛИЯ

I. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Как было сказано в конце предыдущей главы, понятие преступления, за которое мы боремся, естественным образом включает в себя идею моральной аномалии преступника. Можно возразить, что это голое утверждение, что сам факт нарушения преступником морального чувства не дает нам права делать вывод об отличии его психической организации от организации других людей, что с равным правом можно заключить, что он нормальный человек, способный к раскаянию, временно отклонившийся от правил морального поведения. Нет никаких доказательств, могут нам сказать, что деяние отражает природу действующего лица или устанавливает его невосприимчивость к нарушенному им чувству. Более того, — так можно было бы утверждать — даже если принять теорию натуралистов, согласно которой воля является результирующей, все же (по словам современного психолога) «произвольный акт предполагает участие целой группы сознательных или подсознательных состояний, составляющих Эго в данный момент». Разве не могут эти состояния настолько изменяться, чтобы порождать новые произвольные акты, совершенно противоположные прежним? Разве преступник сегодня может быть честным человеком завтра? Каковы доказательства полного отсутствия или органического дефекта нравственного чувства или даже слабости любого из элементарных альтруистических чувств? Разве недостаточно сказать, что сила определенных мотивов может быть в данный момент такова, что преодолевает сопротивление нравственного чувства, не заходя слишком далеко и не предполагая существование у некоторых людей аномальной психической организации?

Подобные сомнения опровергаются решительным ответом: наше знание преступника не ограничивается тем, что мы узнаем из его деяний. Мы располагаем целым рядом антропологических и психологических данных, которые демонстрируют связь подобного деяния с определенными особенностями действующего лица и указывают на то, что это деяние — не изолированное явление, а симптом нравственной аномалии. Поэтому краткое изложение этих данных становится важным.

Антропологические теории. Взгляды Ломброзо

Хотя с самых древних времен предпринимались попытки установить корреляцию между определенными формами извращенности и определенными внешними физическими признаками, можно с полным основанием сказать, что представление о преступнике как о ненормальном существе вполне современно. Теория Галля существенно отличалась от теории современных антропологов. Как известно, он отводил каждой человеческой склонности отдельную часть мозга, а развитие той или иной склонности определялось строением черепа в соответствующем месте. Согласно этой теории, каждая страсть, каждая склонность, хорошая или плохая, имела свой особый «выступ». Галль, однако, и не думал описывать преступника как дегенерата. Эта идея возникла недавно благодаря исследованиям Ловерня, Ферруса, Люка, Мореля, Деспена, Томсона, Николсона, Вирджиллио и других. Что касается Ломброзо, то он считал, что наличие определенных физических характеристик, часто встречающихся у преступников, дает основание рассматривать преступника как определенный антропологический тип. Из перечисленных им характеристик основными являются: асимметрия черепа или лица, субмикроцефалия, аномалия формы ушей, отсутствие бороды, нервные сокращения лицевых мышц, прогнатизм (то есть удлинение, выступ или скос челюстных костей), неравномерность размера зрачков, плоский или деформированный нос, скошенный лоб, чрезмерная длина лица, чрезмерное развитие скуловых костей и нейтральный оттенок глаз и волос.

Ни одна из этих характеристик не является постоянной, но сравнение преступников с не преступниками позволяет утверждать, что они встречаются чаще у первых. Выводы Ломброзо, полностью или частично, подвергались критике или были подтверждены рядом последующих авторов, в частности, Бенедиктом, Ферри, Марро и Корре. Однако, по-видимому, общепризнано, что у преступников затылочная область развивается гораздо сильнее лобной. По мнению Корре, эта особенность означает преобладание затылочной активности — той, которая, вероятно, связана с импульсивной чувствительностью, — над лобной активностью, которая сегодня признается деятельностью чисто интеллектуальной и рефлексивной природы.

Тем не менее авторитеты весьма далеки от единства в этом вопросе, как показали различные конгрессы по уголовной антропологии, проходившие в Риме, Париже, Брюсселе и Женеве. Действительно, характеристики, описываемые некоторыми авторами как присущие преступникам, по словам других наблюдателей, встречаются в большей пропорции у не преступников. Однако следует признать, как сказал

Марро, «что все, кто занимается физическим изучением преступника, вынуждены прийти к выводу, что он — существо отдельное». Мало кто из тех, кто когда-либо посещал тюрьму или исправительное учреждение, будет утверждать обратное. Не берясь рассматривать все работы, опубликованные по этой теме, я предлагаю кратко указать на некоторые характеристики, которые ввиду их частой встречаемости особенно впечатлили исследователей преступников.

Физические аномалии

Что касается аномалий регрессивного характера, Вирджилио в результате обследования живых преступников обнаружил 28% людей со скошенным лбом. Посмертное исследование, проведенное Бордые среди преступников, приговоренных к смертной казни, показало несколько большую долю — 38% — тех же характеристик. Следует отметить, что эта аномалия достигает доли всего 4% среди лиц, никогда не осужденных за преступление. Разница в процентном соотношении между преступниками, обследованными Вирджилио, и посмертными случаями Бордые, несомненно, объясняется тем, что последние неизбежно включали большее число настоящих преступников — факт, который мы можем справедливо предположить, исходя из того самого обстоятельства, что в этих случаях было применено полное наказание по закону. Конечно, вероятно, что даже среди казненных были и менее тяжкие преступления. Прогнатизм встречается еще чаще. Наблюдение Пенты за 500 осужденными выявило наличие этой аномалии в пропорции 45%. Ломброзо также отмечает чрезмерное развитие нижней части лба, которое он описывает как выступ надглазничных гребней и лобных пазух, в 66,9 случаях из каждых 100 исследованных черепов преступников. Данные Бордые весьма близки к этому, наблюдавшаяся им пропорция составляет 60%. Марро, однако, обнаружил лишь 23% среди заключенных тюрем и 18% среди непроступников. По данным Ломброзо, эвригнатия (преувеличенное расстояние между скуловыми костями) присутствует у 36%. Та же аномалия в крайней степени была замечена Марро у 5 преступников из 141, при этом ни одного случая не было обнаружено среди непроступников. Последний наблюдатель уверяет нас, что в 15,9 случаях из 100 он констатировал полное отсутствие бороды; среди непроступников этот признак составляет всего 1,5%. Он также отметил низкие и узкие лбы у 41% преступников по сравнению с 15% среди непроступников. Ломброзо обнаружил множество случаев микроцефалии и большое количество случаев субмикроцефалии среди преступников. Эти аномалии, как мы знаем, довольно редки среди нормальных людей. В тюрьмах Вальдхайма из 1214 заключенных

у 579 наблюдались физические отклонения от нормального типа (Кнехт, 1883). Из 400 человек, предположительно честных, один имел типичную физиономию экстремальных преступников (Ломброзо).

Что касается черепных деформаций, которые можно назвать тератологическими или атипичными, такими как плагиоцефалия, скафоцефалия и оксипцефалии, Марро обнаружил их почти в равном количестве как у заключенных, так и у лиц, считающихся честными.

Однако было замечено, что наличие группы аномалий, будь то дегенеративные или тератологические, встречается чаще у одного преступника, чем у любого отдельного человека, не совершившего преступления. Фактически сравнение Фермо 711 солдат с 699 заключенными показало, что 37% солдат и 10% заключенных не имели аномалий. У отдельных солдат были отмечены нетипичные характеристики в количестве трех-четырех, доля таких лиц составила 11%. У 33% заключенных наблюдались аналогичные группы аномалий, но, в то время как у солдат число аномалий никогда не превышало трех-четырех на человека, у каждого заключенного их было шесть-семь, а то и больше.

Но даже если предположить, что точность всех этих наблюдений неоспорима, они все же не дают нам антропологического типа преступника. Не удалось зафиксировать ни одной постоянной внешней характеристики, которая позволила бы нам отличить его от обычного человека. Один факт, по-видимому, установлен окончательно, а именно, что среди преступников определенные характеристики встречаются чаще в одном классе, чем в другом. Убийца («ассасин»), например, как говорит Ломброзо, почти всегда «имеет холодный и остекленевший взгляд, иногда налитые кровью глаза, всегда большой нос, часто орлиный или крючковатый, длинные уши, тяжелые челюсти, широко расставленные скулы, кудрявые и густые волосы, сильно развитые клыки и тонкие губы; он часто страдает нервными сокращениями и подергиваниями, сосредоточенными на одной стороне лица, в результате чего обнажаются клыки и лицо как будто приобретает выражение сардонической угрозы».

Некоторые наблюдатели добавляют, что в данном районе страны между убийцами в целом и остальным населением существует меньше физического сходства, чем между последними и жителями других районов, даже если они этнографически различаются. Так, убийцы Южной Италии, по-видимому, больше отличаются от солдат тех же провинций, чем последние от солдат Северной Италии, по диаметру лба, лобному указателю, диаметру нижней челюсти и развитию лица.

За исключением неподвижности глаз, расплывчатости взгляда и тонкости губ, те же характеристики очень часто наблюдаются

у всего класса преступников-убийц. В этом классе наблюдается ярко выраженное преобладание сильно развитых надглазничных гребней, широко расставленных скуловых костей (характеристика, общая для некоторых мужчин). Сравнение ограничено вопросом черепных аномалий. Аномалия такого характера, следует иметь в виду, редко представляет собой физический недостаток, достаточный для того, чтобы вызвать отклонение рекрута.

Особенно заметны чрезмерная длина лица по отношению к черепу и несоответствующий размер нижних челюстей. Ни один наблюдатель не подвергает сомнению эту последнюю характеристику; это несомненный признак жестокости или насилия. Однако ее происхождение является предметом дискуссий: одни приписывают ее вырождению (Ловернь), другие — атавизму (Ферри и Делоне), а третьи просто считают, что она всегда присутствует у людей с задержкой эволюционного развития (Мануврие).

Как бы то ни было, общепризнанно, что «у всего человечества, как и у нашей расы, малый лоб и относительно большая челюсть совпадают со склонностью к убийству» (Фоли). Эмиль Готье, отбывавший тюремное заключение по политическим мотивам, заявил, что спустя много лет в его сознании все еще сохраняется образ преступника, особенно ярко выражены тяжелые челюсти. Достаточно взглянуть на несколько фотографий преступников-убийц, чтобы убедиться в распространенности этой характеристики. То же самое наблюдается и у насильников — обстоятельство, легко объяснимое, если вспомнить, что изнасилование — это результат тех же инстинктов насилия, которые побуждают к посягательству на человеческую жизнь.

Воры же, с другой стороны, по-видимому, очень часто характеризуются аномалиями черепа, которые можно назвать атипичными, такими как субмикроцефалия, оксицефалия, скафоцефалия и трокоцефалия. Их физиогномика также узнаваема по подвижности лица, маленькому размеру и живости глаз, густым бровям (часто сросшимся), маленькому и покатоному лбу, длинному, искривленному или деформированному носу и бледности лица в сочетании с неспособностью краснеть (Ломброзо).

Не придавая чрезмерного значения этому описанию, я вынужден признать, что оно очень часто подтверждалось моими собственными непосредственными наблюдениями. Посещая тюрьмы и исправительные учреждения и наблюдая за заключенными, я часто мог отличить осужденных за убийство от других, чьим преступлением было воровство или получение денег обманным путем, хотя я ничего не знал об их прошлом. В таких случаях, как следует из моих записей, я приходил к неверному выводу не чаще семи или восьми раз из ста.

Но попытка описания этим не ограничивается. Марио в цитируемой ранее работе приписывает отличительные характеристики не менее чем одиннадцати классам преступников. Следует, однако, сказать, что наиболее заметные из этих отличительных черт не все физические, но по большей части вытекают из их склонностей, привычек и алчности, а также из уровня их интеллекта и образования.

Физиогномические типы

Однако одно кажется очевидным. Три упомянутых мною класса особенно отличаются своеобразным выражением физиогномики. Так что, если мы не можем определить антропологический тип преступника, можно, по крайней мере, утверждать, что у нас есть эти физиогномические типы: (1) убийца, (2) жестокий преступник и (3) вор.

Утверждается, что сравнение заключенных исправительных учреждений с лицами, находящимися на свободе, показывает, что многие из только что отмеченных характеристик чаще встречаются у первых, чем у вторых. Тем не менее даже среди заключенных доля аномалий составляет всего 45–50%, и, следовательно, большая часть преступников, по-видимому, лишена их. В этом и заключается слабость уголовной антропологии. «Как мы можем говорить о преступном типе, если у 60 из каждых 100 преступников не наблюдается никаких следов его характеристик?» Такое возражение, однако, не было бы по-настоящему серьезным, если бы мы могли считать установленным, что у определенного числа осужденных существует большая доля врожденных аномалий, чем у равного числа неосужденных. К сожалению, это не установлено. Если бы у нас было такое доказательство, я бы без колебаний расценил его как определенное достижение для криминальной антропологии, несмотря на то, что только 60% осужденных могут соответствовать типичному описанию и что то же самое описание может быть применимо к 20% неосужденных. Ведь очевидно, что последний класс не может быть полностью честным: он неизбежно включает в себя множество индивидов, чьи преступные наклонности ждут возможности проявиться. Хорошо известно, что не половина виновных в установленных преступлениях предстает перед судом. Более того, эти установленные преступления составляют лишь малую часть от общего числа совершенных преступлений, большинство из которых не раскрываются или не сообщаются в полицию. Наконец, существуют социальные классы, в которых преступные инстинкты проявляются в иных формах, не попадая под действие уголовного кодекса: «Побуждение к опасным приключениям предпочтительнее ножевого убийства, мошенничество

в игре вытесняет разбой на большой дороге, соблазнение и последующее дезертирство занимают место изнасилования».

«По трусости или глупости, — добавляет Корре, — мы упорно закрываем глаза на тот факт, что за высокомерием и блестящей внешностью высокой политической и финансовой жизни скрываются убийства, воровство и преступления всех мастей. Преступление, кажется, преуменьшается настолько, что почти теряет характер преступления, по мере того как оно приобретает более широкое значение и становится все более заслуживающим наказания и порицания по меркам общественных условностей. Истина столь же банальная, сколь и прискорбная, что человек, пренебрегающий правами своих ближних, не всегда оказывается за тюремными стенами: в очень многих случаях он выдает себя за добродетельного персонажа среди богатых и уважаемых. Именно это затрудняет применение антропологических принципов к изучению преступника... Многие якобы честные люди более заслуживают наказания и цепей, чем более скромный нарушитель закона, на которого он помог надеть их».

Короче говоря, сравнивать осужденных с неосужденными было бы серьезной ошибкой. Вместо этого в качестве точек сравнения следует взять, с одной стороны, настоящих преступников, с другой — действительно честных людей. Этот последний класс, несомненно, труднее распознать с уверенностью, но и первый представляет собой трудность, поскольку он отнюдь не так многочислен, как осужденные. Таким образом, наши два термина — это (1) класс, в котором честные люди составляют большинство, и (2) класс, в котором преступники составляют большинство. Ввиду этого нас не должен удивлять тот факт, что, **если преступность имеет физическую печать, эта печать проявляется не на всех заключенных.** Более того, если верно, что эти стигматы чаще встречаются среди осужденных, этот факт, очевидно, имел бы важное значение.

В таком случае упомянутое возражение было бы необоснованным. Но чего действительно не хватает криминальной антропологии, как я уже имел возможность утверждать, так это убедительных доказательств того, что определенный характер черепа или скелета чаще встречается у преступников, чем у лиц, предположительно честных.

Таким образом, нам придется довольствоваться упомянутыми физиогномическими характеристиками, или, скорее, физиогномическими выражениями. Они не составляют истинных антропологических типов. Ситуация та же, что и с межнациональными различиями между представителями одной расы. Мы говорим, например, о различных европейских типах, но может ли кто-нибудь сказать, какие именно черты их отличают? Нельзя делать акцент ни на чем

конкретном. Различие заключается в чертах лица, взятых в целом, — в чем-то, что придает лицу почти неопределимый характер, но тем не менее позволяет нам отличить любую, даже самую малую, группу немцев от равного числа французов, славян или итальянцев. Хотя Тард в блестящей главе своей книги «Преступность» поднял множество вопросов, касающихся антропологических характеристик преступников, он тем не менее в заключение признает реальность этого типа. Но вместо того, чтобы попытаться отличить этот тип от типа нормального человека, он противопоставляет его соответствующим типам ученого, религиозного, артистического и «добродетельного человека». Эта идея, возможно, и обречена на окончательное признание, но отсутствие соответствующих данных не позволяет ее обсуждать в настоящем.

Можно лишь сказать, что контраст между некоторыми характеристиками, достаточно распространенными у преступников, и обычными характеристиками лиц, не подозреваемых в совершении преступления, стал бы гораздо более выраженным, если бы можно было сравнить преступников с их полной противоположностью, то есть добродетельными людьми. Но мы вынуждены довольствоваться теми наблюдениями, которые удалось сделать к настоящему времени.

Однако для Тарда, как и для Коладжанни и Принса, преступный тип — это не антропологический тип, как, например, тип китайца или негра, англосакса или латинянина, а лишь профессиональный или социальный тип, сформированный подчинением индивидов одинаковым условиям существования. При таких обстоятельствах они приобретают «единообразный отпечаток». Подражание, занятие одним и тем же ремеслом или профессией, один и тот же вид умственного напряжения, повторение одних и тех же движений, будь то в гостиной или в угольной шахте, — все это факторы приобретения общих мышечных и нервных привычек, которые отражаются в осанке, выражении лица, характере и даже во внешнем виде затронутых лиц.

Итальянские преступники похожи на французских и немецких преступников гораздо больше, чем любая из этих групп похожа на свой национальный тип. Эгер, напротив, заявляет, что его наблюдения дали противоположный результат. Однако следует иметь в виду, что наблюдения Эгера ограничивались краниологией и не касались физиогномических черт.

Опыт позволяет легко отличить рецидивиста и даже особый вид рецидивиста. Существует еще более особый тип вора, которого можно легко отличить и узнать, — некрасивая фигура, низкий лоб, с видом наглости и насмешки, который представляет собой «карманника». Не вынося суждения по поводу этого предположения, которое, несо-

менно, не лишено фактической основы, мы склонны усомниться в уместности низкого лба, который вряд ли может быть результатом подражания. Следует отметить еще один факт, который трудно объяснить иначе, чем антропологически, а именно, что частота регрессивных аномалий, отмеченных выше, значительно возрастает среди крайних преступников — тех, кто ответственен за самые ужасные преступления, совершенные при самых жестоких обстоятельствах. Например, убийцы с целью ограбления редко не демонстрируют некоторые характерные черты, приближающие их к низшим расам, такие как прогнатизм, узкий и покатый лоб, выступающие надбровные дуги и т.д. Очевидно, что это можно установить только путем совокупных доказательств, но таких доказательств фактически предостаточно в работах по антропологии и в описаниях известных случаев.

Мой собственный опыт всегда был положительным. Однажды, например, я выбрал ряд печально известных убийц, которых я никогда не видел, но с подробностями преступлений которых я ознакомился, читая документы по их делам. Посещая их в тюрьме, я пришел к убеждению, что ни один из них не избежал некоторых весьма заметных дегенеративных или регрессивных характеристик.

Тем не менее эти характеристики не всегда одинаковы: иногда присутствует одна, иногда другая. ***Тип убийцы не поддается антропологическому описанию. Неудивительно, что физические аномалии еще менее выражены и постоянны у менее тяжких преступников.*** Во-первых, мы не можем быть уверены, что все те, кто с точки зрения закона является виновником преступлений, являются истинными преступниками в соответствии с психологическим значением, которое мы приписали этому термину. Опять же, было бы странно, если бы аномалии такого же значения наблюдались у обычных преступников. Естественно, что последние физически менее отличаются от нормального человека; по той же причине они менее далеки от него морально. Их преступления, хотя отвратительные нам, не кажутся абсолютно противоречащими человеческой природе. ***Мы даже можем представить, не без страха, что при определенных обстоятельствах мы сами могли бы быть вынуждены сделать нечто подобное.*** Эту мысль, мелькающую в нашем сознании, мы отвергаем с ужасом — ужасом, который совершенно не нужен, поскольку наш характер устоялся, нам не грозит опасность испытать это ужасное волевое движение. Тем не менее сам факт того, что мы хотя бы на мгновение допускаем мысль о такой возможности, доказывает нам, что существуют преступники, которых мы можем понять, существа, не полностью чуждые нашей нравственной природе. То, что даже физически эти люди не проявляют выраженных черт дегенерации, вовсе

не примечательно. Но хотя аномалия и меньше, это не значит, что она незаметна. Это злобное выражение лица, эта неопределенная, но зловещая внешность, которую мы ассоциируем с термином «виселица», очень распространены среди заключенных в тюрьмах. Редко когда мы встречаем людей с правильными чертами лица или приятным выражением. Уродство, крайнее и отталкивающее, однако не доходящее до настоящего уродства, очень распространено в этих учреждениях, и, как ни странно, особенно среди женщин. Я помню посещение женской тюрьмы, где из 168 заключенных я нашел лишь троих или четверых с правильными чертами лица и только одну, которую можно было назвать симпатичной. Все остальные, как старые, так и молодые, имели более или менее уродливую и отталкивающую внешность.

Можно смело утверждать, что такого количества некрасивых женщин не существует ни в одной расе или в какой-либо другой среде.

То же самое отмечает и Тард. «Несомненно, — говорит он, — что прекрасная классическая голова с прямым лбом и носом, маленьким, изящно изогнутым ртом, округлой щекой и маленьким ухом, посаженным близко к вискам, представляет собой идеальный контраст с головой преступника, уродство которой является ее наиболее яркой чертой. Из 275 фотографий преступников я нашел лишь одно привлекательное лицо, и то женское; большинство остальных были отталкивающими, и в чудовищных лицах недостатка не было».

Говоря о своих товарищах по заключению, Достоевский пишет: «Сироткин был единственным из каторжников, кто был по-настоящему красив. Что же касается его товарищей по особому отделению (пожизненно заключенных) — числом пятнадцать — то они были страшны на вид своими отвратительными физиономиями». Какой же вывод? С антропологической точки зрения, как уже было видно, тип весьма далек от устоявшейся формы, и сомнительно, что дальнейшие наблюдения позволят его установить. Единственное, что было точно установлено, — это существование определенных физиогномических характеристик, или, скорее, физиогномических выражений, позволяющих наблюдателю легко отличать одну группу от другой — убийц от воров и оба эти — жестокий или импульсивный преступник. Однако, по моему собственному мнению, как будет показано в дальнейшем, преступник в неварварском обществе — существо ненормальное, поскольку он отличается от большинства своих современников и сограждан отсутствием определенных чувств и определенных антипатий, причем это отсутствие связано со своеобразным темпераментом или недостатком моральной энергии. Вопрос о том,

является ли это отсутствие органическим или, другими словами, всегда ли моральная аномалия имеет физиологическую основу, к сожалению, остается без ответа. Субстрат может быть обнаружен в заметном отклонении органов, нервной системы или молекулярной структуры, но недостаточность наших средств наблюдения делает невозможным их учет.

Поэтому мы оставим анатомический аспект предмета и обратим внимание на психическую аномалию преступника, не признавая и не отрицая, что эта последняя может иметь чисто физический источник.

II. ПСИХИЧЕСКАЯ АНОМАЛИЯ

Крайние случаи

Мы должны сначала рассмотреть преступность в ее наиболее серьезных формах. Возьмем убийц самого жестокого сорта — тех, кто душил старух, кто, подобно Папавуану, перерезает горло детям, кто совершает преступления, подобные преступлениям Джека-потрошителя, — можно ли сомневаться в их моральной бесчувственности? Это отсутствие моральной чувствительности еще более поразительно в случае молодых преступников, например, шестнадцатилетнего юноши, который однажды рано утром встал с постели, пошел в конюшню, где ночевал нищий ребенок, на которого у него была обида, разбудил малыша и сказал, что собирается бросить его в колодец — намерение, которое он осуществил, несмотря на слезы и мольбы своей жертвы, — или двенадцатилетней девочки, осужденной в Берлине, которая, пожелав заполучить серьги у четырехлетней девочки, вырвала их у нее и, схватив младенца на руки, выбросила ее из окна второго этажа, — во всем этом подсудимая призналась на суде без малейшего проявления чувств, добавив, что ее намерением было продать серьги и купить на вырученные деньги сладостей и что она убила ребенка, чтобы предотвратить раскрытие кражи.

Поскольку моральная аномалия в этих случаях слишком очевидна, чтобы подвергать ее сомнению, весь вопрос сводится к следующему: имеет ли такая аномалия патологическую природу? То же ли это, что и безумие? Следует ли рассматривать ее как новую нозологическую форму — «моральное безумие» английских авторов? Существование этой формы отчуждения, мягко говоря, сомнительно. Несмотря на все усилия обнаружить следы безумия, часто приходится признать, что исследуемый индивид обладает интеллектом, который не оставляет желать лучшего, что он не проявляет никаких нозологических

симптомов, если не считать отсутствия морального чувства, и что, по словам одного французского врача, каким бы ни было единство сознания субъекта, «психическая клавиатура имеет одну фальшивую ноту, и только одну».

Но я вскоре вернусь к этой теме. Пока же я хочу прояснить, что индивиды, подобные тем, о которых я только что говорил, в отношении своей психической природы являются существами обособленными — каждый это чувствует. Однако эти опасные преступники, эти дети, рожденные с дикими инстинктами, — лишь самые яркие примеры. По мере снижения преступности аномалия, естественно, становится менее выраженной, но она все же существует до самого низа. Естественно, скачок невозможен. Мы имеем убывающий ряд, низшие члены которого настолько близки к нормальному состоянию, что их становится трудно различить. Поэтому для наших целей рассмотрение нижней границы шкалы будет иметь небольшую ценность; мы должны сосредоточить наше внимание на классах, составляющих промежуточные степени.

Промежуточные случаи

Возьмем, прежде всего, заключенных исправительных учреждений. Имеются полные описания их настроений. Нам сообщают об их бесстрастии, о неустойчивости их эмоций, об их вкусах, об их необузданной страсти к азартным играм, выпивке и разврату. Неосторожность и недалковидность — две характеристики, которые особенно отличают их, как было отмечено Деспеном много лет назад. Также были отмечены их легкомыслие и изменчивость. К этим чертам можно отнести, говорит Ломброзо, «преувеличение той склонности к насмешке и глупой шутке, которая давно уже признана одним из вернейших признаков злобы или ограниченного ума — склонности, которая особенно обнаруживает себя в потребности превращать в насмешку и награждать нелепыми и непристойными названиями вещи, которые являются самыми святыми и дорогими». Эта небрежность одновременно объясняет склонность преступников вообще и воров в частности к бесцельной и почти бессознательной лжи, а также привычную неточность заявлений, которая доказывает недостаток точности в их восприятии и памяти. Их моральная бесчувственность проявляется в наглости их публичных признаний. Убийцы, которые признаются, не колеблясь описывают самые ужасные подробности своих преступлений; они проявляют полное безразличие к позору и горю, которые они навлекают на свои семьи. «В ночь с 21 на 22 сентября 1846 года, — рассказывает аббат Моро, — мадам Дакль, проживавшая в доме № 10 по улице Муано, стала жертвой ничем

не спровоцированного убийства. Длительные поиски, проведенные полицией, завершились арестом виновных, среди которых была женщина по имени Дюбо. На вопрос, почему она приняла участие в убийстве, она ответила только: «Чтобы иметь красивые шляпки»».

Примеры можно приводить бесконечно. Драго рассказывает о Руисе Каструччо, который отравил человека, а затем задушил его. Говоря о своем преступлении, убийца без тени эмоций заявил: «Я убил его, как Отелло убил Дездемону». Печально известный Кастро Родригес разыграл перед судьями убийство своей жены и десятилетней дочери — преступление, совершенное им при обстоятельствах исключительной жестокости, — и даже пародировал действия своих жертв. В заключение допроса он попросил чиновников не снимать сумму денег, которая была у него на депозите в банке, чтобы не потерять проценты! Я сам слышал признание некоего Туфано, в котором он рассказал, что задушил свою жену, чтобы жениться на другой женщине, которая должна была принести ему приданое, и рассказал об ужасной смерти своей жертвы, которая наступила лишь через полчаса агонии.

Преступные чувства

Такие люди совершенно не способны на раскаяние, не только на то искреннее раскаяние, которое, как сказал Леви-Брюль, уже не страх наказания, но надежда и желание его, и приводит к безутешным размышлениям о причиненном ими вреде, но не способны даже на мимолетное сожаление или на малейшее проявление эмоций при упоминании имени своей жертвы. Наблюдения, сообщаемые людьми, незнакомыми с жизнью преступника, возможно, вызывают вопросы, но мы обязаны доверять сведениям, полученным от людей, которые жили в четырех стенах тюрьмы. Мы не можем сомневаться в точности описания, данного нам выдающимся литератором, который провел много лет своей жизни в сибирской тюрьме. Достоевский в своем «Мертвом доме» подарил миру литературный шедевр, который содержит наше самое полное описание психологии преступника. Удивительно то, насколько совершенно сходны образ славянского преступника, заключенного в сибирской тюрьме, и образ итальянского преступника, описанного Ломброзо. «Эта странная семья, — говорит Достоевский, — имела общее сходство настолько резкое, что ее можно было узнать с первого взгляда... Все каторжники были угрюмы, завистливы, ужасно тщеславны, самонадеянны, восприимчивы и чрезмерно церемонны... Тщеславие всегда было их выдающейся чертой... Ни малейшего признака стыда или раскаяния. В течение многих лет я ни разу не замечал ни малейшего

признака раскаяния, ни малейшего беспокойства по поводу совершенного преступления. ... Конечно, тщеславие, дурные примеры, лживость и ложный стыд были причиной многого. ... Казалось бы, все же за столько лет я должен был заметить хоть какой-то, пусть даже самый неуловимый, намек на какое-то сожаление, на какие-то нравственные страдания. Я решительно ничего подобного не видел. ... Несмотря на различные мнения, каждый признает, что существуют преступления, которые везде, всегда, независимо от законодательства, являются, вне всякого сомнения, преступлениями и должны рассматриваться как таковые, пока человек остается человеком. Только в каторжной тюрьме я слышал, как с ребяческим, безудержным смехом рассказывали о самых странных, самых чудовищных преступлениях. Я никогда не забуду одного отцеубийцу, бывшего дворянина и чиновника. Он причинил великое горе своему отцу — настоящий блудный сын. Старик тщетно пытался удержать его увещаниями на роковом склоне, по которому тот катился. Поскольку он был обременен долгами, а у отца, подозревали, что, помимо имени, есть и наличные, он убил его, чтобы скорее вступить в наследство. Преступление было раскрыто лишь месяц спустя. Все это время убийца, который к тому времени сообщил полиции об исчезновении отца, продолжал свои развратные действия. Наконец, во время его отсутствия полиция обнаружила труп старика в сточной канаве. Седая голова была отделена от туловища, но возвращена на место. Тело было полностью одето. Под него, словно в насмешку, убийца подложил подушку. — Молодой человек ни в чем не признался. Его разжаловали, лишили дворянских привилегий и приговорили к двадцати годам каторжных работ. Сколько я его знал, я всегда замечал, что он пренебрегал своим положением. Он был самым легкомысленным и бесцеремонным человеком, которого я когда-либо встречал, хотя он был далеко не глуп. Я никогда не замечал в нем особой склонности к жестокости. Другие каторжники презирали его не из-за его преступления, в котором никогда не было никаких сомнений, а из-за отсутствия у него достоинства. Иногда он говорил о своем отце. Однажды, например, хвастаясь наследственным здоровьем своей семьи, он сказал: “Мой отец, например, до самой смерти никогда не болел”. Животная бесчувственность, доведенная до такой степени, весьма примечательна — это поистине феноменально. В данном случае у человека, должно быть, был органический изъян, какая-то физическая и моральная чудовищность, до сих пор неизвестная науке, а не просто преступление. Я, естественно, не верил в столь чудовищное преступление; но люди из того же города, что и он, знавшие все подробности его истории, рассказали мне ее. Факты были настолько очевидны, что было бы

безумием не принять их. Однажды заключенные услышали, как он кричал во сне: “Держите его! Держите его! Отрубите ему голову, голову, голову!” — Почти все каторжники видели сны вслух или бредили во сне. Оскорбления, жаргонные слова, ножи, топоры, казалось, постоянно присутствовали в их снах. “Мы раздавлены”, — говорили они; “у нас нет внутренностей; вот почему мы кричим по ночам”». Эта неспособность чувствовать угрызения совести или раскаяние и демонстрация тщеславия — характеристики, хорошо известные всем наблюдателям. Ломброзо предположил, что в этом преступник. Но есть некоторые еще более поразительные характеристики, которые довершают сходство с дикарем и в то же время свойственны детям. «По праздникам тюремные щеголи надевают свои лучшие воскресные наряды. На них стоило посмотреть, как они расхаживали по своей части барака. Удовольствие от того, что они хорошо одеты, граничило с ребячеством; действительно, во многих отношениях каторжники — всего лишь дети. Их нарядная одежда исчезала очень скоро, часто вечером того самого дня, когда ее купили. Хозяева закладывали ее или перепродавали за бесценок. — Пирьы обычно устраивались в определенное время. Они совпадали с религиозными праздниками или с именинами пьяного каторжника. Встав утром, он ставил восковую свечу перед образом, затем молился, одевался и заказывал себе ужин. Он заранее покупал мясо, рыбу и пирожки; затем он наедался, как вол, почти всегда один. Крайне редко можно было пригласить другого каторжника разделить с ним трапезу. За обедом подали водку. Каторжник сосал ее, как подошву сапога, а затем, развязно и шатаясь, ходил по бараку. Он хотел показать всем своим товарищам, что он пьян, что он ведет себя неподобающе, и тем самым заслужить их особое уважение».

Далее мы находим еще одну детскую черту — невозможность поддаться желанию: «Над такими людьми, как Петров, разум не имеет власти, если их не подталкивает воля. Когда они чего-то желают, им нет преград...» «...Люди, подобные ему, рождаются с одной идеей, которая, сами того не сознавая, преследует их всю жизнь. Они бродят, пока не найдут предмет, который, по-видимому, возбудит их желание, и тогда они не прочь рискнуть головой... Не раз я с изумлением видел, как он (Петров) грабит меня, несмотря на свою привязанность ко мне; но он делал это время от времени. Так, он украл мою Библию, которую я просил его отнести до места. Ему оставалось пройти всего несколько шагов; но по дороге он встретил покупателя, которому продал книгу, тут же потратив вырученные деньги на водку. Вероятно, в тот день он почувствовал сильное желание выпить, и когда ему чего-то хотелось, это было необходимо, чтобы он это получил.

Такой человек, как Петров, убьет любого за двадцать пять копеек, только чтобы раздобыть себе пинту водки. В любом другом случае он побрезгует сотнями и тысячами рублей. В тот же вечер он рассказал мне о совершенной им краже, не выказав ни малейшего раскаяния или смущения, совершенно равнодушным тоном, как будто говорил об обычном происшествии. Я постарался упрекнуть его, как он того заслуживал, ибо сожалел о потере Библии. Он выслушал меня без колебаний, очень спокойно. Он согласился, что Библия — очень полезная книга, и искренне пожалел, что ее у меня больше нет; но ни на секунду не раскаялся, хотя и украл ее. Он посмотрел на меня с такой уверенностью, что я перестал его ругать. Он терпел мои упреки, потому что считал, что я не мог поступить иначе. Он знал, что должен быть наказан за такой поступок, и поэтому считал, что я должен ругать его ради собственного удовлетворения и утешения в своей потере. Но в глубине души он считал все это вздором, до которого серьезно человеку должно быть стыдно опускаться».

То же самое полнейшее безразличие к своей жизни и будущему: «Каторжник женится, заведет детей, проживет пять лет на одном месте, а потом вдруг исчезнет в одно прекрасное утро, бросив жену и детей, к изумлению своей семьи и всей округи».

Никаких нравственных аномалий, никаких природных преступлений

Как ни странно, Достоевский рассказывает нам о двух-трех каторжниках, которые были людьми превосходного характера, с существенными достоинствами, преданными друзьями, неспособными на ненависть. Однако, если мы обратимся к рассказу о том, что привело их на каторгу, мы обнаружим, что их проступки не были настоящими преступлениями в нашем смысле этого слова. Сначала он рассказывает историю одного «старовера» из Стародуба, которому были доверены сбережения каторжников, которые они сочли необходимым скрыть. Этот человек, говорит наш автор, «был около шестидесяти лет, худой и сильно седеющий. Он возбудил мое любопытство, когда я впервые увидел его, ибо он не был похож ни на кого другого; его взгляд был таким спокойным и кротким, и я всегда с удовольствием видел его ясные и прозрачные глаза, окруженные множеством маленьких морщинок. Я часто говорил с ним, и редко мне доводилось встречать столь доброе, столь благожелательное существо. Он был отправлен на каторгу за тяжкое преступление. Некоторое количество “старообрядцев” в Стародубе было обращено в православную веру. Правительство сделало все возможное, чтобы поддержать их и одновременно обратить в свою веру других раскольников. Старик

и несколько других фанатиков решили “защищать веру”. Когда в их городе строили православную церковь, они подожгли здание.

Это преступление навлекло на его виновника приговор к ссылке. Этот зажиточный лавочник — он занимался торговлей — оставил жену и семью, которых любил, и мужественно отправился в изгнание, веря в своей слепоте, что “страдает за веру”.

Прожив некоторое время рядом с этим добрым стариком, невольно задаешься вопросом: как он мог взбунтоваться? Я несколько раз говорил с ним о его вере. Он не отказался ни от одного из своих убеждений, но в его ответах я никогда не замечал ни малейшей ненависти; и все же он разрушил церковь и был далек от того, чтобы отрицать это. По его мнению, совершенное им преступление и его мученичество были предметом гордости.

Среди ссыльных были и другие “старообрядцы” — в основном сибиряки — люди с развитым умом и такие же хитрые, как все крестьяне. Диалектики своего рода, они слепо следовали своему закону и любили его обсуждать. Но у них были большие недостатки.

Они были надменны, горды и крайне нетерпимы. Старик ничем не походил на них. С большей верой в религиозные толкования, чем другие единоверцы, он избегал любых споров. Будучи веселого и открытого нрава, он часто смеялся — не грубым циничным смехом других каторжников, а смехом ясным и простым, в котором было что-то детское и который идеально гармонировал с его седой головой. Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что человека можно узнать только по его смеху. Если смех знакомого вам человека внушает вам сочувствие, будьте уверены, что он честный человек.

Старик приобрел уважение всех без исключения каторжников; но он этим не гордился. Каторжники называли его дедушкой, и он не обижался. Тогда я понял, какое влияние он, должно быть, оказывал на своих единоверцев. — Несмотря на твердость, с которой он переносил тюремную жизнь, чувствовалось, что его мучает глубокая, неизлечимая тоска. Я спал с ним в одном бараке. Однажды ночью, около трех часов ночи, я проснулся и услышал медленное, сдавленное рыдание. Старик сидел на печи... и читал свой рукописный молитвенник. Я слышал, как он, плача, повторял: “Господи, не оставь меня. Владыка, укрепи меня. Бедные мои деточки, милые мои деточки, мы никогда больше не увидимся”. Не могу сказать, как это меня тронуло».

Если проанализировать «преступление» этого человека, станет ясно, что Достоевский не имеет права удивляться его добрым качествам. Речь идет всего лишь о человеке, защищавшем религию своей страны от нашествия новой веры — поступок, который можно

приравнять к политическому преступлению. Этот «старообрядец» был всего лишь «révolte»: он не был преступником. «И все же он разрушил церковь!» — восклицает наш автор. Верно, но без лишения человеческой жизни, без малейшего намерения причинить вред кому-либо в мире. Какое элементарное альтруистическое чувство он нарушил? Свобода вероисповедания — это не такое чувство. Это чувство слишком утонченное, продукт интеллектуального развития, которое мы вряд ли можем ожидать найти в обычной морали народа. С нашей точки зрения, сожжение церкви в Стародубе не могло быть естественным преступлением. Оно относится к классу деяний, которые, хотя и караются законом, выходят за рамки преступности, которую мы пытались проследить. И в этом непреступном поджигателе мы находим одно из редких исключений, отмеченных писателем в контексте окружавшей его моральной деградации.

Второе исключение появляется в святой фигуре некоего Али, дагестанского татарина, который был осужден за участие в разбое. Обстоятельства его преступления были следующими: «Однажды старший брат... приказал ему взять ятаган, сесть на коня и следовать за ним. Уважение горцев к старшим так велико, что молодой Али не осмелился спросить о цели похода. Он, вероятно, ничего об этом не знал, да и братья не сочли нужным ему рассказать». Все, что он мог сделать, — это повиноваться. Он не мог спорить, не мог задавать вопросы, потому что не имел на это права. Очевидно, этот юноша не был преступником. Достоевский, напротив, называет его «исключительным существом» — одной из тех «натур, столь стихийно добрых и наделенных Богом такими великими качествами, что сама мысль об их извращении кажется нелепой».

Наконец, портрет Акима Акимыча — человека предельной честности, услужливого, аккуратного, недалекого, но «спорящего и дотошного до мелочей, как немец». Автор представляет его как самобытного и очень простого человека. «Ссорясь с каторжниками, он упрекал их в воровстве и искренне увещевал больше не воровать». Опять же, «ему было достаточно несправедливости, чтобы вмешаться в дело, которое его не касалось». И преступником этот человек не был. «Он служил подпоручиком на Кавказе. Я подружился с ним в первый же день, и он рассказал мне о своей “истории”. Он начал кадетом в линейном полку. Прождав некоторое время чин подпоручика, он наконец получил его и был отправлен в горы командовать небольшим фортом. Небольшой данник, живший по соседству, поджег форт и предпринял ночное нападение, которое не имело успеха. — Акимыч был очень хитер и притворился, будто не знает, что именно он был зачинщиком

нападения, приписывая его мятежникам, бродившим в горах. Через месяц он дружески пригласил князя к себе. Князь приехал верхом, без охраны, ничего не подозревая, Акимыч построил свой гарнизон в боевую линию и изобличил своего гостя в измене и злодействе перед солдатами. Он упрекнул его и доказал, что поджечь крепость — постыдное преступление; подробно объяснил ему обязанности вассального князя; а затем, в заключение своей речи, приказал расстрелять его. Акимыч немедленно сообщил своим начальникам об этой казни со всеми необходимыми подробностями. После этого его отдали под суд. Он предстал перед военным судом и был приговорен к смертной казни; но приговор был смягчен, и его отправили в Сибирь как каторжника второго класса, то есть приговорили к двенадцати годам каторжных работ и заключению в крепости. Он охотно признал, что действовал незаконно и что князя следовало судить гражданским судом, а не военным. Тем не менее он не мог понять, что его поступок был преступлением. «Он сжег мою крепость; что мне было делать? Должен ли я был благодарить его за это?» — ответил он на мои возражения».

Акимыч был прав: он применил закон войны, наказав измену смертью; казнь была заслуженной. Но его невежество заставило его поверить, что он уполномочен созвать военный совет, чтобы законно осудить разбойника. Военный совет, созданный по закону, вероятно, сделал бы то же самое, что он, не понимая пределов своих полномочий, сделал незаконно, и младшего князя постигла бы точно такая же участь.

Если я не ошибаюсь, эти трое — единственные примеры хороших и честных людей, с которыми Достоевский столкнулся за годы своего заключения, — единственные, кто не внушал ему отвращения, кто стал его друзьями, кто не обладал ни цинизмом, ни бросающейся в глаза безнравственностью остальных. У них не было никаких признаков преступников просто потому, что они ими не были. Они просто нарушили закон, не будучи никоим образом виновными в том, что, с нашей точки зрения, составляет истинное преступление. Поэтому мы видим, как эти исключения подтверждают правило и какую поддержку они дают нашим взглядам на естественную преступность и преступный тип.

III. НАСЛЕДСТВЕННАЯ ПЕРЕДАЧА ПРЕСТУПНЫХ НАКЛОННОСТЕЙ

Мы не будем останавливаться на симптомах психопсихического порядка, таких как притупление общей чувствительности, анальгезия и несовершенная сосудистая реакция. Изучение этой фазы нашей

темы все еще находится в начальной стадии, и пока сделано мало наблюдений. Хотя такие наблюдения уже дали удовлетворительные результаты, необходимо дождаться дальнейших исследований, прежде чем мы сможем опираться на них в поддержку нашей теории. Однако следует отметить, что более низкая степень чувствительности к физической боли, по-видимому, подтверждается готовностью, с которой заключенные соглашались на татуировку.

Доказательственные данные

Переходя к наследственности, мы обнаруживаем здесь факт, установленный неопровержимыми доказательствами. Мир познакомился с некоторыми поразительными генеалогиями — например, с генеалогией Лемэра или Кретьена или с генеалогией семьи «Джук». В последней из них потомки некоего Макса, пьяницы, за семьдесят пять лет насчитывали 200 убийц и воров, 288 больных и 90 блудниц.

Из 109 осужденных Томсон обнаружил 50 родственников, причем 8 из них были членами одной семьи, потомками осужденного рецидивиста. Вирджилио из 266 преступников обнаружил 195, страдающих заболеваниями, распространенными в дегенеративных семьях, такими как золотуха, кариес, некроз и чахотка, преимущественно наследственными. Но еще более важным в наблюдениях последнего является факт передачи преступности по наследству, как прямой, так и побочной линии, у 32,24% обследованных осужденных. Если принять во внимание количество случаев, которые, должно быть, остаются вне нашего знания либо из-за забвения фактов, либо из-за трудностей, связанных с расследованием по боковой линии и почти всегда существующей невозможностью продолжить расследование по линии деда, то этих цифр должно быть достаточно, чтобы доказать закон наследственной передачи преступности. Но это еще не все. Последний цитируемый автор показал, что из 48 рецидивистов (которые чаще всего являются настоящими преступниками) у 42 наблюдались признаки врожденной дегенерации.

Марро провел несколько весьма любопытных наблюдений. Среди непереступников он обнаружил 24%, среди преступников — 32% детей родителей преклонного возраста. В этом отношении убийцы, взятые отдельно, достигли примечательного показателя в 52%, преступники-убийцы в целом — 40%, мошенники — 37%, в то время как воры и виновники непристойных преступлений оказались ниже среднего. Он объясняет этот несоразмерный результат психическими изменениями старческого возраста, растущим эгоизмом, расчетливостью, алчностью, которые неизбежно отражаются и на детях, предрасполагая их к дурным наклонностям. Вот почему этот процент так высок

у убийц и преступников-убийц, которым недостает аффективных чувств, и у мошенников, чьи действия требуют осмотрительности и ловкости, в то время как воровство, с другой стороны, показывает гораздо более низкие показатели, поскольку этот порок проистекает из склонности к удовольствиям, праздности, разврату — особенностей возраста, в котором преобладают страсти. Тот же автор обнаружил среди преступников в среднем 41% сыновей пьяниц против 16% среди непроступников. У преступников было 16% братьев, отбывающих наказание, у непроступников — всего 1%. Дальнейшие исследования в этом направлении, можно быть уверенным, дадут доказательства все более убедительного характера. Трудно представить себе, как может быть иначе, если задуматься о том, насколько распространена передача дегенеративных признаков. Более того, даже противники позитивизма вынуждены признать, что «наследственность проявляется тем активнее, чем теснее связаны явления с организмом, тем сильнее она проявляется в рефлекторных актах, в бессознательной деятельности мозга, во впечатлениях, инстинктах, ослабевая и становясь более неопределенной в явлениях высшей чувствительности».

В рамках этих ограничений преступная наследственность находит свое вполне определенное место. Если мы правы, предполагая, что преступление — это недостаток той части нравственного чувства, которая наименее утончена, наименее чиста, наименее деликатна, наиболее близка организму, то склонность или предрасположенность к преступлению должны передаваться по наследству, как и все другие явления того же рода. Речь идет не о феномене высшей чувствительности, а о феномене, зависящем от самого распространенного вида нравственной чувствительности, чувствительности, которая неизбежно отсутствует у детей тех, кто ее лишен. Если и можно представить себе исключения из биологического закона, охватывающего все человечество, то, безусловно, найти их здесь не удастся.

Античность, не обладавшая наукой статистики, тем не менее обладала интуицией великих законов природы. Будучи мудрее современности, она умела использовать эту интуицию. Целые семьи объявлялись нечистыми и подвергались изгнанию. Этот вопрос требует наблюдения, которое может показаться несколько странным. Вспомним случаи библейских проклятий, распространявшихся даже на пятое поколение. Современная наука оправдывает это ограничение, поскольку учит, что ярко выраженный характер, определяющий добрую или злую сторону, не сохраняется после пятого поколения. Более того, именно этот факт отчасти объясняет упадок всех аристократий.

Рецидивизм как следствие наследственности

Учитывая врожденную и наследственную природу преступных наклонностей, которая, по-видимому, установлена, не стоит удивляться масштабам, которых достиг рецидивизм. Исправительная школа легковерно приписывала существование рецидивизма плохому состоянию тюрем и несовершенной организации пенитенциарной системы.

Официальные данные не дают нам всей правды по ряду причин. Во-первых, профессиональный преступник стал более искусным в том, чтобы избегать полиции. К тому же, будучи арестованным, он очень часто может скрыть свое имя. Более того, рецидивизм, определяемый уголовными кодексами, гораздо уже, чем рецидивизм в чистом виде. Он ограничен отдельными случаями, иногда особым рецидивизмом, а также рецидивизмом, возникающим после отбывания наказания сроком не менее одного года, или после уголовного, в отличие от исправительного, осуждения. И все же, несмотря на эти ограничения, доля юридического рецидивизма достигает 46% во Франции, 49% в Бельгии и 45% в Австрии. «Одни и те же лица, — как справедливо заметил один автор, — всегда совершают одни и те же преступления».

IV. РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ МОРАЛЬНОЙ АНОМАЛИЕЙ И ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНОМАЛИЕЙ

Случайный преступник не существует

Сегодня мало кто из ученых полностью отрицает существование врожденных преступных импульсов. Однако есть много тех, кто считает, что такие склонности можно свести к ограниченному числу патологических случаев. По их мнению, подавляющее большинство преступников — это нормальные люди, страдающие от пренебрежительного морального воспитания, которые были побуждены к преступлению внешними причинами. Без сомнения, внешние причины, такие как традиция, предрассудки, дурные примеры, климат, алкогольные напитки и тому подобное, не лишены важного влияния. Но, по нашему мнению, в инстинктах истинного преступника всегда присутствует определенный элемент, который является врожденным, или унаследованным, или же приобретенным в раннем младенчестве и становится неотделимым от его психического организма. Не существует такого понятия, как случайный преступник, — если, употребляя этот термин, мы допускаем возможность совершения преступления морально благополучным человеком исключительно

под влиянием внешних обстоятельств. Если из ста человек, находящихся в одинаковых условиях, только один был побужден к совершению преступления, следует признать, что этот человек иначе, чем другие, ощутил влияние этих условий, — что он обладает чем-то, чего нет у других, — особым диатезом или образом жизни. Это убедительный ответ на аргумент, приписывающий определенные виды преступлений нищете бедных классов. Ведь эти классы, несмотря на повсеместное распространение нищеты, отнюдь не состоят из преступников; преступники, напротив, представляют там лишь незначительное меньшинство. Возможно, как часто говорилось, условия, окружающие эти классы, — это наиболее благоприятный бульон для развития микроба, но микроб, то есть преступник, не является их необходимым продуктом. В иной среде его преступность, вероятно, осталась бы латентной, но тем не менее существовала бы. Поэтому преступников нельзя разделить на два отдельных класса: нормальных и ненормальных; их можно классифицировать только в соответствии с большей или меньшей степенью их аномалии. У врожденных, или инстинктивных, преступников и преступников, которых называют случайными, наблюдается одинаковое отсутствие отвращения к преступлению.

Рассмотрение некоторых возражений

Теперь важно провести различие между, с одной стороны, определенными патологическими состояниями, связанными с преступными импульсами, такими как слабоумие, безумие, истерия и эпилепсия, — состояниями, которые могут быть как врожденными, так и приобретенными, — и, с другой стороны, исключительно моральной аномалией, которая характеризуется извращенностью или отсутствием элементарных моральных инстинктов и которая не является болезнью.

По поводу этого различия возникло много сомнений. Против нас выступают, прежде всего, те авторы, которые отказываются признать, что воля может быть рабой склонностей и инстинктов, которые не способны понять, как человеческая душа может быть направлена ко злу через особенности индивидуальной организации, если только интеллект не поражен или какая-либо болезнь не мешает подчинению действий воле. Обсуждение вопроса о свободе воли было бы здесь неуместно. Да оно и вовсе не нужно, поскольку, достаточно сказать, правильное понимание наших взглядов не приписывает нам идею о том, что каждая преступная склонность обязательно побуждает к действию. Мы же, напротив, полагаем, что проявление таких склонностей может быть подавлено благоприятным стечением мно-

жества внешних обстоятельств, даже в случае людей с врожденной порочностью. Независимо от того, является ли воля результатом действия многих сил или же это изначальное психическое движение, преступные импульсы, несомненно, всегда могут быть парализованы внешним мотивом, например, страхом смертной казни или страхом потерять преимущества, превышающие те, которые можно получить в результате преступления. Следует добавить, что отсутствие морального чувства — лишь благоприятное условие, позволяющее преступлению быть совершенным в данный момент. Многие люди, страдающие подобной предрасположенностью, никогда не становятся преступниками просто потому, что могут удовлетворить свои самые сокровенные желания, ни в малейшей степени не причиняя вреда другим. Именно поэтому люди со скрытыми преступными инстинктами всю жизнь сльвут честными людьми: так и не наступил момент, когда преступление стало бы для них полезным. Следовательно, достоинство их постоянного поведения следует приписывать не их характеру, а ситуации, в которой им посчастливилось оказаться.

Перейдем к возражению диаметрально противоположного характера. Многие авторы классифицируют криминальную аномалию как форму отчуждения под названием «нравственное безумие». По нашему мнению, этот термин ошибочен и должен быть исключен из научного словаря. Во-первых, его использование порождает множество недоразумений. Фактически именно из-за этого термина позитивная школа подвергалась критике за то, что она превращает преступность в главу о безумии. Опять же, слово «безумие» является синонимом «психического отчуждения». Однако, хотя разум и чувство находятся в нервной системе, неоспоримо, что это совершенно разные по своей природе действия и что одно из них — способность к идеации — может быть совершенно регулярным, хотя другое — способность к эмоциям — может быть ненормальным. И наконец, слова «безумие» или «отчуждение» подразумевают идею болезни, поскольку непатологическое безумие Деспена больше не допускается. Следовательно, этот термин совершенно неприменим, поскольку наши инстинктивные преступники не являются больными людьми. Будет уместно уделить этому вопросу некоторое внимание.

Преступный инстинкт, а не болезнь

Когда аномалия преступника заключается лишь в моральном отклонении, когда она проявляется только злобностью, жестокостью или бессердечием, без малейшего нарушения мыслительной деятельности или каких-либо признаков иного рода невроза, такого как истерия или эпилепсия, как можно утверждать о наличии патологи-

ческого состояния? Единственный способ обозначить патологическое состояние — это считать слова «болезнь» и «аномалия» тождественными по значению. Но если бы мы это делали, то не было бы никакой разницы между физиологическим и патологическим состояниями, поскольку каждое атипичное изменение, каждая ненормальность тела, каждая странность характера, каждая особенность темперамента были бы болезненной формой... Поскольку почти нет людей, не проявляющих каких-либо физических или моральных особенностей, состояние здоровья стало бы невозможным: это слово потеряло бы всякое практическое значение. Однако существуют состояние физического здоровья и состояние психического здоровья. Между каждым из этих состояний и болезнью, опять же, существует промежуточная зона. Поэтому, хотя нам никогда не давалась адекватная дефиниция отчуждения, мы тем не менее можем в каждом конкретном случае отличить безумца от человека в здравом уме.

Болезнь как отклонение от вида

Можно утверждать, что, если учесть все вышесказанное, цитируя итальянского психиатра, «болезнь — это не что иное, как жизнь в ненормальных условиях, и что с этой точки зрения нет абсолютной противоположности между здоровьем и болезнью». Но какое основание имеет наука для того, чтобы аннулировать значение слов, которые человек веками считал необходимыми? Слова «болезнь» или «немоть» всегда означают нечто, ведущее к разрушению организма или пораженной его части. Если нет процесса разрушения, есть процесс излечения — никогда не состояние стабильности, как это бывает при многих видах аномалий. Но даже если предположить, что значение этого слова можно расширить так, чтобы оно включало в себя все ненормальные состояния жизни, наша позиция останется неизменной. Знать, что подразумевается под ненормальным, а что нет. Сумасшедший — это тот, кто лишен способностей, необходимых для социального сосуществования. Безумие, как и преступность, — это форма неприспособленности индивида к общественной жизни... Действительно, странно, что мы должны требовать от врача понятия и определения безумия, когда их может дать только социальная среда... Тот факт, что понятие безумия всегда менялось, показывает, насколько это верно. ...По моему мнению, серьезной ошибкой является объявление человека невменяемым только потому, что объективный диагноз выявляет наличие определенных феноменов... Никто не может быть уверен, что сможет избежать этого диагноза... Преступник, как и сумасшедший, — ненормальный. В этом заключается единственное сходство между ними. Это все равно, что сказать,

что сфера и треугольник подобны, потому что оба они отличаются от прямой линии.

Мы должны сначала определить, что такое нормальные условия жизни. Имеем ли мы в виду нормальные условия жизни народа, расы или человечества в целом? Очевидно, что выражения «физиологические условия» и «патологические условия» должны относиться к человечеству в целом независимо от расовых различий. Шерстяные волосы, прогнатизм и плоские носы, безусловно, являются аномалиями нашей расы, но им нельзя приписать патологический характер по той очевидной причине, что они не являются отклонениями от человеческого типа. Более того, у некоторых низших рас они являются расовыми характеристиками. Они ни в малейшей степени не нарушают и не изменяют органические функции. Почему бы не сказать то же самое и о психических различиях? Нравственная бесчувственность, отсутствие предвидения, жестокость не являются сегодня характеристиками нашей расы, но у других рас они очень распространены. Следовательно, они не являются аномалией по отношению к «роду homo»: их аномалия существует только по отношению к «совершенному типу», представленному цивилизованными народами. Чтобы яснее прояснить это различие, сравним аномалию врожденной извращенности с другими видами психической аномалии, такими как отсутствие способности к координации идей, потеря памяти, афазия или неспособность психического процесса реагировать на какое-либо внешнее раздражение. В этих случаях мы имеем дело с истинными случаями болезни, поскольку они представляют собой аномалии по отношению к виду. Способность к идеации, которая страдает в таких случаях, не является наследием какой-либо конкретной расы и не появляется впервые на какой-либо данной стадии моральной эволюции: ее существование современно существованию человечества. Какую же разницу представляет случай инстинктивной извращенности или отсутствия морального чувства!

Здесь ни одна органическая функция не разрушается и не нарушается; физиологические условия, необходимые для жизни вида, остаются прежними. Единственным результатом является несовместимость субъекта с окружающей средой, при условии, что эта среда представляет собой совокупность семей, ибо пока она состоит из одной семьи, эгоистических чувств достаточно.

И все же, чтобы эта несовместимость существовала, совокупность должна быть в какой-то степени удалена от дикого состояния. Следует вспомнить, что сегодня существуют или существовали в недавнее время племена, в которых самая необузданная жестокость и похоть кажутся почти нормальными. Маори и фиджийцы, убивавшие ради

удовольствия от убийства, были лишены инстинкта жалости, или, скорее, этот инстинкт не выходил за пределы их семей. И все же они не были больными людьми, как и африканский негр, который ворует при каждом удобном случае. Совершенно очевидно, что ни анатомические особенности, являющиеся аномалиями лишь в отношении расы, ни признаки задержки психического развития, общие для некоторых диких племен и типичного преступника, не могут заставить нас считать последнего жертвой болезни, если первого, с теми же физическими и моральными недостатками, считать человеком, находящимся в полном здравии.

В этом отношении не имеет значения, что альтруистические чувства сегодня преобладают практически повсеместно. Было время, когда они существовали лишь в зачаточном состоянии, едва выходя за рамки семьи, редко — племени. Но если люди тех далеких времен были здоровы, почему же должно быть иначе с преступниками наших дней, которые похожи на этих дикарей и, возможно, благодаря какому-то таинственному атавизму унаследовали от своих доисторических предков черты, которые теперь представляют собой моральную аномалию? Считать отсутствие нравственного чувства болезнью неизбежно привело бы к такому странному результату: от степени социального развития зависели бы степень серьезности и даже возможное исчезновение одной и той же болезни. Так что при точно таком же положении дел человек мог бы быть тяжело болен в цивилизованных странах, иметь довольно сомнительное состояние здоровья у полудиких народов и быть полностью свободным от болезней на островах Фиджи, в Новой Зеландии и Дагомее.

Это, конечно, абсурдно. Когда мы говорим о патологических состояниях, мы не спрашиваем, является ли субъект современным человеком, или он принадлежит к каменному веку, или является малайцем, полинезийцем или англосаксом. Независимо от эпохи или расы основные условия жизни остаются теми же.

Следовательно, существование непатологических аномалий, и в том числе отсутствие морального чувства, должно быть признано установленным. Однако, по нашему мнению, как уже отмечалось, выражение «моральное безумие» совершенно несостоятельно. Несомненно, существуют примеры крайней извращенности истинно патологического характера, но в этих случаях извращенность — не более чем наиболее яркий симптом какого-либо серьезного невроза, такого как эпилепсия или истерия, или какой-либо формы отчуждения, такой как меланхолия, прогрессивный паралич или идиотия. С другой стороны, когда не обнаруживается никаких нарушений физиологи-

ческих функций, это не болезнь, как бы ни была сильна несовместимость индивида с социальной средой.

Различное воздействие внешних впечатлений при безумии и моральной аномалии

Следующие соображения, как мне кажется, имеют решающее значение для обсуждаемого вопроса: у душевнобольного или идиота восприятие внешнего мира производит преувеличенные впечатления; оно порождает психический процесс, не соответствующий внешней причине; отсюда следует несоответствие между этой причиной и реакцией субъекта. В этом факте кроется объяснение многих зверских убийств, совершаемых исключительно для того, чтобы избавиться от неприятного ощущения — от раздражения, вызванного присутствием жертвы. Некий Гранди, полудиот, обеспокоенный шумом соседских детей, играющих перед его мастерской, возражает, что уроженец Огненной Земли счел бы здоровым цивилизованного человека, страдающего афазией, то есть неспособного отчетливо произносить слова, поскольку язык огнеземельцев состоит из нечленораздельных звуков.

Мой ответ таков: если это верно для огнеземельского языка, то не доказано, что туземцы не способны научиться артикулировать слова другого языка — задача, которая была бы невыполнима для европейца, страдающего афазией.

Безумец Эдгара Аллана По в «Сердце-обличителе» лишает жизни старика, чтобы тому не пришлось видеть «глаз стервятника» своей жертвы. В других случаях определяющим мотивом является патологическое удовольствие, как в случае с сумасшедшим, которого цитирует Модсли, который расчленил маленькую девочку, записав в дневнике: «Убил маленькую девочку: было хорошо и жарко».

У вора-преступника, с другой стороны, психический процесс соответствует впечатлениям внешнего мира. Если мотив — месть, всегда есть реальная несправедливость или ущерб. Если это надежда на выгоду, предполагаемая выгода такова, что была бы реальной выгодой в глазах любого другого человека. Если удовольствие, то это удовольствие никоим образом не ненормальное. Не сама цель, а преступный метод, используемый для ее достижения, обнаруживает моральную аномалию. Есть, правда, определенные преступления, для объяснения которых одного отсутствия морального чувства не всегда достаточно. Однако это отсутствие иногда сопровождается преувеличенной самооценкой, в результате чего воображаемая или пустяковая обида ощущается острее, чем это было бы в противном случае. Так, некий Т., разгневанный тем, что его слуга оставил службу,

подстерег последнего и застрелил его. Поведение жертвы было бы для другого лишь пустяковым огорчением, но для этого человека это было оскорблением, за которое можно было расплатиться только жизнью обидчика. В таких случаях говорят о несоразмерности между причиной и следствием. Это выражение философски абсурдно. Пропорция всегда должна существовать. Но причина здесь не только та, которую мы предполагаем, ибо этого было бы недостаточно. Кроме того, присутствует отсутствие морального чувства в сочетании с преувеличенной самооценкой, неумеренным тщеславием и крайней восприимчивостью. Характеристики, которые, как было замечено, очень часто встречаются среди преступников.

Тард, разделяя мои взгляды на различие между так называемым «моральным безумием» и преступным инстинктом — различие, которое он считает крайне важным, — подытоживает их в следующем примечательном отрывке: «Для самого безумца преступление, если можно так выразиться, действительно является средством удовольствия, поскольку, как отмечает Модсли, совершение убийства доставляет действующему лицу, движимому непреодолимым преступным импульсом, истинное утешение. Но именно ненормальная природа этого удовольствия и тот факт, что при совершении преступления не преследуется ничего другого, отличают безумца от преступника. Преступник, правда, также демонстрирует определенные аномалии аффективных чувств (“аномалии аффективные”), но они заключаются в его большей или меньшей неспособности к определенным сочувственным страданиям, к определенным отвращениям, которые у честного человека достаточно сильны, чтобы удержать его на грани определенных поступков. Другое дело — наличие болезненного влечения, которое побуждает его к действию даже там, где нет... никакого внешнего провокационного воздействия. Еще одним признаком является отсутствие какого-либо внутреннего отвращения, которое могло бы помешать ему поддаться внешним соблазнам».

Таким образом, преступная аномалия есть отклонение от типа цивилизованного человека; этим она отличается от болезни, которая является аномалией по отношению к человеческому роду в целом, а не по отношению к частному состоянию морального превосходства — состоянию, которое к тому же само является результатом ряда незаметных органических индивидуальных изменений.

Смертная казнь оправдана

Допуская таким образом возможность соматического субстрата как в аномалии, так и в болезни, мы ни в коем случае не превращаем вопрос в вопрос словесный.

Это различие имеет большое значение с точки зрения уголовно-правовой науки; оно дает возможность оправдать смертную казнь. Если бы преступников рассматривали как страдающих существ, которые уже в силу этого имеют право на наше сочувствие или даже на нашу жалость, — их преступления являются лишь следствием болезни, а не следствием их характера или темперамента, — то применение смертной казни носило бы характер невыносимой жестокости. Как сказано у Шекспира:

«Гамлет принадлежит к партии обиженных;
Его безумие — враг бедного Гамлета».

Характер и темперамент, напротив, формируют моральный облик личности: они составляют Эго. Если преступнику недостает морального чувства, этот недостаток не является для него причиной страданий; он лишь делает его неполноценным существом с социальной точки зрения. Именно по этой причине мы сочли важным подчеркнуть опасность, связанную с использованием термина «нравственное безумие», и четкое различие между преступником, лишенным морального чувства, и преступником, находящимся в безумии.

V. ГИПОТЕЗЫ ОБ ИСТОЧНИКЕ МОРАЛЬНОЙ АНОМАЛИИ

Поскольку, таким образом, существование криминальной аномалии больше не вызывает сомнений, как объяснить этот феномен? Его не всегда можно отнести к прямой наследственности. Следует ли тогда считать это случаем атавизма или вырождения?

Теория атавизма

Ввиду явного сходства между типичным преступником и дикарем, рассматриваемым как представитель первобытного человека, Ломброзо придерживался теории атавизма. Некоторые особенности доисторических черепов, обнаруженные при сравнении с черепами преступников, укрепили его в этой точке зрения. Кроме того, его психологические исследования младенчества, воспроизводящие в миниатюре первые этапы развития человека, привели к открытию многих характеристик, наблюдаемых также у дикарей и преступников.

В своих более поздних работах тот же автор утверждал, что эпиплезия всегда свойственна прирожденным преступникам. Я не буду останавливаться на этой теории, поскольку этот факт еще далеко не установлен. Более того, она категорически противоречит теории атавизма, несмотря на попытки Ломброзо примирить эти две теории.

Вряд ли возможно представить наших прародителей несчастными эпилептиками.

Напротив, хотя мы не знаем доисторического человека, легко поверить, что он не мог обладать альтруистическими инстинктами. Почти изолированная жизнь, которую он вел со своим потомством, — хотя период, в течение которого человек вел такую жизнь, не мог быть длительным, — делает это весьма вероятным. Важно отметить, что такое моральное состояние зависит исключительно от отсутствия условий общественной жизни. Мы видим, как альтруизм начинает развиваться с момента образования племени; мы видим, как он впоследствии распространяется на весь народ или нацию. У преступника же альтруистические чувства отсутствуют, несмотря на социальную среду, в которой он рождается. Если же мы возьмем в качестве объекта сравнения не человека из лесов и болот, чьим единственным обществом были его супруга и потомство, а члена древнейших социальных общностей, то мы вынуждены согласиться с Тардом, «что низость, жестокость, бессердечие, трусость, лень и недобросовестность, наблюдаемые среди преступников, не могут происходить от большинства наших общих предков, поскольку они несовместимы с многовековым существованием хорошо организованного общества».

Замечание Фере также уместно. Он предполагает, что «следы вырождения, такие как везанические или невропатические проявления, скрофулез и т.д., столь часто встречающиеся у преступников, не имеют ничего общего с атавизмом; будучи несовместимыми с закономерным процессом размножения, они, по-видимому, даже исключают идею атавизма».

Тем не менее фактов, которые, по-видимому, подтверждают раннюю теорию Ломброзо, предостаточно. Прежде всего это вопрос анатомических особенностей.

Среди них наиболее заслуживающий внимания факт — это крайний прогнатизм, характерный для некоторых черепов, относящихся к эпохам мамонта и северного оленя. Однако эти немногочисленные факты, как отмечает Топинар, не дают оснований для каких-либо выводов. Доказательств недостаточно. И все же не может быть никаких сомнений в регрессивном характере прогнатизма ввиду того, что удлиненность и выступание челюстей являются правилом у черных рас Африки и Океании и исключением у рас Европы. Более того, используя это слово в его обычном и современном значении, мы можем сказать, что белые расы никогда не бывают прогнатными, в то время как желтая и черная расы прогнатны в разной степени. И далее следует отметить, что народы, которые относятся к наиболее дегенеративным представителям человечества, такие как готтентоты

(бушмены и нама), достигают наивысшей степени прогнатизма, известной «во всем человечестве».

Поэтому представляется разумным предположить, что наши первые предки были еще более прогнатными, чем дикари. И если допустить, что черепа Канштадта и кроманьонца могли быть исключениями для расы — современницы мамонта, то справедливо предположить, как это делает Топинар, что они были последними представителями расы, тогда почти вымершей, которая датируется плейстоценом или миоценом. «То же самое, несомненно, объясняет и необычайный прогнатизм знаменитых наамов Музея... По всей вероятности, они были выжившими представителями древней африканской расы, давно вымершей». Помимо анатомических характеристик, доисторический человек должен был иметь много общего с современным дикарем. Но здесь необходимо провести различие. Существуют сотни различных диких рас разной степени социального развития. Несомненно, ни одна из этих рас не является идеальным образцом доисторического человека. Бэдджот пролил ценный свет на этот вопрос. Хотя, говорит он, можно вполне полагать, что в некоторых отношениях доисторический человек «был идентичен современному дикарю, в другом отношении есть равные или даже большие основания полагать, что он был совсем не похож на современного дикаря. Современный дикарь — это совсем не то простое существо, каким его представляли философы восемнадцатого века; напротив, его жизнь искривлена тысячей странных привычек; его разум омрачен тысячей странных предрассудков; его чувства напуганы тысячей жестоких суеверий».

Эти ранние наши предки «были “дикарями без устоявшихся привычек дикарей”»; то есть, как дикари, они обладали сильными страстями и слабым разумом; как дикари, они предпочитали короткие приступы жадного удовольствия мягкому и ровному наслаждению; как дикари, они не могли откладывать настоящее на будущее. Подобно дикарям, их укоренившееся чувство морали было, мягко говоря, рудиментарным и несовершенным».

Разве не эти последние характеристики выявлены нашим анализом у преступников? Но мы обнаруживаем и другие черты, в которых у них нет ничего общего. Очевидно, что первобытный человек должен был обладать физической и моральной силой. Только мужество могло позволить ему сражаться со свирепыми зверями, будучи нагим и безоружным; только любовь к труду могла побудить его пробираться сквозь непроходимый лес, строить первые грубые жилища, защищать свое потомство от различных опасностей. «Часто, — говорит Тард, — он, должно быть, был героем». Без этих качеств

человеческий род замер бы. Он остался бы в том же состоянии, в котором сегодня находятся некоторые исключительно отсталые народы: например, малайцы с островов, чьи хижины построены на столбах, вбитых посреди озер, для которых единственный способ пересечь окружающие их девственные леса — прыгать, подобно обезьянам, с ветки на ветку.

Сходство, которое можно отметить между инстинктами дикаря и преступника или между инстинктами современного дикаря и первобытного дикаря, весьма далеко от установления их тождественности. Впрочем, некоторые черты сходства, такие как эгоизм и отсутствие морального чувства, проявляются в характеристиках преступников и детей. Но это вряд ли основание утверждать, что дети — это преступники в миниатюре: здесь проявляется огромная разница между развитием, еще не начавшимся, и развитием, которое дефектная моральная организация сделала невозможным. Единственный вывод, который мы имеем право сделать, заключается в том, что преступники обладают регрессивными характеристиками — характеристиками, указывающими на более низкую степень развития, чем у их соседей. Нет ничего удивительного в сходстве преступников с низшими и примитивными расами человечества. Несомненно, преступники обладают примитивными инстинктами — инстинктами хищничества, сочетающимися с полным отсутствием чувства справедливости и отсутствием какого-либо внутреннего сдерживания страстей. Что же удивительного в том, что мы обнаруживаем такое сочетание инстинктов с физическими, и особенно физиогномическими, характеристиками, напоминающими черты самых варварских рас, что в результате достигается соответствие морального и физического характера?

Более того, многие преступники демонстрируют черты, которые нельзя отнести к атавизму и которые действительно нетипичны. По этой причине я вынужден согласиться с той частью выводов Тарда, где он говорит, что преступник — это «чудовище, которое, как и многие другие чудовища, проявляет черты регрессии к прошлому расы или вида. Но он сочетает их по-другому, и мы должны остерегаться судить наших предков по этому примеру».

Теория морального вырождения

Простейшее объяснение — это, несомненно, моральное вырождение как результат регрессивного отбора («отбор на ребурс»), который привел к тому, что человек утратил лучшие качества, приобретенные им в ходе вековой эволюции, и вернул его к той же степени неполноценности, с которой он медленно поднялся. Этот рег-

рессивный отбор обусловлен скрещиванием самых слабых и неспособных, тех, кто озверел от алкоголя или был унижен крайней нищетой, с которой их апатия помешала им бороться. Так образуются деморализованные и изгои, чье скрещивание со временем порождает настоящую расу низшего качества.

«Вырождение, будь то моральное или физическое, — пишет Тард, — как правило, является результатом наследственности. Нам достаточно вернуться на один-два шага назад по линии происхождения, чтобы найти объяснение его аномалий. Поэтому тщетно обходить стороной его родителей и, не знаю, сколько еще поколений, чтобы требовать от его туманных предков тайны его извращенности или уродства».

Гипотеза дочеловеческого атавизма

Но есть уродства, которые нельзя приписать родителям или предкам. Откуда природа могла их вывести? На этот вопрос Сержи отвечает без колебаний: «Из дочеловеческой жизни, из низшей животности». Если этот дочеловеческий атавизм можно допустить в случае морфологических аномалий, то почему бы не допустить его и в случае соответствующих функций? Это дало бы ключ к пониманию определенных инстинктов, деградирующих от человеческого типа к типу зверя, — биологически объяснимых задержкой развития тех частей.

То, что мы называем моральной деградацией, не обязательно сопровождается физической деградацией. В этом отношении мы не согласны с Маньяном и Фере, как и с французской школой в целом. Их взгляды противоречат неоспоримому факту, что значительная часть преступников (и, конечно же, самых отъявленных преступников) обладают отменным здоровьем и не демонстрируют никаких следов телесной деградации. Но это не исключает существования в их организме, в их молекулярной анатомии, некоего отклонения, некоего различия, которое делает их моральными дегенератами. Такое состояние, однако, не является особенностью, идиосинক্রазией или нарушением, способным нарушить их физиологическое состояние: оно лишь создает моральную аномалию.

Типичный преступник гораздо хуже худшего из дикарей — по крайней мере, его регрессивные моральные черты гораздо более выражены; меньшие преступники, напротив, во многих отношениях развиты лучше многих дикарей. В общем, типичный преступник, по-видимому, представляет собой психическое чудовище с регрессивными чертами, которые ставят его на уровень низших животных, в то время как меньший преступник, по-видимому, обладает пси-

хической организацией, характеристики которой приближают его к дикарю.

Бессмысленно утверждать, что гипотеза дочеловеческого атавизма может быть принята лишь теми, кто безоговорочно верит в трансформацию видов. Однако эта теория не совсем свободна от невероятий. Лучше смиренно признать, что это явление, как и многие другие, окутано тайной. Но даже при этом факт остается фактом: типичный преступник — это моральное чудовище, обладающее как некоторыми общими с дикарями чертами, так и другими, которые низводят его ниже уровня человечества.

VI. КЛАССЫ ПРЕСТУПНИКОВ

(1) Убийцы. Типичный преступник, как мы его понимаем, — это человек, который полностью лишен альтруизма. Когда же мы обнаруживаем полный эгоизм, или, другими словами, отсутствие какого-либо чувства благосклонности или жалости, бесполезно искать следы чувства справедливости. Это чувство возникает позже чувства благосклонности и предполагает более высокую степень моральной эволюции. Следовательно, один и тот же преступник может быть вором или убийцей в зависимости от обстоятельств: он покончит с собой, чтобы удовлетворить свою жадность к деньгам, получить наследство, избавиться от жены, чтобы жениться на другой, устранить свидетеля, чтобы отомстить за воображаемую или незначительную обиду или даже чтобы продемонстрировать свою физическую ловкость, свой меткий глаз, твердую руку, чтобы показать свое презрение к полиции или ненависть к людям другого класса.

Таков преступник, которого мы можем назвать убийцей, используя это слово в его общем значении, а не в узком смысле, принятом во многих кодексах. Находясь на вершине преступности, он почти всегда представляет собой сочетание основных характеристик, описанных выше, — иногда в крайней степени. В таких преувеличенных случаях аномалия, добавлю я, раскрывается самими обстоятельствами преступления. В менее очевидных случаях характер преступника невозможно определить без антропологического и психологического исследования. Поэтому при классификации менее тяжких преступников наука призвана оказать более важную услугу.

(2) Насильственные преступники. (А) Эндемичные преступления. Эти наименее тяжкие преступники — люди, которые ни морально, ни физически не так далеки от общей массы, как предыдущие, — должны теперь привлечь наше внимание. И здесь вследствие различия между преступниками, которое соответствует уже

отмеченному в отношении естественных преступлений, очевидны два четко определенных класса: один характеризуется отсутствием благожелательности или сострадания, другой — отсутствием честности.

Насильственные преступники составляют первый класс. К этому классу относятся прежде всего авторы таких преступлений против личности, которые можно назвать эндемичными, или, другими словами, таких преступлений, которые составляют особую преступность данной местности. Современные примеры подобного рода преступности можно найти в вендеттах неаполитанских каморристов или политических убийствах русских нигилистов.

В таких случаях окружающая среда, несомненно, оказывает большое влияние. Предрассудки чести, политики и религии играют очень важную роль. В некоторых странах общий характер населения, расовые инстинкты или более низкий уровень цивилизации или чувствительности приводят к тому, что даже незначительные правонарушения приводят к кровопролитию. Так, в различных районах юга Европы быть свидетелем даже по гражданскому делу означает рисковать жизнью, а тот, кто вытесняет арендатора фермы, предлагая землевладельцу более выгодные условия, скорее всего, умрет от огнестрельного ранения.

«В Риме, — говорит Габелли, — самый незначительный мотив, неприятное замечание в разгар игры, злонамеренное сплетничанье, профессиональное соперничество, смутное подозрение в верности невесты или жены — все это по-прежнему достаточно, чтобы убийство какого-нибудь персонажа повергло его в содрогание... Общее состояние цивилизации, естественно, способствует этому явлению, но непосредственный вклад вносят идеи и обычаи — идеи и обычаи, не лишенные чего-то великодушного и романтического, — которые все еще сохраняются в сельской местности, несмотря на их постепенное исчезновение в городах. Тот, кто заносит оскорбление в карман, не мужчина. Еще пятнадцать или двадцать лет назад молодая женщина из низших сословий вряд ли взглянула бы на мужчину, который никогда не брал в руки нож или не был замешан в полиции... Острые, блестящие ножи, выставленные на ярмарках, ослепляют алчные глаза молодого “контадино”. Взяв один с прилавка, взвесив его, размахивая им, заставляя сверкнуть в лучах солнечного света, он наконец становится его обладателем и спешит засунуть его в карман, откуда он однажды вынырнет, чтобы быть вонзенным между ребер товарища или друга. Не имеет значения, кто имеет право на ссору. Главное — не уступать, не позволять себя запугать, не уходить, не доводя дело до конца».

Почти те же идеи распространены в некоторых местностях Северной Европы, как, например, на островах Аспо и среди фризлов — факт, который, очевидно, обусловлен расовыми традициями.

Кастовые представления, некоторые утонченные представления о чести — все это оказало свое влияние на преступность. На юге Италии есть люди, которые верят, что половой акт с девственницей является лекарством от венерических заболеваний. Именно это убеждение объясняет многие случаи изнасилования. Среди низших классов Неаполя считается, что священники и монахи обладают даром пророчества. Известны случаи, когда их заключали в тюрьму и подвергали пыткам, пытаясь заставить их раскрыть предполагаемое знание выигрышного номера в приближающемся розыгрыше лотереи. Один из них, брат Амброджо, как говорят, умер от последствий жестокого обращения. В тех же классах предубеждение против чести делает для молодой женщины тяжким преступлением измену своему возлюбленному. В качестве наказания ей наносят удар по лицу бритвой, изуродовав его на всю жизнь. Во Франции сравнительно недавно стало обычным явлением, когда женщины, преданные своими любовниками, прибегали к купоросу для изуродования — практика, которая порой, казалось, принимала масштабы эпидемии. В Шотландии в начале XIX века купорос, похоже, также процветал, но здесь жертвами были работодатели, а виновниками — их недовольные рабочие.

Из этих фактов также очевидно, что подражание играет значительную роль во множестве преступлений против жизни и свободы. Должны ли мы из этого сделать вывод, что преступник — это обычный человек, а преступление — всего лишь следствие примера? Если бы это было так, преступники уже не составляли бы незначительное меньшинство: преступление потеряло бы характер исключительного факта. Люди, совершающие только что упомянутые преступления, всегда лишены некоторой доли чувства сострадания, свойственного подавляющему большинству населения. Даже у упомянутых рас — рас, чья чувствительность и цивилизация не достигли той же степени развития, что и наши, — убийства и подобные им преступления являются ненормальными явлениями. Этот вид повальной преступности затрагивает лишь небольшое число людей — индивидуумов, психическая организация которых лишена достаточно сильных агентов сопротивления, у которых та часть морального чувства, которая называется чувством жалости, едва ли существует. «С этим дефектом, — говорит Бенедикт, — который обусловлен врожденным снижением чувствительности к душевным страданиям и неприятным чувствам, часто сочетается “дефектная уязвимость”, то есть свойство некоторых людей не чувствовать физических травм, чувствовать их меньше, чем

другие, или быстро заживать». Автор приводит несколько примечательных примеров, из которых делает вывод, что такие люди считают себя привилегированными, презирая нежных и чувствительных и испытывая явное удовольствие от причинения боли тем, кого они считают низшими существами.

Эта физическая нечувствительность, кроме того, мешает им живо представить себе страдания, которые они причиняют другим, поскольку сами они либо не испытывают таких страданий, либо испытывают их лишь в незначительной степени. Однако следует признать, что эта неуязвимость, весьма распространенная у других рас, например, у китайцев, редко встречается у европейцев, и особенно редко — у городского населения, где даже низшие социальные слои приобрели определенную степень утонченности.

(В) Преступления в аффекте. За этим классом эндемических преступлений следуют преступления, совершаемые под влиянием аффекта. Это состояние «может быть привычным и отражать темперамент индивида» (Бенедикт) или же может быть результатом внешних причин, таких как алкогольные напитки, высокая температура или даже обстоятельства действительно чрезвычайного характера, которые способны вызвать гнев любого человека, хотя и не в такой же степени. В последнем случае преступник может быть близок к нормальному человеку. Когда, например, имеет место мгновенная реакция на внезапное и серьезное зло, оттенок различия может быть почти незаметным. При таких обстоятельствах даже убийство может потерять свою ужасность. В случае, когда оправдана насильственная реакция, лишение жизни преступника кажется лишь чрезмерной формой реакции. Разница лишь в степени, но именно эта разница доказывает существование минимальной моральной аномалии.

Поэтому, по нашему мнению, всегда присутствует дифференциальный психический элемент. Возьмем, например, случай перманентного состояния ярости, обусловленного темпераментом. Гнев — это всего лишь элементарное расстройство психических функций, ненормальный способ реакции мозга на внешние раздражители. Как говорит Вергилий, это расстройство часто сопровождает дегенеративные состояния, характеризующиеся недоразвитием мозговых органов или чрезмерной слабостью нервной системы, обусловленной наследственностью. Тогда возникает вопрос: достаточно ли одного лишь существования этого темперамента для объяснения акта жестокости? Другими словами, может ли тот, кто лишает жизни в порыве гнева, быть наделен чувством гуманности, ничуть не уступающим чувству гуманности непроступника?

Я так не думаю. Человек в порыве сильной ярости может позволить себе ударить того, кто его спровоцировал, но он использует кулаки, а не нож. Гнев лишь усугубляет характер: он является определяющей причиной преступления, но только когда агенту не хватает силы морального сопротивления, проистекающего из альтруистического чувства. Само собой разумеется, что случай истинного патологического состояния, такого как невроз или френоз, для которого страсть является лишь симптомом, всегда следует исключать.

Вопрос, связанный с предыдущим, заключается в том, способны ли внешние факторы, такие как алкогольные напитки или высокая температура, вызвать такое состояние аффекта, которое побудит честного человека совершить преступление. Сравнительная статистика показывает, что пьянство редко встречается в странах с самым высоким процентом убийств и, с другой стороны, очень распространено в странах, где убийства происходят редко. Несомненно, пьянство легко возбуждает ум и часто становится причиной ссор. Но в этих ссорах только пьяница с преступным темпераментом пытается пустить в ход нож или револьвер. Пьяница же, не склонный к преступлениям, напротив, сражается голыми руками. Его цель — сбить противника с ног, «вырубить его», как говорят англичане. Добившись успеха, он, возможно, сам поможет поверженному врагу подняться на ноги. В Италии драка в таверне часто заканчивается кровопролитием, в Англии — почти никогда. Стоит ли сказать, что это связано с расовыми различиями, или, скорее, с уровнем цивилизации и нравственной эволюции?

Об этом позже. Пока же мы, по-видимому, с полным основанием утверждаем, что алкоголь мало влияет на преступность подобного рода. Более того, мой опыт как судьи по уголовным делам показывает, что люди, покончившие жизнь самоубийством под воздействием алкоголя, почти всегда имели в прошлом дурную репутацию или были ранее осуждены за аналогичные преступления.

Что касается климата, атмосферных и температурных колебаний, очевидно, что до тех пор, пока все жители страны в равной степени подвержены их влиянию, это влияние можно считать важным только в сравнительной статистике — как одну из причин, объясняющих различия в преступности между разными странами. Несомненно, на территории, занимаемой одной и той же расой, местности с теплым климатом, по крайней мере в Европе и Америке, характеризуются большим числом убийств, в то время как в северных странах преступления против собственности являются преобладающей формой преступности. Этот контраст заметен, например, между Верхней и Нижней Италией, Северной Францией и Югом, а также северными

и южными штатами Американского Союза. Но в случае народов, покинувших свои расовые границы, это климатическое влияние, по-видимому, теряет свою силу. Так, арабы Египта менее склонны к кровопролитию, чем многие народы, живущие в более холодном климате. Это, однако, не повод полностью отрицать влияние температуры на страсти. Сам Тард признает, что климат имеет некоторое отношение к географическим контрастам в вопросах преступности и что «высокие температуры косвенно влияют на дурные страсти». Это, по-видимому, полностью доказано, если в связи с географическими данными принять во внимание тот факт, что в одной и той же стране максимальное количество преступлений против личности совершается в теплые месяцы, в то время как преступления против собственности достигают своего максимума зимой. Сравнивая колебания температуры в течение многих лет с числом преступлений против целомудрия, произошедших в тот же период, Ферри показал, что это устоявшаяся закономерность.

Бакл, как мы знаем, придает большое значение влиянию физической среды на характер и преобладающий темперамент людей, доводя это даже до преувеличения. Но как нам измерить это влияние, будучи связанным с другими элементами? В климате или в наследственности следует искать главный источник того, что мы называем «характером народа»? Не только антропология, по-видимому, указывает на наследственность, но и история подтверждает эту точку зрения. Сохранение с древнейших времен схожих типов характера у некоторых народов и особенно большие различия в характере между народами, которые, хотя и живут в условиях одной и той же изотермы и иногда даже в одной местности, принадлежат к разным расам, являются в этом отношении значимыми фактами.

Чтобы увидеть эту устойчивость расовых моральных качеств на наглядном примере, сравните галлов, описанных Цезарем, или древних германцев, какими мы их видим на страницах Тацита, с их потомками в наши дни. За исключением различий, обусловленных цивилизацией, — различий, впрочем, поверхностных и не затрагивающих существенных достоинств и недостатков двух народов, — описание галлов точно соответствует современным французам, равно как и описание немцев I века — немцам XX века.

У меня есть весьма интересные данные о жителях островов Аспо, расположенных в Балтийском море, недалеко от Аландских островов и побережья Финляндии. Эти люди как в физическом, так и в моральном плане резко контрастируют со своими светловолосыми и флегматичными скандинавскими соседями. У них иссиня-черные вьющиеся волосы, черные глаза и орлиный нос; они невысокого

роста, но крепкого телосложения; короче говоря, их тип — типичный южный. Более того, у них вспыльчивый темперамент: в ссорах они постоянно прибегают к ножу. Предание гласит, что они южного происхождения, испанского или арабского. Их предки, по-видимому, были людьми, пережившими кораблекрушение и поселившимися на острове много веков назад. Они брали себе жен с соседних берегов, и от этих союзов возникло изолированное сообщество, которое, по-видимому, больше не смешивалось с окружающими народами.

Корсика представляет собой еще один пример устойчивости расового характера. Его эндемическая преступность, которую время от времени подавляли железной рукой, имеет тенденцию вспыхивать с новой силой, как только репрессии показывают признаки смягчения. В Австрии убийства, забастовки и ранения чаще всего встречаются в славянских провинциях юга, таких как Далмация и Штирия. В Бельгии то же самое можно сказать и о фламандских провинциях: импульсивность и вспыльчивость — хорошо известные фламандские черты. В Англии это место занимают валлийские графства Гламорган, Монтгомери и Брекон, где население почти полностью имеет кельтское происхождение. В противовес моим взглядам на этот вопрос Колладжанни настаивает, что шотландцы XVIII века, в отличие от своих современных потомков, были склонны к набегам и разбоям. Он, однако, забывает, что это относилось не к шотландцам в целом, а лишь к отдельным горным кланам, считавшим себя воинственными. То, что они совершали набеги на равнины, убивали и угоняли скот своих южных соседей, — эти факты совершенно не имеют значения, когда речь идет о внутренней преступности страны. Нет никаких доказательств того, что эти же горцы были склонны к воровству и убийствам в своей среде.

В конце концов, нельзя отрицать, что цивилизация может смягчать расовый характер. Но ее влияние становится ощутимым лишь по прошествии многих веков, и в глубине души всегда сохраняется нечто от древних расовых инстинктов.

Более того, поскольку климат — неотъемлемая часть жизни устоявшегося народа, его влияние на преступность так же постоянно, как и влияние наследственности. Является ли раса или климат главным элементом характера народа — вопрос не столь существенный, поскольку влияние обоих факторов распространяется на народ в целом, а не на отдельных людей. Для нас важно оценить факторы, формирующие не национальный характер, а характер отдельных людей, составляющих данную нацию. В связи с этим следующая глава будет посвящена рассмотрению внешних факторов, которые по-разному воздействуют на разных людей, таких как, например, традиции, се-

мейная жизнь, образование, экономические условия, религия, законодательство, — короче говоря, всего того, что составляет то, что мы называем социальной средой.

Итак, на данный момент мы можем заключить, что ни эндемическая преступность, ни преступность, по-видимому, обусловленная колебаниями климата и температуры или злоупотреблением спиртными напитками, не могут существовать независимо от индивидуальной аномалии совершившего ее. Во всей категории преступлений против личности эта аномалия заключается в особенности агрессивного темперамента в сочетании с наследственным отсутствием инстинкта сострадания. Это, однако, не исключает существования в некоторых случаях настоящей дегенерации в медицинском смысле этого слова — то есть патологических состояний, таких как истерический невроз (часто возникающий в случаях ложного обвинения и преступлений, характеризующихся жестокостью и зверством), эпилептический невроз и алкоголизм (часто встречающийся в случаях забастовок, ранений и угроз) и, наконец, некоторые извращения сексуальных инстинктов (нередко в случаях непристойных посягательств и изнасилований).

Возможны случаи, когда преступление рассматриваемого класса выступает как изолированный факт в жизни преступника, и ни антропология, ни психология не могут пролить свет на его характер. Исключительность обстоятельств, побудивших его к преступлению, затрудняет сравнение его с нормальными людьми, поскольку мы не можем сказать, как повел бы себя другой человек в такой же ситуации. Если бы это было так, мы имели бы здесь истинный случай случайного преступника. Однако даже в этом случае, если рассматриваемое преступление является естественным, нельзя отрицать, что преступник не испытывает отвращения к насилию, жестокости или зверству. Но, исходя из того, что сама природа обладает тонкими оттенками различий, мы не можем провести грань, которая отчетливо отделяет мир преступников от мира честных людей. Таким образом, с практической точки зрения мы можем считать, что между ними существует промежуточная зона. В эту зону попадают наименее серьезные нарушения чувства жалости — все те правонарушения, которые можно приписать не инстинктивной жестокости, а скорее определенной грубости чувств («*rudesse*»), обусловленной главным образом недостаточным воспитанием или отсутствием общепринятых ограничений. Случаи оскорблений, угроз, ударов и ранений иногда носят именно такой характер, например, когда они происходят в ходе одной из тех драк, которые среди низших классов возникают почти внезапно, — когда со стороны нападавшего нет намерения причи-

нить своему противнику серьезный вред. Сюда же относятся случаи убийства по неосторожности и соблазнения без обещания брака. Здесь мы находим крайний предел естественной преступности. У авторов этих преступлений моральная аномалия может присутствовать, а может и не присутствовать. В любом случае, каково бы ни было их психическое отличие от нормального человека, оно часто весьма незначительно. Поэтому их нельзя считать полностью неприспособленными к обществу.

В этой связи тема преступных толп также требует внимания. Всякий раз, когда преступления совершаются в ходе народных волнений или беспорядков, возникает вопрос, существует ли индивидуальная ответственность за такие деяния или же индивидуальная ответственность почти полностью сливается с коллективной. Возбужденная толпа, например, сжигает и убивает. Если мы можем выделить людей, которые фактически применяли факел или стреляли, справедливо ли наказывать их? Некоторые авторы так не считают: они считают внушение толпы непреодолимой силой для них.

Только в этом пункте я могу согласиться с Дзуккарелли, уважая существование случайного преступника. Этот автор полагает, что любой человек способен совершить преступление при действительно чрезвычайных обстоятельствах — мнение, довольно распространенное. Однако в таких случаях истинного преступления часто не существует: есть только видимость преступления. С другой стороны, если преступление действительно существует, действующее лицо не может быть случайным преступником. Тот факт, что обстоятельства очевидны, а моральная аномалия трудно поддается обнаружению, позволяет легко приписать практически любой поступок влиянию обстоятельств. Обстоятельства действительно иногда могут дать полное объяснение преступному деянию, но только тогда, когда в течение длительного периода времени они настолько оплели существо действующего лица, что привели к разрушению его моральных принципов и дегенерации. Но здесь не может быть и речи о случайном преступнике.

Индивид — бессознательный представитель нового вида преступника — безрассудной, разъяренной толпы. Другие авторы, отвергая эту точку зрения, отстаивают идею уменьшения индивидуальной ответственности. Но есть ли действительно какие-либо основания для этой концепции коллективного преступления? Как точно заметил Гард, даже те народные движения, которые кажутся наиболее стихийными, не обходятся без своих тайных лидеров: нет ни одного общественного беспорядка, каким бы масштабным он ни был, который нельзя было бы связать с деятельностью нескольких человек.

Однако эти зачинщики редко принимают какое-либо фактическое участие в делах толпы: они, как мы знаем, имеют обыкновение благоразумно исчезать.

Возьмите эту бушующую толпу, заполнившую улицу, — из каких элементов она состоит? Конечно, там есть горстка уважаемых людей, но с каждым мгновением ее ряды пополняются роями зловещих фигур. Они приходят неизвестно откуда, отбросы города и его окрестностей — хулиганы и бродяги, чующие возможность поживиться, профессиональные преступники, ведомые безотказным инстинктом. Численность этих элементов в Париже в 1792–1793 годах оценивалась в 40 000 человек. Это был «народ» уличных ораторов — тот «народ», который заполнял галереи на заседаниях Конвента, подталкивая самых ярых ораторов к еще большим излишествам и принуждая сам Конвент принимать меры, несправедливость которых равнялась лишь их абсурду. Толпа начинает свою работу по разрушению и грабежу, упивается собственными угрожающими криками, но в этот момент все уважаемые люди, привлеченные любопытством или чем-то иным, разбегаются. Большинство оставшихся — это люди, уже совершившие преступления или, по крайней мере, имеющие предрасположенность к ним. Когда несчастного полицейского хватают и бросают в реку, это дело рук не народа, а горстки преступников. Не народ обезглавил маркиза дю Леме после взятия Бастилии и подвергал Байи перед своим эшафотом пыткам, которые заставили бы покраснеть любого. Напротив, это была орда преступников, мстящих обществу, чья рука когда-либо поднималась на них, — среди них были безумцы и дегенераты всех мастей. Таковы были люди, чьи преступления опозорили революции 1793 и 1871 годов.

Всякий раз, когда удавалось установить лиц, действительно участвовавших в преступлениях, совершенных толпой, они почти всегда оказывались рецидивистами или бродягами.

В поддержку противоположной точки зрения Ле Бон приводит случай с сентябристами, которые в 1792 году штурмовали парижские тюрьмы и устроили резню большого числа заключенных-роялистов. Эта толпа, говорит он, за исключением нескольких профессиональных головорезов, состояла из мелких лавочников и ремесленников всех мастей. Это возможно, хотя нам не известны точные пропорции этих «профессиональных головорезов», и, насколько нам известно, эти лавочники и ремесленники могли быть худшими представителями своих классов. Но в любом случае этот случай ничего не доказывает. Достоверно известно, что сентябристы были заранее отобраны, организованы и оплачены Коммуной для того, что они совершили, — для этой резни, которая, по словам Дантона, должна была пролить реку

крови между Революцией и роялистами. По сути, они представляли собой полувоенную организацию и, подчиняясь приказам начальства, считали, что оказывают патриотическую услугу. Это была отнюдь не та внезапно собравшаяся толпа, которую импульс момента делает преступной.

Что касается меня, я не могу поверить, что в подобных случаях «кратковременный прилив ярости проходит через нормальный ум и вызывает полное изменение его природы». Я же, напротив, считаю, что эксцессы всегда вызывают мысли о бунте и что, как только они появляются, нормальный человек, оказавшись в толпе, как можно скорее уходит, зная, что заступничество с его стороны будет бесполезно. Вид мучений, которым подвергается несчастная жертва толпы, не только не поддается внушению, но и вызывает у него содрогание; лишь страх и чувство собственного бессилия удерживают его от того, чтобы выдать свой внутренний бунт. Облить человека нефтью и поджечь, выбрасывать женщин из окон, получать удовольствие от продления страданий жертвы — это дело преступников, настоящих преступников, которые к жестокости добавляют еще и трусость. Если такие люди образуют толпу, то не нужно умалять индивидуальной ответственности, чтобы назвать ее преступной толпой.

Было много примеров толп, «антропологический состав которых», по выражению Сигеле, был неплох — толп, которых удавалось успокоить с помощью рассуждений или энергичных действий или, во всяком случае, не доходивших до кровопролития, к которому их подстрекали. Эти примеры подтверждают то, о чем мы говорили. «Толпа, состоящая из честных людей, может быть виновна в эксцессах, но она никогда не достигнет той степени извращенности, которая характеризует толпу, в которой преступники составляют большинство». Вера во всемогущество внушения необоснованна. «Если установлен факт, что гипнотическое внушение, самое сильное из всех внушений, не доходит до того, чтобы уничтожить человеческую личность, как возможно, что какой-либо вид внушения может разрушить личность человека, находящегося в полном сознании?»

Следовательно, не существует такого понятия, как коллективное преступление. Единственная преступная толпа — это толпа, состоящая из преступников.

(3) Преступники, не обладающие честностью. Далее мы можем рассмотреть преступников, принадлежащих к другой категории, а именно виновных в преступлениях против собственности. Здесь, несомненно, социальные факторы играют гораздо большую роль, чем в предыдущих классах. Но это не всегда мешает нам обнаружить в организме преступника элемент, который предшествует лю-

бому влиянию окружающей среды. Чувство честности, несомненно, менее инстинктивно, чем чувство жалости, или, выражаясь точнее, оно не так строго зависит от организма. Это чувство приобретено позднее, оно представляет собой надстроенный, почти поверхностный слой морального чувства и, следовательно, менее подвержено наследственной передаче, чем чувство жалости. Более того, ему недостает той особой врожденной природы, которую воспитание не может заменить. В цивилизованном обществе это чувство честности, как правило, возникает под влиянием примеров в детстве, которые, постоянно возобновляясь, формируют укоренившийся инстинкт, который, по всей вероятности, сохранится на всю жизнь.

Однако иногда может случиться, что ребенок из честной семьи проявляет воровской инстинкт, существование которого нельзя объяснить ни воспитанием, ни примером, поскольку его братья и сестры, полностью лишённые подобной черты, подвергались тем же влияниям. С самого раннего детства это маленькое существо, которое, кажется, рождено только для того, чтобы опозорить родителей, крадет вещи друзей семьи или даже слуг, прячет их, а иногда и продает, чтобы получить то, что ему больше всего нужно. Такой инстинкт, очевидно, не имеет ничего общего с той формой отчуждения, которую мы называем kleptomанией. В последнем случае единственным мотивом, которым движим вор, является патологическое удовольствие от воровства. Он не стремится извлечь какую-либо выгоду из своей кражи; он даже не пытается спрятать украденное; он не использует его. Часто он возвращает его по собственной воле. В случае же врожденной непорядочности, с другой стороны, вор часто прибегает к притворству и обману, и, чтобы избежать разоблачения, он, вероятно, обвинит в преступлении невиновного. Когда подобную склонность нельзя приписать дурным примерам или прямой наследственности, ее можно приписать лишь отдаленному атавизму. Ничем иным мы не можем объяснить инстинкт, столь враждебный воспитанию и обучению субъекта, а также инстинктам его семьи.

Но чаще всего встречается случай, когда непорядочность является результатом прямой наследственности от родителей, усиленной и продолженной влиянием дурных примеров! В таком случае инстинкт одновременно врожденный и приобретенный. Внешний и органический элементы настолько переплетаются, что их невозможно различить. Опять же, помимо семьи и ее влияния на формирование инстинктов в раннем детстве, существуют определенные условия, особенно благоприятствующие развитию хищных инстинктов.

Границы такого окружения не обязательно должны быть широкими: двух-трех дурных товарищей, иногда одного близкого друга,

достаточно, чтобы подтолкнуть юношу к подобному преступлению. Поскольку преступления против собственности редко оправдываются предрассудками или обычаями всего народа, они никогда не приобретают эндемического характера, как некоторые преступления против личности. Только в силу наследственной моральной деградации или под влиянием индивидуальной среды — той, что непосредственно его окружает, — которая может сформировать инстинкт, столь глубоко укоренившийся, как если бы он был наследственным, человек становится вором. Исключений немного. В качестве одного из них можно привести разбой, ставший эндемическим явлением в некоторых местах, таких как Калабрия, Греция, Сербия и Албания. Но в этих странах разбойник рассматривается скорее как мятежник («бунтарь»), чем как вор; он находится в состоянии открытой войны с общественной властью, которой он бросает вооруженный вызов. Постоянно рискуя жизнью, он демонстрирует некий рыцарский облик, который вызывает восхищение у тех самых людей, которых он преследует. Целые народы были склонны к разбою, например, норманны в Средние века и горные кланы Шотландии в 1700-х годах. Здесь, таким образом, мы имеем дело не с преступностью, а с хищнической жизнью нации или племени, еще не примирившихся с мирной деятельностью. Преступление всегда подразумевает идею деяния, вредного для народа, частью которого является совершивший его преступник. Это более или менее исключительный и предосудительный поступок отдельного человека, никогда целой совокупности. Это различие слишком очевидно, чтобы нуждаться в дополнительных аргументах.

В современном обществе склонность к воровству часто сопровождается ленью и желаниями, превосходящими средства, находящиеся в законном распоряжении отдельного человека. Бенедикт определяет психическую аномалию таких преступников как «моральную неврастению» в сочетании с «физической неврастенией», врожденной или приобретенной в раннем детстве. Ее главным элементом является «отвращение к труду, настолько сильное, что перерастает в сопротивление, которое само по себе обусловлено нервной конституцией ребенка. ... Если с младенчества у человека нет ни сил сопротивляться сиюминутным импульсам (“увлечениям”), ни сил повиноваться благородным побуждениям, и особенно если эта моральная борьба имеет для него болезненный эффект, то он — моральный неврастеник. Таким образом, со временем он будет избегать всякой моральной борьбы, он будет думать, чувствовать, действовать под давлением этой моральной неврастении. Он разовьет целостную

систему философии и практики, основанную на его отвращении к моральному конфликту».

Все это, однако, предполагает, что человек способен к данной моральной борьбе, — воспитание должно внушить ему определенное представление о его обязанностях. Но с большинством воров дело обстоит иначе: воспитанные в беспринципных и жестоких семьях, они совершенно чужды такому конфликту. Хотя описание Бенедикта по этой причине лишь отчасти верно в отношении воров, оно гораздо ближе к случаю бродяги. Бродяжничество, по мнению этого автора, следует отнести к чисто физической неврастении, связанной с необходимостью добывать средства к существованию. «При отсутствии осложнений бродяга никогда не становится виновным в преступлении». Но если «физическая неврастения сочетается с острой жаждой удовольствий, возникает опасное желание любой ценой добыть средства для удовлетворения этой жажды. Если же индивид является также моральным неврастеником, он не будет сопротивляться этому желанию и, если другие средства не сработают, совершит преступление, чтобы его достичь. Такое сочетание играет весьма значительную роль в психологии воров, фальшивомонетчиков, мошенников, разбойников и профессиональных преступников в целом. Преступник-неврастеник совершенно нормально просчитывает шансы на успех или неудачу своих предприятий. Вскоре он начинает осознавать превосходство социальной власти. Но, поскольку он не способен к постоянным усилиям, он довольствуется преходящими результатами, и, как и у большинства людей, его надежды больше, чем шансы на успех». К этим качествам следует добавить амбицию максимально использовать свои преступные таланты, стать мастером своего дела, добиться известности в преступном мире.

«Когда нравственный неврастеник однажды обнаруживает, с какой легкостью он может извлечь выгоду из невнимательности, рассеянности, доверчивости и робости публики в целом, он, не теряя времени, старается улучшить свои возможности, он изучает свое искусство до тех пор, пока не останется ни одного обмана или ухищрения, которые он не изучил досконально. Успех приносит ему не только удовольствие от материальных результатов, но и чувство гордости за ловкость, с которой он обманул свою жертву, и, как следствие, веру в превосходство собственного интеллекта...»

Эти два элемента: желание блеснуть в своей преступной профессии и очарование заговоров и схем, — взятые в сочетании, — составляют мотив, который имеет большое значение в психологии взломщиков, фальшивомонетчиков, мошенников и разбойников. Это описание по-

зволяет нам во всей полноте осознать разницу, существующую между нынешним классом преступников и тем, кто характеризуется отсутствием чувства жалости. То, что воры, фальшивомонетчики и мошенники очень часто не способны на насилие над личностью и что такое отвращение к жестокости часто заставляет осужденных такого рода хвастаться тем, что они были осуждены за кражу, а не за убийство, — факты, которые не должны вызывать нашего удивления. За исключением случаев крайних убийц, у которых полностью отсутствуют моральные чувства, другой класс преступников проявляет прямо противоположное чувство. Заключение, осуждение за убийство или нанесение телесных повреждений, если мотивом его преступления была месть, ревность или чувство чести или если преступление было непосредственно вызвано вспыльчивым темпераментом или воздействием алкоголя, презрительно заявит, что он никогда не был виновен в краже. Фактически такого рода преступник может обладать чувством честности в значительной степени; он может быть способен не только на верность, но и на преданность своим работодателям и благодетелям; он может быть даже совершенно не способен на малейший обман.

Эти факты доказывают, что в случаях меньшей степени преступности мы имеем дело не с полным отсутствием нравственного чувства, а лишь с отсутствием или слабостью одного из двух элементарных альтруистических чувств — сострадания и честности.

(4) Циники. Теперь мы переходим к преступлениям, вызванным половым влечением, и к преступлениям против целомудрия в целом. Во многих случаях виновников таких преступлений следует отнести к классу жестоких преступников. Но там, где единственным мотивом преступления является крайняя степень похотливости, сатиры этого типа часто страдают от той или иной формы отчуждения. Весьма значительное число стариков, совершающих подобные преступления, показывает, что в их случаях преступление часто находится в тесной связи с дряхлостью. Тем не менее следует признать, что существует множество непатологических случаев подобного рода — случаев развратных преступников («циников»), которые позволяют себе непристойные вольности с маленькими девочками или виновны в других унижительных сексуальных проявлениях. Такие преступники не ищут ничего, кроме удовольствия, которое испытывают от совершения наказуемого деяния. Ради этого они жертвуют репутацией; ради этого они терпят позор и насмешки. В целом эти преступления объясняются скорее недостатком моральной энергии, чем отсутствием чувства жалости. По этой причине становится трудно отнести их всех к насильст-

венным преступникам, хотя, как и с последними, для них характерно полное пренебрежение физической или моральной болью, которую их действия причиняют другим.

Соответственно, я счел целесообразным выделить преступников подобного рода в отдельный класс — развратных преступников («циников»), что завершает нашу классификацию.

Заключительные замечания

Таким образом, очевидно, что согласно нашей схеме распределения все преступники (то есть настоящие преступники, а не просто «бунтари», чьи преступления заключаются исключительно в неподчинении закону и не обнаруживают никакой моральной неполноценности со стороны действующего лица) делятся на четыре класса, а именно: (1) убийцы, (2) насильственные преступники, (3) преступники, не отличающиеся честностью, и (4) похотливые преступники («циники»). Наряду с этими типами мы должны расположить соответствующие формы отчуждения или невроза — к первым двум классам, например, отнести манию убийства, пироманию, эпилепсию, истерию; к третьему — клептоманию; к четвертому — садизм. И наконец, в каждом классе необходимо будет выделить в отдельную группу тех юных правонарушителей, которые не до конца понимают, что они делают, и совершают ошибки либо из-за подражания, либо потому, что среда, в которой они воспитывались, препятствовала их интеллектуальному развитию.

Такая классификация, основанная на моральных отклонениях или, если угодно, на определенном виде безнравственности, обладает явным преимуществом, как мы увидим позже, поскольку непосредственно предполагает соответствующие меры пресечения. Она могла бы быть положена в основу кодекса, принципы которого определяли бы определение и классификацию преступлений. Здесь в связи с каждым описанием типа можно было бы указать средства, позволяющие сделать преступника безобидным, направить его деятельность в полезное русло и воспитать его нравственное чувство, если это возможно. Что касается настоящих преступлений, то он мог бы служить международным кодексом — единым уголовным кодексом цивилизованного мира — при условии надлежащего регулирования экстрадиции и взаимной полицейской помощи между различными странами.

Единственными правонарушениями, не включенными в эту классификацию, являются те, которые представляют собой простые акты неповиновения закону — деяния, при наказании за которые не требуется учитывать психологию правонарушителя. В случае принятия

предлагаемого кодекса это будут только эти последние упомянутые правонарушения, которые должны были бы учитываться местными кодексами разных стран.

VII. КЛАССИФИКАЦИЯ ФЕРРИ

Я не собираюсь рассматривать многочисленные классификации преступников, предложенные различными авторами по антропологии и психологии. Но здесь, пожалуй, уместно будет сказать несколько слов о классификации, которую постоянно отстаивал Ферри. Согласно ей, преступники делятся на пять классов: (1) прирожденные преступники, (2) рецидивисты, (3) преступники, совершающие случайные преступления, (4) преступники в состоянии аффекта и (5) преступники, совершившие преступление в состоянии невменяемости.

Как я отмечал на Первом конгрессе по уголовной антропологии, состоявшемся в Риме в 1885 году, и впоследствии неоднократно повторял, эта классификация не имеет под собой научной основы и отличается однородностью и точностью. Фактически с антропологической точки зрения можно сказать, что не существует такого понятия, как класс рецидивистов. Если его преступные привычки обусловлены унаследованными инстинктами, рецидивист может быть прирожденным преступником. Если, с другой стороны, эти привычки приобретены силой примеров и влиянием окружающей среды, он может быть лишь случайным преступником. Рецидивист не является ни антропологической, ни патологической разновидностью.

Попытка различить прирожденного преступника, рецидивиста и страстного преступника также не имеет антропологического обоснования. Во-первых, все преступники являются, с одной стороны, прирожденными преступниками, с другой — случайными преступниками. Все преступники обладают предрасположенностью к преступлению, которая является не следствием внешних обстоятельств, а чем-то заложенным в моральной организации индивида, в его образе чувств и мышления. С другой стороны, существуют определенные факторы окружающей среды, которые замедляют развитие чувств цивилизованного человека и порождают извращенные инстинкты, которые, хотя и не являются наследственными, тем не менее укоренены. Но, во-вторых, является ли преступник таковым от рождения или становится таковым в результате приобретенных впоследствии извращенных инстинктов? Решающее влияние на совершение им преступления, если только он не безумен, всегда является внешним

фактором. И если у него нет предрасположенности к преступлению, он никогда его не совершит, каков бы ни был повод. Предположить, что можно увидеть случайного преступника, значит спутать с преступлением действие, которое имеет лишь вид преступления, но с моральной точки зрения не является преступлением.

Аналогичные соображения применимы и к страстному преступнику. Если страсть, движимая им, — антиобщественная страсть, например, алчность, то он попадает в класс прирожденных преступников; если же это патологическая страсть, как в случае садизма, то он принадлежит к классу безумных преступников. С другой стороны, если, напротив, это страсть не ненормальная, например, любовь, ревность или чувство чести, как отличить страстного преступника от случайного преступника? Более того, страсть любого рода может быть непосредственной причиной поступка прирожденного преступника. Врожденная предрасположенность, как говорил Бенедикт, не исключает влияния ни повода, ни страсти. И, можно добавить, один из этих двух элементов всегда является фактором, определяющим преступное деяние.

Таким образом, очевидно, что в этой схеме отсутствуют четко определенные границы классов; с равной вероятностью один и тот же преступник может быть отнесен к любому из нескольких предложенных классов. Будучи совершенно лишенной однородности, она не дает законодателю ничего осязаемого. Поскольку, согласно ее условиям, необходимость репрессий может существенно различаться в разных случаях, она исключает любую возможность разработки плана репрессий, меры которого соответствовали бы различным классам преступников. Будучи бесполезной для законодательства, она, следовательно, не представляет практического интереса.

Соображения полезности явно требуют, чтобы любая классификация преступников проводилась по единому критерию. Исходя из идеи, что каждый истинный преступник (иными словами, каждый совершивший истинное преступление естественного характера) всегда является морально неполноценным, необходимо установить особую природу его морального изъяна, то есть чувства и энергию, которых ему не хватает, и злые инстинкты, которыми он одержим. Такова теория, на которой основывается моя классификация преступников на (1) типичных преступников, или убийц, (2) жестоких преступников, (3) преступников, лишенных честности, и (4) похотливых преступников.

Глава IV

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЛИЯНИЯ

I. ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Читателю, внимательно изучившему предыдущие главы, уже становятся очевидны выводы, которые мы попытаемся вывести из теории естественной преступности. Однако мы отложим эти выводы до следующей главы, поскольку, прежде чем развивать их, необходимо рассмотреть социальные причины, которые обычно считаются способствующими преступности.

Нельзя отрицать, что в странах, обладающих цивилизацией в истинном смысле этого слова, преступность снижается или, по крайней мере, претерпевает трансформацию, в ходе которой ловкость и хитрость заменяют насилие. Самые варварские формы преступности, такие как пиратство, разбой, убийства из мести, убийства из соображений чести, грабежи, поджоги и т.д., постепенно исчезают, о чем свидетельствуют страны Северо-Западной Европы.

Под «цивилизацией в истинном смысле слова» я подразумеваю состояние морального развития, в отличие от того, что иногда называют материальной цивилизацией. ***Слово «цивилизация» должно прежде всего означать «нравственность, образование, уважение, сердечность, деятельность».*** Усилия, приложенные к воспитанию детей, распространение правильных принципов поведения во всех социальных слоях — работа, в которой высшие классы, сами подавая должный пример, призваны играть важную роль, — справедливое отношение во всех правительственных ведомствах и, наконец, энергичное пресечение преступлений будут способствовать приданию слову этого желаемого значения гораздо эффективнее, чем самая разветвленная сеть железных дорог. Что касается последнего из этих факторов — пресечения преступлений, — то у нас вскоре появится возможность показать, что смягчение наказания отнюдь не является признаком гражданского прогресса, каким его некоторые считают. Как мы увидим, в некоторых странах наказания были слишком смягчены, и, к сожалению, именно в этих странах преступность не только не уменьшается, но даже, в некоторых формах, все еще принимает эпидемический характер, несмотря на то что в других отношениях они демонстрируют состояние процветающей цивилизации. Смягчение наказаний неизбежно снижает оценку тяжести преступления. Снис-

ходительность к преступникам не может не притуплять нравственное чувство людей, до которых оно доходит.

Это скопление моральных принципов, которое на протяжении веков постепенно распространяло свое влияние на все социальные слои, благодаря суровым уголовным санкциям достигло кульминации в формировании самоуважения, честности и отвращения к жестокости и несправедливости. Непокорные личности все еще существуют, но их число имеет тенденцию уменьшаться, когда подавляющее большинство населения достигает определенного усвоения этих принципов поведения. Определенные социальные причины могут действовать, замедляя или даже останавливая моральный прогресс. Среди них, и не менее опасных, — пропаганда классовой ненависти, проповедь восстания против всех принципов общественного и морального порядка — движение, за которое коммунисты, прежде чем стать реформистами, разделяли ответственность с анархистами. Только когда эти доктрины будут лишены своей жестокости, цивилизация в истинном смысле этого слова сможет непрерывно продолжать свой прогресс.

Страны Южной Европы, где низшие классы еще не достигли той степени нравственного прогресса, которая характерна для Севера и Запада, несомненно, наиболее подвержены последствиям подобных учений.

В любом случае, как в человеческом организме, выздоравливающем после болезни крови, всегда остается остаток микробов в состоянии латентной активности, так и в социальном организме всегда найдутся личности с преступной природой, всегда будут нравственные безумцы, нравственные неврастеники и атавизмы. Встречаются и другие, с не до конца оформившимся преступным характером, которым не хватает лишь энергии или моральной стойкости; но их добрый пример большинства приведет к добру, так же как противоположный пример привел бы их ко злу.

II. ШКОЛА

Несмотря на несомненные преимущества цивилизации в целом, рассмотрение ее различных проявлений покажет, что, взятые по отдельности, эти элементы не оказывают заметного влияния на преступность.

Одним из важнейших является умение читать и писать — приобретение, имеющее неопределимую ценность для человека в борьбе за существование. И все же, если мы пытаемся найти в грамотности средство противодействия преступности, нас ждет неожиданное ра-

зочарование. Практический интерес этого вопроса тем более велик, что школа и ее деятельность находятся под контролем государства, в чьей власти содействовать или препятствовать ее развитию, а также направлять ее деятельность по своему усмотрению.

Предполагается, что невежество является одной из основных причин преступности. Если бы это было так, то преступность должна была бы снижаться пропорционально снижению неграмотности. К сожалению, этот вывод не подтверждается статистикой. Общеизвестно, что множество преступлений, таких как подделка документов, получение денег обманым путем и криминальное банкротство, совершаются людьми, не являющимися неграмотными. Более того, тяжкие преступления встречаются среди грамотных не реже, чем среди абсолютно невежественных людей. Иногда даже люди с гуманитарным образованием предстают перед судом присяжных, чтобы ответить на обоснованные обвинения в аборте, детоубийстве или убийстве.

В Италии процент преступности в настоящее время выше, чем в 1860 году, когда школьная система только зарождалась.

Ситуация во Франции иллюстрируется выводами Д.Т. Оссонвиля, сделанными на основе сравнительно недавних статистических данных. «В 1826 году, — пишет он, — из 100 лиц, обвиняемых в преступлениях, 61 был неграмотным и 39 получили какое-то образование. Сегодня пропорция обратная: 70 грамотных (в самом скромном смысле этого слова) против 30 неграмотных. Эта разница полностью объясняется расширением начального обучения. Но ввиду того, что общее число преступлений увеличилось, а не уменьшилось, единственным результатом такого обучения является увеличение числа грамотных преступников, не уменьшая числа преступлений».

«В Испании, — говорит Тард, — где неграмотные составляют две трети всего населения, они составляют лишь половину от общего числа преступников».

Не нужно быть пессимистом, чтобы признать, что школа не оказывает прямого влияния на снижение преступности, по крайней мере, если учитывать общее число преступлений.

Влияние, которое она оказывает, сказывается на характере совершаемых преступлений, поскольку, передавая знания и развивая способности, она может определять криминальные специализации. Но это вопрос, выходящий за рамки нашего исследования. Итак, мы видим неэффективность этого якобы мощного оружия. Поговорка о том, что на каждую открытую школу закрывается тюрьма, никогда не была чем-то большим, чем чистой риторикой. Нет нужды останавливаться на этом вопросе. Даже если бы у нас не было цифр,

подтверждающих наш вывод, разве простой здравый смысл не подсказывал бы нам, что нет никакой связи между грамматикой и моралью, между знанием алфавита и наличием благородных или низменных страстей? Что касается высшего образования, мы увидим позже, что оно не оказывает такого влияния на нравственное развитие, как это принято считать.

Можно добавить, что обучение может быть чревато лишь катастрофическими последствиями. Классическая история, в частности, в том виде, в каком ее обычно преподают, есть не более чем постоянное оправдание безнравственности и злодеяний всякого рода.

Конечно, высокая степень культуры несет в себе презумпцию нравственности. Но эта презумпция обусловлена не влиянием культурного образования на нравственное развитие, а природой человека. Само достижение высокой степени культуры является доказательством интеллектуальной натуры, натуры, преданной идеалу, презирающей удовольствия и интересы простого народа. Только непрестанными усилиями можно достичь этой стадии интеллектуального развития. Тип ума, стремящегося к вершинам знания и обладающего силой и умением преодолевать их, совершенно несовместим с низменными инстинктами.

В обычных случаях влияние школы на нравственность не имеет значения. Если бы школа способствовала нравственному воспитанию, все было бы совсем иначе. Но, как известно, в романских странах, и особенно в светских школах, нравственное воспитание практически отсутствует. Более того, не с помощью педагогического обучения можно надеяться на исправление нравственного характера. ***Единственное воспитание, которое оказывает влияние на ребенка, — это воспитание через примеры поведения. Если ребенок видит в своей семье только примеры порока и преступлений, все хорошие школьные наставления окажутся бесполезными.***

III. РЕЛИГИЯ

Религиозные чувства, пробужденные в раннем детстве, несомненно, оказывают влияние на нравственность. Какими бы слабыми ни были следы, которые они всегда оставляют, они никогда полностью не исчезают, даже при упадке веры. Настолько яркое впечатление производят на воображение таинства религии, что правила поведения, навязываемые во имя Божества, могут стать инстинктивно выполняемыми. И это потому, что, как говорит Дарвин, «вера, постоянно прививаемая в первые годы жизни, когда мозг восприимчив, по-видимому, приобретает почти природу инстинкта; а сама сущность

инстинкта состоит в том, что ему следуют независимо от разума». «Действительность кодекса морали, — добавляет Спенсер, — зависит гораздо больше от эмоций, вызываемых его предписаниями, чем от сознания пользы следования таким предписаниям».

Чувства, возникающие в раннем детстве в отношении моральных принципов, возникающие под влиянием социальных санкций. Религиозные санкции влияют на поведение гораздо сильнее, чем осознание того, что следование таким принципам ведет к благополучию. И при отсутствии чувств, которые вызывает проявление этих санкций, утилитаристская вера обычно недостаточна для формирования конформизма. Даже у высших рас, замечает Спенсер далее, для наиболее развитых людей, у которых органически сформировавшиеся симпатии порождают спонтанное подчинение альтруистическим предписаниям, «социальная санкция, отчасти вытекающая из религиозной, важна, поскольку усиливает влияние этих предписаний. А для людей, наделенных меньшими моральными чувствами, социальные и религиозные санкции являются еще более важными средствами руководства».

Тот же автор признает пагубное влияние антирелигиозных или антиатеологических предрассудков. Тем, кто полагает, что для людей, объединившихся в сообщества, легко следовать принципам морали, он задает вопрос: «Как же тогда можно искать такую силу самоуправления, которая при отсутствии унаследованных авторитетных правил потребовала бы от них понимания того, почему, по природе вещей, одни способы действия вредны, а другие — полезны, — потребовала бы от них выйти за рамки ближайших результатов и ясно увидеть связанные с этим отдаленные последствия, которые сказываются на них самих, на других и на обществе?».

Таким образом, позитивисты не сомневаются в том, что религия может быть одной из самых активных воспитательных сил. Но ее эффективность в этом отношении зависит от двух условий: во-первых, чтобы ее влияние оказывалось на ребенка, и, во-вторых, чтобы истинной целью ее учения было обучение нравственному поведению. Во многих католических странах второе условие практически отсутствует. Это особенно верно в сельских приходах, где невежественное духовенство, преследуя единственную цель — обеспечить полное послушание прихожан, посвящает все свое внимание насаждению определенных формальных обрядов совершенно безотносительно к вопросам нравственного поведения, результатом чего становится пренебрежение возвышенными евангельскими учениями. В протестантских же странах духовенство продемонстрировало гораздо лучшее понимание своих обязанностей. Особенно в странах англо-

саксонской расы пастор сделал преподавание моральных принципов главной целью своего призвания. Ему принадлежит заслуга в том, что основополагающие принципы общественного поведения настолько проникли во все социальные слои англоязычных народов, что большинство людей характеризуются любовью к честности и ненавистью к несправедливости и насилию.

Однако следует отметить одно. Власть религии над моралью, по видимому, ослабевает именно в самых серьезных случаях, или, другими словами, когда она сталкивается с явным преступлением. Этого и следовало ожидать. Без эмоций со стороны получателя никакое полезное наставление невозможно. Итак, как же мы можем рассчитывать вызвать эти эмоции у человека, чья моральная чувствительность из-за дефекта его психической организации явно ниже нормы? Как же мы можем ожидать, что он достигнет чистой идеальности религии?

В заключение можно сказать, что, хотя религиозное обучение и имеет ограниченную эффективность, сфера его действия шире, чем сфера образования в целом. Это моральная сила, которую просвещенное правительство должно поощрять и которой ни в коем случае не может себе позволить препятствовать. Достаточно, если государство остается нейтральным, но его враждебность не принесет ничего, кроме вреда. ***Уничтожение религиозного учения означало бы устранение сдерживающего влияния, которое, будь оно сильнее или слабее, всегда бесконечно лучше полного отсутствия моральных санкций.***

IV. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ: СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ТЕЗИС

Далее мы рассмотрим тему совершенно иного рода: насколько преступность зависит от экономических условий, и особенно от неравномерного распределения общественного богатства.

По мнению социалистов, коллективистский режим как по волеизъявлению уничтожит самые обильные источники преступности. Установив полное равенство в вознаграждении за труд, уничтожив все различия между богатством и бедностью, коллективистский режим эффективно подавит любую форму пагубной алчности, любую антиобщественную деятельность. И это неизбежно исходит из теории, что нынешнее состояние экономического неравенства, или, как его называют социалисты, капиталистический режим, является главной причиной преступного явления.

Для некоторых из них, действительно, преступность есть не что иное, как реакция на социальную несправедливость. Неравномерное распределение благ обрекает часть населения на нищету и, таким

образом, лишая его средств к образованию, погружает его в невежество. Экономическое беззаконие, защищаемое законами, есть истинное преступление — провокационная причина, если не полное оправдание всех прочих преступлений. Следовательно, общество — изначальный преступник. Создавая несчастных, которым нет места на пиру жизни, которых оно выталкивает с ярко освещенного пиршественного стола в нищету мрачной улицы, оно делает возможным существование злодея.

Факт прискорбный, но почти все социалистические писатели приходят к аналогичным выводам. Почти всегда они объясняют преступления порочной организацией общества. Изменение, или, скорее, радикальное реформирование этой организации, как они утверждают, приведет к сокращению числа преступлений до минимума и, путем постепенной эволюции, в конечном итоге к их полному исчезновению.

Между тем они не могут смотреть на преступника иначе, как на представителя угнетенного класса, а на преступление — иначе, как на симптом классового мятежа. Для честного большинства этого класса, для тех, кто, кажется, смирился со своей участью, многие из этих авторов не могут найти ничего, кроме слов горького презрения. «Конечно, — гласит типичное высказывание, полное злобы и парадоксов, — даже у самых нищих классов общества есть свои мученики, образчики идиотского христианского смирения, неспособные на оскорбление, благословляющие руку, которая их карает. Мы знаем, что они составляют идеал эксплуататорской буржуазии, но их пример далеко не служит нам источником назидания. Так, рабочий, продавая свой труд за жалкую плату, снижает заработную плату других, предает себе подобных и оправдывает наступающую реакцию. Когда господствуют привилегии, каждый акт мятежа — это человеческий факт, подлежащий изучению с человеческими чувствами; и даже там, где он принимает отвратительную форму преступления, он служит полезным симптомом, поскольку указывает на необходимость радикального лечения». Представляется довольно сложным — можно сказать мимоходом — для сторонников этой теории объяснить, почему бедные не меньше богатых подвергаются насилию со стороны преступника. Странный бунт, в котором нападение направлено одинаково и на друзей, и на врагов!

Это подводит нас к главному вопросу, а именно: является ли так называемое «экономическое неравенство», состояние, при котором все граждане являются либо собственниками, либо пролетариями, главной причиной или, по крайней мере, одной из важнейших причин преступности? Оуэн, а за ним Бебель и другие, придерживаются мнения, что в коллективистском обществе преступность в соб-

ственном смысле этого слова не существовала бы. Были бы «действия, противоречащие общественному благосостоянию», но только как следствие болезни. Лица, страдающие от нее, должны быть помещены в приют и т.д.

Значение, в котором я использую слово «преступление», читателю уже известно. Значение слова «пролетариат» как описания состояния, которому в силу его плачевного положения эта теория приписывает подавляющее большинство преступлений, требует, однако, некоторого изучения. Пролетарий — это человек без земельной собственности, не имеющий иных средств к существованию, кроме своего физического труда. За это он получает заработную плату, обычно выплачиваемую поденно, размер которой определяется стоимостью тех предметов, которые в данное время и в данном обществе представляют для него строгую необходимость. Любой капитал, который может возникнуть из его сбережений, заставляет пролетария перейти в класс собственников.

Нельзя отрицать, что пролетарий в большей степени, чем любой другой член общества, подвержен лишениям. Если заработная плата, являющаяся его единственным средством к существованию, отсутствует хотя бы на один день, результатом может стать голод. За этим может последовать воровство, чтобы добыть хлеб для себя или своей семьи. Таков случай Жана Вальжана в «Отверженных». Я не буду заходить так далеко, чтобы утверждать вместе с французским писателем, что Жан Вальжан не является реальной фигурой, — что «нет во Франции такого города, как Фавероль, где честный рабочий, известный своим трудолюбием и своей добротой к вдове и сиротам, не мог бы получить помощь в случае острой нужды». Напротив, я считаю возможным существование такой ситуации, но я утверждаю, что случай такого рода крайне редок.

Пример Англии дает первый отрицательный ответ. Здесь экономическое неравенство крайне велико, и тем не менее преступность постоянно и быстро снижается. Этот факт показывает, что преступность зависит от причин, совершенно иных, чем распределение общественного богатства.

В нашем нынешнем состоянии цивилизации, за исключением кризисных времен, едва ли найдется человек, который искренне ищет работу и не может ее найти. Если же ему не повезло ее не найти, то почти всегда ему протягивает руку помощи ближайшее окружение. Несомненно, реальная нищета существует, но ее причина, как правило, кроется в недостатке мужества и трудолюбия. Тогда она сопровождается своего рода апатией, которая «не требует ничего, кроме сохранения животного существования». Ее результатом обычно ста-

новится нищенство, а не преступление, — ибо преступление всегда требует определенных усилий, на которые измученный страданиями человек совершенно не способен. Подавляющее большинство рабочего класса никоим образом не доведено до такого состояния. Он страдает не от мук голода, а от невозможности добыть удовольствия, которыми, как он видит, наслаждаются более одаренные. В городах, особенно в больших городах, чаша Тантала постоянно находится у его уст.

Но пролетарий не одинок в страданиях от лишений. Потребности соотносятся с желаниями; желания соотносятся с индивидуальными условиями. Человек, работающий за зарплату, чувствует себя бедным по сравнению с тем, кто его нанимает, мелкий собственник по сравнению с крупным, клерк по сравнению с начальником отдела. По мере того, как мы поднимаемся по социальной лестнице, богатство и положение каждого последующего класса превосходят богатство и положение класса, стоящего ниже.

Владелец миллионного капитала завидует своему соседу, получающему миллион дохода: он, вероятно, будет испытывать по отношению к нему то же чувство алчности, которое арендатор питает к владельцу земель, которые он обрабатывает. Подобно тому, как это чувство алчности может побудить крестьянина красть дрова, оно может побудить арендатора обманывать своего землевладельца, кассира — фальсифицировать счета, богатого купца — обманывать кредиторов, а богатого землевладельца — подделывать завещание, с помощью которого он надеется увеличить свое имущество. Чувство алчности присуще всем людям в большей или меньшей степени. Но то, что делает это чувство способным вести к преступлению, заключается не в особых экономических условиях, окружающих человека, а в его собственном психическом состоянии. Другими словами, у него должно быть полное отсутствие инстинкта честности в сочетании с пренебрежением к своей доброй репутации. Последний элемент не следует упускать из виду, поскольку стремление сохранить хорошую репутацию часто позволяет людям без врожденного чувства честности противостоять преступным искушениям.

Таким образом, очевидно, что ***исчезновение бедности не предотвратит дальнейшее существование этих особых психических условий; социальный фактор преступности вновь появится в иных формах; ленивый вор сегодня превратится в ненавидящего труд рабочего завтра.*** Единственная ситуация, в которой мы могли бы предположить исчезновение преступлений, вызванных алчностью, — это ситуация, когда преступник больше не видит никакой выгоды в их совершении. Но такую ситуацию нелегко представить.

Какова бы ни была экономическая система, возможность незаконной прибыли никогда не исключается. Коллективное владение общественным богатством с равным правом всех работников на прибыль от их труда в этом отношении ничем не лучше любой другой системы. Любой закон можно обойти, и нужно быть поистине наивным, чтобы полагать, что человек, настроенный таким образом, не сможет найти способы получить несправедливое преимущество за счет своих соседей (пусть и в иной форме, чем деньги) в фаланстерах Фурье или сельскохозяйственных и промышленных предприятиях Кабе. По моему мнению, равное распределение прибыли никогда не будет осуществимо. Более того, значительная часть социалистов, несмотря на свои коллективистские мечты, допускает разделение прибыли в зависимости от качества труда, подменяя таким образом принцип абсолютного равенства принципом справедливой оплаты труда.

Что же тогда? Экономическое неравенство по-прежнему будет заставлять честную деятельность омрачаться деятельностью злой, сохраняющаяся жажда наживы будет тем же стимулом к преступлению. И если бы вместо денег рабочим платили трудовыми сертификатами, позволяющими им брать из общественных запасов товары в соответствии с объемом их труда, означало ли бы это конец праздных и порочных людей? Не желая приобретать эти сертификаты законным путем, праздные и порочные прибегли бы к обману и насилию. Несмотря на принцип, согласно которому каждый должен потреблять только пропорционально своему производству, злонамеренные нашли бы тысячи способов жить за счет других. Недовольные, отбросы общества всегда присутствовали бы. Ложь, обман и угнетение, с одной стороны, слабость и лень — с другой не прекратили бы своего существования. Спокойный и уравновешенный темперамент не перестал бы сталкиваться с темпераментом возбудимым и невропатичным. Мы не можем ожидать подобных изменений в человеческой природе.

Пролетариат — это социальное состояние в той же степени, что и условия, которые его обрамляют. Полное отсутствие капитала, которым оно характеризуется (не принимая во внимание исключительные случаи нехватки самого необходимого для жизни, то есть крова, пищи, подходящей для данного климата, и, в холодных странах, топлива), является постоянным экономическим состоянием, которое отнюдь не является ненормальным для тех, кто к нему привык. Оно представляет собой состояние стресса только для тех, чьи потребности и желания не удовлетворяются их дневным заработком. Но если вместо слова «заработная плата» мы используем слово «доход», то совершенно такой же стресс может существовать, и по аналогичной причине, в капиталистических классах. Нет ничего, что ука-

звало бы на то, что диспропорция между желаниями и средствами их удовлетворения в каком-либо одном классе больше, чем в другом. Если люди богатства хорошо едят и хорошо пьют, говорит Толстой, «это не мешает им быть такими же несчастными, как и бедные. Они также недовольны своим положением, сожалеют о прошлом и желают того, чего у них нет. Лучшее положение, которое они всегда держат в уме, — это то же самое, о котором вздыхают обитатели дома Ржанова, а именно: положение, в котором они могут меньше работать и больше получать выгоду от усилий других». Преодолевая пропасть, отделяющую пролетариев от собственников, кажется, что у последних рост желаний опережает рост их состояния, поскольку они чаще имеют возможность узнать и оценить изысканность роскоши и комфорта, а также увидеть, чего им не хватает для полного наслаждения жизнью. Если же экономическое напряжение, понимаемое в этом относительном смысле, не пропорционально больше в самом низшем классе, то нет оснований предполагать, что алчность ощущается в этом классе сильнее, чем в других, или что преступные побуждения не одинаково сильны во всех социальных классах. Верно, что воровство, самая грубая форма посягательства на собственность, гораздо более распространено среди низших классов, но этот факт уравнивается подделками, хищениями и криминальными банкротствами высших классов. И оба вида преступлений — лишь разновидности одного и того же естественного преступления — лишь разные формы, продиктованные различными социальными условиями, в которых проявляется крайняя степень алчности, лишь следствия отсутствия той же самой природы моральных ограничений. Обыденная речь, которая гораздо лучше передает общественное сознание, чем юридические термины, имеет единое название для всех подобных преступников. Не в меньшей степени, чем к бродяге, укравшему часы, слово «вор» применяется к кассиру, скрывающемуся с доверенными ему деньгами, к торговцу, виновному в мошенническом банкротстве, или к государственному служащему, позволяющему себя подкупить. В другом обществе человек, виновный в мелкой краже, был бы мошенником-промоутером, неплательщиком или адвокатом, присваивающим деньги своих клиентов.

Таким образом, сам собой рушится аргумент, на который социалисты возлагают свою главную надежду. Ограничивая свое внимание воровством, которое, по их мнению, более распространено среди беднейших слоев населения, они приходят к выводу, что преступления против собственности прекратятся с исчезновением бедности. Им следовало бы говорить не о пролетариате, а об экономических бедствиях — результатах, обусловленных чрезмерной диспропор-

цией между потребностями и средствами их удовлетворения, существующей во всех социальных классах, а не неравномерным распределением природных богатств. Именно эти бедствия объясняют, почему, пока незаконная деятельность будет полезна, то есть пока она будет служить источником наживы, преступность не прекратится среди безнравственных людей, — и этому все социальные классы способствуют почти в равной степени. Мы говорим о той фундаментальной, а не поверхностной безнравственности, которая является источником преступности.

Мы уже говорили, что социальные классы способствуют преступности почти в равной степени. Каковы же факты в этом отношении? Если бы существовала статистика, показывающая социальный статус различных преступников, истинность этого утверждения можно было бы точно продемонстрировать. Тогда сами цифры, возможно, показали бы ошибочность распространенного представления о бедности как одной из главных причин преступности. Но, к сожалению, этих цифр нет в готовом виде: чтобы получить их приблизительно, мы должны действовать методом индукции. Таким образом, рассматривая пока только те преступления, которые непосредственно мотивированы алчностью, мы можем сравнить число преступлений, которые в целом совершаются представителями низших классов, с числом преступлений, которые, по всей вероятности, совершаются лицами, находящимися в менее неудачных обстоятельствах.

В Италии люди с устойчивым экономическим положением, не зависящие от поденной заработной платы, составляют менее одной восьмой всего населения, которое в 1901 году составляло 32 475 253 человека, — фактическое соотношение составляет 88% пролетариев к 12% собственников. На 91 пролетарское преступление приходится 88 непролетариев — разница, которую едва ли можно оценить. Разве мы не имеем оснований заключить, что даже в отношении того вида преступлений, причина которых непосредственно экономическая, доля пролетариата практически такая же, как и доля других классов? И разве не очевидно также, что бедность как фактор преступности, можно сказать, имеет не большее и не меньшее значение, чем экономическое напряжение высших классов, которое к тому же будет существовать до тех пор, пока не станет возможным не только распределить между каждым равную долю природных богатств, но и не допустить, чтобы один человек зарабатывал больше другого?

Если это так в отношении преступлений против собственности, то что сказать о более широком утверждении некоторых социалистов о том, что бедность является причиной преступности вообще, включая преступления против личности? Здесь их усилия более натянуты. Они начинают с утверждения, что «в преступлениях против личности

влияние порочной социальной организации менее очевидно». Тем не менее «тонкое влияние нищеты, прямо или косвенно, проникает во все преступления». Нищета идет рука об руку с недостатком образования, и это порождает «дурные примеры, безответную честность, ослабление нервной силы, безудержное господство самых низменных страстей, неспособность взвешивать и учитывать, а также постоянное неудовлетворение жизненных потребностей — различные элементы, тайное брожение которых порождает преступления».

Но есть один момент, который этот аргумент совершенно упускает из виду. Отсутствие нравственного воспитания характерно не только для низших классов. Несмотря на заботу о воспитании детей, этот же недостаток часто встречается и среди классов с обеспеченным экономическим положением. Как было показано выше, воспитательная работа не всегда успешна. Сотни примеров доказывают, что преступные наклонности одинаково распространены во всех социальных классах.

В высших классах даже убийства встречаются далеко не так редко, как можно было бы подумать. Промежуток времени в один год часто приносит множество ярких примеров. В Болонье брат и сестра обвиняются в убийстве мужа последней в соучастии с ее любовником — по той причине, что жертва не была интеллектуально равна своей жене — мотив, к которому, вероятно, присоединилось желание завладеть имением мужа. Отец двух главных героев — известный состоятельный врач. Соучастник также является врачом. Несколько месяцев спустя, в Бари, капитан дальнего плавания, только что вернувшийся из Китая, обвиняется в убийстве своей жены, застрелив ее во сне, — исключительно с целью избавиться от нее. Случай произошел в Милане с известным скотоводом, который пригласил к себе домой богатого знакомого посмотреть его картины. По прибытии ничего не подозревающий гость был схвачен, связан и вынужден подписать определенные векселя. После этого его передали бывшему каторжнику, чтобы тот задушил его в паровой бане. Видный гражданин Палермо, бывший член Палаты депутатов, содержался под арестом более трех лет по обвинению в убийстве в железнодорожном вагоне директора Банка Сицилии. Клерк, чья мать таинственно исчезла, был обвинен в ее убийстве и освобожден только спустя много месяцев только потому, что факт ее смерти не был доказан. Студент юридического факультета Римского университета предстал перед судом присяжных за убийство однокурсника ночью с целью ограбления. В суде присяжных в качестве подсудимого предстал богатый представитель аристократической французской семьи, которому предстояло ответить на обвинение в убийстве внебрачного ребенка своей жены. Желая избавиться от младенца, он отвез его в уеди-

ненное место на побережье, где с вершины крутой скалы сбросил его в море. Несколько лет спустя другой француз — на этот раз фабрикант — привез свою молодую жену в то же самое место и избавился от нее точно таким же образом, предварительно застраховав ее жизнь в свою пользу. Эти несколько случаев были обнаружены случайно. Сколько же должно быть других, которые никогда не были раскрыты? Раскрытие особенно трудно, когда замешанные в этом люди умны и дальновидны, а также обладают средствами, чтобы купить молчание и отправиться в дальние страны.

Нравственность низших классов в целом не очень утонченна, но самых элементарных, наименее развитых моральных чувств достаточно, чтобы удержать их от преступления. В этих классах, как и в высших, убийство — явление исключительное. Их необразованность в целом не может иметь иного эффекта, кроме грубости чувств, то есть меньшей степени чувствительности к моральным страданиям других, честности, которая несколько более эластична. Бедняки Толстого, крестьяне и рабочие, описанные Золя. Некоторые из них, конечно, преступники, но при самом их появлении нам старательно рассказывают об их прошлом, объясняют причины их исключительно извращенной натуры. Другие же, опять же, исключительно добродетельны. Без сомнения, подавляющее большинство персонажей — существа, к которым мы не можем испытывать сочувствие, которые даже внушают нам чувство отвращения. Иногда они нелояльны и бессердечны, всецело поглощены своими эгоистическими интересами и лишены малейшего следа идеализма, но, с другой стороны, они никогда не видят в преступлении средства удовлетворения своих страстей и, даже если представляется случай, никогда не поддаются ему. Итак, пока большинство населения будет обладать определенной суммой инстинктов и антипатий, о которых я говорил в предыдущей главе, эти инстинкты и антипатии будут передаваться по наследству во всех классах, богатых и бедных, ученых и невежд, и будут укрепляться традицией, примером и семейным воспитанием. Нас здесь интересует не та утонченность чувств, которая является моральным уделом сравнительно немногих, как и не добродетели или благородные и великодушные чувства. Мы имеем дело исключительно с негативным качеством, то есть с отвращением к определенному числу поступков, безнравственность которых общепризнанна как в низших, так и в высших классах населения. Если верно, что моральные инстинкты являются эволюционным результатом бесчисленных опытов полезности, пережитых прошлыми поколениями, то, казалось бы, очевидно, что опыт бесполезности убийства, воровства

и подобных преступлений должен был иметь место столь же постоянно как в низших, так и в высших классах общества. Инстинкт жалости, как и некий очень грубый инстинкт честности, проявляется в самых низших слоях общества. Мы находим там то же отвращение к кровопролитию, то же отвращение к насилию и предательству, которые обнаруживаются и в высших сферах. Процесс эволюции, который наверху шел ровным путем и породил там утонченность чувств, задерживается или затрудняется внизу; здесь мораль ограничивается немногими отвращениями, очень ограниченным числом чувств, но эти отвращения и чувства встречаются в равной мере, в равной пропорции как наверху, так и внизу. Люди, лишенные этой элементарной морали, одинаково редки и ненормальны как на низах, так и на верхах общества. Бедность, несомненно, препятствует образованию, а недостаток образования препятствует нравственному развитию, но бедность не обязательно приводит к полному отсутствию таких чувств, как благожелательность и справедливость. Доказательства этого утверждения уже были представлены, причем как раз в той области, где его истинность чаще всего оспаривалась, а именно в связи с инстинктом честности.

А теперь — доказательство того, что преступность в целом не обусловлена пролетарскими условиями. В 1895 году 8% осужденных за тяжкие преступления («преступления») и проступки в Италии были лицами, классифицируемыми как землевладельцы, фермеры, управляющие торговыми предприятиями, наемные работники, правительственные чиновники, капиталисты и «рантье», или лицами свободных профессий или изящных искусств — пропорция, отнюдь не лестная для среднего класса, если принять во внимание, что проступки включали в себя множество мелких аграрных краж, таких как кража фруктов, дров и т.д., которые могли быть совершены только лицами, находящимися в неблагоприятном положении, и не должны были на самом деле фигурировать в преступности страны.

И все же, если учесть их численность в населении, доля бедных мало отличается от доли богатых и обеспеченных. Число представителей высших классов, осужденных в суде присяжных, пропорционально меньше, но это, на мой взгляд, имеет лишь одно значение. Это все больше подтверждает распространенное замечание о том, что деньги могут служить препятствием для правосудия. ***Слишком часто на приговоры влияют красноречие какого-нибудь талантливого адвоката, которого могут позволить себе нанять только богатые, или — что является гораздо более опасным злом — грязный обмен и продажа.*** Тем не менее из тюремной статистики за 1900 год мы узнаем, что в пенитенциарных учреждениях

Италии тогда находилось 8102 человека (что составляет одну десятую от общего числа заключенных), которые не принадлежали к пролетарским классам, поскольку их называли «рантье», торговцами, банкирами, трактирщиками, брокерами, наемными служащими, правительственными чиновниками, священнослужителями или представителями свободных профессий. Это дает нам долю — 10% — которая почти равна доле собственников во всем населении.

Обращаясь теперь к вопросу об образовании, мы сталкиваемся с множеством фактов, которые доказывают, что невежество, которое почти всегда идет рука об руку с бедностью, никак не влияет на явление преступности, — что оно совершенно не зависит от социальных условий или индивидуальной культуры. Например, если взять лиц, осужденных за уголовные преступления и содержавшихся в итальянских пенитенциарных учреждениях в 1900 году, и классифицировать их по роду занятий или профессии, то самой бедной и невежественной группой окажутся представители сельскохозяйственного сословия, составлявшие 28,9% от общего числа осужденных. Это значительно меньше, чем доля этих сословий в общей численности населения, поскольку, согласно переписи 1901 года, их было 16 836 557 человек из 32 475 253.

Опять же, в Германии (согласно статистике 1896 года) представители свободных профессий вносят гораздо больший вклад в число преступлений, связанных с мошенничеством и злоупотреблением доверием, чем представители сельскохозяйственного класса. В целом наиболее преступным классом там являются лица, занятые в торговле и промышленности. Во Франции лица, занятые в торговле, и представители свободных профессий шире представлены, чем представители сельскохозяйственного и промышленного классов, в более тяжелых преступлениях против личности. Более того, в 1900 году сельскохозяйственный класс, составлявший «немногом меньше половины всего населения Франции, составлял лишь одну четвертую часть от числа обвиняемых, имевших какой-либо вид торговли или профессии... Преступность коммерческого класса (одного из наиболее далеких от неграмотности) составляет 15% от общей преступности страны, хотя этот класс представляет лишь одну седьмую всего населения». Что касается свободных профессий и государственной службы, мы обнаруживаем, что число преступлений, приписываемых их членам, почти вдвое превышает число преступлений сельскохозяйственного класса.

Таким образом, становится очевидным, что в целом наблюдается меньшая степень преступности, и, в частности, меньшая степень в отношении более тяжелых преступлений, среди тех самых людей,

которые образуют одновременно и самую бедную, и самую невежественную часть населения. Фактически этот сельскохозяйственный класс включает во Франции, помимо владельцев мелких ферм, более миллиона арендаторов и свыше двух миллионов сельскохозяйственных рабочих и фермеров.

Само собой разумеется, что женщины и дети в эти цифры не включены. Повсюду, как хорошо известно, но особенно во Франции, бедность и невежество крестьян резко контрастируют с образованием и сравнительным комфортом городского рабочего. Что же могут ответить те, кто верит в эффективность грамотности и экономического благосостояния как факторов, препятствующих преступности, когда им говорят, что из каждых 100 000 человек, обвиняемых в преступлениях, 24% приходится на промышленные классы, а 27% — на торговые классы по сравнению с 8% контингента, приходящегося на сельскохозяйственные классы?

А что же с общественной моралью? — попевала ли она за этим замечательным ростом общего благосостояния и образования?

По оценкам, в период с 1826 по 1878 год общее число уголовных преступлений и проступков увеличилось более чем втрое. С тех пор рост заработной платы и прогресс народного образования не ослабевали, однако волна преступности продолжала расти вплоть до 1895 года. Она начала спадать только в 1896 году, и то отнюдь не из-за распространения благосостояния и образования, а как прямой результат ряда законов, принятых, если цитировать официальный отчет, «с целью ужесточения наказания неисправимых преступников и обеспечения досрочного освобождения из-под стражи заключенных, проявивших тенденцию к исправлению».

Нельзя сказать, что рост преступности до 1895 года можно объяснить либо ростом благосостояния, либо распространением образования, но, с другой стороны, рассмотренные нами цифры столь же ясно показывают, что бедность и невежество не являются истинными причинами преступности.

Здесь можно найти возражение. Если преступность не является следствием экономического положения пролетариата, то как объяснить постоянную связь, которая, как показывает статистика, существует между числом краж, с одной стороны, обилием урожая и ценами на хлеб — с другой? Это хорошо известный статистический закон, который неоднократно подтверждался. В Баварии, например, было замечено, что при населении в 100 000 человек каждое увеличение или уменьшение цены на зерно на шесть крейцеров сопровождалось соответствующим увеличением или уменьшением общего числа краж на один крейцер. Аналогичные результаты были получены

в Сицилии в период с 1875 по 1895 год. Но нельзя забывать и о другом явлении, которое почти всегда сопровождает это последнее. Колебания цен на зерно влияют на преступления против личности прямо противоположным образом, чем на преступления против собственности. Так, в Баварии падение цен на продукты питания сопровождалось ростом преступлений против личности и наоборот. Аналогично, в Пруссии в 1862 году, когда цены на многие виды продуктов питания были очень высокими, доля преступлений против собственности составляла 44,38%, а против личности — 15,8%; при падении цен первые снижались до 41%, а вторые — до 18%. И если динамика роста или падения цен не ограничивается одним годом, а продолжается в течение значительного периода, мы, как правило, можем ожидать, что одна форма преступлений будет следовать за динамикой цен, в то время как другая форма соответственно будет двигаться в противоположном направлении. Если бы импульс, случайный повод, объект воровства отсутствовали, само воровство перестало бы существовать. Но это не внесло бы никаких существенных изменений в общественную безнравственность: это лишь привело бы к решительному изменению формы преступной деятельности. Обилие еды и питья способствовало бы более легкому возбуждению страстей, и поскольку большее число преступлений против личности непосредственно обусловлено действием страсти, очевидно, что преступления такого рода стали бы гораздо более многочисленными. Рабочий, который хорошо пообедал и не испытывал финансовых опасений за завтрашний день, сразу же отправился бы на поиски развлечений. И зачастую это были бы развлечения того сомнительного рода, которые приводят к дракам и кровопролитию.

Эти цифры убедительно доказывают, что колебания всегда нестабильного экономического равновесия не являются истинной причиной преступности, а лишь определяют форму ее проявления. По своему воздействию на социальный организм их можно сравнить не с микробом, который, случайно попав в здоровый организм, заражает и губит его, а скорее с холодным ветром или сыростью в жилище, которые ускоряют начало чахотки, или с сильным напряжением или эмоциями, которые вызывают преждевременный разрыв артерии. Если бы эти причины не были задействованы, человек рано или поздно заболел бы чахоткой или артериосклерозом. Точно так же обстоятельства, облегчающие или затрудняющие жизнь, лишь определяют в определенный момент, в определенной форме и особым образом проявление этой безнравственности, которая рано или поздно проявилась бы в виде преступления.

В отношении преступности изменения социальной среды и экономические колебания, которые часто являются их результатом, порождают явление, подобное океанским приливам. Движение приливов не увеличивает и не уменьшает объем воды; это всего лишь попеременное наступление и отступление воды. Таким образом, об этих изменениях, и особенно о тех, которые повторяются через определенные промежутки времени, например, смену времен года, нельзя сказать, что они увеличивают или уменьшают общий объем преступности. Давно известно, что максимум летних и минимум зимних преступлений против личности соответственно совпадают с минимумом и максимумом имущественных преступлений (Кетле). Подгоняемая потребностями момента, преступная деятельность предпочитает сосредоточиваться на одном объекте, игнорируя все остальное. Именно этим объясняется постоянная связь между ростом одного вида преступности и снижением другого. Хотя безнравственность часто ограничивается отсутствием лишь одного из элементарных нравственных инстинктов, мы нередко обнаруживаем сочетание бесчестности и бесчеловечности у одного и того же человека. Лучшим доказательством этого служит тот факт, который подтверждается статистикой рецидивизма: самые различные формы преступлений могут чередоваться у одного и того же человека — факт, который также полностью опровергает юридические теории, согласно которым уголовное право должно было бы ориентироваться исключительно на особый рецидивизм.

Этот переход преступности из одного вида в другой, обусловленный сменой времен года, обилием или недостатком урожая и сопутствующими колебаниями цен, может показаться странным, но это явление мы обязаны принимать во внимание. Мы также вынуждены признать аналогичный эффект, производимый годовыми колебаниями температуры и постоянными ростом и падением цен в течение ряда лет. Так, во Франции число убийств, изнасилований и ранений прогрессивно росло в течение пяти лет подряд — с 1848 по 1852 год, — что, как свидетельствуют крайне низкие цены на мясо, пшеницу и вино, было периодом всеобщего процветания.

Все факты, таким образом, делают позицию социалистов несостоятельной. Более легкая жизнь и возросший комфорт низших классов не привели к уменьшению общей суммы преступности. Напротив, рост заработной платы и распространение образования во второй половине XIX века сопровождались заметным ростом некоторых наиболее тяжких форм преступлений. «Так любопытно наблюдать, — говорит французский писатель, — как алчность растет вместе с богатством, и как, в свою очередь, по мере развития городской жизни

и растущей свободы в сексуальных отношениях сексуальные страсти усиливаются, о чем свидетельствует огромное количество непристойных преступлений. Вряд ли можно найти лучшую иллюстрацию той истины, что желание питается собственным удовлетворением».

Из всего сказанного до сих пор можно сделать два следующих вывода:

1) нынешний экономический порядок, то есть распределение богатства, существующее сегодня, не является причиной преступности в целом;

2) колебания, которые обычно происходят в экономическом порядке, могут привести к росту одной формы преступности, но этот рост компенсируется уменьшением другой формы. Эти колебания, следовательно, являются возможными причинами специфической преступности.

Остается рассмотреть такие аномальные экономические потрясения, как торговые кризисы, голод, наводнения, войны и революции. События такого рода, поскольку они полностью изменяют обычные условия жизни, выглядят как истинные случайные причины преступности. Они кажутся закономерными проявлениями преступного феномена, который в противном случае, при нормальных условиях, возможно, не возник бы из-за отсутствия в социальной среде достаточно сильных импульсов, чтобы побудить безнравственных людей совершить антиобщественный поступок. На первый взгляд, эта точка зрения подтверждается прошлым опытом. Немедленный рост числа грабежей, убийств и мошенничества почти всегда следовал за внезапными потрясениями такого рода. И все же более внимательное изучение вопроса, вероятно, привело бы к изменению нашего мнения. При таких обстоятельствах, действительно, статистика показывает рост числа более тяжких преступлений. Но в конце концов, возможно, и здесь на самом деле не имеется в виду ничего иного, кроме изменения формы.

По моему мнению, ни наводнение, ни голод не увеличивают число преступников. Они лишь превращают бродягу или вора в разбойника, подобно тому, как это делает война или революция. Таким образом, вопрос, по-видимому, сводится исключительно к специфической преступности: рост, с одной стороны, и снижение — с другой.

Несомненно, политический, социальный или экономический кризис может быть случайной причиной преступности, поскольку он затрудняет борьбу за существование во всех ее проявлениях. Тем не менее есть все основания полагать, что отсутствие моральных инстинктов (непременное условие преступления) всегда рано или

поздно, в различных жизненных обстоятельствах, столкнется с неким импульсом, который приведет к проявлению преступного феномена.

V. ТЕОРИЯ ПРЯМОЙ ЗАВИСИМОСТИ МЕЖДУ ПРЕСТУПНОСТЬЮ И МАТЕРИАЛЬНЫМ БЛАГОСОСТОЯНИЕМ

Выводы, к которым мы только что пришли, полностью противоречат социалистическому тезису: как нам казалось, экономическое положение пролетариата, то есть отсутствие капитала или сбережений, совершенно не влияет на преступность в целом. Его влияние сказывается лишь на некоторых особых формах, составляющих специфическую преступность низших классов, подобно тому, как другие формы составляют специфическую преступность классов, занимающих более выгодное экономическое положение. Крайняя нищета обычно приводит к нищенству, иногда к бродяжничеству. Единственные преступления, за которые она явно отвечает, — это такие мелкие правонарушения, как кража дров, продуктов питания и других предметов незначительной ценности.

Где же искать пропорцию преступности? Во Франции, где экономическое развитие гораздо выше, а уровень преступности гораздо ниже, чем в Италии или Испании? В Англии, где преступность постоянно снижается, несмотря на чрезвычайный рост населения, а также торговли и промышленности? Или в какой-либо другой стране Европы, но в какой?

Различается ли эта пропорция у разных стран и в зависимости от различий в их социальном положении? Если это так, то любое сравнение между нациями оказывается несостоятельным.

Невозможно сравнить социальную ценность уголовного преступления с ценностью морально-экономического факта. «Совершенно нелогично, — говорит Ферри, — анализировать и сравнивать соответствующие темпы роста двух столь разнородных видов деятельности с помощью одних лишь процентов и статистики. Как мы можем быть уверены, что рост торговли на 600% пропорционально в три раза превышает рост преступности на 200%? Я не могу принять ни одну из таких теорий. На мой взгляд, увеличение числа преступлений на 10% имеет гораздо более важное социальное значение, чем увеличение экспорта хлопка и скота на 30%».

«Как по фактам, так и по выводам, которые он пытается из них сделать, — говорит Тард, — предыдущий расчет едва ли может быть более ошибочным. В фактах — потому что неверно, что шестикратному росту преступлений, связанных с нарушением доверия, семикрат-

ному росту непристойных проступков соответствует параллельное умножение поводов, рассчитанных на возникновение таких преступлений. В выводах — потому что, как мне кажется, в отношении уголовных преступлений в целом они подразумевают смешение понятий. Продолжая мое сравнение, можно сказать, что ничего не дает демонстрация того, что железные дороги — наименее опасный вид транспорта, а газ — наименее вредное средство освещения. Фактом остается то, что француз 1826 года подвергался меньшему риску погибнуть в результате несчастного случая во время путешествия или сгореть заживо, чем его потомок в наши дни. Полвека назад на каждые 100 000 жителей приходилось пятнадцать смертей от несчастных случаев; сегодня их тридцать шесть. Это связано с достижениями современной цивилизации. Тем не менее средняя продолжительность жизни в целом не сократилась. Более того, я знаю, что принято считать ее увеличивающейся, но серьезное статистическое исследование показало ее несостоятельность. Все, что мы знаем, — это то, что у человека сейчас меньше шансов умереть в своей постели, чем раньше, но столько же шансов умереть другими способами. От зол, которые следуют за ними, изобретения цивилизации также принесли нам средства. Также они принесли нам средства от потребностей и алчных желаний, которые они создали или пробудили, — стимулы как к преступлению, так и к труду. Но как бы оно ни компенсировалось, зло есть зло, само по себе нисколько не уменьшаемое сопутствующим ему благом. Если одно можно полностью отделить от другого, это ясно; если они навсегда неразрывны (предположение, можно надеяться, для которого нет оснований), то это еще яснее. Меня мало волнует, повысилась ли безопасность путешествий или улучшилась ли нравственность дел, когда нравственность людей, будь то путешественники, торговцы или кто-то еще, ухудшилась наполовину или две трети. В пропорции к определенному количеству дел число преступлений, возможно, не увеличилось. Я даже допускаю, что оно уменьшилось, — но подвергается ли сегодня гражданин Франции меньшему риску, да или нет, быть обманутым или ограбленным, чем пятьдесят лет назад? Именно это, а не просто абстракция или метафора, и есть жизненная проблема. Разве не зло, не определенное и не несомненное зло, что какой-либо класс или группа граждан независимо от их активности и рода занятий теперь составляет контингент преступников в три и шесть раз больше прежнего, — как свидетельствует пример лиц, занятых в промышленности, и замужних женщин? И если предположить, что развитие торговли за последние сорок лет увеличилось более чем в два раза, разве не зло, что за этот же период число коммерческих банкротств удвоилось? Гражданские судебные разбира-

тельства других видов, как ни странно, регулярно сохраняют тот же уровень, несмотря на растущую сложность интересов, увеличение количества контрактов и соглашений и усиливающуюся тенденцию к разделу земельной собственности. Однако, “априори”, что может показаться более правдоподобным, чем считать рост числа гражданских или коммерческих судебных разбирательств постоянным и необходимым признаком процветания, гражданской и коммерческой активности? То, что верно для внутренних дел, верно и для внешних. Разве цивилизация не обязана тем, что поводы для войн никогда не были столь многочисленными и важными, как с 1830 по 1848 год — в самый мирный период XIX века».

Преступление, несомненно, является деятельностью: оно представляет собой сумму энергий, которые проявляются бок о бок с другими энергиями общества. Но если мошенники и фальшивомонетчики живут среди честных торговцев, почему их число должно увеличиваться, поскольку выгоды от честной торговли приобретаются легче? Не следует ли ожидать прямо противоположного результата? Разве не кажется, что более широкие возможности для честной деятельности и больший успех, который ей сопутствует, должны служить достаточными мотивами для привлечения туда большего числа людей, многие из которых, без сомнения, в противном случае нашли бы источник дохода в незаконных способах? Поэтому, когда мы сталкиваемся с тем, что, несмотря на экономический прогресс страны, преступность растет, хотя и медленнее, чем темпы этого прогресса, не кажется ли справедливым сделать вывод, что без расширения честной деятельности число уголовных преступлений возросло бы еще больше?

Невозможно поверить, что прогресс цивилизации способствует росту преступности. Напротив, нельзя не признать, что в той мере, в какой он замедляет привычное развитие преступности, его эффект прямо противоположен. Чистый поток честности, набирая силу и скорость, увлекает за собой воды, которые в противном случае были бы втянуты в грязный поток преступности.

Единственная пропорция, которую важно учитывать, — отношение преступлений к численности населения. Большие или меньшие активность и богатство населения не имеют никакого значения при решении вопроса об увеличении или уменьшении преступности. Если вместо десяти преступлений мы обнаруживаем пятьдесят, очевидно, что имеет место абсолютный рост преступности. А если ее рост превышает рост населения, то столь же очевидно, что мы имеем пропорциональный рост преступности. Соотношение, в котором колебания преступности или тенденции к увеличению или уменьшению

находятся с различными видами социальной деятельности, может быть важно лишь как указание на влияние, которое эти виды деятельности соответственно оказывают на отдельные формы преступности.

Подводя итог, можно сказать, что рост производительной деятельности народа никоим образом не ведет к росту преступности. Статистика показывает нам, что одним из благотворных эффектов цивилизации является специализация преступности, ограничение ее определенными особыми формами, практика которых становится специфической отраслью или профессией непокорных классов. Из этого следует, что в нации, находящейся на высоком уровне развития, преступность имеет тенденцию сужаться и концентрироваться в одном классе, как показывает статистика рецидивизма. Но это движение концентрации чрезвычайно медленное. Оно завершится не в нынешнем поколении, а лишь по прошествии многих столетий. В любом случае, нам следует быть осторожными, предъявляя цивилизации обвинения в том, что ее прогресс способствует преступности.

Но мы не должны требовать от нее невозможного. Цивилизация не создает преступника. Она не в силах его уничтожить. Он существовал до цивилизации — ведь разве Каин не был его предком? Он пользуется цивилизацией лишь для того, чтобы изменить внешнюю форму своего преступления. С изобретением железных дорог преступник больше не может остановить дилижанс на открытой дороге. Но он приспособливается к изменившимся условиям: сам становится пассажиром, путешествует в вагоне первого класса, по всей видимости, джентльменом, и ждет удобного случая усыпить своего спящего попутчика хлороформом или выбросить его из окна вагона. Если преступность значительно возросла и превысила численность населения, то вину за это следует приписывать не цивилизации, а неравномерному распределению богатства. Причины этого нам придется искать в другом месте.

Глава V

ВЛИЯНИЕ ЗАКОНОВ

I. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ВЛИЯЮЩЕЕ НА ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ

От нашей последней темы обсуждения легко перейти к вопросу о влиянии законодательной власти государства на преступность. Но сама проблема сложна и требует от нас с самого начала различения двух классов законов, а именно: (1) те, чьей прямой целью является предотвращение или пресечение преступлений, и (2) те, которые, хотя и направлены непосредственно на достижение другой цели, тем не менее могут косвенно влиять на преступность. Удобнее будет сначала поговорить о последних.

Изменение окружающей среды

Разве государство не может изменить или отменить определенные социальные факты, определенные институты, определенные изменяемые условия жизни народа в целом или определенного класса общества — факторы окружающей среды, признанные наиболее частыми причинами множества преступлений, — и тем самым добиться снижения преступности? Ведь если моральное несовершенство преступника всегда является необходимым условием преступления, то внешние обстоятельства очень часто являются причинами, определяющими его проявление. Некоторые из этих внешних причин обусловлены физической средой, которую человек изменить не в силах. Каждый понимает беспомощность законодателя перед лицом климатических и метеорологических условий. Но если факт будет социальным, а не физическим, сразу же раздастся крик, что законодатель может его устранить, если пожелает.

«Измените установленный порядок, — восклицает Кетле, — и вместе с ним быстро изменятся постоянно повторяющиеся факты, на которые мы жалуемся... Здесь законодатель может исполнить благородную миссию. Изменяя среду, в которой мы живем, он может улучшить положение своих собратьев. Дайте мне дышать более чистым воздухом, измените среду, в которой я вынужден жить, и вы дадите мне новую жизнь. Как бы ни была сильна моя моральная конституция, мне, тем не менее, может быть невозможно противостоять

пагубным влияниям, которыми вы меня окружаете... Ваши институты допускают, более того, даже поощряют множество ловушек, и если в минуту слабости я позволю себе попасть в ловушку, то вы меня поразите. Не следует ли вам, скорее, попытаться сделать менее опасной эту пропасть, по краям которой я вынужден нащупывать свой путь, или, по крайней мере, развеять тьму с моего опасного пути?»

Лакассань обращается к аналогичному призыву: «Сковывающему фатализму, неизбежному следствию антропологической теории, противостоит социальная инициатива. Если окружающая среда, которая есть все, достаточно ущербна, чтобы способствовать развитию порочных и преступных натур, то именно на эту среду и условия ее функционирования следует направлять реформы».

Все это, без сомнения, достойно восхищения. Однако это мнение основано на совершенно ложном представлении о всемогуществе государства. Оно полностью игнорирует тот факт, что общество, как и любой естественный организм, развивается медленно и постепенно, в развитии, в котором законодатель играет минимальную роль. Но как быть с практической стороной вопроса? Была ли она хотя бы рассмотрена? Ведь если преступление — это симптом, а его причина распознаваема, то задача хорошей системы социальной терапии — бороться с этой причиной, при условии, что она поддается лечению. В этом и заключается весь вопрос: каковы средства?

Теория законодательного предупреждения преступлений

Романьози, один из величайших итальянских мыслителей, считая наиболее распространенными и постоянными причинами преступлений недостатки (1) в обеспечении средств к существованию и (2) в образовании, — относящиеся, соответственно, к экономическому и нравственному порядкам, — и (3) в бдительности и (4) в правосудии, — относящиеся и к политическому порядку, — первым точно определил пределы действий правительства в поиске средств правовой защиты от таких недостатков. По его мнению, действия государства в этом отношении редко должны быть чем-то иным, кроме негативных. Уничтожив привилегии и монополии, оно должно допустить беспрепятственное развитие торговли и беспрепятственное развитие промышленности; оно не должно чинить препятствий индивидуальному предпринимательству и не должно подвергать свободный труд какой-либо опеке. Все это, по его мнению, может быть достигнуто посредством разумного социального и экономического законодательства и мудрого отправления правосудия.

Единственное позитивное действие, которого Романьози требует от государства, — это активный и неустанный надзор общества за опасными слоями.

Ферри предпринял выявление дополнительных случаев, в которых государство должно стремиться к предотвращению преступности путем подавления или разделения последовательностей определенных социальных последствий, которые обычно являются ее случайными причинами. Он исходит из теорий, согласно которым обязанность государства — установить, какие источники преступности существуют в институтах, обычаях и предрассудках народа, и, найдя их, добиться успеха в их устранении с помощью применения особых законов. «Во всех своих законодательных, экономических, тюремных и пенитенциарных учреждениях, от высших учебных заведений до низших, цель государства всегда должна быть приданием общественному организму такого регулирования, чтобы человеческая деятельность могла постоянно направляться в русло, прямо противоположное преступному курсу. Этого можно достичь, обеспечивая индивидуальную энергию ограничений действий и одновременно уменьшая соблазны и поводы для последствий».

Эти средства косвенного предотвращения Ферри называет «заменителями наказания». Было бы столь же уместно, замечает Тард, назвать их «заменителями преступления».

Ни то, ни другое, пожалуй, неверно. Трудно увидеть эквивалент преступления в правительственном действии, которое, помимо прочих своих последствий, рассчитано на предотвращение совершения преступления. И еще меньше такое действие кажется нам эквивалентом наказания, поскольку наказание не применяется до тех пор, пока преступление не будет совершено. Но, не останавливаясь на обсуждении этого вопроса о словах, давайте рассмотрим практическую программу, которую предлагает Ферри.

Его план предполагает не что иное, как полную перестройку всей системы социального и экономического законодательства. Он рекомендует установить свободный обмен товарами, благодаря чему, по его мнению, будут устранены необычные повышения цен на хлеб и, как следствие, предотвращены многие преступные деяния. Отменить государственные монополии — шаг, который, по его мнению, приведет к исчезновению не только нарушений налогового законодательства, но и многих других видов преступлений; и отмена некоторых налогов, существование которых является источником постоянного беспокойства. Поскольку злоупотребление крепкими напитками является благодатной причиной нищеты, болезней и преступности среди рабочего класса, он требует, вместе с Де-

спеном и Ломброзо, введения пошлин на производство и продажу алкоголя. Он предлагает также полностью отказаться от бумажных денег и заменить их золотыми и серебряными монетами с целью затруднить фальшивомонетничество; построить недорогое, но гигиеничное жилье для рабочего класса; учреждения для оказания помощи и ухода за немощными бедняками; сберегательные кассы для рабочих, которые, поощряя накопление, будут способствовать уменьшению преступлений против собственности; более широкие и лучше освещенные городские улицы, что должно было бы препятствовать ночным насильственным преступлениям. Он полагает, что число детоубийств и абортот сократится благодаря популяризации мальтузианских доктрин. Он выступает за улучшение законов о наследовании имущества, признании незаконнорожденных детей и установлении отцовства, а также за законодательство, предусматривающее развод и возмещение ущерба за нарушение брачного обещания, что, по его мнению, будет способствовать противодействию незаконному сожительству, детоубийству, прелюбодеянию, двоеженству, женоубийству и преступлениям против целомудрия. С целью сокращения числа банкротств по уголовным делам он также предлагает реформировать положения торгового права, касающиеся личной ответственности должностных лиц корпораций, процедуры в случаях коммерческих банкротств, реабилитации банкротов и т.д.

Другие предложения включают контроль за производством смертоносного оружия с целью ограничения его использования; учреждение судов чести для предотвращения использования дуэлей; запрет паломничества; браки духовенства, упразднение монастырей, отмену многих праздников, учреждение публичной гимнастики, общественных бань, театров, приютов для подкидышей, запрет непристойных публикаций и отчетов о скандальных судебных процессах, исключение молодежи из зрительских мест в уголовных судах и другие меры, рассчитанные на то, чтобы повлиять на общественную мораль в целом и противодействие определенным классам преступлений в частности.

Выводы

Я далек от мысли умалять огромную пользу разумно задуманного законодательства в предотвращении преступлений. Однако следует избегать представления о том, что законодатель способен совершить такую утопическую трансформацию, которая приведет к исчезновению соблазнов и поводов к преступлениям. Более того, сам Ферри признает, что значительная часть преступлений обусловлена причинами, совершенно иными, чем те, которые мы только что рассмотрели,

причинами, лежащими вне сферы действия предлагаемых им мер. Опять же, если долг законодателя — заботиться о влиянии законодательства на преступность, он тем не менее не должен упускать из виду и другие, не менее важные интересы. Он не должен жертвовать всем остальным ради единственной цели — устранения соблазнов, которые представляют собой исключительно для лиц с преступными наклонностями.

Следуя этому общему наброску плана Ферри, необходимо отличать те его предложения, которые касаются образования или социальной экономики и направлены лишь на реформирование существующих законов, от тех, которые направлены непосредственно на искоренение причин определенных конкретных преступлений. Первые являются естественным и постоянным следствием цивилизации, и от них можно надеяться на постепенное совершенствование людей и, как следствие, на уменьшение порока и преступности. Что касается второй группы предложений, сфера их действия ограничена, поскольку они касаются лишь некоторых видов преступности. В связи с этим Ферри предлагает отменить некоторые существующие ограничения, такие как налоги, монополии и т.д., и установить новые ограничения, касающиеся праздничных мероприятий, розничной продажи спиртных напитков и тому подобного.

Итак, если мы отменим ограничение, очевидно, что преступления, непосредственно связанные с его нарушением, прекратятся. Если мы отменим все тарифное законодательство, не будет и контрабанды. Но, с другой стороны, каждое новое ограничение будет иметь своих нарушителей и, следовательно, приведет к появлению правонарушений, которых прежде не существовало. Кроме того, ни одно из этих ограничений, которые таким образом должны быть сняты или приняты по воле законодателя, никоим образом не касается того вида преступления, который является единственным объектом нашего настоящего исследования, а именно того естественного преступления, определение которого приведено выше. Контрабанда, нарушение специальных правил, чисто политическое преступление, деяние, не оскорбляющее альтруистических чувств, — ничто из этого не имеет ничего общего с истинной преступностью. Ни принятие новых запретов, ни отмена старых не могут оказать никакого влияния, прямого или косвенного, на естественную преступность. Трактир, например, не способствует убийствам. Это, конечно, место встречи, привлекающее выпивох и игроков. Между ними могут возникать ссоры, приводящие к обмену ударами и иногда заканчивающиеся лишением жизни. Но почти то же самое можно сказать и о том, что для высших классов является эквивалентом таверны, — кафе или клубе.

Даже здесь могут возникать неприязнь и ненависть, приводящие к оскорблениям и дуэлям. Некоторые другие обычаи и институты, являющиеся непременными условиями специализированных правонарушений, являются постоянными социальными фактами. Если бы не существовало денег, не было бы фальшивомонетчиков. Если бы не было брака, не существовало бы и преступления двоеженства. То же самое относится и ко всем другим экономическим, политическим, религиозным и семейным институтам, необходимым для общественной жизни.

Поэтому совершенно бесполезно переносить этот вопрос в эту область. Более того, предложение направлено лишь на устранение наиболее частых причин преступлений, возникающих из некоторых обычно опасных обычаев или обычаев, которые можно ограничить или запретить в общих интересах. В отношении некоторых либеральных институтов Ферри соглашается с другими авторами в том, что «первое дело — понять, не меньше ли зло — терпеть эти институты со всеми их невзгодами, чем потерять все то благо, которое они, несомненно, приносят. Особенно следует помнить, что как закон неотделим от общества, так и преступление, нарушение закона, всегда неотделимо от самого закона. Злоупотребление человеческой свободой будет существовать всегда: все, что можно сделать, — это свести его к как можно более узким границам».

Тот же аргумент можно применить к некоторым предложениям, касающимся экономического, политического и внутреннего порядка. Ферри полагает, что свободная торговля, как и отмена монополий, предотвратит многие преступные деяния. Это верно, но кто, исходя только из этого соображения, посоветует государству отменить импортные пошлины или отказаться от какой-либо полезной монополии? Точно так же тот факт, что военнослужащим запрещено жениться, несомненно, является частой причиной безнравственности: это приводит к многочисленным случаям незаконного сожительства и к несчастью многих брошенных женщин. Однако какое правительство откажется от несомненного преимущества иметь армию, низшие чины которой состоят из мужчин, не стесненных брачными узами?

С другой стороны, предположим, что у нас было множество подобных изменений в законах или обычаях. Можем ли мы быть уверены, что снижение одной специализированной формы преступности не будет компенсировано ростом другой? Если лишить низшие классы возможности праздновать, не усилятся ли их изоляция и тем самым не уменьшится их общительность? Если их повседневный труд не прерывается часом беззаботного удовольствия, не будут ли они

так же легко переносить усталость? Не станут ли они угрюмыми, возможно, даже ненавидеть своих ближних — изменение их характера, сопряженное с новой опасностью преступления? Можно ли, узаконив развод, упразднить ревность? Вспомните злбу мужа, отвернувшегося от собственной двери и отлученного от общества собственной семьи. Наконец, учитывая непреодолимое сопротивление укоренившейся практики, где гарантия, что такие меры достигнут того, чего от них ожидают? В качестве средства борьбы с алкоголизмом Ломброзо и другие предлагали введение очень высоких пошлин на производство и продажу спиртных напитков. Но этот вопрос невозможно решить утвердительно, не затрагивая экономические интересы, которые государство обязано защищать. Более того, такие меры не всегда успешны. Примером этого служат французские законы 1871 и 1872 годов. Хотя этими законами акцизы на алкоголь были внезапно повышены вдвое по сравнению с прежней ставкой, это не помешало дальнейшему росту его потребления.

Как уже предполагал Деспен, средством прямого предотвращения зла, порождаемого алкоголизмом, был бы полный запрет продажи опьяняющих веществ. Но тщетно надеяться на подобную реформу в Европе. Было бы более целесообразно использовать менее радикальную меру, например, установление максимального количества лицензий на продажу спиртных напитков для каждой коммуны, что должно было бы быть достигнуто путем постепенного ограничения.

В Италии наблюдается быстрый рост числа точек розничной торговли спиртными напитками. Например, в Милане в 1877 году их было на 848 больше, чем в 1872 году.

Ни в римских провинциях, ни в южных не употребляется крепких напитков в больших размерах, но здесь употребление вина, хотя и менее вредное с точки зрения общественного здоровья, тем не менее ввиду возбудимости народа приводит к еще худшим последствиям с точки зрения общественной безопасности. Оно, несомненно, является причиной многих кровопролитных преступлений. Прямым доказательством этого служит тот факт, что в провинции Неаполь отмена в 1876 году всех ограничений на розничную продажу спиртных напитков и последовавший за этим рост числа винных лавок сопровождался ростом числа забастовок и случаев нанесения телесных повреждений. С 1577 в 1877 году их число возросло до 2191 в 1878, до 3349 в 1879 и до 3980 в 1888 году. С последнего года это число продолжает оставаться очень высоким. Поэтому было бы разумной мерой ввести высокий лицензионный налог и ограничить количество лицензий максимальным количеством для каждого населенного пункта,

предусматривая временное положение о постепенном сокращении существующего числа розничных торговцев спиртными напитками аналогично голландскому законодательству.

Но, возвращаясь к обсуждаемой теории, следует отметить, что многие другие меры, предлагаемые Ферри, находятся вне сферы действия государства. Таковы его рекомендации об исключении из рабочих обществ членов, пристрастившихся к пьянству, о предоставлении населению полезных для здоровья развлечений по низкой цене, об отмене практики выплаты заработной платы только один раз в неделю и в субботу вечером, о строительстве дешевого и гигиеничного жилья для рабочего класса, а также его предложения об обществах трезвости, кооперативных обществах взаимопомощи, рабочих сберегательных кассах, благотворительных комитетах, о допуске женщин к врачебной практике и о популяризации учения Мальтуса. Что касается всех этих мер, то ясно, что если правительство и может оказывать какое-либо влияние, то лишь весьма ограниченное. Вопросы такого рода не являются предметом законодательных реформ. Все это зависит от естественного прогресса цивилизации, от развития бережливости — короче говоря, от индивидуальной инициативы. Утверждать, что благодаря этим мерам преступность снизится, — это то же самое, что утверждать, что по мере того, как общество начинает больше ценить труд, бережливость и порядок, оно производит меньше преступлений — чего никто не станет отрицать. Даже если государство и приложит руку к некоторым из этих реформ (за исключением мальтузианских мер контроля, поскольку вмешательство государства здесь исключено), вызывает серьезные сомнения, увенчаются ли его усилия успехом. Однако такому вмешательству будут противостоять здравые политические соображения.

В чем же тогда заключается истинная функция законодательства и управления? В предотвращении преступлений законодательные меры общего применения не могут выходить за рамки поддержания хорошей полицейской системы, разумного отправления правосудия и косвенного развития общественного нравственного воспитания, которое будет способствовать противодействию определенным порочным привычкам, обычно являющимся причиной преступлений. На эти привычки оно не может воздействовать напрямую, за исключением некоторых особых случаев, например, регулирования продажи спиртных напитков, азартных игр и ношения оружия. За исключением таких случаев, государство должно быть осмотрительно вмешиваться в личные права граждан. Ибо, несмотря на похвальную цель, побуждающую его действовать, его вмешательство неизбежно

приводит к злоупотреблениям, вырождается в недопустимое нарушение личной свободы и порождает новые проявления неповиновения со стороны граждан.

Школы, руководимые умными и высоконравственными людьми, лекционные залы для народного образования, сельскохозяйственные учреждения для детей-иждивенцев, запрет непристойных изданий и безнравственных пьес, исключение молодых людей из числа участников скандальных уголовных процессов, ограничение розничной продажи спиртных напитков, пресечение бродяжничества, полицейский надзор за лицами, подозреваемыми в совершении преступления, хорошие гражданские законы и быстрая и недорогая судебная процедура — вот единственные косвенные средства противодействия преступности, подпадающие под действие правительства.

II. УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Рассмотрев таким образом практическую ценность косвенных средств предупреждения, пора обратиться к вопросу о прямых средствах, или, другими словами, к проблеме наказания. По мнению некоторых социологов, наказания практически лишены превентивного эффекта, в то время как для других они представляют собой высокоэффективные инструменты. Любую из сторон этого вопроса можно подкрепить примерами из истории: с одной стороны, жестокими и варварскими наказаниями, которые явно не смогли предотвратить частое повторение определенных преступлений; с другой стороны, суровыми формами репрессий, которые почти полностью искоренили те правонарушения, на которые они были направлены.

Критерии полезности наказания

На мой взгляд, этот вопрос вполне разрешим, если принять во внимание, что существуют различные категории преступников. Если учесть этот факт, становится очевидным, что преступники, совершившие тяжкие преступления, — люди, совершенно лишённые морального чувства и способные как на убийство, так и на воровство, — не слишком впечатляются угрозой тюремного заключения, будь то на годы или на всю жизнь. Они слишком непредусмотрительны, слишком озлоблены, слишком нечувствительны, чтобы оценить позор тюрьмы или почувствовать страдания — скорее моральные, чем физические, — которые влечет за собой потеря свободы. И все же они дорожат своей жизнью. По этой причине смертная казнь сама по себе имеет для них какую-то устрашающую силу. Но ее исполнение

должно быть быстрым и неотвратимым. Если же она применяется слишком редко, она начинает терять на них свое воздействие.

Что касается *импульсивных преступников*, будь то в силу темперамента, невроза или алкогольного возбуждения, слишком поспешно был сделан вывод о том, что на них не действует угроза наказания. Даже безумные, как уверяют нас врачи, могут ощущать воздействие угроз. Хотя у импульсивных преступников рефлексия отсутствует, тем не менее может возникнуть ответное движение, столь же независимое от рефлексии, как и преступный импульс, и обусловленное смутным представлением о надвигающемся зле, если они поддадутся своим страстям. Но ни в коем случае так называемые наказания современного законодательства не могут таким образом воздействовать на их воображение. Чтобы произвести необходимое впечатление, угрожающий вред должен быть серьезным и немедленным. Если бы все были убеждены, что удар рукой другого означает мгновенную потерю этой руки, многие якобы непреодолимые импульсы перестали бы быть таковыми: возможно, само слово, описывающее этот акт, исчезло бы из нашего активного словаря.

Ошибочно полагать, что варварские наказания Средневековья были не более эффективны, чем наказания современные.

Во-первых, у нас нет статистических данных, которые позволили бы нам провести сравнение. Более того, тогда существовала большая неопределенность наказания. Существовало множество способов избежать его, таких как иммунитеты, право убежища и защита знати. Кроме того, необходимо учитывать нерегулярную работу полиции и несовершенное отправление правосудия в то время.

Случай *профессиональных преступников* требует рассмотрения с другой точки зрения. Для преступников такого типа шансы избежать наказания рассчитаны со значительной степенью точности. Они смело смотрят в лицо опасности, потому что в этом ремесле, как и в любом другом, определенный риск неизбежен, — а есть гораздо более опасные ремесла, в которых хватает ремесленников. Однако здесь, как и везде, чем меньше риск и вернее награда, тем больше желающих рекрутов. Но об этом подробнее в дальнейшем. В отношении таких правонарушителей законодательство, следовательно, не может много добиться в плане профилактики. В данном случае оно должно быть нацелено прежде всего на их устранение. Ни один закон, какова бы ни была его цель, не может привести к полному прекращению работы или к полному унынию рабочих. Сократить число правонарушителей путем пресечения деятельности тех, кто пойман и осужден, — вот цель любых действительно эффективных карательных мер.

Далее следует рассмотреть значение наказания в отношении эндемической преступности, обусловленной главным образом социальными предрассудками, классовыми обычаями, старыми и новыми, а также народными традициями. Здесь, в частности, с точки зрения профилактики, превосходных результатов можно добиться посредством строгости наказания. Недавним примером служит быстрое сокращение числа убийств на Корсике. В 1854 году были приняты два закона, специально применимых к острову: один запрещал ношение оружия, другой был направлен против лиц, укрывающих или скрывающих бандитов. Пятнадцать лет этих исключительных мер полностью доказали их мудрость. Разоружение всего населения, как и предполагалось, нанесло решительный удар по традициям, которые были постоянным источником кровопролития. Но, к сожалению, этот закон был отменен в 1868 году, в результате чего преступность обрела новую жизнь. Время от времени мировые судьи в своих публичных выступлениях подчеркивали, что «нынешняя ситуация страдает по сравнению с той, что существовала в течение пятнадцати лет, когда Корсика подвергалась благотворному воздействию, лишенному преимуществ общего права». В провинции Неаполь в результате принятия специального закона, грозившего преступникам тринадцатью годами каторжных работ, практика нанесения ран бритвой молодым женщинам — обычная месть разочарованных поклонников — практически прекратилась в 1844 году. Она возобновилась после принятия Кодекса 1859 года, предусматривавшего гораздо более мягкое наказание, и ее существование стало особенно заметным после учреждения судов присяжных. Правонарушения подобного рода стали настолько многочисленными, что правительство было вынуждено изъять их из юрисдикции судов присяжных и передать их в компетенцию исправительных трибуналов, где суд присяжных не применяется, — с двойной целью: сэкономить время на разбирательство и обеспечить большую определенность обвинительного приговора. Но возникли и другие трудности. Во-первых, согласно итальянской процедуре, почти все обвиняемые в проступках имеют право на временное освобождение и, следовательно, на пребывание на свободе не только во время судебного расследования, но и до окончания производства по делу в Кассационном суде, — и осужденный редко упускает возможность обратиться в Кассационный суд. Эта особенность явно лишает их уголовного преследования. Сроки тюремного заключения, опять же, слишком короткие.

И даже эти короткие приговоры власть помилования слишком охотно смягчает. Результат выглядит как полубезнаказанность, и тем

временем практика, которую таким образом безуспешно пытались пресечь, стала настолько модной, что в деревнях в районе Неаполя молодая женщина, обладающая хоть какой-то личной привлекательностью, имеет мало шансов избежать подобного изуродования, если только она не согласится выйти замуж за первого попавшегося мужчину с бритвой, который сделает ей предложение.

Аналогичные соображения применимы и к безрассудному использованию револьвера. Перестрелки на улицах и в тавернах Неаполя стали настолько частым явлением, что и здесь было сочтено необходимым вывести это правонарушение из сферы компетенции присяжных. Рассматривая его как простое покушение на ранение или как применение огнестрельного оружия в споре, а не как покушение на убийство, правительство осуществляло преследование по большинству преступлений, наказуемых тюремным заключением на срок более трех месяцев, где минимальный срок наказания составляет менее пяти лет, а максимальный — не более десяти лет.

Уголовное право не лишено своего влияния. В этой связи важен и другой момент: ***преступность становится эндемичной или подражательной в городе, районе или стране, потому что общественное осуждение не оказывает достаточного влияния на совершенное преступление.*** Поэтому закон должен показать, что подобные факты недопустимы: на него возлагается задача исправления неблагоприятных тенденций общественного мнения. Отнюдь не позволяя себе увлечься каким-либо регрессивным течением, оно должно способствовать нравственному развитию народа: оно должно клеймить повсеместные преступления не как мелкие проступки, а как предосудительные деяния, воздержание от которых должно решительно требоваться. И эта цель может быть достигнута только посредством строгости наказания.

Таким образом, очевидно, что не следует делать поспешный вывод о том, что строгость наказания не имеет какого-либо общего или косвенного воздействия. Вопрос заключается лишь в том, чтобы отличить один класс преступников, на которых его власть может быть распространена в целом, от другого, который способен ощущать эту власть лишь в незначительной степени. Поскольку отсутствие морали или даже наличие преступных инстинктов гораздо более распространено, чем принято считать, необходимо принять такие меры, которые сделают преступление невыгодным, а честное поведение — лучшей политикой. По этой причине смягчение наказания может быть истинным источником преступности.

Влияние смягчения наказания в целом

Если учесть, что в первой половине XIX века преступность в ее наиболее серьезных формах сократилась до не слишком тревожных масштабов и что во второй половине того же столетия она резко возросла именно в тех странах, где наказания стали менее суровыми и менее продолжительными, то нельзя не задуматься о том, что первому из этих периодов предшествовали столетия, в течение которых смертная казнь применялась в широких масштабах. И именно второй из этих периодов стал свидетелем трансформации уголовной системы и того прогрессивного смягчения наказаний, которое продолжается и по сей день и признано юридической школой как истинный признак гражданского прогресса.

Факты говорят, что рост преступности намного превзошел рост населения. В более чем полувековой период множество наказаний были смягчены, присяжные становились все более снисходительными, а новые учения исправительной школы внушили судьям необходимость учитывать все обстоятельства, которые могли бы уменьшить моральную ответственность обвиняемого, и затем наказывать, но наказывать мягко и почти по-отечески. Таким образом, постепенно наказания стали приобретать вид дисциплинарных мер, применяемых к непослушным школьникам. Более того, первые гораздо менее суровы, поскольку, согласно тюремным правилам, ни один заключенный не может быть лишен света или принужден к временному лишению пищи.

Как мы уже предполагали выше, очевидно, что более суровое наказание не обошлось без своего влияния на эту тенденцию к снижению.

Нельзя также отрицать, что *смертная казнь оказывает рефлекторное влияние на всю меньшую преступность. Сам факт существования этого наказания и его применения время от времени служит сдерживающим фактором для всех людей с преступными наклонностями, поскольку они не знакомы с точными границами его возможного применения.* Все, что они знают, — это то, что государство имеет право лишать жизни некоторых преступников. Они не могут быть уверены, что не попадают в эту категорию. Таким образом, их более серьезно впечатляет сила закона. Можно даже сказать, что *смертная казнь больше всего страшит тех, кому она напрямую не угрожает, то есть менее опасных преступников, наименее безрассудных, наименее жестоких, наименее неспособных сдерживать свои страсти.*

Член Палаты депутатов Италии, юрист по профессии, в своей речи перед Палатой заявил, что во многих случаях обвиняемые в на-

несении телесных повреждений признавались ему, что убили бы объект своего нападения, если бы не страх перед виселицей. Могут привести подтверждающий факт, которому я сам был почти очевидцем. В 1884 году в Санта-Мария-ди-Капуа, небольшом городке на юге Италии, суд присяжных вынес с небольшими перерывами три смертных приговора. Через несколько дней после последнего приговора один из жителей города, увидев, как враг его дома проходит мимо его окон, пришел в ярость, схватил винтовку и прицелился в него. Но внезапно он бросил оружие, не выстрелив, и крикнул: «Поблагодарите суд Санта-Марии за то, что он возродил смертную казнь!» Если бы этот человек выстрелил и убил своего врага, он был бы наказан по итальянскому закону только каторжными работами. Однако в своем волнении он не мог остановиться, чтобы провести это различие. То, что живо представилось ему в памяти, было воспоминанием о недавних смертных приговорах. И именно благодаря этому обстоятельству была спасена человеческая жизнь. Разве он испытывал бы такой же страх перед законом, если бы это было так, и он знал, что даже за самые тяжкие преступления государство не может наказать иначе, как тюрьмой или исправительным учреждением?

Более того, как у Италии, так и у Франции есть опыт смягчения наказаний. В старом Неаполитанском королевстве, где уголовные законы были гораздо более суровыми, чем в современной Италии, где не было суда присяжных и не признавались смягчающие обстоятельства, за исключением тех, которые были четко указаны в законе, и где смертная казнь применялась довольно часто, доля преступности была гораздо меньше, чем на той же территории сегодня: со времени изменений, внесенных так называемым прогрессом, рост преступности был колоссальным.

Признание смягчающих обстоятельств — справедливое в 80% случаев, когда обвиняемые были признаны виновными в лишении жизни человека, — привело к тому, что преступники-убийцы и даже убийцы были освобождены от наказания с временными и часто исправительными наказаниями.

Возможно ли, что такое смягчение уголовного правосудия не имеет ничего общего с быстрым ростом преступлений, связанных с кровопролитием, в Южной Италии? Что касается меня, то я не могу в это поверить, особенно учитывая тот факт, что это отнюдь не единичное явление.

Можно сказать, что почти повсюду в континентальной Европе наблюдается общий рост преступности. В самых цивилизованных европейских странах, правда, некоторые варварские формы преступ-

лений, такие как поджоги и грабежи на большой дороге, показали ощутимое снижение, но это было более чем компенсировано ростом ранений («благодетелей»), воровства, подделки документов и мошенничества. Только в Англии в течение многих лет наблюдалась почти общая тенденция к снижению преступности, особенно в ее более тяжелых формах. Убийства там стали очень редкими.

И Англия, следует отметить, является единственной страной, где современные уголовные теории оказали наименьшее влияние, где убийца почти неизменно встречает смертную казнь и где другие наказания исключительно суровы. Во Франции аналогичная тенденция к снижению, наметившаяся после 1896 года и продолжавшаяся в 1901 году, свидетельствует об эффективности более энергичных репрессивных мер, принятых в этой стране в последние годы.

Без сомнения, было бы неверно приписывать почти всеобщий рост преступности в Европе XIX века исключительно более мягкому впечатлению, производимому современными наказаниями. Это, несомненно, результат ряда социальных и законодательных причин. Но наказания явно стали менее эффективными. Верно не только то, что их превентивная сила ослабла, но и представление о том, что типичное наказание должно быть временным, что даже в случае уголовных преступлений, в отличие от исправительных, надлежащим приговором является приговор, предусматривающий короткий срок тюремного заключения, например, три или пять лет (почти никогда не более двенадцати или пятнадцати лет), и это привело к практически полному сведению на нет их способности к устранению. Именно такие вещи позволяют самому закоренелому преступнику стать рецидивистом, что делает возможным зрелище, нередкое в Италии, когда человека судят за второе или третье убийство. Это также объясняет существование во всех цивилизованных странах профессиональных воров и мошенников — преступников, которые не прекращают своих агрессивных действий, пока их не вынудит к этому какое-либо материальное препятствие, и которых, следовательно, нелепо освобождать по истечении срока их так называемого наказания.

Преступление как ремесло

Тард завершает свой обзор современной преступности следующими многозначительными словами: «Принимая форму ремесла, преступление становится специализированным... К сожалению, профессия преступника стала прибыльной и процветающей, о чем свидетельствует число преступлений и арестованных, даже если исключить рецидивизм и рецидивистов... От чего вообще зависит процветание того или иного вида ремесла? Во-первых, от того, что его доходы

имеют тенденцию к росту; во-вторых, от того, что его издержки имеют тенденцию к снижению; наконец, и это самое важное, от того, что растет склонность к нему и чаще возникает необходимость. Однако все эти обстоятельства в совокупности благоприятствуют этому особому промыслу, заключающемуся в ограблении других. Его прибыли возросли, а риски уменьшились до такой степени, что в любой цивилизованной стране профессия карманника, бродяги, фальшивомонетчика, мошеннического банкрота и т.д. — если не убийца, — одно из наименее опасных и наиболее продуктивных, которые может выбрать человек, ненавидящий работу».

Если учесть, что около 60% виновных в кражах либо никогда не раскрываются, либо оправдываются за отсутствием доказательств, мы не сильно ошибемся, умножив полученную таким образом сумму на два. Таким образом, по-видимому, с материальной точки зрения преступная деятельность имеет множество преимуществ по сравнению с большинством честных занятий. Это сопряжено с практически полной безопасностью, минимумом работы и финансовой выгодой, которая становится еще более значительной, если вспомнить, как трудно честному рабочему в любой момент времени распорядиться суммой, превышающей его недельную зарплату.

Уклонение от наказания

Вероятность безнаказанности настолько велика, что мысль о судебном преследовании и наказании, если только ей не поспособствует какой-либо другой мотив, редко удерживает от преступления. В Италии число преступников, избежавших наказания из-за неспособности полиции их обнаружить, из-за отсутствия доказательств для суда или из-за неправомерного оправдания, может составлять около 60% от общего числа преступлений¹.

¹ Из общего числа уголовных преследований 30% прекращаются постановлением о прекращении дела за отсутствием доказательств, вынесенным следственным судьей. В случае тяжких преступлений необходимо добавить ещё 7,37%, когда такие постановления выносятся палатами присяжных и 33%, по которым присяжные выносят оправдательный вердикт. Кроме того, было подсчитано, что из 5% случаев отмены решений Кассационным судом 39% случаев оправдания обвиняемого заканчивается решением о возвращении его под стражу. Что касается преступлений, поданных исправительным трибуналом, то, во-первых, 30% дел завершаются постановлениями о прекращении дела в связи с недостаточностью доказательств, затем 30% случаев оправдания обвиняемого после судебного разбирательства в этих судах и ещё 10% случаев оправдания в апелляционном суде; наконец, из случаев отмены решений Кассационным судом 10% показывают оправдание обвиняемого на новом судебном разбирательстве.

Преступник (и особенно вор, мошенник и фальшивомонетчик, поскольку именно этот тип преступников чаще всего избегает обнаружения) имеет более пяти шансов из десяти остаться безнаказанным. И это верно даже в тех случаях, когда преступление было раскрыто и сообщено в полицию — то, чего в случаях кражи, мошенничества и преступного злоупотребления доверием не случается один раз из десяти. Риск того, что преступление будет раскрыто, столь же мал, как риск осуждения, а риск отбытия наказания еще меньше. После вынесения обвинительного приговора в суде присяжных всегда существует вероятность его отмены Кассационным судом и последующего оправдания на новом судебном разбирательстве. Существует также надежда на то, что помилование со стороны исполнительной власти смягчит или изменит приговор. Опять же, для заключенных, осужденных исправительными трибуналами, существует апелляция, которая приостанавливает исполнение приговора и позволяет условно-досрочному освобождению, если оно было предоставлено, продолжаться без перерыва. И если Апелляционный суд вынесет решение против него, обвиняемый всегда может передать дело в Кассационный суд и, таким образом, избежать тюрьмы иногда на год или два после вынесения первоначального приговора. Наконец, в худшем случае преступник, живущий в большом городе, где он малоизвестен, и полностью свободный от полицейского надзора, всегда может изменить свое имя с помощью поддельного свидетельства о рождении, которое можно получить по цене гербовой бумаги.

Бесполезность тюремных заключений

Следует признать, что для того, чтобы попасть в тюрьму, требуется немалая добрая воля. Но верно также и то, что многим людям эта добрая воля не по плечу. С другой стороны, рецидивисты и лица, находящиеся на момент ареста под надзором полиции, не допускаются к условно-досрочному освобождению. Именно поэтому исправительные тюрьмы всегда переполнены.

Но для таких преступников какой смысл в трех или шести месяцах тюремного заключения?

Предположим, что в наказание за какую-то авантюру, связанную с галантностью, человеку из высшего сословия запрещено покидать пределы своего клуба на несколько недель. Здесь он собирается с самыми близкими друзьями. С ними он может обедать, играть в карты и бильярд и вообще приятно проводить время. И эти друзья ничуть не умаляют его достоинства за его проступок. Напротив, они смотрят на него скорее с завистью. Можно представить себе, какие шутки

звучат в этом кругу сочувствующих глупому закону, который задумал таким образом наказать. И можно ли поверить, что страх снова подвергнуться такому же наказанию хоть как-то удержит преступника от возвращения к привычному образу жизни и повторения наказуемого деяния?

Точно то же самое происходит и с постоянными обитателями тюрем. Им предоставляют бесплатную еду и кров; они оказываются в окружении товарищей и друзей; они заводят новые знакомства, которые могут пригодиться в будущем. Не слышно ничего похожего на порицание или критику. Напротив, тот, кто... Совершивший шедевр преступления сразу же становится объектом восхищения — восхищения, которое удовлетворяет его тщеславие так же, как тюремное меню удовлетворяет его желудок.

То же самое относится и к тюрьмам. После тягот и невзгод долгой преступной карьеры ветеран-преступник не скрывает своего удовлетворения от того, что наконец-то получил доступ в столь просторное убежище.

Многое было написано сентиментальными романистами о тяжелом труде, выпавшем на долю осужденных на каторгу. Но осмелюсь сказать, что никто из этих писателей никогда не видел тюрьмы изнутри. На самом деле, по крайней мере в Италии, большинство таких заключенных занимаются не чем иным, как вязанием! Сравните с этим по суровости участь рабочего, потеющего в литейном цехе или прокатном стане, или участь крестьянина, трудящегося под палящими лучами летнего солнца, и скажите, если можете, что выражение «каторжные работы» в уголовном приговоре... не самая горькая ирония.

Но предположим, что преступник страдает от лишения свободы или хотя бы от тюремного заключения, — предположим даже, что тюрьма представляется ему настоящим злом. Что же из этого? Если это зло, то такое, которое он будет переносить терпеливо, с неким философским смирением. Сожаление о собственной неловкости, позволившей себя поймать, будет сопровождаться решимостью не повторять ту же ошибку во второй раз. Но превратит ли это его в честного человека? Какой ремесленник оставит свое ремесло из-за каких-то случайных неудобств, с которыми он давно знаком? Разве мало честных профессий — даже таких, к которым люди стремятся попасть, — которые сопряжены с почти неизбежным разрушением здоровья рабочих или постоянной опасностью для жизни и здоровья? Солдат, полицейский, пожарный — все они порой вынуждены смотреть смерти в лицо при исполнении своего общественного долга. Как же тогда можно ожидать, что страх перед краткосрочным тю-

ремным заключением отвратит профессионального преступника от продолжения своей прибыльной деятельности?

С одной стороны, существует риск столкнуться со злом — риск, который, как мы знаем, весьма маловероятен; с другой стороны, само зло ощущается мало, а потому и вызывает мало страха. Посудите же сами, может ли угроза тюремного заключения что-либо значить для человека, не связанного никакими другими ограничениями, чья репутация честного человека... пенитенциарное заключение для большинства заключенных лучше того, к которому они привыкли до ареста.

Страх перед словом «вор» способен сдерживать алчные наклонности. Но как только на человека навешивают это клеймо и наказывают как преступника, обычно все заканчивается. ***Тюрьмы, может, и не порождают рецидивизм, как некоторые утверждают, но, во всяком случае, не препятствуют его возникновению.*** Следовательно, смягчение наказаний в отношении их продолжительности является ошибкой. В случае профессиональных преступников сокращение срока тюремного заключения означает увеличение числа преступлений. Это наблюдалось в Италии в результате различных амнистий, которые сокращали на шесть месяцев сроки заключения для всех заключенных, осужденных на более длительный срок, и полностью снимали наказание, если срок наказания составлял шесть месяцев или меньше. В каждом случае статистика следующего года показывала весьма ощутимый рост преступности по всей Италии.

Рецидивизм

Очевидно, что всеобщий рост рецидивизма обусловлен духом снисходительности, который в настоящее время повсеместно распространен. Поскольку преступность в значительной степени сосредоточена в одной категории, ее рост или уменьшение неизбежно зависит от того, считают ли представители этой категории возможность совершать преступления. Более того, сомнительно, что угроза даже самых суровых наказаний может оказывать сдерживающее воздействие на закоренелых преступников. В Швеции, например, существует обычай, согласно которому суверен дарует помилование пожизненно заключенным после десяти лет безупречного поведения с их стороны при условии, что какой-либо уважаемый гражданин согласится взять их к себе на работу. Пожизненно заключенный с примерным поведением, за которого уважаемый гражданин готов выступить поручителем! Можно ли представить себе ситуацию с лучшими гарантиями исправления? Но это не исчерпывает всего. Помилование здесь обусловлено условием, что, если освобожденный заключенный совершит новое преступление, он будет приговорен

к пожизненным каторжным работам. С одной стороны, у нас есть презумпция исправления; с другой — угроза сурового наказания. Тем не менее, несмотря на «этот дамоклов меч, всегда висящий над их головами, процент рецидивизма среди этой категории помилованных осужденных очень высок. В 1868 году он достиг примечательной цифры в 75%. Другими словами, из каждых четырех помилованных таким образом заключенных трое из-за новых преступлений были отправлены обратно в тюрьму и вынуждены отбывать пожизненное заключение в более строгих условиях».

Этот пример наводит на другое соображение. Взяв общее число заключенных, которые, согласно итальянской тюремной статистике, были освобождены из пенитенциарных учреждений в 1880 году либо в связи с истечением срока заключения, либо в связи с помилованием, мы обнаруживаем, что у 2181 поведение было хорошее, у 588 — удовлетворительное и у 172 — плохое. Что касается продолжительности этого хорошего поведения в таких случаях, нам ничего не известно. Более того, от заключенного у нас не требуется искать поручителя, как в Швеции. С другой стороны, хорошее поведение в тюрьме заключается не более чем в спокойствии и послушании, и эти качества, которыми можно добиться смягчения наказания, оправдывают притворство. Но если кто-то достаточно доверчив, чтобы поверить в исправление 2181 (три четверти из которых в Швеции были бы рецидивистами), чего мы можем ожидать от 588, чье поведение было удовлетворительным, и от 172, чье поведение было совершенно плохим? Не нужно быть пророком, чтобы предсказать их рецидив. Стоит ли тогда удивляться, что в 1900 году рецидивисты в итальянских тюрьмах составляли 55% от общего числа заключенных, «доказывая», как говорится в официальном отчете, «что число рецидивов, давно вызывающее серьезную озабоченность, продолжает расти из года в год».

Во Франции до 1885 года ситуация была такой же. «Исходя из того, — говорит Казо, — что семь десятых обвиняемых с судимостью никогда не получали приговоров более чем на год лишения свободы, число рецидивистов, дважды осужденных в течение одного года, увеличилось с 6851 в 1878 году до 7556 в 1879 году, число осужденных как минимум трижды раз с 2045 до 2287 за тот же период». Преступность, когда ее стимулируют, растет. Теперь тюремное заключение, особенно кратковременное, является стимулом к преступности.

Кратковременные наказания побуждают преступника, какими бы чудовищными они ни казались, насмехаться над законом, щелкать пальцами по правосудию. Для закаленных учеников преступления что такое несколько недель заключения? Счастливая слу-

чайность, которая обеспечивает им кров, еду и одежду — передышку в их жизни, полной приключений. Нет, еще лучше, летом они договариваются о том, чтобы их арестовали на севере, зимой — на юге, «совсем как светские люди, проводящие август в Трувиле, а декабрь в Ницце». Парижские бродяги предпочитают, чтобы их задерживали по средам и субботам, потому что в обширное меню входит мясо по четвергам и воскресеньям. «Хорошо, пусть рабочий грозит сжатым кулаком тюремным стенам и бормочет: “Там преступники, которые ни в чем не нуждаются, в то время как я и моя семья стараемся жить честно и с трудом добываем себе пропитание”».

Чрезвычайно большая доля рецидивистов, обнаруженная Дюкпетью в пенитенциарных учреждениях Бельгии, — 70% в период с 1851 по 1860 год — доказывает, по мнению этого автора, «что одни и те же люди постоянно совершают одни и те же преступления и что преступность имеет тенденцию все больше и больше сужаться и концентрироваться в определенном кругу». Действительно, рост рецидивизма в соотношении, превышающем рост преступности в целом, свидетельствует о том, что профессиональные преступники как класс размножаются и процветают, в то время как среди остального населения снижение преступности идет в ногу с развитием цивилизации. Эта гипотеза подтверждается тем, что именно в наиболее цивилизованных странах мы наблюдаем наибольший уровень рецидивизма — просто потому, что там преступность в большей степени ограничена одной категорией лиц. В Швеции, Англии, Бельгии и Франции рецидивистов больше, чем в Австрии или Италии; в Северной Италии их больше, чем в южных провинциях. В результате прогрессирующей цивилизации преступник с каждым днем все больше отдалается от своих честных соседей, все резче контрастирует с населением, среди которого он живет и с которым постоянно ведет войну — войну, гибельную для общества, какой бы ни была победа, ибо нападавший, если его не поймать, живет за счет добычи, а если его взять в плен, он живет паразитом.

Эта постоянная концентрация армии общих врагов должна значительно облегчить борьбу с преступностью. Болезнь не поражает все части организма; порочные жидкости организма не попадают в кровь, а способствуют образованию поверхностной опухоли. Такая ситуация должна легко поддаваться лечению.

Франция в своем законодательстве, предусматривающем пожизненную ссылку для определенных категорий рецидивистов, признала

это средство и решительно применяет его¹. Другие страны продолжают верить в эффективность своих усовершенствованных пенитенциарных систем, постоянно повторяя тот же опыт и неизменно сталкиваясь с неудачами.

Несколько лет действия этого законодательства оказалось достаточно, чтобы заметно снизить уровень преступности. Как уже было отмечено, число наиболее тяжких преступлений постоянно сокращалось с конца XIX века.

«Довольно легко, — говорит Гард, — выбросить за борт то, что вас раздражает, но где вы собираетесь провести черту?» Правда, этот метод, как и любой другой, может быть опасен, если он не защищен определенными условиями и ограничениями. Именно установлением этих ограничений и условий мы и займемся в дальнейшем при изучении теории элиминации.

Это сохранение благоприятных индивидуальных различий и вариаций и уничтожение вредных я назвал естественным отбором, или выживанием наиболее приспособленных.

---

¹ Система антропометрической идентификации, названная в честь Бертильона, существенно способствовала выявлению рецидивистов. Эта система была введена в Буэнос-Айресе и действует там регулярно благодаря искусным усилиям сеньора Дж. Вучетича, директора Статистического управления.

Часть II

УЧАСТИЕ В РЕПРЕССИИ

Глава I

ПРАВО АДАПТАЦИИ

I. ЭЛИМИНАЦИЯ И РЕПАРАЦИЯ

Смысл, в котором мы используем слово «преступление», был определен в начале нашего обсуждения. Читателю уже стало ясно, что преступление в этом смысле — естественное преступление — не охватывает все безнравственные и вредоносные действия, которые должно пресекать каждое гражданское общество. Таким образом, оно исключает нападения чисто политического характера на форму правления и, кроме того, все такие нарушения закона, которые никоим образом не нарушают альтруистические чувства. Правонарушения такого рода должны пресекаться государством столь же сурово, как и собственно преступления, но при этом государство должно проявлять осторожность, чтобы не смешивать эти два понятия. Для искоренения этих неуголовных правонарушений оно будет применять наказания большей или меньшей строгости в зависимости от необходимости, имея в виду главным образом их устрашающий эффект — их влияние как примера и предостережения для потенциальных правонарушителей.

Естественный закон исключения из общества

Кроме того, существуют и другие безнравственные действия, наносящие ущерб определенным особым общностям, действия, нарушающие правила поведения, необходимые для существования частных объединений с определенной целью, будь то религиозная, политическая или художественная или связанная с осуществлением определенного ремесла, или профессии, или какой-либо другой отрасли человеческой деятельности. В таких случаях вмешательство государства редко оказывается необходимым: реакция на нападение спонтанно возникает в самой общности, и этой реакции достаточно, чтобы устранить последствия нарушения. Каждый организм реагирует на нарушение законов, управляющих его естественным функцио-

нированием. То же самое верно для любой общности. Эта аналогия будет нам полезна для определения того, каким образом, следуя естественным законам, государство, как представитель общества, должно реагировать на преступления. Согласно концепции, которую я уже изложил ранее, естественное преступление — это правонарушение, поддерживаемое моральным чувством человечества, которое мы понимаем таким, каким оно становится, как только оно перестает быть рабом животных инстинктов или свирепых и неукротимых страстей хищнической жизни, или, другими словами, когда оно достигает первых ступеней цивилизации. Помимо этого интимного, глубоко укоренившегося, всеобщего чувства, мы обнаруживаем множество чувств, присущих, собственно, определенным классам или группам людей и соответствующих правилам высшей и более относительной морали или, с другой стороны, лишь правилам церемонии, этикета и хорошего воспитания. Предположим, что человек, приглашенный в дом образованной семьи, обнаруживает дефекты воспитания, несовместимые с образом жизни его хозяев. Что, естественно, предпримут последние? Они постараются не приглашать его во второй раз, а если он все же повторит свой визит, то откажутся его принять. Так, при несколько большей огласке, член клуба будет исключен, если он будет признан виновным в поведении, неподобающем джентльмену. Аналогично, государственный служащий будет отстранен от должности, если он будет признан недостойным оказанного ему доверия. В общем, можно сказать, что, если нарушением правил поведения, считающихся существенными, член общества навлек на себя порицание со стороны, реакция принимает идентичную форму, а именно исключение. Заметьте, однако, что я не имею в виду какое-либо нарушение правил ассоциации. Я говорю лишь о нарушении, которое оскорбляет относительную мораль сообщества — чувства, которые являются или должны считаться общими для всех членов ассоциации. Реакция заключается в исключении члена, который, как оказалось, не приспособлен или не способен адаптироваться к условиям окружающей среды.

Можно добавить, что часто достаточно одного факта, чтобы обнаружить этот недостаток или отсутствие адаптации. Более того, конкретные обстоятельства, в которых находится человек, можно назвать критерием его характера. Вне этих обстоятельств может и не быть повода для того, чтобы его недостатки воспитания или нравственности стали заметны. Тот факт, что в одном-единственном случае человек не смог управлять собой в соответствии с требованиями какого-либо основополагающего принципа морали или хорошего поведения, достаточен для того, чтобы сделать вывод о том, что он подчиняет одно или другое своей выгоде или удовольствию. Конечно,

существует вероятность, что, оказавшись в тех же обстоятельствах во второй раз, он подчинится правилу. Но эта возможность не принесет ему никакой пользы.

Предположение о его благовоспитанности и честности существовало до тех пор, пока не было оснований сомневаться в их наличии, но теперь его нет, и он утратил доверие, которое внушала эта презумпция.

Исключение из общества — логическая форма реакции на преступление

Если же мы обратимся от деяния, которое является преступлением для немногих, к деянию, которое шокирует моральное чувство общества в целом, то обнаружим, что реакция логически может иметь место только аналогичным образом, то есть путем исключения из социального круга. Подобно тому, как изысканная семья изгоняет невоспитанного гостя, как только он словом или жестом обнаруживает свои социальные недостатки, подобно тому, как частная ассоциация изгоняет из своих рядов члена, который не вел себя как джентльмен, так и общество в целом должно изгнать из своей среды преступника, чей единственный поступок был достаточен, чтобы обнаружить его непригодность. Таким образом, социальная власть будет осуществлять искусственный отбор, подобный тому, который природа осуществляет, уничтожая индивидов, неспособных адаптироваться к конкретным условиям среды, в которой они родились или куда были переселены. В этом случае государство просто следует примеру природы.

Средства исключения из общества

Первая трудность возникает, когда мы переходим к рассмотрению средств осуществления этого исключения из общества. Если сравнительно легко исключить человека из определенного круга людей, то совершенно другое дело — полностью лишить человека социальной жизни. В древнем мире каждая страна заботилась исключительно о своем собственном существовании. В случае тяжких преступлений она изолировала преступника от своего общества: она предоставляла ему выбор между смертью и изгнанием. Помимо того, что эта вторая форма была бы неосуществима и стала предметом взаимного несогласия народов, сегодня она представляется недостаточной формой реагирования. Ибо чувства сострадания и честности, которые сначала охватывали только семью, а затем последовательно племя и народ, сегодня распространяются на все человечество. Преступление больше не рассматривается как оскорбление национальных

чувств: теперь оно рассматривается как оскорбление человеческих чувств. Поэтому, чтобы быть адекватной, реакция должна лишить преступника не только возможности вернуться на родину, но и какой-либо общественной жизни.

Смерть, обычное средство устрашения или мести, также использовалась в отношении осужденных преступников и мятежников как самый простой и надежный способ устранения. В качестве эквивалента прибегали к ссылке («депортации») — форме изгнания, единственно возможной при нынешнем состоянии цивилизации. Но, как и изгнание в целом, ссылка не приводит к полному лишению общественной жизни. Этого можно было бы достичь, только если бы преступник был перемещен не только в необитаемое, но и полностью отрезанное от общения с любым человеческим обществом место. Такие места, однако, не встречаются. Трудно представить себе остров в Океании, мимо которого иногда не проплывал бы корабль. Другим эквивалентом является пожизненное заключение. Это, однако, всегда оставляет возможность побега или помилования. Следовательно, единственным абсолютным и полным средством устранения является смерть.

Не вдаваясь в обсуждение смертной казни в целом, я хочу здесь предвосхитить возможную критику не моих посылок, а моего вывода. «Преступление, — могут возразить они, — обличает человека, не приспособленного к социальной жизни. Лишите его общества, но не животной жизни. Лишение жизни — чрезмерная реакция». Руссо, который верил в естественное состояние человека, отличное от социального состояния, это возражение показалось бы вполне обоснованным. Но в настоящее время мы не можем допустить существование какого-либо естественного состояния, кроме состояния общества, какой бы стадии развития ни достигло конкретное общество. Только смерть может лишить человека социальной жизни. Помещенный посреди Сахары или полярных льдов, он неизбежно погибнет, если не встретится с людьми; встречаясь с ними, он станет участником социальной жизни, какой бы грубой она ни была. Более того, поскольку социальная жизнь — цель человеческого существования, какой смысл в сохранении его животного существования, если общество закрывает перед ним свои двери? Факт необратимости, который противники смертной казни используют как пугало для запугивания немыслящих, является, по моему мнению, главным аргументом в ее пользу. Ибо реакция начинается и заканчивается в один и тот же момент, не оставляя места для ложной жалости.

Не существует абсолютной невозможности адаптации к социальной жизни — что, если крайние преступники представляют

собой низшую ступень моральной эволюции, они способны ассимилироваться с дикарями, находящимися на том же моральном уровне? Как мы можем применять термин «социальная жизнь» к существованию, которое ведут самые жестокие, самые дегенеративные, самые близкие к животным создания всего человечества? Если идея состоит в том, чтобы сделать дикарей подарком наших преступников, что ж, прекрасно. Но это было бы не более чем замаскированной формой смертной казни.

Уже было объяснено, почему смертная казнь нарушает чувство сострадания лишь внешне, и было отмечено, что если существует тождественность между фактом преступления и фактом казни, то между чувствами, которые эти факты соответственно вызывают, ее нет. Но это утверждение применимо лишь к одной группе преступников, к тем, кто совершенно лишен этого самого чувства сострадания, которое настолько органично и врожденно в нормальном человеке высших рас, что индивид, стремящийся к нему, представляется неким психическим уродством и, следовательно, отталкивает чувство сочувствия, из которого и проистекает сострадание. Разделяясь, говоря словами Данте, такой индивид выпадает из общества. Отныне ничто не может воссоединить его с людьми, связанными с ним. Поэтому общество вправе избавиться от него. С другой стороны, моральное чувство человечества не потерпит применения смертной казни к преступникам других категорий — к тем, чья природа не кажется совершенно необъяснимой, чья психическая аномалия менее выражена, кто, в общем, хотя и отличается от нормального человека, не является психическим чудовищем. Таковы преступники двух классов, которые мы выделили из класса крайних преступников. Первый из этих классов характеризуется недостаточной мерой чувства жалости. Его представители, как мы уже объясняли, — это люди, не испытывающие большого отвращения к преступлению, способные совершать преступные деяния под влиянием социальных, политических или религиозных предрассудков или которые могут быть побуждены к таким деяниям вспльчивым темпераментом или алкогольным возбуждением. Ко второму классу относятся преступники, лишённые честности — чувства, возникшего позднее, чем сострадание, менее укорененного в организме и обусловленного не только наследственностью, но и, в значительной степени, традицией, примером семейного круга и окружающей среды в целом. Поэтому даже при полном отсутствии этого чувства эти люди предстают перед нами как порочные порождения общества, а не природы, как несчастные, а не чудовища. Несмотря на пробелы в их нравственных инстинктах, они не перестают быть нашими братьями, и, хотя они и являются

источником зла, мы не можем примириться с мыслью о лишении их жизни ради исключения из общественной жизни.

Это урок, который преподносит нам история. Законы Драконта были отменены сразу же после окончания его архонтата из уважения к общественной совести, которая была уязвлена этими законами больше, чем преступлениями, на которые они были направлены. Точно так же и в более поздние времена независимо от того, была ли она санкционирована законом, смертная казнь всегда вызывала общественное возмущение, когда она применялась за преступления, не нарушающие серьезно нравственного чувства.

Этот бунт народного сознания легко поддается объяснению. Человек по природе своей — существо социальное. Не вступая ни в какой договор с обществом, он становится его частью. Он существует, потому что ему больше некуда идти, и что бы он ни делал, он должен оставаться в нем, за исключением одного случая. В этом случае он представляет собой аномалию, лишаящую его способности стать социальным существом и, следовательно, делающую его адаптацию невозможной. Вот почему в человеческом обществе отсутствие качеств, необходимых для совокупного существования, превращает необходимость социальной жизни в противоположную необходимость, а именно в необходимость разрыва всех связей с неуловимым индивидом. И именно в эту идею необходимости сводится идея закона. Индивид имеет право на общественную жизнь, потому что он абсолютно в ней нуждается. Но его личная потребность в этом отношении должна быть подчинена потребностям общества. Метафорически говоря, индивид представляет собой лишь клетку общественного организма. Следовательно, когда он является источником вреда для организма, он не имеет права больше оставаться его частью.

Но пусть читатель не поймет неправильно. Такая необходимость существует не в каждом случае нарушения моральных чувств общества. Она существует лишь там, где их нарушение является симптомом стойкой психологической аномалии, которая делает субъекта навсегда неспособным к общественной жизни. Однако подобная неспособность может быть присуща только преступникам нашего первого класса — тем преступникам, которые, как указывалось ранее, склонны совершать убийства исключительно из эгоистических побуждений, — влияние предрассудков или недостатки окружающей среды никоим образом не способствуют этому. Ни в одном из других классов такой абсолютной неспособности не существует. Применение смертной казни к представителям последних вызвало бы возмущение общественного сознания. Следовательно, ее следует применять только против преступников первого класса. Для остальных адап-

тация всегда возможна, но сложность заключается в поиске среды, которая сделает ее вероятной. Мы встречаем индивидов, несовместимых с какой-либо цивилизованной средой. Их дикие инстинкты не способны подчиняться правилам мирной жизни. Они подходят только для жизни кочевых орд или первобытных племен. Чтобы защитить общество от них, существуют два средства: пожизненное заключение или постоянное изгнание. Во многих случаях первый метод был бы излишней жестокостью.

В этом взгляде на случай кроется полный ответ на предположение Де Арамбуру о том, что отстаиваемый принцип служит лишь установлению права силы, власти большинства. Ибо это очень далеко от истины. Нас здесь не интересуют ни сила, ни численность. Речь идет не о том, что одна часть разрушается другими, а об организме, избавляющемся от вредоносного элемента, — совершенно другое дело.

Ведь в таких условиях его злодеяния не принесли бы преступнику никакой пользы, а необходимость сохранения жизни стала бы постоянным стимулом к труду, который, таким образом, стал бы непременным условием его существования. Поэтому высылка («депортация») — это средство уничтожения, необходимое в случае профессиональных воров, бродяг и рецидивистов в целом. Только в этих совершенно новых условиях существования станет возможной их адаптация к общественной жизни — вывод, подтверждаемый многочисленными историческими примерами.

Что касается преступников, не испытывающих отвращения к актам жестокости, но совершающих их только под влиянием окружающей среды, как, например, авторов массовых преступлений, очевидно, что преследуемая цель устранения должна быть не абсолютной, а ограниченной условиями времени и места. В этом случае интернирование в исправительную колонию или заморское поселение («высылка») является подходящей формой. Хотя это и вырывает человека из пагубной среды, оно не унижает его и не подавляет его активность, как тюрьма.

В случае с юными преступниками, которых еще можно вернуть к честной деятельности, устранение всегда должно быть относительным. Для таких людей земледельческие колонии Северной Европы сотворили чудеса. Французские эксперименты в этом направлении также увенчались положительными результатами.

Наконец, существуют случаи, когда устранение не обязательно должно выходить за рамки исключения преступника из его конкретной социальной ситуации. Так, ему может быть навсегда запрещено заниматься профессией, которой он себя сделал недостойным,

или он может быть лишен гражданских или политических прав, которыми он злоупотребил.

Здесь мы имеем ряд методов изоляции, не менее логичных, чем абсолютное исключение преступника из всех.

Принудительное возмещение ущерба как форма репрессии

Спускаясь по шкале преступности, мы приходим к классу преступников, чью моральную аномалию трудно определить. Хотя они виновны в преступлении, в истинно естественном преступлении, и, следовательно, являются низшими существами, нельзя сказать, что они лишены морального чувства. Факт их преступления, правда, демонстрирует недостаточность одного из альтруистических чувств, но этот факт был обусловлен главным образом силой действительно исключительных обстоятельств или давлением ситуации, которая вряд ли повторится. Предположим, например, что преступное злоупотребление доверием совершается человеком, который до сих пор следовал честному призванию и получал достаточный доход. Ничто в его предыдущем поведении, скажем, или в условиях его жизни, по видимому, никоим образом не может побудить его к преступлению. Тем не менее нельзя сказать, что в силу этого факта мы имеем дело с обычным человеком. На мой взгляд, едва ли что-либо может быть более неточным, чем поговорка: «Случай делает вора». Чтобы быть верным, следовало бы сказать: «Случай позволяет вору украсть». Ибо недостаток врожденного чувства справедливости, или, точнее, инстинкта честности, во всех случаях является неперенным условием любого преступления против чужой собственности. Тем не менее, если случай был исключительным, если вероятность его повторения в будущем мала, нет необходимости прибегать к каким-либо средствам устранения. Ведь тот факт, что рассматриваемый индивид, несмотря на свою фундаментальную нечестность, успешно противостоял обычным обстоятельствам, уступив лишь однажды, да и то в ситуации, с которой, по всей вероятности, больше никогда не столкнется, позволяет нам заключить, что он не представляет постоянной опасности для общества. Особенно это будет иметь место, если его правонарушение станет для него явным источником ущерба, если помимо потери того, что он надеялся получить, нарушив закон, он будет вынужден понести финансовые потери из собственного кармана.

Этот результат будет достигнут путем принуждения правонарушителя к возмещению материального и морального ущерба, причиненного его преступлением. Его могут заставить выплатить сумму ущерба деньгами или же работать на благо пострадавшего до тех пор, пока не будет осуществлена компенсация. Такая мера могла бы быть при-

нята в случае обычного воровства, некоторых видов мошенничества, банкротства, умышленного причинения вреда имуществу, поджога посевов и растущего леса, нанесения ударов и телесных повреждений в ходе ссоры, клеветы, использования оскорбительных слов, мелких посягательств на целомудрие и тому подобного, когда преступление совершается в тех же условиях, что и в предыдущем случае, то есть когда ни прошлое, ни настоящее поведение преступника, ни условия его жизни не предвещают рецидива. Если ущерб можно исправить и преступник готов его искупить, устранение было бы одновременно излишним и жестоким.

Таким образом, мы имеем то, что, по-видимому, является новой формой репрессий: принудительное возмещение ущерба. Это средство во многих случаях окажется достаточным при условии, что возмещение будет полным и всеобъемлющим, а оценка ущерба будет включать не только материальный ущерб, но и душевные страдания, причиненные пострадавшему. Однако ущерб не ограничивается только моральным и материальным ущербом. Общество в целом терпит и моральный, и материальный урон: первый — из-за самого факта преступления, второй — из-за расходов на содержание полиции и судов, оплачиваемых обществом.

Возмещение ущерба в таком случае не должно ограничиваться возмещением ущерба потерпевшему: необходимо выплатить штраф государству. При таких условиях возмещение ущерба во многих случаях может быть весьма выгодно заменено устранением. Но для обеспечения этой меры необходимо будет разработать гораздо более эффективные средства, чем нынешняя процедура. Должен быть надежный метод, позволяющий предотвратить уклонение правонарушителя, если он платежеспособен, от уплаты, или же, если он находится в состоянии неплатежеспособности — действительной или мнимой, — принудить его посвятить свой труд на благо потерпевшего.

Теория реституции и освобождения

Данная теория, по сути, представляет собой сужение теории, изложенной Гербертом Спенсером. Выдающийся философ предложил сделать время, необходимое правонарушителю для возмещения ущерба, причиненного его преступлением, определяющим продолжительность его наказания. После возмещения ущерба он будет освобожден из заключения при условии, что какое-либо лицо с хорошей репутацией и достатком внесет залог за его хорошее поведение. Таким образом, по мнению Спенсера, мы получим «автоматически действующий регулятор срока заключения». Лица, осужденные

за «тяжкие преступления», никогда не смогут найти освободителей и, следовательно, останутся в тюрьме пожизненно. Для рецидивистов поиск необходимого залога станет серьезной проблемой. С другой стороны, лица, совершившие лишь незначительное правонарушение, чья предыдущая репутация была безупречной, могут легко получить надлежащее поручительство и, таким образом, возместив ущерб, добиться немедленного освобождения из-под стражи.

Недостаток этой теории, по моему мнению, заключается в том, что она игнорирует общие принципы той самой философии, представителем которой является Спенсер. Если бы последний догадался применить к преступности законы адаптации и отбора, он бы сразу осознал необходимость классификации преступников по их психологическим характеристикам, чтобы выявить, с одной стороны, случаи, когда адаптация возможна, а с другой — те, когда на нее не остается никакой надежды; речь идет лишь об избавлении общества от вредоносного элемента. Действуя таким образом, он бы во многих случаях осознал необходимость абсолютного исключения из любой социальной среды, в других — относительного.

Какой бы ни был достигнут результат в случае, если бы человек с хорошей репутацией не выступил в защиту преступника, это было бы совершенно излишне. Спенсер убежден, что лица, виновные в «отвратительных преступлениях», совершенно не смогут найти освободителей. Но он не дает нам никакого критерия, по которому мы могли бы отличить отвратительные преступления. К тому же всегда найдется снисходительное меньшинство: есть места, где ни один осужденный, каким бы ни было его преступление, не продержится долго без необходимого поручителя. Более того, дружба, как всем известно, всегда готова простить даже самый тяжкий проступок. А там, где дружба колеблется, деньги всегда одержат верх. Залог, правда, должны вносить люди с хорошей репутацией. Но где начинается и где заканчивается хорошая репутация? Я не сомневаюсь, что в деловом мире каждый человек, который зарабатывает на жизнь честно и не имеет судимости, будет считаться человеком с хорошей репутацией. Верно также и то, что в некоторых случаях в освобождении, о котором идет речь, может быть отказано: «Никакой залог не может компенсировать убийство; и поэтому против этого и других тяжких преступлений общество справедливо откажется от любой подобной гарантии, даже если она будет предоставлена, что весьма маловероятно». Но какие именно тяжкие преступления имеет в виду автор? Это выражение, по-видимому, предполагает различие, которого он не проводит или которое, по крайней мере, не является его отправной точкой. Имеются ли в виду такие преступления, как

изнасилование девочки, умышленное нанесение жестоких телесных повреждений, нанесение увечий, ранение без предупреждения и в результате преднамеренного умысла или ограбление с применением смертоносного оружия? Но разве не должно оно также включать все другие преступления, которые в равной степени раскрывают глубоко укоренившуюся, неискоренимую безнравственность преступника? Мы считаем, что должно. Одним словом, крайне важно выделить класс преступников, адаптация которых к общественной жизни если и не неизбежна, то, по крайней мере, настолько маловероятна, что общество не может безоговорочно допустить, чтобы они оставались частью его, но имеет право и даже обязанность осуществить их устранение как можно скорее.

II. РАЗЛИЧНЫЕ КОНЦЕПЦИИ НАКАЗАНИЯ

Понятия, связанные с вышеизложенным взглядом на социальную реакцию на преступление, присутствуют в основном сознании всех цивилизованных народов. Хотя кажущаяся цель наказания — социальная месть, то есть желание причинить преступнику вред, приблизительно равный тому, который он сам причинил, легко заметить, что на самом деле общество стремится, во-первых, исключить преступника из своей среды и, во-вторых, заставить его, насколько это возможно, исправить зло, причиненное его преступлением.

Мечь

Любое наказание, несомненно, берет начало в индивидуальных чувствах мщения. Закон талиона служит тому подтверждением. Но сегодня эти чувства, хотя и сохраняются, приобрели гораздо более мягкий характер. Этот результат, несомненно, в немалой степени обусловлен моральным учением Евангелия. Однако главным образом минимизации этих чувств способствовало то, что на протяжении поколений люди привыкли видеть преступника наказанным социальной властью. Именно поэтому эти чувства возрождаются во всей своей первозданной ярости в странах, где законы недостаточно строгие или соблюдаются слабо. Особенно ярко они проявляются в низших социальных слоях, в классах, которые в отношении моральных чувств остаются незатронутыми медлительным течением веков и отстают в движении морального прогресса.

Искушение

У некоторых древних народов идея эквивалентности ущербу была облагорожена связанной с ней с идеей искупления. То же самое харак-

терно и для некоторых современных теорий. Существует убеждение, что вред, причиненный преступлением, не может быть возмещен даже в душе самого преступника, кроме как посредством страданий с его стороны. Только страдание может очистить грешника: оно — необходимое следствие греха. Страдание способствует раскаянию тех, кто испытывает угрызения совести, и порождает это чувство у тех, кто его лишен. Таково представление о наказании, встречающееся у древних семитов и индусов, представление, господствовавшее в церковном праве и на протяжении всего Средневековья и получившее свое высшее научное выражение в философии Платона и Канта.

Однако в настоящее время эта доктрина не имеет места. Гипотеза, на которой она основана, опровергается опытом. Общеизвестно, что у преступников способность к раскаянию и сочувствию практически отсутствует и, во всяком случае, не может быть вызвана причинением физических страданий. Единственный человек, способный совершить преступление, — это человек, который не поспедал за другими людьми либо потому, что его моральное чувство всегда отсутствовало, либо потому, что оно подвело его в определенный момент. Никакая другая гипотеза невозможна. Очевидно, что если бы общепринятая мораль оказала какое-либо влияние на этого человека, он не смог бы стать преступником. В каждом таком случае мы имеем дело с постоянной или преходящей аномалией. Идея морального искупления посредством наказания, то есть через страдания, которые должен претерпеть преступник, исходит из предположения, что последний мыслит и чувствует так же, как большинство людей, и, несмотря на это, добровольно совершил преступление, чтобы удовлетворить свои страсти. Но обратите внимание на очевидную антиномию. Если страсть победила долг, то это потому, что долг оказался недостаточно силен, чтобы победить страсть: в любой борьбе всегда терпит поражение более слабый. Таким образом, очевидно, что мораль преступника не обладает достаточной энергией или, по крайней мере, уступает той, которая обычно преобладает. Вот почему он чувствует и думает иначе, чем нормальный человек. Отсутствие или слабость чувства мы можем попытаться исправить воспитанием или, когда это кажется невозможным, препятствуя действиям, которые это отсутствие или слабость вызывают. Но немыслимо, чтобы социальные страдания могли быть морально компенсированы или нейтрализованы любыми страданиями, которые вынужден претерпевать сам преступник. Другими словами, одно зло не может быть исправлено другим.

В обиходе до сих пор иногда можно услышать выражение: кровь смывается кровью. Но это идея, воплощающая чувство мести: это

нечто совершенно иное, чем мистическое понятие морального искупления. Последнее проистекает из факта раскаяния, которое рождается в неиспорченной совести, то есть совести, все еще доступной моральным чувствам; эти чувства, оставаясь какое-то время скрытыми, вновь выходят на поверхность и порождают раскаяние. Тем самым возникает состояние печали, истинное страдание, которое иногда длится всю жизнь и омрачает каждое мгновение бодрствования. Но мысль о том, что такие чувства могут быть вызваны физическими страданиями, странна. Она напоминает о вере индусов в то, что вода способна смыть пятна души, или о господствующем в средневековой церкви учении о том, что ересь очищается огнем.

Несомненно, наказание, которому подвергается преступник, иногда вызывает раскаяние, потому что он знает, что его преступление является причиной его страданий. Но между таким раскаянием и раскаянием в причинении вреда другим лежит неизмеримая пропасть. Только на последнем чувстве может быть основано моральное искупление. И это чувство не нуждается в физических страданиях для своего возникновения. Оно действительно может существовать одновременно с физическими страданиями, но исключительно как случайность.

Изоляция как требование общественного чувства

Как бы слабо ни подчеркивалась идея искупления, становится ясно, насколько трудно полностью отделить ее от идеи мести за преступление, в основе которой, очевидно, лежит желание причинить страдания тому, кто стал причиной страданий. Нельзя отрицать и то, что даже у самых цивилизованных народов наказание, по-видимому, является выражением социальной мести, то есть возмездием злом за зло. Преступник, несомненно, является объектом всеобщей ненависти и негодования. И это необходимо, поскольку органические условия, объясняющие аномалию, которой обусловлено преступление, являются предметом изучения ученых-специалистов и не могут быть предметом массового знания. Более того, даже если ненависть исчезнет из сознания тех, кто знает причины, ее место займет другое, не очень отличающееся чувство, а именно отвращение — чувство неприязни к злонамеренному существу, непохожему на других людей. Но будь то ненависть или отвращение, результат один и тот же: возникает то же желание избавиться от возможного контакта или связи с таким человеком. Если его исчезновение возможно, этого достаточно. Цивилизованный народ больше не будет терпеть ненужной жестокости в наказании. пытки, подобные тем, что были применены к Дамьену, сегодня не были бы одобрены: даже

в XVIII веке обстоятельства его казни вызвали негодование парижан. Если смертная казнь все еще существует, то лишь потому, что это единственное полное, абсолютное и необратимое средство уничтожения, которым мы располагаем. Если бы можно было найти другое, столь же эффективное, которое сохранило бы жизнь преступнику, мы можем быть уверены, что оно было бы быстро принято. Нравственное чувство, в корне уязвленное, не может согласиться с тем, что человек, который в эгоистических целях либо уничтожил, либо показал себя способным уничтожить своего ближнего, будет продолжать участвовать в общественной жизни. Когда до нас доходит весть о каком-либо чудовищном преступлении, мы первым делом спрашиваем, арестован ли преступник. Мы не упускаем этот вопрос, даже если обстоятельства убеждают нас, что ему не грозит бегство.

Общественное мнение, истинное общественное мнение, а не мнение теоретиков права, требует, чтобы вор, убийца, фальшивомонетчик, когда существует разумная вероятность его вины, был немедленно изолирован от общества, не дожидаясь юридического установления факта его вины.

Видеть его на свободе и хозяином своей судьбы до исхода судебного разбирательства против него — это нечто противное нравственному чувству. Именно по этой причине предварительное заключение («тюремная превентивная мера») — это институт, который существует и будет существовать всегда, несмотря на противоположные взгляды некоторых доктринеров, привыкших рассматривать все социальные проблемы одинаково поверхностно и однобоко.

Поскольку сегрегация и устранение фактически реализуются через наказание, общество требует применения наказания, а поскольку наказание неизбежно болезненно, оно неизбежно подразумевает страдания. Это верно в той мере, в какой закон никоим образом не меняет наказание, даже если преступник совершил преступление с единственной целью — понести наказание. Известно, что люди убивают, чтобы самим исчезнуть, или воруют, чтобы получить доступ к убежищу и беззаботной жизни тюрьмы. Хотя в таких случаях смерть на виселице или тюремное заключение не представляют собой зла для преступника, они тем не менее применяются, и общество остается столь же довольным, как если бы наказание было для преступника страшным и ненавистным. Следовательно, страдание не является конечной целью реакции, требуемой общественным мнением, но по природе вещей всегда связано с истинной целью, а именно с устранением неассимилируемого индивида.

Таким образом, общественное мнение совпадает с рациональным методом социальной реакции и, возможно, бессознательно, не имеет

иной тенденции, кроме как к достижению того же эффекта. Важно, однако, отметить, что эта тенденция не является прямым результатом какого-либо процесса рассуждения, посредством которого доказывається социальная полезность устранения, поскольку это делает невозможными будущие и в противном случае вероятные преступления со стороны того же преступника. Можно лишь сказать, что эта идея предотвращения, а также идея придания наказанию образцового характера, возбуждает данное чувство и усиливает его выражение. Следующие примеры показывают, что стремление общества искоренить неассимилируемого индивида никоим образом не зависит от каких-либо прямых соображений полезности.

Предположим, что человек, пострадавший или считающий, что пострадал, движим неукротимой ненавистью убить своего настоящего или предполагаемого врага. Вполне вероятно, что он больше никогда в жизни не прольет крови, ибо ни один другой человек не мог бы быть ему ненавистен так же сильно, как он ненавидел свою жертву.

Снова представьте себе человека, который из-за стесненных обстоятельств не может поддерживать тот же уровень жизни, что и другие представители его круга. Ядом или другими способами он ускоряет смерть дяди-миллионера, единственным наследником которого является, и получает его наследство. Достигнув этой цели, он, по всей вероятности, больше никогда не тронет ни одного волоска с головы другого человека. То же самое верно и для детоубийства, совершенного преданной девушкой, которая надеется таким образом спасти свою репутацию, или для отцеубийства, совершенного по какому-то особому мотиву, который никогда больше не возникнет. Поскольку за подобные преступления общее мнение требует весьма суровых наказаний — гораздо более суровых, чем в случае с ворами, поджигателями и фальшивомонетчиками, которые являются постоянным источником опасности для всех граждан, — страх за будущее, очевидно, не является его движущей силой.

Поэтому общественное сознание требует реакции на преступление, даже если оно не озабочено мыслями о будущем.

Теперь возникает вопрос, является ли это чувство, существование которого, как мы видели, неоспоримо, разумным чувством и, следовательно, может ли оно быть согласовано с теорией, которую мы отстаиваем, или же, напротив, его следует рассматривать как одну из тех ошибок человеческого разума, которые следует исправлять, а не следовать им. Можно утверждать, что, согласно нашей теории, причина, по которой устранение является рациональным способом реагирования на преступление, заключается в том, что последнее является симптомом недостатка адаптации, а недостаток адаптации —

это нечто, явно относящееся к будущему, потому что если индивид, считавшийся неспособным к ассимиляции, впоследствии покажет свою пригодность к общественной жизни, устранение больше не будет никоим образом оправдано. Это, без сомнения, верно. Но одно дело сказать, что человек стал пригоден для жизни в обществе, и совсем другое — сказать, что он «вероятно, не совершит второго преступления, во всех отношениях подобного тому, в котором он уже был виновен».

Как занимающий первое место в рядах преступников, мы описали класс людей, являющихся полными моральными дегенератами, чьи натуры исключительно эгоистичны, и в то же время способных к энергии и активности в удовлетворении своих страстей. Как только становится ясно, что мы имеем дело с персонажем такого типа, мы вынуждены сказать, что этот человек непригоден для жизни в обществе. И это верно, даже если вероятность повторения им того же преступления крайне мала. Фактом остается то, что мы обнаружили человека, в котором нравственное чувство не оказывает никакого сопротивления его извращенным инстинктам и преступным побуждениям. Именно тогда общество может сказать этому человеку: «В нынешних условиях мое существование основано на чувствах сострадания и справедливости. Ты лишен этих чувств. Поэтому ты не можешь принадлежать мне. Ты, убивший своего отца, можешь сказать, что мне больше нечего тебя бояться, потому что у тебя был только один отец, которого нужно было убить. Но твои слова тщетны. Твое преступление показало, что ты полностью лишен чувства сострадания, что в тебе нет ничего, что могло бы сдерживать твои дикие порывы. Всякий, кто смотрит на тебя, будет бояться за свою репутацию, свое имущество, свое счастье, свою жизнь. Твоя аномалия слишком велика, чтобы ты разделял то чувство сочувствия, которое является общей связью честных людей. Ты не можешь разделять это чувство именно потому, что не способен его испытывать. В тебе люди больше не видят своего ближнего; между ними и тобой разорваны все связи. Для тебя не остается ничего, кроме подавления». Это высказывание было бы характерно строжайшей логикой. Способ реагирования, которому следовало бы общество, находит свою точную аналогию в том, к которому привыкло любое другое объединение, преследующее определенную цель. Как уже было видно, в каждом низшем объединении нарушение принципов поведения, считающихся основополагающими, влечет за собой изгнание преступника. Именно поэтому, если бы общество не реагировало аналогичным образом, запрет преступления был бы пропорционально менее эффективен, чем запрет других безнравственных действий. Ведь в этом случае,

хотя нарушение правил низшего объединения ведет к утрате участия в преимуществах объединения, преступление, с другой стороны, как нарушение основополагающих законов общества в целом, не влечет за собой утраты участия в общественной жизни. Низшее объединение хорошо знает, как избавиться от члена, которого оно дисквалифицировало. И его решение о дисквалификации основано на его несоответствии тому типу характера, который оно требует от всех своих членов. Более обширное сообщество, которое, согласно антономазии, мы называем «обществом», действует совершенно иначе, устраняя тех своих членов, которые оказываются лишены самых простых, самых элементарных и самых необходимых человеческих чувств. Отсюда отцеубийца, который не может повторить одно и то же преступление, мать-детоубийца, которой больше не нужно душить детей, мужчина, подстерегающий своего единственного смертельного врага, — все они существа, несовместимые с обществом. Они лишены одного из основополагающих чувств общественной морали, а именно чувства сострадания; и доказано, что при отсутствии этого морального сопротивления их преступные порывы не имеют иных сдерживающих факторов.

Подведем итог: реакция в форме устранения является социально необходимым следствием совершения преступления. И если верно, что социальный организм, как и любой другой физический организм, управляется неизменными законами, от которых зависит его существование, то эта реакция, помимо того, что является необходимым следствием, является еще и естественным следствием. Согласно биологическому принципу, индивид погибает, как только становится неспособным противостоять воздействию окружающей среды.

Различие между биологическим и моральным порядками заключается в том, что в первом случае отбор происходит спонтанно, путем смерти непригодной особи, тогда как во втором, поскольку особь физически пригодна к жизни и не может жить вне социальной среды (к которой, однако, она не может быть адаптирована), отбор должен происходить искусственно, то есть посредством действия социальной власти, осуществляющей то, что в биологическом порядке осуществляет сама природа.

Кроме того, элиминация направлена на сохранение социального организма, избавляя его от членов, не обладающих необходимой приспособленностью. Между двумя формулами, которые представители двух антагонистических школ привыкли противопоставлять, нет, таким образом, реального противоречия. С одной стороны, например, Кант: «Если бы гражданское общество находилось на грани распада, его долгом было бы казнить последнего убийцу, находящегося в его

тюрьмах, чтобы каждый преступник мог понести наказание за свое преступление». С другой стороны, Романьози: «Если бы было совершено всего одно преступление и было бы морально гарантировано, что за ним не последуют другие, общество не имело бы права наказывать». Как бы фантастична ни была первая идея, вторая уже не может быть таковой.

Всякое естественное преступление означает полную или частичную неадаптированность к социальной жизни. Оно выявляет моральную аномалию (излечимую или неизлечимую). Другими словами, оно указывает на то, что у данного человека есть способность к преступлению — способность, которая у других людей либо не распознается, либо не может быть определенно установлена, либо предположительно отсутствует. Следовательно, в случае истинного естественного преступления нет места «вероятности того, что его исполнитель не способен совершить другие преступления». Такая вероятность может существовать только тогда, когда преступник — нормальное существо. Но в таком случае не было бы преступления, поскольку преступление несовместимо с существованием или, по крайней мере, энергией морального чувства. Отсутствие или слабость морального чувства всегда несет в себе возможность новых преступлений. Будучи однажды признанной, эта способность не должна допускаться. Она разрывает связь между индивидом и обществом, поскольку единственная общая связь, объединяющая людей, — это презумпция наличия у всех минимального уровня определенных чувств, нарушение которых является преступлением.

Несмотря на факт преступления, не всегда необходимо устранять преступника. Как мы уже указывали, репрессии иногда могут принимать форму принудительного возмещения ущерба. Это имеет место, когда психическая аномалия не сильно выражена и когда преступление настолько незначительно, что общество может позволить себе эксперимент, прежде чем признать преступника непригодным к общественной жизни и, следовательно, освободить общество от его присутствия. В последней главе этой работы мы попытаемся с некоторой степенью точности определить случаи, в которых устранение и принудительное возмещение соответственно уместны.

III. ЗАПУГИВАНИЕ

Высказывались возражения, что предлагаемые таким образом меры полностью игнорируют элемент запугивания, что они направлены исключительно на предотвращение повторения преступления со стороны уже совершившего преступление лица, а не со стороны

других; короче говоря, они совершенно не учитывают воздействие примера. «Как будто, — говорит Тард, — следует опасаться только порочного нрава отдельного лица, а зараза и опасные обычаи — это вопросы, с которыми законодательство не имеет дела».

Чтобы определить обоснованность этой критики, нам необходимо, во-первых, обобщить некоторые общие представления о превентивном эффекте наказания и, во-вторых, исследовать, не уменьшится ли этот превентивный эффект в какой-либо мере принятием мер по устранению и возмещению ущерба вместо наказаний, предусмотренных нынешней системой.

Моральный мотив

Прежде всего, следует отметить, что уголовная репрессия порождает определенные мотивы поведения именно тем, что она возбуждает и поддерживает чувство долга. Не может быть никаких сомнений в том, что общее моральное чувство на протяжении многих поколений иногда претерпевает постепенное изменение в результате признания законом преступного характера данного деяния или лишения данного деяния ранее признанного преступного характера. «Если бы раскрытие запрещенных деяний не влекло за собой наказания, число таких деяний, несомненно, возросло бы. Но этот рост не был бы сразу замечен. Он происходил бы лишь медленно и косвенно, в результате ряда мотивов, помимо факта безнаказанности, поскольку, если бы стало очевидно, что ранее запрещенные деяния теперь разрешены, чувства чести и справедливости, связанные с такими деяниями, постепенно исчезли бы в умах людей».

Все эти чувства можно проследить до примитивных рассуждений, которые с тех пор трансформировались в инстинкты, или, по сути, до опыта полезности, пережитого нашими предками.

И среди этих переживаний, безусловно, должна была быть болезненная реакция, вызванная безнравственностью и преступлением, реакция, которая, будучи сначала индивидуальной, становится социальной, как только формируется государство. Рационализация, к которой неизбежно приводил подобный опыт, достигла кульминации в инстинктивном чувстве зла в преступлении, и это чувство передалось по психологическому наследству. Элемент принуждения «проистекает из опыта тех многочисленных форм сдерживания, которые... утвердились в ходе цивилизации... Это чувство принуждения косвенно связывается с чувствами, определяемыми как моральные. Ибо, поскольку политические, религиозные и социальные сдерживающие мотивы формируются главным образом из представлений о будущих результатах; и поскольку моральный сдерживающий

мотив формируется главным образом из представлений о будущих результатах, то случается, что представления, имеющие много общего и часто возникающие одновременно, страх, связанный с тремя их видами, по ассоциации соединяется с четвертым. Мысль о внешних последствиях запрещенного деяния возбуждает страх, который сохраняется, пока мы думаем о внутренних последствиях деяния; и, будучи таким образом связанным с этими внутренними последствиями, он вызывает смутное чувство морального принуждения». Даже там, где моральное чувство органично и высокоразвито, как у людей с развитым психическим развитием, оно всегда сопровождается и подкрепляется, так сказать, идеей обязательства или долга, основанного на угрозе причинения вреда. Несомненно, для многих людей осознание содеянного зла разрушило бы любое удовольствие, которое могло бы доставить преступное деяние, и поэтому достаточно, чтобы воздержаться от преступления. Но даже эти люди невольно думают о внеправовой социальной реакции, сопутствующей преступлению, а именно об уверенности в том, что им не будут доверять и они будут избегать их со стороны своих честных соседей; и эта мысль постоянно укрепляет их решимость воздерживаться от рассматриваемых действий. Такие относительные санкции, возможно, были теми же, которые дали начало моральному чувству у наших предков, откуда оно и перешло к нам по наследству.

Но хотя это нравственное чувство теперь врожденно в нас, эти санкции все еще присутствуют, чтобы пробудить его и вывести на свет. Без их стимула нравственное чувство имело бы тенденцию ослабевать и даже со временем могло бы полностью исчезнуть.

И можно также сказать, что с инстинктивным отвращением к преступлению всегда связано представление о пагубных последствиях ареста, преследования и наказания. Поэтому представление об этих последствиях, даже у людей, не страдающих деградацией, все еще является силой, способствующей сохранению нравственного чувства. Именно нравственное чувство создало закон, но он, в свою очередь, поддерживает, усиливает и создает нравственное чувство.

Мотивация наказания не лишена своей заметной роли в медленной, незаметной, светской эволюции, в ходе которой рассуждения трансформировались в органический инстинкт. Отвращение, вызываемое словами, предполагающими наказание преступников, во многом связано с отвращением, которое мы испытываем к преступнику, и, несомненно, усиливает наше отвращение к его преступлению. Так обстоит дело во Франции и Италии со словом «галера». Идея цепи и желтого колпака делает преступника более отвратительным.

Законодатель, конечно же, не имеет власти объявить позорным любой поступок, который общественное мнение считает похвальным или даже безразличным. Но, хотя он и отстранен от противодействия общественной морали, он может способствовать ее развитию, укреплять ее, остановить ее ослабление и не допустить ее исчезновения. Короче говоря, представление о зле, порожаемое фактом наказания, укрепляет моральный мотив поведения в сознании честных людей: оно дает новую силу сопротивления, новую опору для морального чувства. Более того, во многих случаях оно представляет собой вид настоящей награды для честных людей, и по следующим причинам.

Честность никогда не свободна от искушений. Бедняка, согбенного под бременем труда, время от времени влечет какая-нибудь недозволенная выгода, которая смягчила бы тяготы его существования. Человек, чувствующий себя жертвой насилия, испытывает искушение отомстить, умиловить богов. Но моральное чувство преодолевает порочный порыв, однако не без борьбы и сожаления. Очевидно, что, обнаружив в себе эту силу сопротивления, человек испытывает чувство, близкое к удовлетворению, когда видит, как другой, лишенный этой силы, претерпевает боль и позор суда и наказания. И это чувство вознаграждает его за усилия, которые он приложил, чтобы победить свои собственные дурные инстинкты. Такое чувство, без сомнения, эгоистично, но его общественная польза неоспорима. Доказательством его существования служит почти всеобщее удовлетворение, с которым всегда воспринимается известие о заслуженном обвинительном приговоре.

Поскольку у большинства людей нравственное чувство стало органическим, отмена наказания не помешает честному человеку оставаться честным. Но его попытки преодолеть искушение будут более мучительными, а удовлетворение после победы — гораздо меньшим, чем при существующем положении вещей. Идея пользы хорошего поведения угаснет, и с течением поколений нравственное чувство постепенно ослабнет. Энтузиазм к добру исчезнет, ибо какая польза от безупречного поведения, если дурное не делает человека менее счастливым?

Означает ли принятие нашего плана потерю этого благотворного эффекта репрессий? Очевидно, нет. Для достижения этого эффекта достаточно, чтобы наказание было таким, чтобы низвести преступника до состояния социальной неполноценности. Разве это не достигается путем устранения? Разве это не обязательно вызывает страдания? И в принудительном возмещении ущерба, как предлагается в случае менее тяжких преступлений, разве мы не имеем меры,

представляющей собой реальное наказание? Следовательно, общественная мораль не пострадает от замены нашей системы репрессий на ту, что преобладает сегодня.

Мотив страха

Теперь мы переходим к еще более прямому мотиву поведения, а именно к страху наказания, действующему на тех, кто предрасположен к преступлению. Экспериментальная наука показала нам, насколько предупредительный эффект можно ожидать от угрозы наказания. Пределы, установленные таким образом, уже были обозначены. Вкратце, наш вывод заключался в том, что для тяжких преступников или убийц смертная казнь, применяемая довольно часто, — единственное наказание, обладающее хоть какой-то устрашающей силой; что профессиональные преступники смело сталкиваются со всеми рисками, связанными с их ремеслом, и в их случае пожизненное заключение лишь отпугивает небольшое число; что импульсивные или невротические преступники не задумываются о последствиях своих преступлений, если только эти последствия действительно не являются серьезными и немедленными; и, наконец, что только в случае эндемической преступности суровые (хотя и не жестокие) наказания являются эффективной превентивной мерой. Некоторые авторы, однако, рассматривая вопрос совершенно ясно, исходя из доказательств, полученных в ходе непосредственного наблюдения за преступником, попытались сформулировать критерий запугивания, выраженный следующим образом: «Для того, чтобы вред, которым грозит закон, стал определяющим мотивом поведения, необходимо, чтобы он превышал удовольствие, ожидаемое от преступления» (Фейербах и Романьози).

Это так называемая теория психологического взаимодействия. Ее формула предполагает три условия, а именно:

1) преступники — предусмотрительные, расчетливые личности, способные точно соизмерять удовольствие, которое можно получить от преступления (то, что им пока неизвестно), с вредом, который нанесет наказание (что также часто неизвестно преступнику);

2) преступник рассматривает наказание как неизбежный вред — как неизбежное последствие преступления;

3) предвидения отдаленного, пусть и несомненного, вреда достаточны, чтобы удержать преступника от получения немедленного удовольствия и удовлетворения сильного и сиюминутного желания.

После всего сказанного было бы просто повторением указать, что каждое из этих трех положений противоречит опыту. Несомненно, страх — один из самых мощных определяющих мотивов, но его

влияние невозможно оценить даже приблизительно, за исключением случаев, когда нам приходится иметь дело с закоренелыми преступниками или с менее тяжкими правонарушителями, чья моральная природа близка к моральной природе обычного человека.

Запугивание — это следствие, а не критерий наказания

Любая попытка построить систему уголовного правосудия, основанную на запугивании, вовлекла бы нас в самый банальный эмпиризм, поскольку научный критерий абсолютно отсутствует. Как бы мы определили, достаточно ли пяти лет тюремного заключения для предотвращения домашней кражи? Как нам узнать, не следует ли назначать наказание в десять лет или даже пятилетний срок не будет чрезмерным? И более того, почему бы не сохранить телесные и унижающие достоинство наказания, плети или даже увечья или клеймение? До начала XIX века наблюдалась тенденция к чрезмерной суровости наказаний; с тех пор тенденция стала прямо противоположной. Обе тенденции были вредными. Например, в XVIII веке в Неаполитанском королевстве кража в доме считалась преступлением, караемым смертной казнью. Но именно поэтому работодатель редко или никогда не предъявлял обвинений провинившемуся слуге, довольствуясь его увольнением. Сама жестокость наказания, таким образом, обеспечивала безнаказанность преступника. С другой стороны, чрезмерная суровость наказания может стать причиной тяжких преступлений, как, например, во Франции в XVIII веке, когда за грабеж наказывали повешением. «Грабитель, — говорит Филанджери, — почти всегда добавляет к своему преступлению убийство просто потому, что, не подвергая себя более суровому наказанию, он устраняет свидетеля, чьи показания могли бы стать основанием для его виселицы».

И все же, если при решении вопроса о наказании рассматривать только запугивание, опыт неэффективности мягких мер делает его легким шагом к драконизму. Ибо если смертная казнь не устрашает всех преступников, нельзя отрицать, по крайней мере, что она оказывает более широкое устрашающее воздействие, чем любой другой вид наказания.

В XVI веке Англия была наводнена бродягами. Это были в основном потомки крестьян, которые к концу предыдущего столетия были неправомерно лишены своих владений в результате феодальных злоупотреблений или законов, принятых в интересах торговых классов. В 1530 году, во время правления Генриха VIII, был принят закон, согласно которому за первое нарушение каждый трудоспособный бродяга должен быть высечен кнутом по заднице и при-

нужден вернуться к работе на свое место. Поправка, принятая пятью годами позже, наказывала второе нарушение лишением «верхней части хряща правого уха», а третье — повешением. За этими законами последовал Статут о бродягах, принятый в 1547 году, в правление Эдуарда VI. Согласно этому закону, каждый трудоспособный бродяга или нищий должен был быть признан рабом на срок два года любым, кто был готов его купить. Четырнадцать дней отсутствия на службе у хозяина были основанием для пожизненного осуждения нарушителя в рабство. Вторая попытка побега каралась виселицей. Согласно закону, принятому в 1572 году (временно при королеве Елизавете), бродяги должны были быть «жестоко избиты плетью и прижжены через хрящ правого уха», если только их не возьмет на службу какой-либо заслуживающий доверия человек сроком на один год. В случае нового преступления со стороны лица в возрасте восемнадцати лет и старше наказанием было повешение, если он не мог найти аналогичную работу сроком на два года. За третье преступление не было способа избежать смертной казни. По Марксу, который ссылается на Холиншеда как на своего авторитета, число повешенных только во время правления Генриха VIII оценивается в семьдесят две тысячи.

Что говорит теория психологического взаимодействия о подобных мерах? Несомненно, праздность и бродяжничество следует считать подлинными социальными преступлениями, поскольку они являются обильным источником всех других преступлений. Несомненно также, что привычка к праздности — одна из самых труднопреодолимых. С точки зрения строгой логики, следовательно, кровавые английские законы XVI века были бы полностью оправданы. И все же наши самые сокровенные чувства протестуют против лишения жизни людей, виновных только в праздности или попрошайничестве. Если бы этим несчастным, повешенным Генрихом VIII и Елизаветой, был дан шанс, они оказались бы восприимчивыми к адаптации. Это показывает случай их преемников, которые при более гуманном режиме были отправлены на плантации в Северной Америке, а также случай сосланных преступников, которые стали первыми австралийскими колонистами. Запугивание никогда не приводило ни к чему, кроме разрушения, в то время как адаптация заложила основу для богатых и процветающих государств.

Уважение к моральным чувствам, с одной стороны, оправдывает силовую реакцию на преступление, но, с другой стороны, запрещает ее чрезмерность. А чрезмерность проявляется немедленно, когда к преступнику применяется наказание, выбранное без учета исходящей от него опасности и не являющееся ни сдерживающим фактором для

его порочных побуждений, ни средством от его необщительности. Оно всегда присутствует, когда наказание измеряется исключительно соображениями опасности, исходящей от других, которые, как опасаются, могут подражать преступнику, и когда, следовательно, преступник и его наказание используются как инструменты устрашения этих других.

Понятие наказания как естественной реакции четко определяет его истинный устрашающий масштаб. Устрашение должно быть не более чем полезным эффектом, которым пользуется общество, эффектом, сопутствующим применению полной или частичной изоляции, требуемой из-за дефекта адаптации преступника. Если запугивание рассматривать как главную цель наказания, общество может казнить преступника, все еще способного к адаптации, или подвергнуть его бесполезным пыткам, тем самым нарушив его право не подвергаться большому вреду, чем тот, который является естественным следствием его противоправного деяния. Или же наказание не достигнет своей цели, как это произошло, когда, чтобы запугать преступника, его избивали плетью или пригвоздили к позорному столбу, а затем оставили на свободе, чтобы он вернулся к своим обычным привычкам жизни, или, как это происходит сегодня, когда рецидивистов приговаривают к нескольким месяцам или годам тюремного заключения.

Короче говоря, попытка воздействовать на совесть бесчестного человека, «*formidine pscenre*», просто означает подвергать его страданиям, более или менее суровым, но почти всегда бесполезным, не добиваясь его исключения из общественной жизни или той формы общественной жизни, к которой он не приспособлен. Но совершенно несовместимо с позитивистским понятием преступления, с которым читатель уже знаком, что преступник, отбыв наказание, может свободно вернуться в общественную жизнь. Если преступление, как мы полагаем, есть деяние, обнажающее отсутствие или недостаточность адаптации, то это соображение должно направить логическую реакцию общества. Следовательно, наказания не следует выбирать из-за их устрашающей силы. Тем не менее устрашение будет присутствовать как необходимое проявление угрозы устранения и приущего ей вреда.

В абсолютной форме устранения, а именно в смертной казни или тех мерах, которые в некоторых случаях могут заменить смерть, то есть в ссылке и пожизненном заключении, этот устрашающий эффект очевиден. Но он будет также иметь место и в частичных и условных формах устранения при условии, что в данном случае они являются именно теми средствами, которые необходимы для исправления конкретного недостатка социальной пригодности. Если

это средство точно определить, оно непременно произведет желаемый устрашающий эффект.

Для иллюстрации предположим, что в какой-нибудь небольшой деревне давняя семейная вражда заставляет одного жителя неоднократно публично оскорблять соседа или угрожать ему, или предположим, что в такой же деревне отвергнутый жених постоянно подстерегает молодую женщину, руки которой он добивался, и досаждал ей, делая свое присутствие не только невыносимым, но и опасным для общественного порядка. По удачному выражению Филанджери, такое оскорбление можно назвать «локальным». Ведь очевидно, что дефект адаптации связан с обстоятельствами социальной среды, в которой преступник зародил, во-первых, свою ненависть, а во-вторых, свою неизлечимую любовь.

Можно предположить, что, если мы переместим человека из той местности, где существуют мотивы его антиобщественного поведения, исчезновение этих мотивов сделает возможной его адаптацию в другом месте. Такова, таким образом, рациональная реакция общества в подобных случаях. И мы полагаем, что не может быть и речи о ее устрашающем эффекте, ибо если страх перед изгнанием из этой местности не преодолеет мотивы, побуждающие к убийству или другим тяжким преступлениям, то, по крайней мере, он достаточен для удержания от оскорблений («нанесения вреда») и других менее значимых правонарушений.

Не следует полагать, что с утверждением этого принципа отпадет необходимость в строгости и суровости пенитенциарной дисциплины. Эта дисциплина необходима для поддержания порядка, что всегда является непростой задачей для контингента заключенных. И в значительной степени ее строгость и суровость обусловлены преследуемой целью, а именно полной изоляцией заключенных.

По нашему мнению, таким образом, обоснован вывод о том, что когда метод устранения действительно соответствует обстоятельствам, то есть когда он соответствует истинной цели репрессий, запугивание по самой природе вещей всегда будет возникать как рефлекторный эффект, без какой-либо необходимости с нашей стороны делать его предметом особого внимания. Здесь можно возразить, что, согласно нашему ранее высказанному мнению, существует множество случаев, когда устранение было бы бесполезной процедурой, — случаев, когда любой вид телесного наказания, даже кратковременное тюремное заключение, должен быть отменен. Это верно, и мы можем добавить, что задержание или тюремное заключение на несколько дней или недель — это наказание не менее абсурдное, чем истязание прошлого. Но мы отстаивали в таких случаях меру, которая сама

по себе имеет устрашающий эффект. Фактически наш план принудительного возмещения морального и материального ущерба, причиненного преступлением, будет формой репрессии, гораздо более суровой, чем наказания, которые он заменяет.

В частности, это будет так, если, как мы предлагаем, он будет применяться столь энергично (необходимо более энергично, чем применяемые в настоящей процедуре), что ни один правонарушитель не сможет уклониться от своего обязательства. Если мы таким образом потребуем от правонарушителя полного возмещения ущерба пострадавшей стороне либо путем немедленной выплаты денежной суммы, либо путем принудительного труда до получения этой суммы как неперемennого условия освобождения, разве не очевидно, что такого рода принуждение будет иметь гораздо более ощутимый эффект в предотвращении преступлений, чем любой фиксированный срок тюремного заключения, который не налагает на преступника никаких иных обязательств, кроме как питаться хлебом праздности за счет государства?

IV. ОТБОР

Остается рассмотреть один эффект элиминации, который, по сути, свойствен именно этой мере и встречается лишь случайно в других видах наказания, — а именно отбор.

Избирательный эффект абсолютной элиминации

Из краткого обзора, который мы привели выше, очевидно, что преступление не может избежать непреложных законов психологической наследственности. Следовательно, устранение элементов, наименее приспособленных к социальной жизни, призвано способствовать моральному улучшению расы, поскольку сокращается число людей, рожденных с криминальными наклонностями.

Попытки индивидуалистической школы XVIII века обосновать тезис об отсутствии психологической преемственности между родителем и ребенком, о том, что ни хорошие, ни плохие качества отца не передаются сыну, оказались тщетными. Дело в том, что если человек не наследует в точности добродетели и пороки своих родителей и дедов, он, несомненно, наследует их добродетельные или извращенные инстинкты, их чувства, их страсти и их характер. Все говорит о том, что психологическая наследственность — это лишь аспект.

Психологическая и физиологическая наследственность неоспоримы. Как было показано, преступные инстинкты часто встречаются в сочетании со структурными различиями, со своеобразной антропо-

логической конституцией, которая в случае крайних преступников характеризует своих обладателей как уродов, иногда атипичных, а часто и регрессивных.

В древности сына безжалостно наказывали за проступки отца. В нашу более цивилизованную эпоху целью должно быть лишь предотвращение рождения особей, которые, по всей вероятности, окажутся порочными и развращенными. Не наказывать детей преступников, а предотвращать их рождение, осуществлять постоянную изоляцию преступников — я сейчас имею в виду ненормальных авторов настоящих преступлений — и таким образом осуществлять искусственный отбор, который приведет к нравственному улучшению расы, — такова сегодня обязанность общества. Ломброзо не колеблясь приписывал большую гуманность нашего времени по сравнению с прошлыми столетиями делу очищения человеческой расы посредством смертной казни.

Эшафот, ежегодно казнящий тысячи преступников, ответственен за то, что преступность сегодня не так распространена. Кто знает, что было бы, если бы не этот отбор, если бы преступникам была предоставлена свобода размножаться и если бы среди нас теперь были бесчисленные потомки всех воров и убийц прошлых веков?

Сегодня цивилизованный человеческий род более кроткий, менее подвержен страстям, более способен противостоять зверским инстинктам, чем когда-либо в прошлом. Прогресс в этом отношении во многом обязан отбору. Почему же тогда этот прогресс должен быть прерван? Почему бы нам не продолжать эту вековую работу по очищению? Каждая пауза в движении вперед — это шаг назад.

Но можно спросить: разве даже сейчас в каждой цивилизованной среде не происходит непрерывного естественного отбора, отбора, который осуществляется без какого-либо вмешательства со стороны социальной власти? «Преступник, являющийся таковым в силу пороков своей физической конституции, в большинстве случаев представляет собой продукт дегенерации или, по крайней мере, начало опасного отклонения от нормального типа. В обоих случаях природа, стремясь к продолжению рода, либо сразу устраняет дефектную особь, либо быстро обрекает ее потомство на вымирание». Однако это справедливо лишь в отношении некоторых разновидностей преступников — тех, кто обладает ярко выраженными биопатологическими особенностями, таких как эпилептики, душевнобольные и невропаты. Гораздо большая часть преступников, несмотря на явно выраженные черты дегенерации и моральной неполноценности, никоим образом не страдает от недостатка физической приспособленности. Таковы люди, чьи физические отклонения ограничиваются регрессивными харак-

теристиками, приближающими их к низшим расам человечества, или те, кто, опять же, проявляет атипичные, но не патологические характеристики. Эти люди могут обладать отменным здоровьем, возможно, даже лучшим, чем цивилизованный человек, у которого моральное развитие часто происходило за счет физического. С чисто физической точки зрения дикарь превосходит цивилизованного человека, превосходя его мускульной силой и остротой чувств. Поэтому здоровые преступники способны размножаться «до бесконечности», как и нормальные люди. Более того, их плодовитость обычно выше, чем у нормальных людей, что подтверждается генеалогическими данными, имеющимися в нашем распоряжении относительно некоторых преступных семей.

Более того, «общество, отнимая жизнь у преступника, способствует и ускоряет работу природы по подчинению всего сущего общественному интересу. Необходимость общественной жизни и влияние социальной среды изменили для членов общества естественные условия борьбы за существование; силы природы были заменены силами социальных условностей. Для общества было бы действительно опасно уклоняться от избавления себя, по крайней мере, насколько это возможно, от элементов, являющихся источником заражения».

Избирательный эффект относительной элиминации

Как мы знаем, смертная казнь — не единственный метод элиминации, способный способствовать естественному отбору. Принудительная эмиграция бродяг из Великобритании в ее колонии не обошлась без своего влияния на очищение ее населения, среди которого сегодня процент преступности, по крайней мере в ее наиболее тяжелых формах, значительно ниже, чем в странах Центральной и Южной Европы. Как мы уже имели возможность отметить, число убийств и смертоубийств в Соединенном Королевстве, особенно во второй половине XIX века, демонстрирует столь устойчивое снижение, что можно было бы с полным основанием предсказать полное исчезновение этих преступлений на британской земле в самом ближайшем будущем. Тем не менее британское правительство по-прежнему сохраняет смертную казнь, и это разумно. Если повешения при Генрихе VIII и Елизавете I в значительной степени способствовали селекции, то депортации XVIII и первой половины XIX века гуманно продолжили эту работу. Проблема заключается в следующем: отличить типичных преступников, людей, невосприимчивых к какой-либо новой адаптации, от тех преступников, которые представляют возможность для новой адаптации. В первом случае селекция будет осуществляться путем их абсолютного устранения. Во втором случае

относительное устранение приведет к относительному отбору, то есть к отбору по отношению к среде, от которой они были отделены.

V. КОРРЕКЦИОНАЛИСТСКАЯ ТЕОРИЯ

Мы видели, что реакция общества на преступление должна принимать одну из трех форм в зависимости от степени опасности, исходящей от психической аномалии преступника, или, другими словами, в зависимости от того, насколько его извращенность укоренилась в его организме и склонна к повторному проявлению. Эти три формы: (1) полное устранение, посредством которого индивид лишается всякого общения с обществом, (2) частичное устранение, заключающееся в его отделении от конкретной среды, к которой он непригоден, и (3) принудительное возмещение вреда, причиненного преступлением.

Теория в целом

Но для подобных предложений не было бы места, если бы было показано, что с помощью соответствующего метода воспитания можно преодолеть злые инстинкты и превратить преступника в честного человека. Существуют определенные психологи, которые верят в возможность изменения характера посредством образования, используя это слово в его истинном смысле. За исключением некоторых редких случаев исключительно неподатливых натур, они утверждают, что все люди, даже те, которые кажутся наиболее грубыми, наиболее лишенными добрых чувств, подвержены нормальному исправлению; и что, следовательно, следует приложить все возможные усилия для их спасения. Эта точка зрения привела к возникновению исправительной школы, которая, борясь с системой физических и унижающих достоинство наказаний и рассматривая исправление преступника как истинную цель наказания, оказала большое влияние на законодательство и правовую мысль. Если можно принять постулат исправимости преступника, эта теория должна требовать соблюдения даже с точки зрения социальной защиты. Ибо какую лучшую гарантию от повторения преступления можно желать, чем устранение извращенной мотивации преступника?

Но с самого начала мы сталкиваемся с такой трудностью: должно ли моральное преобразование исключать физические страдания и стыд, сопутствующие наказанию? Если да, то должна ли уголовная санкция заключаться не в угрозе зла, а в обещании добра? Следствием такого процесса, очевидно, будет полное переосмысление мотивов поведения, поскольку наихудшее поведение будет вознагра-

ждено особой заботой со стороны государства; не тронутый никакими физическими страданиями, преступник получит в качестве единственного последствия своего преступления привилегию бесплатного обучения. Более того, эта ситуация практически невозможна. Без физического принуждения как можно сделать преступника поддающимся дисциплине? Но как только появляется элемент принуждения, мы видим тюрьму, исправительное учреждение. Само по себе лишение свободы, каким бы мягким ни было управление местом заключения, несомненно, является наказанием. Таким образом, по сути, предложение исправительной школы сводится к тому, что единственная функция тюремного заключения должна заключаться в том, чтобы сделать возможным нравственное исправление заключенного.

Достигнув этого момента, я полагаю, что первым делом исправителям следует рассмотреть, поддаются ли преступники в целом или, по крайней мере, некоторые категории преступников исправлению; а затем — какими средствами это исправление должно быть достигнуто. Вместо того чтобы исследовать вопрос таким образом, они создали исправительную тюрьму с ее принудительным трудом, и все сказано. Единственный случай, когда эта проблема была тщательно изучена, — это дети и подростки. И если такие исследования и дали хорошие результаты, то лишь потому, что только в этом случае существует возможность достижения желаемой цели.

Ограниченная эффективность образования и невозможность отличить его влияние от влияния наследственности

В действительности кажется очевидным, что образование — это влияние, которое действует только в малолетнем возрасте и ранней юности, влияние, которое, подобно наследственности и традиции, способствует формированию характера. Однажды закрепившись, характер, как и физиогномика, больше не меняется в течение жизни. И даже в период раннего детства сомнительно, что образование может сформировать недостающий нравственный инстинкт. Тем не менее слово «образование» не следует понимать в педагогическом смысле. Скорее, это совокупность внешних влияний, целый ряд сцен, которые ребенок постоянно видит перед собой и которые формируют у него нравственные привычки, преподавая ему урок, который он таким образом усваивает на опыте и почти бессознательно, а именно — как следует себя вести в различных обстоятельствах. Семейный пример оказывает на него гораздо большее влияние, чем любые педагогические наставления. Но, придавая слову «воспитание» столь широкое значение, невозможно быть уверенным в его эффекте или, по крайней мере, каким-либо образом измерить этот эффект.

Почти все дети в первые годы жизни кажутся лишенными морального чувства. Их жестокость к животным общеизвестна, как и их склонность захватывать чужое. Они крайне эгоистичны и, стремясь удовлетворить свои желания, ни в малейшей степени не заботятся о том, какие страдания они причиняют другим. В большинстве случаев все это меняется с приближением подросткового возраста. Но можно ли сказать, что эта психологическая трансформация — результат воспитания? Не следует ли нам скорее видеть в этом простое явление органической эволюции, подобное эмбриогенной эволюции, посредством которой плод проходит различные стадии животной жизни, начиная с самой элементарной и заканчивая человеческой? Говорят, что эволюция индивида является воплощением эволюции вида.

Если бы были чувства животного, то следующими должны были бы быть ультраэгоистические чувства, затем последовательно эго-альтруистические чувства, приобретенные сначала родом, затем семьей и, наконец, родителями ребенка. Возникающие таким образом противопоставления инстинктов и чувств были бы обусловлены не воспитанием или влиянием непосредственного окружения, а исключительно наследственностью. «Совесть, — говорит Эспинас, — развивается так же, как и организм, и параллельно ему. Она содержит в себе способности, predetermined forms мышления и действия, которые являются прямыми проявлениями предшествующей совести, на мгновение затмеваемой, правда, мраком органической передачи, но вновь проявляющейся с несомненными чертами сходства, которые очень скоро, и все больше, подтверждаются примером и воспитанием. Что касается совести, то поколение — это, по сути, явление размножения путем деления».

Эта гипотеза не невероятна. Однако доказать ее с точностью невозможно. Это невозможно без различения роли наследственности и воспитания в нравственном развитии ребенка. И как достичь этого различия? Эти два влияния обычно действуют в одном направлении, поскольку исходят почти всегда от одних и тех же лиц, а именно от родителей. Домашнее воспитание — это лишь продолжение наследственности. То, что не передалось органически, будет передано, причем столь же бессознательно, силой примеров. Поэтому невозможно определить, насколько далеко простиралось бы влияние одного без помощи другого.

Итак, с одной стороны, мы не можем спорить с Дарвином, когда он заявляет, что если бы равное количество ирландцев и шотландцев колонизировало страну, то первые со временем стали бы в десять раз многочисленнее вторых, но шотландцы в силу своих наследственных

качеств удерживали бы бразды правления и промышленность. Но мы также не имеем права, с другой стороны, предполагать, что Фуйе ошибается, говоря: «Замените шотландских детей ирландскими без ведома их родителей; воспитывайте ирландских детей как шотландских, и, возможно, как ни странно, вы получите тот же результат». Но этот второй эксперимент никогда не проводился и, по всей вероятности, никогда не будет. Несомненно, существуют тысячи детей, воспитываемых не родителями, но в таких случаях родители, как правило, неизвестны. Наконец, всегда остается считаться с пока еще неясными и неопределяемыми явлениями атавизма. Таким образом, все делает проблему неразрешимой.

Часто случается, что отцовские инстинкты подавляются или ослабляются материнским примером. Иногда, опять же, верно и обратное. Тем не менее это ничего не доказывает относительно эффективности воспитания, поскольку можно с таким же успехом сказать, что эффект обусловлен просто конечным превосходством одной из двух наследственностей.

Можно, однако, сказать, что, когда наследственное влияние не слишком сильно, воспитание, весьма вероятно, оказывает влияние на младенчество и раннюю юность, — то есть воспитание, особенно в смысле примеров, подаваемых ребенку семьей и людьми, которые его непосредственно окружают. Но это влияние становится все слабее по мере взросления ребенка. Хотя оно может ослабить, оно никогда не сможет полностью искоренить извращенные инстинкты. Каково бы ни было его действие, они всегда будут оставаться латентными в психическом организме. Это объясняет, почему у некоторых детей так и не удалось исправить извращенность, возможно, атавистическую, проявившуюся в ранние годы, несмотря на примерное поведение их родителей и людей, с которыми они общались, и несмотря на величайшие усилия по их воспитанию.

Кажется несомненным, что пагубное влияние плохого воспитания может полностью стереть переданное нравственное чувство и заменить его самыми дурными инстинктами. Из чего следует, что искусственный хороший характер всегда будет подвержен ошибкам, в то время как дурной характер, созданный аналогичным образом, останется неизменным. Это легко объясняется теорией эволюции. Злые зачатки или антисоциальные инстинкты, соответствующие первобытному периоду человечества, наиболее глубоко укоренились в организме именно потому, что они являются древнейшими в истории расы. Следовательно, они сильнее инстинктов, наложенных на них эволюцией. Вот почему дикие инстинкты никогда не подавляются полностью, а напротив, как только окружающая среда и об-

стоятельства жизни становятся благоприятными для их развития, они вырываются наружу с неистовством. Как сказал Карлейль: «Цивилизация — это лишь корка, под которой дикая природа человека горит адским огнем».

Натуры совершенно невосприимчивы к воспитанию. «Доброта и равноправие родителей не всегда гарантируют успешное воспитание их детей. Дети, рожденные в здоровых физически и духовно парах, не отличающихся друг от друга по возрасту и живущих в хороших гигиенических условиях, не всегда нравственны. В таких случаях мы должны считаться с печальными рецидивами наследственности. Что же касается людей, ведущих беспорядочный образ жизни, склонных к излишествам, невоздержанности и порочным привычкам, будь то врожденные или нет, то они неизбежно закладывают основы расы, в которой порок, безумие и преступления будут правилом. Несомненно, что склонность к насилию и опасные наклонности проявляются у значительного числа детей, но во многих случаях они настолько выражены, хотя иногда и непостоянны, что мы вынуждены видеть в их обладателях несчастных жертв роковых законов наследственности и вырождения».

По мнению Маньяна, у нормального человека нет естественной предрасположенности к преступлению. Однако он признает факт дегенерации, вызванной нервной или веганской наследственностью или алкоголизмом предков (доклад, зачитанный на Втором конгрессе по криминальной антропологии).

Тавеми в своем докладе, зачитанном на том же конгрессе, признает существование природного невосприимчивого недостатка, делающего человека невосприимчивым к воспитанию, какой бы педагогический метод ни применялся, и эта невосприимчивость и составляет естественную предрасположенность к преступлению.

Если влияние воспитания на нравственное чувство, таким образом, остается под вопросом даже при его воздействии в младенчестве, то чего можно ожидать от него в более поздние годы?

Постоянство типа характера

Сержи представляет нравственный характер как совокупность наложенных друг на друга слоев, которые могут полностью скрывать врожденный характер. Социальная среда, воздействие примеров и даже прямое обучение могут способствовать формированию нового слоя не только в детстве, но и в более поздней жизни. На мой взгляд, эта теория приемлема только при условии, что более поздние слои никогда не приводят к изменению уже сформированного типа характера. Психический организм, несомненно, проходит свой период

формирования и развития, как и физический. Как и физиогномика, характер формируется в очень раннем возрасте. Он может стать более гибким или более жестким, его углы могут смягчиться или усилиться, в обычной жизни он может быть скрытым; но как он может потерять свой тип? Человек, лишенный элементарных нравственных чувств, обладает особым типом характера. Он органически дефектен в силу наследственности, атавизма или патологического состояния. Разумно ли предполагать, что этот врожденный дефект может быть исправлен внешним воздействием? Искусственное создание расового нравственного чувства, которого, в виде исключения, индивид лишен, было бы, по сути, великим творением.

Такой результат трудно представить себе при любых обстоятельствах. Когда субъект выходит из детского возраста, это кажется совершенно невозможным. Не следует думать, что мы отрицаем силу воспитания. Никто не может сомневаться в чудесах, которые оно совершает, когда его задача — совершенствовать характер, оттачивать уже имеющиеся чувства, одним словом, сплести нити в готовую ткань. Но мы не можем признать за ним способности создавать нечто из ничего.

Взгляды Деспена

Деспен впал в странное противоречие. Мы должны быть благодарны этому автору за множество наблюдений, подтверждающих существование криминальной аномалии. Более того, он сформулировал теорию, весьма близкую к нашей, относительно отсутствия морального чувства не только у убийц, но и у крайних, жестоких преступников. Он также утверждал, что «образование, даже в лучшем смысле этого слова, не может создавать способности; оно может лишь развивать уже существующие, по крайней мере в зародыше»; что «интеллектуальные способности сами по себе не способны порождать инстинктивные познания, поскольку они вытекают из моральных способностей»; что «в моральных способностях легко распознать источник мотивов действий, которые должны представляться сознанию человека в различных жизненных обстоятельствах»; и, наконец, что «никаких рассуждений или интеллектуальных усилий будет недостаточно для установления существования чувства долга, равно как и привязанностей, страха, надежды или чувства прекрасного».

И все же, придерживаясь этих взглядов, он предлагает для преступников паллиативное и исцеляющее моральное лечение, основные положения которого он резюмирует следующим образом: следует предотвращать всякое общение между людьми, несовершенно

в моральном отношении. Однако таких людей нельзя оставлять в одиночестве, ибо их собственная совесть не дает им средств к исправлению.

Необходимо обеспечить им постоянный контакт с высоконравственными людьми, способными наблюдать за ними и изучать их инстинктивную природу, людьми, способными влиять на эту природу и придавать их мыслям правильное направление, внушая им идеи порядка и прививая им любовь к труду и привычку к труду. Поэтому государство должно взять на себя эту неустанную и усердную заботу о заключенных, следить за их успехами подобно школьному учителю и стремиться с помощью примеров, экспериментов и прямого обучения смягчить их характер.

Во-первых, идея применения такой моральной терапии ко многим тысячам преступников явно утопична. Для этого потребовалось бы, так сказать, приставить к каждому заключенному ангела-хранителя. Такое применение потребовало бы людей, наделенных самыми благородными и редкими человеческими качествами: терпением, бдительностью и справедливой строгостью. Для глубокого познания человеческой природы им потребовалось бы объединить образование и преданность. Где же нам найти достаточное количество таких целителей душ? И каковы будут расходы на такое предприятие? Но если на данный момент предположить, что практические трудности системы не непреодолимы, каков будет ее эффект? Преступник, оторванный от своего прежнего окружения и от постоянных искушений, которым он там подвергался, несомненно, больше не будет думать о совершении преступления, поскольку как повод, так и возможность его совершения исчезнут. Но, несмотря на все учения, преступный зародыш в латентном состоянии будет продолжать пребывать в его существе, готовый проявить себя с возвращением прежних условий. Поэтому, даже если бы исправление не было мнимым, оно всегда было бы лишь кажущимся.

Невозможность искусственного создания нравственных инстинктов

Идею исправления преступников посредством экспериментальной педагогики больше нельзя воспринимать всерьез. Ибо, если верно, что нравственные инстинкты человечества являются результатом бесчисленного опыта полезного, пережитого нашими предками на протяжении тысячелетий, как мы можем предположить возможность искусственного воспроизведения этого опыта за столь короткий промежуток времени, как человеческая жизнь? Как же тогда мы можем поверить, что человек, инстинкт которого не унаследовал продукт

этого опыта прошлых поколений, может быть искусственно поднят до нравственного уровня других людей? И, если уж на то пошло, как такой опыт может быть пережит заключенным, оторванным от внешнего мира?

Бесполезность попыток добиться нравственного исцеления таким прямым способом, как тот, что предполагал утопический план Деспена, наконец-то была признана. Однако все еще сохраняется вера в то, что это нравственное исцеление может быть достигнуто косвенно посредством надлежащего режима заключения. Утверждается, что одиночество, тишина, труд и наставления приведут к раскаянию и добрым намерениям и будут способствовать исправлению заключенного. Что касается одиночества, следует отметить, по красноречивому выражению Миттельштадта, что «жалкие и несчастные, отверженные и падшие нуждаются не в отделении от общества, а в любви и общении с ближними». Что же касается труда, то, цитируя того же автора, «наши тюремные гуманисты оставили им лишь безнадежную дилемму: понять смысл формулы: **воспитательный труд для заключенных**. Используют ли они труд как полезное средство исправления жизненных привычек? Если да, то они должны устранить всякое принуждение и заменить заключение свободой. Или же они сохраняют принуждение? Тогда они просто будут наказывать, как и прежде, и исправление как цель исчезает».

Но исправители отвечают, что наряду с трудом должно сочетаться умственное и нравственное воспитание: что для этого нужны школы, где обычно грубый и невежественный заключенный может приобрести недостающие ему знания об истине и добре. Однако опыт показал, что в целом школа почти совершенно лишена влияния на индивидуальную нравственность. Возьмем взрослого преступника, лишённого части морального чувства, а именно инстинкта.

По этому поводу Спенсер говорит: «Бесполезно заставлять его (заключенного) работать внешним принуждением; ибо, когда он снова окажется на свободе и принуждение исчезнет, он останется тем же, кем был прежде. Принуждение должно быть внутренним, которое он «вынесет с собой из тюрьмы»» («Тюремная этика»). И Лард Стэнли, выступая в парламенте, выразил ту же мысль, воскликнув: «Исправление человека никогда не может стать механическим процессом».

Постарайтесь привить ему этот инстинкт, обучая, то есть повторяя снова и снова, что одна из обязанностей человека — быть сострадательным; что мораль запрещает нам причинять вред ближним; и тому подобное. Что же получится? Можно предположить, что субъект таким образом приобретет, если он уже не обладал им, критерий для различения и распознавания хорошего поведения в соответ-

ствии с принципами морали. Одним словом, он приобретет идеи, но не чувства. Каково будет влияние этих идей на его поведение? Если добро в человеке проистекает не из рефлексии, а из инстинкта и если именно инстинкт отсутствует в данном случае, то как восприятие идей может восполнить его органический недостаток? Он будет знать добро, но будет совершать зло, когда это будет ему угодно.

Было бы бесполезно повторять ему, что общественный интерес гораздо важнее индивидуального; что в конечном счете последний отождествляет себя с первым; что, как члены общества, мы обязаны пожертвовать своим эгоизмом, чтобы другие поступали так же по отношению к нам. Было бы столь же бесполезно использовать аргумент религии, говорить Киму о вечном счастье, уготованном праведнику, и о вечном проклятии, ожидающем грешника. В обоих случаях ему говорят лишь следующее: «Если ты совершишь определенный поступок, тебе будет причинен определенный вред. Поэтому, чтобы избежать этого вреда, ты должен воздержаться от поступка».

К сожалению, преступник предпочитает удовлетворить сиюминутную страсть или желание, чем пожертвовать этой страстью или желанием ради смутной надежды на будущую и далекую выгоду. Таким образом, этот аргумент на него не действует. Способность ясно видеть, что другие считают преобладающим интересом, не удержит его от новых преступлений. Необходимо, чтобы он испытывал такое же отвращение к преступлению, как и другие люди, потому что, в конечном счете, именно характер личности и его общий образ чувств объясняют каждое человеческое действие. Инстинкт никогда не может быть создан рациональным путем. Он может быть только врожденным или бессознательно приобретенным под воздействием физической или социальной среды.

Таким образом, мы возвращаемся к нашим двум основным факторам: наследственности и среде. Образование, поскольку оно осуществляется в школьной комнате, малоэффективно или вообще неэффективно, если среда неизменна, то есть если после окончания наказания преступнику позволяют вернуться в свое прежнее окружение. Хорошо известна история о негритянских детях, которых в младенчестве увозили в Европу и, дав там воспитание и образование, отправляли обратно, чтобы они цивилизовали своих соплеменников. Как только они оказывались среди последних, они забывали все, чему научились, как грамматику, так и образ жизни, и, сбросив свою цивилизованную одежду, бежали в лес, чтобы стать там дикарями, подобными своим отцам, которых они к тому же никогда не знали. Именно такого результата можно ожидать от применения

исправительного принципа, если судить по его испытаниям, которые уже были проведены, а именно в тюремной системе, системе, используемой в Оберне, ирландской системе и т.д.

Система Эльмира

В исправительном учреждении Эльмира принята система принуждения, направленная на улучшение физического и психического состояния заключенных с целью формирования у них новых привычек жизни и мышления. Используемые средства включают гигиенические условия проживания и питания, ванны, массаж, гимнастические упражнения, военную подготовку и обучение как академическому, так и производственному ремеслу. Действуют строгие правила поведения и строжайшая дисциплина. Заключенные, чье будущее хорошее поведение кажется гарантированным, могут быть освобождены условно-досрочно после года заключения. Затем они находятся под надзором еще шесть месяцев. Если их поведение остается хорошим, по истечении этого срока им предоставляется полное освобождение независимо от максимального срока наказания. Следует отметить, что среди заключенных этого учреждения нет рецидивистов. Это в основном молодые люди, их средний возраст составляет двадцать один год. Кроме того, они находятся здесь под режимом, что поддерживает их постоянную активность, а после освобождения им находят работу. И все же, несмотря на эти факты, около 20% из них совершают повторное правонарушение в течение шести месяцев после условно-досрочного освобождения. В то же время остальные исчезают из виду, и утверждается, что о них больше не слышно как о преступниках. Но вопрос времени не упоминается, и не приводится никаких доказательств в поддержку этого утверждения. Более того, какова возможность распространения этой системы на рецидивистов, на закоренелых преступников? С другой стороны, управление таким учреждением можно доверить только лицам с выдающимися способностями, короче говоря, такими, какими обладает мистер Броквей, первый директор исправительного учреждения Эльмира. «Руководитель такого образовательного учреждения, — пишет Чарльз Дадли Уорнер, восторженный поклонник школы, — должен быть человеком с высокими моральными качествами... Он должен быть образованным, хорошим организатором и способным поддерживать дисциплину. Его подчиненные должны быть такими же, как он. Они должны быть проникнуты духом системы». При таких условиях, которые, разумеется, крайне трудно реализовать, подобные учреждения могут давать хорошие результаты, но всегда в небольших масштабах, как в Эльмире, где, как было показано, рассматриваемое обращение

ограничивается несовершеннолетними, впервые совершившими правонарушение.

Статистика рецидивизма: опровержение теории исправительных учреждений

Неоспоримым фактом является то, что во всех странах рецидивизм имеет тенденцию к росту по мере сокращения сроков и снижения суровости наказаний. Во Франции доля проступков («délits»), не являющихся первыми правонарушениями, выросла с 21% в 1851 году до 44% в 1882 году, а доля тяжких преступлений, также представляющих собой случаи рецидивизма, за тот же период выросла с 33% до 52%. «Рецидивизм, — как говорится в докладе министра юстиции, — продолжает свое нашествие. ... За десять лет число преступников, подвергшихся более чем одному осуждению, увеличилось на 39% — почти на две пятых». Среднегодовое число рецидивистов достигло 104 070 человек, что составляло почти половину от общего числа осужденных в период с 1891 по 1895 год. Однако в последующие четыре года оно начало снижаться, что, очевидно, было связано с принятием новых законов о рецидивизме и условных наказаниях. В Германии с 1889 по 1899 год число рецидивистов увеличилось более чем на 100% — с 88 270 до 187 186 человек. В Италии с 1876 по 1895 год наблюдался устойчивый рост числа рецидивистов. В последнем году из 45 579 рецидивистов, содержащихся под стражей, 3000 были осуждены более чем шесть раз.

Все это наглядно демонстрирует бесполезность исправительной теории или, по крайней мере, ее применения. Результат не мог быть... иным, учитывая очевидное противоречие, которое заключают в себе ее принципы. Хотя, с одной стороны, она утверждает, что целью всякого наказания является исправление преступника, с другой стороны, она устанавливает фиксированную меру наказания за каждое правонарушение, то есть заключение в государственном учреждении на определенное количество месяцев или лет — процедура, которая, как сказал Виллерт, «во многом похожа на то, как если бы врач, назначая пациенту стационарное лечение, указал точный день, когда он должен быть выписан, независимо от состояния его здоровья».

В отношении детей-иждивенцев и подростков, начавших проявлять дурные наклонности, мы находим единственное спасение от крушения этой теории. В случае взрослых все, что мы можем сделать, — это попытаться заставить их приобрести такой образ жизни, который они захотят постоянно продолжать, поскольку он более полезен для них, чем любые другие виды деятельности, в новой социальной среде, в которую они будут перемещены. Только так преступник, который

не полностью деградировал, перестанет быть вредным для общества. Однако такой результат может быть достигнут только путем ссылки («депортации») или интернирования в сельскохозяйственные колонии, которые будут созданы в менее заселенных районах метрополии. Непременным условием является также то, чтобы этот вид ссылки был пожизненным или, по крайней мере, на определенный срок, не назначенный заранее. Использование неопределенных сроков наказания позволило бы освободить их в тех редких случаях, когда исправление преступника посредством труда можно было бы считать свершившимся фактом. Такие случаи действительно имеют место; но они являются исключениями. В обычном случае было бы невозможно предположить, что преступник, как бы долго он ни отсутствовал, может вернуться в среду, которая для него является миниатюрным отечеством, не будучи затронутым влияниями, которые побудили его к преступлению.

Глава II

СУЩЕСТВУЮЩИЕ ТЕОРИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Простота и очевидность принципов, изложенных в предыдущей главе, таковы, я уверен, что понравятся разумному читателю независимо от его знакомства с естественными или общественными науками. Более того, может случиться, что прочтение данной главы побудит его заявить, что она не содержит ничего нового. Ведь нередко случается, что простое высказывание идеи убеждает в ее истинности. Читатель убежден, что эта идея всегда была его идеей, хотя он никогда не облакал ее в слова или, по крайней мере, полагает, что, изучив данный предмет, он не смог бы прийти к иному выводу.

И все же доктрины действующего уголовного права существенно отличаются от всего, что мы выдвинули. Поэтому становится важным объяснить, в чем состоит это различие, чтобы те из наших читателей, кто не знаком с юридической наукой, могли лучше оценить значение того, что мы отстаиваем. С этой целью мы представим краткий анализ общепринятых теорий современного уголовного права, сравнивая по ходу дела его различные правила с теми, которые являются логическими следствиями наших принципов. Ранее уже было разъяснено, что юристы, в отличие от нас, не считают преступника ненормальным существом, в той или иной степени неспособным к адаптации. В их глазах он всего лишь человек, нарушивший закон государства и заслуживающий наказания, предусмотренного этим законом. Для каждой из двух основных школ, до сих пор господствовавших в области уголовного права, наказание, правда, имеет разное значение. Идеалистическая школа рассматривает его как моральную компенсацию за вред, причиненный преступлением. Юридическая школа в собственном смысле слова (которая, особенно в Италии и Германии, стала классической школой), напротив, утверждает, что оно представляет собой защиту правового порядка. Об идеалистах я уже говорил в связи с теорией искупления. Могу добавить здесь, что проблему наказания невозможно решить с помощью идеи абсолютной справедливости, поскольку никогда не будет открыто абсолютно справедливое наказание, соответствующее данному преступлению. Более того, эта теория не имеет собственного критерия и вынуждена заимствовать

«*punctum ubi sistat*» из пенитенциарной системы конкретной страны и периода. Обнаружение в этой системе смертной казни.

Предположим, что смертная казнь исчезнет из системы. Ее место неизбежно займет пожизненное заключение. В результате пожизненное заключение в одночасье перестанет быть справедливым наказанием за простое убийство. Таким образом, очевидно, что теория абсолютной справедливости существует лишь в названии.

С другой стороны, то, что мы назвали классической школой, оправдывает наказание необходимостью защиты прав гражданина. Но над этой социальной необходимостью она ставит «справедливость» как регулятор или модификатор. В этой школе справедливость, таким образом, есть нечто привнесенное извне, превосходящее социальную необходимость. Сам факт поиска этого регулятора где-то еще, а не в самой социальной необходимости, свидетельствует о метафизическом уклонении. Сказать, что справедливое наказание — это необходимое наказание, — равносильно утверждению, что ненужное наказание — это несправедливое наказание. Поэтому важно установить критерий необходимости, ибо он позволит избежать любых излишеств. Но такой критерий никогда не будет получен с помощью метафизической гипотезы: его нам даст только метод эксперимента. Как только этот критерий станет нашим, отпадет необходимость ссылаться на любой случайный элемент. Социальная необходимость, взятая в ее истинном смысле и без каких-либо преувеличений, сама по себе будет лучшей гарантией прав личности.

Но необходимо более внимательно рассмотреть этот элемент справедливости, которым классическая школа ограничивает осуществление социальной защиты. Он породил два принципа, принятие которых обуславливает строго юридический характер современной уголовной науки.

(1) Преступление не существует, если субъект не несет моральной ответственности за свое деяние. Из чего следует, что тяжесть преступления варьируется в зависимости от степени моральной ответственности.

(2) Величина наказания должна быть прямо пропорциональна тяжести преступления. «Моральная ответственность», «соразмерность наказания»: эти два постулата продолжают оставаться краеугольным камнем уголовного права, несмотря на то что наука доказала их несостоятельность. Камень уже расшатался, но рассматриваемые идеи слишком тесно связаны с общепринятыми философскими предрассудками, чтобы надеяться на его немедленное смещение. Задача будет трудной, но в конечном успехе сомневаться нельзя. Ведь нормы, с которыми мы имеем дело, ошибочно принимаемые за гарантию прав

личности, на самом деле являются источником слабости и несостоятельности уголовного права.

II. МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Ошибки принципа

Тем, кто, рассматривая наказание как средство социальной защиты, одновременно допускает существование преступления без свободы воли, можно задать следующий уместный вопрос: когда преступное деяние является результатом хронического патологического состояния или внутреннего импульса, сильного или даже непреодолимого, но такого, повторения которого можно ожидать у того же человека, какая причина существует для отказа от социальной защиты? Разве мы не обязаны сказать, что от человека, чье явное полное отсутствие свободы воли делает его неспособным контролировать себя или противостоять своим порочным импульсам, общество требует усиленной, а не ослабленной защиты? В случае преступников, официально признанных невменяемыми, лекарство, конечно, можно найти в психиатрической больнице. Но зло ситуации в том, что из-за моральной ответственности как неотъемлемого элемента преступления логическим следствием становится почти полная безнаказанность, даже если речь не идет о настоящем безумии.

Не вдаваясь в вопрос о свободе воли, мы осмелимся утверждать, что сознание нашей моральной свободы не простирается настолько далеко, чтобы оправдать нашу веру в то, что мы обладаем способностью мыслить и чувствовать как-то иначе, чем то, как мы чувствовали и думали в данном случае. Мы знаем, что Эго не может создать себя само и что характер уже сформирован рядом предшествующих фактов, по большей части игнорируемых сознанием в момент его определения. Если бы это было не так, мы были бы вынуждены признать, что в каждом человеке в каждый момент происходит настоящее чудо, то есть движение ума, не подчиняющееся универсальным законам природы, первоначальное движение, никоим образом не являющееся следствием предшествующих или последующих условий, посредством которого он совершенно компетентен решать, будет ли он добрым или злым, справедливым или несправедливым, недовольным или смирившимся, дружелюбным или вспылчивым. В таком случае свободная воля была бы силой, непрерывно создающей Эго. А это не факт, или, по крайней мере, у нас нет доказательств обратного. Если же, напротив, мы будем рассматривать выражение «свободная воля» как обозначение не того, что создает Эго, а просто сознания

того Эго, которое в любой момент времени волеизъявляет и решает, то невозможность какой-либо карательной системы, основанной на идее моральной ответственности, сразу же становится очевидной. Ибо этот элемент всегда ограничен обстоятельствами, внутренними и внешними, которые могли воздействовать на волю индивида. Он всегда относителен, всегда подвержен бесконечным грациям и всегда склонен сводить себя к незначительному и неощутимому минимуму. Наследственность, атавизм и особые обстоятельства жизни, такие как окружающая среда, образование, профессия, климат, питание и болезни, все из которых оказывают несомненное влияние, будут, следовательно, ограничивать или сдерживать, не «полностью устраняя» причины преступного поведения.

Взгляд Тарда на свободу воли очень близок к нашему. «Эго, — говорит он, — есть совокупность привычек и предрассудков, способностей и приобретений, соответствующих медленно меняющемуся характеру. ... Если воля в подходящий момент не попыталась использовать имеющиеся в ее распоряжении моральные силы, то это потому, что Эго, сильнейшим выражением которого она является, сочувствовало причине искушения, присваивало его себе, делало своим. А раз так, то Эго, несомненно, не смогло желать того, чего оно не желало. Но именно это и доказывает порочность Эго».

С этой точки зрения проблема наказания совершенно не поддается решению. Как мы можем отличить в отношении отдельного преступника то, что является следствием обстоятельств указанного рода, от того, что является следствием свободной воли? Как нам определить ответственность, подверженную бесконечным ограничениям обстоятельств?

Комментаторы, правда, не безграничны в этом отношении. Многие из них учат, что для того, чтобы соответствовать этому принципу, побуждение, каким бы слепым оно ни было, должно быть выведено из правдоподобного мотива: что самые низменные и мерзкие мотивы никогда не послужат для его признания. Но все подобные попытки уточнения — всего лишь мнения, которые могут измениться в одночасье, в то время как сама формула, без всякого прикрытия и применения, постоянно смотрит нам в лицо. Она говорит о непреодолимой силе, о силе, которой никто не может противостоять. Кто скажет нам, является ли алчность кассира, возбужденного видом денег, доверенных ему другим, побуждением более преодолимым, чем безответная страсть разочарованного влюбленного? Кто, опять же, скажет нам, является ли страсть последнего более преодолимой, чем страсть влюбленного, оставленного ради другого? И как нам изме-

ритель степень сопротивления, которое побуждение должно было бы встретить у разных людей, но которое оно фактически не встретило?

Эти предположения подтверждаются фактами. В Италии принцип непреодолимой силы больше не действует, будучи исключенным из нового Уголовного кодекса. Но за время его существования в качестве нормы уголовного права он привел к тому, что преступники-убийцы всех мастей избежали наказания. Сотни таких случаев произошли. Более того, однажды он привел к оправданию негодяя, нанятого для того, чтобы изуродовать неверную любовницу своего работодателя. Иногда он также успешно применялся в пользу фальшивомонетчиков и даже воров. Короче говоря, при действии этого принципа нет преступника, которому он не предоставлял бы убежища. И если в Италии он не всегда использовался в качестве защиты при судебном преследовании за особо тяжкие преступления, то это потому, что адвокаты подсудимых были убеждены, что присяжные проигнорируют его. Ибо существует всеобщее чувство, осуждающее снисходительность к определенным видам преступников. Независимо от того, предусмотрена ли законом ненаказуемость человека, совершившего преступление в непреодолимом порыве, присяжные неизменно признают виновным убийцу, мотивом которого было не что иное, как чистая жестокость, удовольствие от пролития крови, несмотря на то что его порыв, очевидно, слеп и патологичен. Чем чаще вор совершает преступления, тем суровее будет наказание, которое он получит от них. И все же возьмем случай профессионального вора, рожденного в семье преступников, приученного к воровству с раннего детства, отстраненного от общества честных людей, постоянно общающегося с другими преступниками, — человека, полностью лишеного страха и ограничений, не имеющего ни возможности, ни желания изменить свой образ жизни. Где же мы найдем более совершенный образец человека, неспособного противостоять преступному порыву? Если в таком случае защита неотразимости имеет настолько ничтожные шансы на успех, что адвокат подсудимого не осмеливается поднять этот вопрос, то непоследовательность очевидна. Если этот принцип вообще должен быть признан, как его можно добросовестно отвергнуть в данном случае? Истина в том, что рассматриваемое соображение перевешивается более важным, а именно диктатом общественного интереса, согласно которому опасные преступники не должны оставаться на свободе. Чтобы лишить их свободы, необходимо, чтобы присяжные признали их ответственными — обнаружили, что они способны противостоять своим извращенным импульсам. Но как они могут сопротивляться, если у них нет ни единого доброго инстинкта, если в них нет ни самоуважения, ни страха перед Богом

или людьми? Нужно ли быть детерминистом, чтобы заключить, что при таких обстоятельствах преступник не может быть кем-то иным, кроме как преступником?

Если это так, он не несет ответственности. Следовательно, согласно обсуждаемой теории, он не может быть наказан. Общество имеет основания быть благодарным за то, что присяжные не всегда рассматривают этот вопрос в таком свете. Фактически случаи, в которых наличие непреодолимого импульса служило основанием для оправдания, не составляют и сотой доли от числа случаев, в которых, по логике вещей, он должен был быть допущен. Хотя этот принцип преобладал в итальянском праве, время от времени раздавались жалобы на его злоупотребление, хотя в наиболее очевидных случаях он почти никогда не применялся. Несколько подобных случаев, в которых защита была выдержана, было достаточно, чтобы обрушить на головы присяжных бурю народного негодования. Они ответили на заданный им вопрос в соответствии со своим убеждением: они установили то, что, по их мнению, было фактом. Тем не менее в глазах общественности они поступили неправильно, поскольку их вердикт привел к оправданию отчаявшегося преступника. Честно говоря, должны ли они были отвечать на этот вопрос вопреки своей совести? Трудно было поставить мужчину в более несправедливое положение.

Такова ситуация, порожаемая принципом, который ставит ответственность в зависимость от возможности сопротивления преступным страстям и побуждениям. И этот принцип является следствием столь же абсурдной доктрины, согласно которой преступник не является преступником, если он сознательно не пожелал стать таковым.

III. БЕЗУМИЕ

Уголовная наука юристов не занимается безумными. Как только устанавливается факт отчуждения, она спешит отказаться от юрисдикции. И здесь мы сталкиваемся с вопросом, который логически следует за нашей предыдущей темой обсуждения. Если элемент моральной ответственности следует оставить в стороне при определении того, кто и что является преступником, не следует ли из этого, что общество должно реагировать на преступление душевнобольного независимо от безумия, которое стало его причиной? Можно ожидать немедленного ответа: «Конечно, общество должно реагировать, и оно действительно реагирует, помещая опасного безумца в психиатрическую больницу — процедура, которая есть не что иное, как средство

исключения его из общественной жизни. Общество даже побуждается к этому шагу самим фактом безумия независимо от того, совершил ли безумец вредоносный поступок или нет. Ибо его патологическое состояние ума делает вероятным совершение им всевозможных вредоносных поступков, точно так же, как факт праздности, являющейся морально патологическим состоянием, порождает вероятность совершения субъектом всевозможных преступлений». Но когда такой подход применяется к безумному автору поступка, который, если бы его совершил здравомыслящий человек, был бы преступлением, это совсем не то же самое, что «наказать его».

Несомненно, поступок безумца может иметь внешние признаки преступления, не будучи преступным в действительности. Возьмем случай, упомянутый Модсли, о женщине, которой «приснилось, что ее дети кричат ей, что дом горит, и в смятении пробуждения она выбросила младшего ребенка из окна, чтобы спасти его». Никому и в голову не придет назвать ее преступницей. Ведь если действие не соответствует намерению, преступления не существует. То же правило действовало бы в случаях, когда действие является результатом эпилептического припадка, импульсивного помешательства или любой мании, вызвавшей угасание совести. Но оправдывает ли тот факт, что безумец намеревался сделать то, что он сделал, классификацию его действия как преступления? Мы знаем, что во многих случаях безумные люди действительно имеют намерение повредить или поджечь имущество или даже убить. Ответ должен быть отрицательным, потому что, согласно нашей теории, преступление существует лишь как проявление характера, следствие бесчестности или жестокости, которые могут быть как врожденными, так и приобретенными, но которые во всех случаях стали инстинктивными. И, будучи инстинктивными, они порождают опасения новых преступлений со стороны того же человека. Поэтому для существования преступности существенно, чтобы болезнь не лишила человека способности к мышлению. Ибо, если он лишен этих способностей, то речь идет уже не об изменении, а о полном уничтожении его характера. Одним словом, он утратил всякую психическую индивидуальность — результат, который наблюдается при мании, слабоумии и прогрессивном параличе.

В случае некоторых френозов или неврозов, которые не полностью уничтожают способность к мышлению, но приводят к более или менее серьезному ее нарушению, характер человека очень часто изменяется до такой степени, что становится неузнаваемым. Отчуждение, правда, является причиной моральной трансформации, но это не препятствует формированию стойкого характера, как в случае истерии

и меланхолии. Если же душевнобольные этого класса подвержены преступным импульсам, если они проявляют склонность к убийству, воровству, поджогам, изнасилованию (импульсивная липемания и мания убийства, клептомания, пиромания, эротомания) или к преступлениям вообще по причине любой формы мании, разрушающей или ослабляющей моральное чувство, мы обязаны заключить, что они стали обладателями преступного характера и что можно ожидать дальнейших преступлений с их стороны.

Таким образом, вопрос оказывается решенным. Это, по сути, преступники, но преступники безумные. Другими словами, это преступники особого рода. Их моральная аномалия, вероятно, колеблется в зависимости от различных фаз их болезни; их характер способен улучшаться или даже возвращаться к прежнему состоянию; возможно как полное восстановление, так и полное исчезновение нравственного чувства.

В таком случае кажется очевидным, что для душевнобольных преступников должно быть предусмотрено особое лечение — лечение, адаптированное к болезни, которая является причиной их преступления. И этот результат не вводит нас в какое-либо противоречие. Напротив, это лишь подтверждение нашего центрального принципа, а именно, что репрессии должны регулироваться особой природой преступника — с одной стороны, степенью его необщительности, с другой — возможностью его адаптации. Важнейшее следствие данного вывода (и в этом мы согласны с юристами) заключается в том, что смертная казнь не может быть назначена душевнобольным. Здесь, опять же, мы можем показаться непоследовательными. Но факт совершенно противоположный. Ибо если моральное чувство человека ослаблено болезнью, его характер испорчен, то последующая извращенность не может рассматриваться в том же свете, что и у других преступников. Если он утратил чувство собственного достоинства в общественной жизни, его отсутствие будет выглядеть как несчастный случай, и хотя он может быть опасен, как любой убийца, он не будет объектом такого же отвращения. Смертная казнь неуместна в случае с преступником, лишившимся рассудка, поскольку необходимым условием ее применения является прекращение сочувствия к преступнику. В случае болезни сочувствие усиливается, а не уничтожается, поскольку субъект нуждается в помощи, и долг общества — помочь ему. Следовательно, общество, реагируя, не имеет права уничтожать индивида. Если требуется его уничтожение, это может быть достигнуто только путем пожизненного заключения в приюте, предназначенном для преступников этого вида.

Поэтому критика нашей теории, тяготеющей к экстравагантным выводам, совершенно обосновательна. В 1880 году Полхан писал следующее: «Если мы примем принцип Гарофало, как, я бы спросил, нам отличить преступника от неизлечимого безумца? Более того, почему бы не казнить опасного безумца, чья болезнь неизлечима?» Для проведения различия нам не нужно идти дальше самих принципов, которые я изложил, начиная с понятия преступления и заканчивая условиями, при которых должна применяться смертная казнь. Невозможно представить себе применение смертной казни к человеку, чей характер не извращен постоянно, то есть к преступнику, который является не типичным, а случайным. Безумие не порождает постоянного морального характера: извращенность в данном случае проходяща и способна к изменению. Репрессии в отношении душевнобольных преступников являются частью нашей системы наказаний, поскольку слово «наказание» не всегда означает для нас то же, что и для юристов. Но эти репрессии должны принимать различные формы, соответствующие изменениям характера, вызванным болезнью, которые меняются в зависимости от фаз самой болезни. Несомненно, с детерминистской точки зрения, чудовище не более виновно в том, что является чудовищем, чем безумец в том, что является безумцем. Однако оба они одинаково опасны для общества. Следовательно, репрессии должны иметь место в обоих случаях, но репрессии разного рода. Ведь если нарушение чувства сострадания составляет преступление, то то же чувство будет нарушено убийством безумного преступника — результат, которого не происходит, когда преступника-монстра ведут на виселицу.

Но могут спросить нас: разве не вероятно, что с развитием знаний это социальное чувство, отрицающее сочувствие к инстинктивному преступнику, претерпит изменения? Когда все люди поймут, что свирепость убийцы — вина его психической организации, не станет ли он объектом сострадания? Не будет ли его аномалия рассматриваться в том же свете, что и безумие, эпилепсия и другие нервные расстройства? На это я бы ответил, что такое изменение невозможно, поскольку рассматриваемое чувство полностью согласуется с выводами разума. Эти два случая совершенно различны.

В одном случае, как станет ясно благодаря прогрессу антропологической науки, мы имеем дело с индивидуальностью, которая изначально вредоносна и неизменна; в другом — с индивидуальностью, которая стала вредоносной в результате несчастного случая, но эта вредоносность не обязательно является постоянным состоянием. Короче говоря, это различие между естественными инстинктами, врожденными в индивидууме, инстинктами, которые составляют его

истинную и непреодолимую сущность, и случайными инстинктами, возникающими в результате физического ухудшения. Последние могут исчезнуть так же внезапно, как и появились, поскольку они созданы не силой, присущей организму, а напротив, силой, борющейся с организмом и стремящейся его разрушить.

Вышеизложенное — лишь одно из многих соображений, оправдывающих смертную казнь как таковую. Но это оправдание меня сейчас не интересует. Все, что было только что сказано, призвано установить для применения этого наказания четкие границы, требуемые теорией естественного преступления.

Таким образом, преступники, находящиеся в невменяемом состоянии, образуют особый класс. Здесь мы отличаемся от юристов лишь в одном отношении. Согласно их учению, факт отчуждения препятствует существованию преступления: как только этот факт установлен, дело выходит за рамки уголовного права. Мы же утверждаем, что преступление может существовать, несмотря на факт отчуждения. Однако это преступление особого рода, отличного от всех других преступлений, — преступление, являющееся следствием не морального характера, определяемого постоянной причиной, а морального характера, определяемого преходящим патологическим состоянием и, следовательно, поддающегося улучшению, ухудшению или трансформации. По мере того как болезнь претерпевает мутации, опасность преступника может увеличиваться, уменьшаться или даже полностью исчезать. Следовательно, в данном случае должна иметь место особая форма репрессии: не абсолютное устранение, а заключение на неопределенный срок в приюте для душевнобольных преступников. Если, например, мания преследования, являющаяся первоначальной причиной убийства, сменяется слабоумием, как это часто бывает, то такая репрессия больше не понадобится, и о человеке можно будет позаботиться в другом месте или вернуть его семье. Таким образом, мы имеем форму элиминации, подходящую для случая криминального отчуждения, так же как другие формы репрессии подходят для случая обычного преступления, — средство, с помощью которого общество будет защищаться от преступника, лишившегося рассудка. Так же, как посредством иной характеристики оно будет защищаться от преступника, не лишившегося рассудка. Почему же тогда необходимо исключать этот вид преступления из сферы уголовного права?

Следует также отметить, что помещение душевнобольного в приют соответствует требованиям того, что мы считаем истинной репрессией, в отношении отбора, который оно порождает. Похоже, не хватает лишь одного эффекта — запугивания, — ибо, как уже было сказано, «человек не сходит с ума по собственной воле». Но для нас, как

следует помнить, запугивание — лишь подчиненное и дополнительное действие, а не то, которое составляет истинный критерий наказания, как учит классическая школа. Опять же, проблема не в предотвращении безумия, а в предотвращении преступления, которое способен совершить душевнобольной. Если сумасшедший — просто маньяк, угроза бессрочного тюремного заключения может оказать на него влияние. Ведь, как отметил Модсли, безумные люди в определенной степени подвержены влиянию тех же мотивов, что и здравомыслящие, в своих действиях или бездействии, и в большинстве случаев рассматривают лишение свободы как тяжкое страдание. Кроме того, когда даже безумные преступники могут быть осуждены и приговорены к бессрочному заключению, это, вероятно, положит конец практике симуляции безумия, которое, следует отметить, отнюдь не так редко.

Тейлор уверяет нас, что он обследовал большое количество настоящих преступников, оправданных по причине невменяемости, и не нашел ни одного, кто бы проявил хотя бы малейшие признаки отчуждения. В Италии известны случаи, когда убийцы, оправданные по причине липемании, казались настолько уверенными в будущей безнаказанности, что открыто хвастались тем, что им нечего бояться закона. Более того, в одном из таких случаев преступник, убивший двух человек и покушавшийся на убийство третьего, как говорят, публично заявил, что может убить кого пожелает, не подвергая себя ни малейшему риску.

Более того, юристы вынуждены устанавливать произвольные ограничения для защиты по причине невменяемости, чтобы исключить из нее обвиняемого, страдающего мономанией. Если сделать преступную невменяемость предметом уголовных репрессий, такое ограничение больше не потребует. Не нарушая учения науки, общество найдет адекватную защиту в изложенном выше плане. При этом преступники-мономаны будут рассматриваться как преступники особого рода. Против них будет применяться необходимый метод устранения, а именно заключение на неопределенный срок в учреждение, полутюрьму-полубольницу. Судебной власти будет поручено судить их и вынести приговор, а также обеспечить их освобождение, когда они полностью перестанут быть опасными.

Совершенно бессмысленной чертой нынешней системы является то, что полубезумие рассматривается как смягчающее обстоятельство. В таком случае назначается наказание, предусмотренное законом, но срок его действия значительно сокращается. Именно из-за этого имели место и фактически ежедневно происходят случаи, когда преступники-убийцы и поджигатели, возможно, маноманы, но тем не менее крайне опасные преступники, избегают наказания

в несколько лет тюремного заключения. Если бы мы заняли твердую позицию, что эти лица действительно невменяемы, результатом стало бы их пожизненное заключение или, что представляется гораздо более осуществимым, бессрочное.

Это своего рода смягчающее обстоятельство, по-видимому, действительно существует исключительно для выгоды экспертов-психиатров. Один автор справедливо заметил: «Как бы ни были велики недостатки уголовного права, причиняемый ими вред ничто по сравнению с тем, что причиняют эксперты по невменяемости. Практически нет ни одного уголовного дела, в котором хотя бы один эксперт не был бы готов дать показания о частичной вменяемости обвиняемого, то есть когда он не считает нужным объявить преступника полностью невменяемым. Если бы судьи и присяжные не осмеливались иногда игнорировать такие показания или же не испытывали бы полного отвращения к ответам свидетелей, то постоянно выносимые оправдательные приговоры стали бы публичным скандалом».

IV. ОПЬЯНЕНИЕ

Еще одно различие между доктринами, которые мы отстаиваем, и доктриной действующего уголовного права существует в отношении состояния опьянения. Чтобы определить, как это должно регулироваться уголовным правом, было разработано множество различных теорий, некоторые из которых, к сожалению, нашли свое отражение в уголовном законодательстве. Была предпринята попытка решить вопрос об ответственности с помощью положений общего применения. Пьянство, по сути, приравнивается к отчуждению, так что суровость наказания ставится в зависимость от степени опьянения преступника. В результате он наказывается более или менее сурово, но всегда менее сурово, чем если бы он не был пьян.

Криминалист позитивной школы, напротив, не стремится к установлению какого-либо общего правила. Он отличает пьянство, следствием которого является лишь преувеличение характера, от алкоголизма, который является настоящей болезнью, способной полностью изменить характер. В первом случае с преступником будут обращаться так же, как если бы деяние было совершено в нормальном состоянии, поскольку алкогольное возбуждение — лишь случайная причина, факт, раскрывающий преступный инстинкт. Сколько бы спиртного ни выпил человек с мягким характером, он никогда не будет виновен в том, что зарезал своего товарища в драке в кабаке. Пьяницу можно сравнить с холериком, который в порыве ярости совершает то, чего не сделал бы человек спокойного темперамента, — который,

хотя и способен кричать, жестикулировать и совершать другие экстравагантные поступки, совершенно не способен совершить настоящее преступление. То есть, если преступный инстинкт соединится с его яростью, он станет убийцей в своем порыве точно так же, как человек спокойного темперамента, обладаемый тем же преступным инстинктом, станет убийцей в своей кажущейся флегматичности. Здесь мы сталкиваемся не с вопросом увеличения или уменьшения ответственности, а с вопросом о том, как уберечь общество от убийц — как флегматиков, так и холериков, безумцев и пьяниц. Необходимые средства, возможно, будут разными, но каждое из них будет вести прямо к своей цели, не блуждая в бесполезных поисках точной степени ответственности.

Чтобы определить, совершил ли пьяный человек преступление, мы должны выяснить, соответствует ли характер преступления характеру личности; мы должны увидеть, настолько ли бесчеловечность или бесчестность деяния соответствуют склонностям преступника, чтобы стало ясно, что пьянство лишь определило эти склонности и сделало их безошибочно явными. Существует множество случаев преступлений, совершенных в состоянии опьянения, когда обвиняемые ранее были судимы за аналогичное преступление. Есть и другие случаи, когда известно, что обвиняемый, хотя и не был ранее судим, имел дурную репутацию. Что делать с такими преступниками? Их пьянство должно быть полностью проигнорировано: с ними следует обращаться так, как если бы они не были пьяны.

Опять же, могут возникнуть случаи (особенно в преступлениях, не связанных с хулиганством и кражей), когда существует явное несоответствие между наказуемым деянием и характером преступника, наличие которого требует от нас приписывать преступление исключительно алкогольному возбуждению. Такая ситуация чаще всего встречается в случае таких преступлений, как забастовки (перевороты), оскорбления (нанесение телесных повреждений), поджоги, непристойные нападения и клевета. Если будет установлено, что наказуемое деяние не было преднамеренным до наступления опьянения, что преступник не пытался посредством употребления спиртного усилить уже сформированную цель, то рассматриваемое деяние следует рассматривать как непреднамеренное преступление, а не как истинное преступление.

Иначе обстоит дело с импульсивным преступником, который стал тем, кем он является, в результате хронического алкоголизма. Мы имеем здесь продолжающуюся причину преступности, причину, которая будет существовать до тех пор, пока не исчезнут причины порока. Следовательно, для преступников такого рода требуется

не снисхождение наказания, а особое обращение. Подобно безумным преступникам, их следует заключать в приют, сочетающий в себе черты тюрьмы и больницы, откуда они будут выписаны только в случае полного излечения от порока.

V. ГИПНОЗ

Тема гипнотического внушения не должна долго нас задерживать. Пока что известно немного случаев применения гипноза для склонения к совершению преступления, и, кроме того, эти случаи не очень хорошо подтверждены. Однако, если искусство гипноза станет предметом более широкого знания и преступники начнут им пользоваться, потребуется четкое правило. В таком случае, согласно любой теории, очевидно, что гипнотизер будет по справедливости наказан как истинный виновник преступления, в то время как загипнотизированный человек может рассматриваться лишь как пассивное орудие, виновный, возможно, в непреднамеренном преступлении, поскольку неосторожно подверг себя гипнотическому воздействию, но ничего более. Совершенно иной случай, однако, был бы представлен, когда агент был загипнотизирован по собственной инициативе, чтобы предотвратить возможность ослабления его решимости в последний момент. В этом случае, согласно принципам классической школы, никакой вины с его стороны не было бы. Каким бы ни был его первоначальный замысел, если в момент изнасилования, убийства или иного преступления он уже не обладал моральной свободой и, следовательно, не мог отказаться от осуществления этого замысла, правоведы, чтобы быть последовательными, должны были бы объявить его ненаказуемым.

Логика нашей теории ведет к противоположному выводу. В таком случае, когда внушение является лишь средством сделать преступное намерение необратимым, укрепить уже сформированное решение, ничто не умаляет необходимости социальной защиты. Ситуация аналогична той, когда преступник намеренно напивается непосредственно перед совершением преступления. Более того, представляется верным, что субъект подчиняется внушению только тогда, когда то, что ему приказано сделать, не противоречит его моральным принципам; в противном случае он сопротивляется и делает внушение бесполезным. Это точка зрения, которую я выдвинул много лет назад и которая в настоящее время является общепринятой. Хотя можно привести множество примеров в его поддержку, доказательств, однако, все еще недостаточно для окончательного вывода по этому вопросу — чтобы мы могли с уверенностью сказать, следует ли исклю-

чить всякое добровольное участие субъекта в деянии, продиктованном внушением, или внушение действует лишь для того, чтобы побудить его совершить желаемое.

VI. МАЛОЛЕТНИЙ ВОЗРАСТ

Остается рассмотреть применение принципа ответственности к возрасту правонарушителя. Кодексы, следующие теоретическим идеям, на которых они основаны, устанавливают возрастной предел, ниже которого полная ответственность невозможна, устанавливая его, как правило, на уровне восемнадцати лет. В случае детства, юности и ранней юности они признают ограниченную ответственность, правовым последствием которой является смягчение наказания, варьирующееся от одной-двух степеней до половины или трех четвертей.

Это практическое правило полностью игнорирует различия пола, зрелости и болезни, как будто эти обстоятельства не имеют никакого значения. Само собой разумеется, что позитивная криминалистика не может принять его. Как уже отмечалось, криминальная психология и антропология дают нам средства распознать в ребенке прирожденного преступника, а в юноше, развращенном дурными примерами, будь то его семья или его окружение, — неисправимого преступника. «Определенная часть преступников, — говорят Марро и Ломброзо, — являются таковыми с самых ранних лет. Это может быть связано, а может и не быть, с наследственными причинами или, выражаясь точнее, с тем, что некоторые из них являются жертвами дурного воспитания, поскольку для большинства из них воспитание не принесло пользы». Это мнение подтверждается множеством примеров. Склонность к насилию и кровопролитию иногда начинает проявляться в очень раннем возрасте: она приводит к тому, что ребенок наносит ряд жестоких физических повреждений, возможно, незначительных по своей значимости, но совершенно без повода. Такие деяния закон обычно наказывает несколькими днями или месяцами тюремного заключения. Они повторяются с частотой, в которую вряд ли поверит тот, кто никогда не имел возможности ознакомиться с протоколами судебных заседаний преступников. И эти протоколы рассказывают лишь часть истории: они говорят только о тех действиях преступника, которые были предметом судебного разбирательства.

Во многих случаях жестокое убийство — это просто внезапное проявление инстинкта кровопролития у преступника, который антрополог мог бы обнаружить задолго до этого. И все же мы всегда готовы простить прежние преступления такого человека исключительно на основании его молодости в момент их совершения. Они

не вызывают особого беспокойства, поскольку всегда объясняются пылом страстей, в то время как на самом деле часто подразумевают проявление врожденной и неукротимой извращенности, которая с годами только обостряется. Именно в таких случаях антропология могла бы оказать важнейшую услугу криминалистике, завершив для нас описание типичного, как физического, так и морального, облика инстинктивного убийцы или вора. Криминалист, убежденный, что в этом молодом преступнике он имеет дело с человеком, рожденным для преступления, человеком, который с возрастом будет представлять все большую угрозу для общества, должен требовать принятия адекватных мер пресечения. Он должен настаивать на том, чтобы пожизненная изоляция или, по крайней мере, бессрочная изоляция заменила несколько месяцев заключения в так называемом «исправительном доме» (скорее заслуживающем названия «дом разложения»), обычно назначаемом такому преступнику в соответствии с действующим законодательством.

Марро и Ломброзо предлагают использовать метод воспитания Фребеля, дополненный особым гигиеническим режимом, как средство преодоления преступных наклонностей детей. Однако, если эти наклонности оказываются стойкими и неискоренимыми, они без колебаний предлагают «пожизненное заключение в соответствующее учреждение несовершеннолетних правонарушителей в возрасте до двадцати одного года». Даже в случае самых тяжелых преступлений кодексы предусматривают для несовершеннолетних преступников младше четырнадцати или шестнадцати лет наказание в виде нескольких лет тюремного заключения или надзора, смягчая наказание в соответствии с их ограниченной ответственностью. Насколько далеки в этом отношении уголовное право и наука, до боли очевидно.

Из нашего краткого обзора вопроса моральной ответственности разве мы не вправе заключить, что такая доктрина явно противоречит целям социальной защиты? И разве факт этого противоречия не должен быть очевиден даже для тех, кто в какой-то степени верит в существование свободы воли преступника? Как мы увидим далее, законодательство, породившее эту доктрину, хотя и провозглашает своей целью защиту общества, на самом деле ничего не защищает. Полная несостоятельность этой доктрины на практике такова, как и следовало ожидать, исходя из ее теоретической несостоятельности. Прежний итальянский уголовный кодекс, устанавливавший возраст полной ответственности в двадцать один год, однако, не допускал смягчения наказания для несовершеннолетних в возрасте от семнадцати до двадцати одного года, виновных в преступлениях,

наиболее оскорбительных для гуманности, таких как отцеубийство, грабеж, сопряженный с убийством, и тому подобное. Это исключение противоречило принципам единообразия, принятым юристами, и им удалось исключить его из нового кодекса. В результате имели место случаи, когда преступники, сравнимые разве что со свирепыми зверями, после нескольких лет тюремного заключения выпускались на охоту на общество. Следует отметить, что проект кодекса устанавливал восемнадцать лет в качестве возраста полной ответственности за все виды преступлений, но поскольку обе палаты единодушно поддержали двадцатиоднолетний возраст, этот предел был зафиксирован в окончательно принятом кодексе.

VII. СОРАЗМЕРНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

Теперь наше внимание должно быть обращено на другой основополагающий принцип классической системы, а именно на правило соразмерности наказания, или, иными словами, на необходимость соответствия размера наказания размеру преступления. На первый взгляд, это правило может показаться не вызывающим возражений, но даже поверхностное рассмотрение выявляет его внутреннюю несостоятельность. Внимательное рассмотрение двух терминов, которые оно включает, сразу же выявляет невозможность установления между ними какой-либо связи, полезной для социальной защиты.

Тяжесть преступления

Первый термин, а именно тяжесть правонарушения, не поддается точному определению по причине отсутствия единого критерия. Иногда это ущерб, иногда тревога, вызванная преступным деянием. Иногда, опять же, важность нарушенной обязанности. Разные авторы придерживаются разных мнений на этот счет. Так, итальянцы отдают предпочтение первым двум, в то время как французская школа, основанная Росси, выступает за третий. Однако несомненно, что ни один из этих элементов сам по себе не является адекватным критерием для решения вопроса. Полученные выводы, правда, не отличаются друг от друга, поскольку на практике тревога очень часто должна зависеть от безнравственности деяния и одновременно от ущерба. Тем не менее градуированная шкала правонарушений с ее разделением на виды и подвиды есть не что иное, как результат произвольного компромисса противоречивых юридических теорий.

Для сторонников критерия ущерба вопрос о преступном покушении представляет серьезные трудности. Столкнувшись с этим вопросом, они вынуждены либо полностью отказаться от своего кри-

терия, либо изобрести для своих целей новый вид ущерба, который они называют косвенным. Он заключается в опасности, возникшей в результате преступного деяния. Но, принимая такой курс, они явно не объясняют, почему миновавшая опасность должна быть призвана для измерения важности преступления. Более того, как нам сравнивать друг с другом разнородные факты, составляющие прямой ущерб в разных случаях, такие как физическая боль от раны, моральные страдания, вызванные клеветническим обвинением, потеря денег или имущества, сопутствующие одним преступлениям, стыд и бесчестие, сопутствующие другим? Кто скажет нам, какой из этих вредов ощущается наиболее остро, наиболее непоправим, какой влечет за собой наиболее серьезные последствия? Любая попытка определить тяжесть прямого ущерба, причиненного различными преступлениями, таким образом, чтобы это послужило основой для определения относительной тяжести самих преступлений, представляется нам совершенно безнадежной. Если же мы воспользуемся критерием ущерба, то придем к оценке косвенного, или социального, ущерба, то есть тревоги и последствий дурного примера. Но здесь мы можем исходить только из самого чистого эмпиризма, поскольку относительная тяжесть правонарушений зависела бы от тысячи обстоятельств времени и места. Их значимость измерялась бы общественным восприятием опасности, тревоги, а не их истинным размером. Это невозможно оценить без знакомства с биографией и психологией правонарушителя.

Социальная опасность — это не то, чему человек уже подвергался, а то, что продолжается. Сама по себе прошлая опасность не имеет социологического значения: она важна лишь как один из элементов, позволяющих нам определить будущую опасность.

Значимость нарушенного долга, применяемая в качестве критерия, лишь создает новую проблему. Как нам распознать относительную значимость различных обязанностей? «Спросите человеческую совесть, — отвечает Росси, — ту совесть, которая говорит даже устами детства, чьи представления о справедливости, несомненно, не имеют своего источника в законе». Но насколько ответы этой совести будут точными и единообразными? Сам Росси вынужден признать, что «факт совести» не может быть изучен в индивидуальном случае, — что его метод не может сделать ничего, кроме установления основных категорий.

Но здесь снова берет верх сомнение. «Может существовать постоянный моральный критерий, позволяющий определить, что определенные поступки являются злом, но, безусловно, нет универсального и постоянного морального критерия, по которому мы могли бы су-

дить, что одно из этих поступков более зло, чем другое». «Ибо, — добавляет один немецкий автор, — никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя сказать, что с моральной точки зрения какое-либо данное правонарушение превосходит другое по тяжести». Различные виды обязанностей слишком по-разному оцениваются не только отдельными людьми, но и социальными классами в целом. Следует также отметить, что условия сравнения неоднородны. Общественное сознание, несомненно, без колебаний объявит преступлениями, например, воровство, изнасилование, мошенничество и должностные преступления, но оно может лишь промолчать, когда его спросят о степени внутренней безнравственности каждого из этих преступлений.

Истина в том, что никакой метод не позволит нам абсолютно определить относительную тяжесть правонарушений. Слишком много элементов, которые необходимо учитывать. Нам приходится учитывать тяжесть материального ущерба, тяжесть нематериального ущерба, тяжесть внутренней безнравственности деяния, тяжесть опасности и, наконец, тяжесть тревоги. Какое право мы имеем выделять какой-либо из них и игнорировать остальные?

Тяжесть наказания

Несмотря на эти трудности, была составлена, по крайней мере для основных видов, шкала преступлений, градуированная в соответствии с их предполагаемой тяжестью, которой противопоставлялась аналогичная шкала наказаний. Проблема наказания считалась решенной, когда высшая и низшая степени одного были приведены в соответствие с высшей и низшей степенями другого. В этом мы имеем то, что классическая школа называет «соразмерностью наказания». Величайшие мыслители, правда, не без опасений согласились с этим. Росси, например, заявляет, что «этот метод не дает достаточно ориентиров, чтобы гарантировать, что мы не сойдем с правильного пути». Но он не смог предложить никакого другого. Имея перед собой два параллельных каталога преступлений и наказаний, он говорит, что «будет возможность, по мере того как мы будем спускаться по шкале, распознать связь между различными наказаниями или степенями наказания и различными преступлениями». Однако впоследствии он признает, что обоснованной отправной точки нет, и поэтому проблема остается нерешенной.

Тем не менее, если этот выдающийся ученый вообще смог примириться с рассматриваемым методом, то лишь потому, что не считал социальную защиту посредством предупреждения преступлений истинной целью наказания. Он верил в абсолютную справедливость

и, следовательно, в необходимость исправления зла злом. Необъяснимо, что тот же метод используют те, для кого предупреждение является главной целью наказания. Ведь логично предположить, что для осуществления предупреждения первым шагом должно быть выявление степени предупреждения, которую способна обеспечить угроза различных наказаний, а не установление чисто теоретической пропорции, которая в этом отношении бесполезна.

Теория, отстаиваемая Романьози и Фейербахом, несколько более рациональна. Здесь наказание соразмерно степени желания или преступного побуждения, чтобы оно могло служить контримпульсом, способным преодолеть первое. Но эта теория, как уже было сказано, граничит с запугиванием, то есть стремится превратить виновного в инструмент, с помощью которого общество может терроризировать других. По мнению этих авторов, наказание должно ужесточаться прямо пропорционально преступному побуждению, поскольку, по их мнению, чем сильнее побуждение, тем больше опасность для общества. В этом, если я не ошибаюсь, и заключается слабое место теории. Ведь может случиться, что после совершения преступления рассматриваемая опасность уменьшилась или перестала существовать. В будущем побуждение может не обладать той же силой, поскольку его сила в момент совершения преступления могла быть следствием исключительных обстоятельств, которые никогда не повторятся. В таком случае мы наказывали бы преступника не из-за опасности, исходящей от него самого, а из-за опасности, которую он мог бы предвидеть со стороны других. С другой стороны, если импульс, послуживший причиной преступления, был слабым, это не означает отсутствия насильственного импульса в будущем. Сама слабость реакции может усилить этот импульс. Желание не обязательно должно быть очень сильным, а страсти — сильно возбужденными: одного лишь отсутствия морального чувства достаточно, чтобы преступное движение («мобиль») возоблагодало. В данном случае, таким образом, контримпульс был бы недостаточным, так же как в предыдущем случае он был бы чрезмерным. Следовательно, единственной целью наказания было бы косвенное предупреждение. Преступник был бы наказан не за то, что он способен сделать сам, а за то, что другие, движимые его примером, способны сделать вместо него. Причины, препятствующие нам принять теорию устрашения, уже были полностью объяснены, и нет необходимости повторять их здесь. Мы считаем, что причинение вреда преступнику необходимо лишь в той мере, в какой этот вред необходим в связи с опасностью, исходящей от самого человека. Прямой целью наказания должно быть специальное предупреждение. Общее предупреждение будет

его случайным эффектом — эффектом, который, как уже было видно, никогда не прекратится, если используемые средства точно соответствуют личности.

Таким образом, мы должны измерять не силу преступного желания, а скорее силу сопротивления этому импульсу — другими словами, моральное чувство личности. Только таким образом мы можем узнать, чего следует опасаться. Если это возможно, проблема практически решена. Остается лишь адаптировать средства предупреждения к степени постоянной порочности субъекта. Поэтому поиск количественного критерия преступления становится совершенно бесполезным.

Трудность выработки такого критерия, обусловленная неоднородностью условий сравнения, только что была отмечена. Даже если бы можно было ограничить наше сравнение преступлениями одного вида, наши усилия были бы напрасны. Использование критерия ущерба не привело бы нас дальше определения размера материального или денежного возмещения, причитающегося потерпевшей стороне. Что касается других критериев, упомянутых выше, они имеют значение, лишь отражая элементы постоянной порочности преступника.

Градуированная шкала наказаний в таком случае должна быть полностью отброшена. С ее исчезновением устанавливаемая связь теряет один из своих элементов, и вопрос о соразмерности наказания прекращает свое существование.

Истинное исследование — вопрос адаптации

Вместо этого вопрос, который мы призваны рассмотреть, — это вопрос адаптации преступника к общественной жизни в различных классах преступлений. Другими словами, наши усилия должны быть направлены не на измерение размера вреда, который должен быть причинен преступнику, а на определение вида ограничения, наилучшим образом соответствующего особенностям его природы.

«Что!» Кто-то может воскликнуть: «Неужели вы не делаете различий в наказании между человеком, укравшим двадцать франков, и человеком, укравшим всего двадцать сантиметров?»

Мой ответ: я не знаю, поскольку этот вопрос не может быть решен абстрактно. Здесь важно определить, кто из этих двух воров обладает большей преступной предрасположенностью и, следовательно, представляет большую опасность для общества. Вполне может быть первый, но вполне может быть и второй.

Наша цель — не определить размер страданий, причиненных преступлением, исходя из стоимости украденного, а определить репрес-

сивные меры, которые будут точно соответствовать ситуации, то есть препятствие, способное предотвратить опасность. Тогда проблему можно сформулировать лишь одним образом: «Каким образом мы можем определить степень постоянной порочности преступника и степень его общительности, которую он еще сохраняет?» Чтобы ответить на этот вопрос, нам прежде всего необходимо вспомнить о различиях, выявленных в ходе нашего исследования криминальной аномалии. Имея перед собой различные группы, выявленные в ходе анализа, мы сравним рассматриваемого преступника с той или иной из этих групп. Мы будем осторожны и не будем исключать «объективные» обстоятельства преступления — обстоятельства, по которым действующее законодательство определяет тяжесть преступления. Напротив, мы выберем из них как те, которые действительно свидетельствуют о развращенности, так и те, которые позволят нам отнести рассматриваемое дело к соответствующей категории. Например, обстоятельства, характеризующие тяжкую кражу, несомненно, будут подвергнуты рассмотрению, но лишь как один из элементов, позволяющих нам определить, следует ли считать виновника преступления вором по инстинкту, по праздности, вследствие невнимательности и развращенного детства, вследствие дурного общества или просто в силу дурных примеров его семейного окружения. Для этого необходимо знать предысторию преступника, и поэтому необходимо как можно тщательнее изучить его семейные и социальные связи. Возраст преступника будет важнейшим обстоятельством. Необходимо также выяснить полученное им образование, род занятий и жизненные цели.

Подчеркивались трудности такого расследования. Однако дело в том, что подобные расследования ежедневно проводятся в уголовных судах. Разница заключается в том, что их результаты недостаточно учитываются при вынесении приговора. Согласно действующему законодательству, эти обстоятельства влияют только на меру наказания, тогда как для нас они служат именно для определения необходимых репрессивных мер и вида соответствующего наказания.

Эти репрессивные средства, естественно, будут определяться возможностью адаптации преступника, то есть условиями среды, в которой он предположительно перестанет представлять опасность. Если, например, речь идет о преступнике, совершившем кражу, то первое, что следует определить — и на основе субъективных характеристик, — следует ли применять к нему меры устранения или же одного лишь принудительного возмещения ущерба будет достаточно. Если устранение будет признано необходимым, то следует рассмотреть, должно ли оно заключаться в пожизненном или бессрочном заключении в зарубежной исправительной колонии

(«высылке»), или, если возраст преступника позволяет надеяться на его нравственное исправление, не следует ли его отправить в сельскохозяйственную колонию или на промышленное предприятие. Признавая обоснованность предложенного таким образом критерия, Полетти стремился согласовать его с теорией ответственности, то есть относительной ответственности, поскольку иного он не может себе представить. «Что касается предотвращения, — говорит он, — мы можем осуществить это примирение, добавив к чувству ответственности за деяние страх перед наказанием, которое в обычных случаях считается достаточным для предотвращения преступления. Что касается репрессий, мы достигнем того же результата, если к этим двум чувствам, недостаточным для предотвращения преступления, добавим исполнение грозящего наказания в той мере, которую закон сочтет достаточной для собственной защиты и для подавления желания совершать новые преступления». Но разве закон должен считать достаточным то, что опыт показал недостаточным? Вряд ли это может быть замыслом автора, ибо подобная фикция не может служить никакой полезной цели. Если же установленное законом наказание должно быть действительно достаточным для предотвращения новых преступлений со стороны того же лица, разве из этого не следует логически, что предложенный критерий — единственный, дающий практическое решение?

Если, как предлагает нам Полетти, мы должны принять точку зрения, что феномен преступности есть результат неспособности адаптироваться к правовым отношениям связанных людей, средство от которой следует искать в наказании, то почему мы должны избегать последствий, которые неизбежно влечет за собой такая отправная точка? Почему, когда речь идет о критерии наказания, мы не должны следовать тому, куда ведут эти последствия? Почему, например, отбросив смертную казнь, мы должны свести все наказания к одному виду — тюремному заключению на четко определенный заранее срок? Нам говорят, что у человеческой личности есть права, которые необходимо уважать. Такой ответ совершенно упускает из виду тот факт, что любое наказание неизбежно нарушает некоторые из этих прав. Все эти права ограничены произвольными рамками, представляющими собой компромисс между индивидуализмом и общественной необходимостью. Но слово «индивидуализм» не имеет смысла для криминалистики. Общество не может защитить себя, не посягая на права тех индивидов, которые, совершая преступления, попирают права других. Чего же мы тогда добиваемся, подавляя социальную реакцию? Нас не интересует непосредственно поиск средств, с помощью которых можно причинить больше или меньше страданий: мы лишь просим

признать минимальное соотношение между целью и средствами ее достижения. Все сводится к вопросу об истинной социальной необходимости. Установить это, и установить точно, — вот задача, на решение которой должны быть направлены все наши усилия. Любая попытка найти критерий где-то еще порождает ошибки — ошибки, которые, попадая в законодательство, приводят к катастрофическим последствиям. Поэтому, по моему мнению, старый критерий соразмерности должен уступить место **критерию тождественности**.

Этот критерий был предложен мной в несколько иной форме в одной из моих ранних работ. Такой критерий является лишь логическим дополнением теории о том, что наказание является орудием социальной защиты. Если в нынешней ситуации и есть какой-то элемент странности, то он заключается, конечно, не в провозглашении рассматриваемого критерия, а скорее в том, что сторонники теории социальной защиты никогда не думали его использовать. Ведь когда дело доходит до установления правил, регулирующих применение наказания, они прибегают: одни — к объективной тяжести преступления, измеряемой ущербом или тревогой, другие — к силе, побудившей к преступлению, — в обоих случаях с учетом ограничений, налагаемых теорией моральной ответственности. Никто из них не считает целесообразным рассматривать в различных случаях внутреннюю ценность наказаний в связи с преследуемой целью.

Однако преодолеть предрассудки, связанные с некоторыми словами, непросто. «Достоинство» или «недостаток» человеческих поступков, «справедливость» наград и наказаний — все это, как утверждается, мы хотели бы лишити всякого значения. Но пусть не думают, что мы придерживаемся подобной точки зрения. Это слова, которые всегда будут выражать нечто реальное, слова, которые будут существовать до тех пор, пока человек остается человеком. Но что же является достоинством или недостатком человеческих поступков, как не указание на их зависимость от характера и воли индивида, каков бы ни был процесс формирования характера и происхождения инстинктов и склонностей, составляющих характер, каковы бы ни были причинные связи мотивов, определяющих волю? Существуют определенные моральные качества, проявление которых неизменно рассматривается общественным мнением как заслуга, несмотря на то что они явно зависят от темперамента и, следовательно, не могут быть приписаны свободному выбору индивида. Таковы мужество, стойкость, хладнокровие, самообладание. Разве солдату следует отказать в похвале за его подвиг, потому что мы знаем, что храбрость передается по наследству? Разве мы должны не винить трусливого дезертира, потому что знаем, что он не способен

противостоять порыву страха? Часто говорят, что некоторые люди постоянными усилиями формируют свой характер. Верно, но откуда берется сила воли, которая приводит к этому? Ее истоки можно найти только в природных качествах психического организма. Но что касается философии, какое значение имеет, очевиден ли мотив или остается скрытым во мраке, если мы убеждены, что мотив действительно существует?

То же самое можно сказать и о том, что мы привыкли называть «природными дарованиями». Физические достоинства, такие как сила, красота, изящество, талант, вызывают восхищение, в то время как их противоположности вызывают отвращение. Итак, выражение восхищения неизбежно приводит к увеличению, а выражение отвращения или антипатии — к уменьшению счастья у лиц, являющихся его объектом, хотя эти лица не свободны иметь или не иметь рассматриваемые качества или недостатки. Похвала добродетельным поступкам и осуждение порочных поступков, по сути, представляют собой один и тот же случай. Если эти поступки присущи нам исключительно, то есть если они проистекают из нашего характера, из нашей индивидуальности, — этого достаточно, чтобы окружающий мир даровал нам то увеличение или уменьшение счастья, которым он привык вознаграждать за поступки, явно лишенные моральной заслуги.

Если определяющая сила — не что иное, как Эго, почему мы должны отказываться признать похвалу или порицание определенного поступка? Является ли Эго определяющим?

Это вопрос, заданный общественным мнением, единственное, что оно стремится узнать, чтобы вызвать восхищение или порицание, награду или наказание. Что касается оставшейся части проблемы, а именно причины, по которой Эго является тем, что оно есть, его мало волнует. Для нас, правда, нечестивые, грубые, порочные, преступники не более способны превратиться в честных и добродетельных людей, чем пресмыкающиеся — летать по воздуху. Но сам мир не более, чем преступник, хозяин своего поведения: он не волен выражать или удерживать свою симпатию или отвращение, свою похвалу или порицание, свою награду или наказание. Необходимость с одной стороны противостоит необходимости с другой. «Заслуга» и «незаслуга» всегда связаны с действиями, зависящими от моральных качеств. Сами слова не требуют изменений. Все, что нужно, — это правильное понимание их значения.

Но, как утверждается, причинять страдания тому, кто является всего лишь жертвой собственной порочной природы, — значит наносить ущерб правосудию. Пусть так: если причиняемые страдания

необходимы для сохранения общества, пусть абстрактная справедливость возмущается настолько, насколько это возможно. Весь мир представляет собой постоянное зрелище подобных несправедливостей. Люди страдают из-за умственных и физических недостатков, из-за недостатка энергии и интеллекта, из-за неудачной жизненной ситуации, которую они не в силах изменить. Ребенок с недостатками памяти или внимания никогда не будет получать хороших оценок в школе. Каким бы сильным источником унижения это ни было, он всегда будет оставаться в самом низу своего класса. Для недалекого клерка нет надежды на продвижение по службе; рано или поздно он может ожидать увольнения. Должны ли мы называть это несправедливостью? Разве сам закон не является несправедливым, когда он обрекает детей на нищету из-за долгов отца? Несправедлива ли элегантность, когда она заполняет катки нищетой? Говорим ли мы о несправедливости, когда публика освистывает со сцены тенора, который не умеет петь? — когда толпа освистывает некомпетентного генерала?

Жизнь никогда не бывает свободной от мучительных ситуаций. С одной стороны — затворник, с другой — Дон Жуан. Улыбки некоторых женщин жадно добиваются; их сестры никогда не привлекали даже мимолетного взгляда самых жалких мужчин. Мы видим мужчин, полных здоровья и энергии, и других, несущих бремя неизлечимых недугов. Сильный мужчина властвует: слабый подчиняется. Почему так должно быть? Почему все мужчины не должны быть одинаково сильными, красивыми, богатыми, привлекательными и счастливыми? Почему, по крайней мере, не сподобляется всем возможности наслаждаться нашими немногими годами земного существования? Почему природа, столь щедрая к ближнему, так скупа со мной?

Но в творении нет такой справедливости. В одном климате человек замерзает, в другом — сгорает. Есть планеты, окруженные сверкающими кольцами, другие, залитые светом и жаром, третьи, засушливые и пустынные. Не найти даже двух совершенно одинаковых листьев. Природа ненавидит равенство. Как же тогда мы можем надеяться на равенство в человеческом обществе?

Раз мир не знает такого понятия, как равенство, неизбежно найдутся люди, которые счастливы, и другие, которые несчастливы, — ни один из них не несет ответственности за свою судьбу. И такая несправедливость неизбежна. Человеческая справедливость не может имитировать справедливость природы, исключая неподходящих. Но подобно тому, как уход, получаемый больничным пациентом, измеряется совершенно иными мерками, нежели степень вероятности, существующей на момент заражения болезнью, чтобы он мог

избежать ее причин, так и подавление не может измеряться степенью вероятности, существующей на момент преступного деяния, чтобы преступник мог избежать причин своего преступления.

Если это и вредит правосудию, то, конечно, существующая система уголовного права не предлагает ничего лучшего. Безнаказанность — это непреодолимые порывы, она не признает среди причин безответственности ни врожденную дегенерацию, ни детскую порочность, которая душит всякое добродетельное чувство, искореняет всякий добрый инстинкт и уничтожает возможность раскаяния. Ее рука настигает праздность независимо от того, является ли она добровольной или невольной. Она налагает один и тот же штраф как на богатого человека, для которого сумма — пустяк, так и на бедняка, чье небольшое состояние, накопленное долгими годами труда, поглощается уплатой. Она заключает в одну и ту же тюрьму и того, для кого тюремное заключение — невообразимые мучения, и бродягу, которому она предоставляет удобное жилище и приятное общество. Она хоронит в одной и той же тюрьме и человека, совершившего преступление исключительно ради еды и крова, и человека, оказавшегося заживо в могиле. И это называется правосудием! Разве такое правосудие не в тысячу раз дальше от идеала, чем то, которое следовало бы из нашей системы? Ведь вместо того, чтобы требовать от судьи взвешивать то, что для него неизвестная величина — сопротивляемость преступному импульсу, мы хотели бы, чтобы он оценивал на основе экспериментальных данных вероятность будущей опасности. Вместо того чтобы отстаивать назначение бесполезного наказания, пропорционального гипотетической и неопределимой величине, представляющей собой свободную волю преступника, мы предлагаем ему адаптировать к данному случаю необходимые превентивные меры, строго соблюдая рамки общественной необходимости. При таком методе преступник понесет заслуженное наказание не сомнительными способностями своего ума, а всем тем, что составляет его личность, а именно его психикой, его инстинктами и его характером. Цель состоит не в том, чтобы поразить несчастье, а в том, чтобы уберечь общество от новых несчастий, наступление которых уже предвещается. Человеческое чувство сострадания вмешивается, чтобы сохранить жизнь преступникам, чья смерть не нужна, для которых еще есть надежда на адаптацию к общественной жизни. Но в случае с другими — теми, кто в силу своей нравственной чудовищности никогда не сможет быть ничем иным, как врагами общества, — это чувство молчит; никто не станет оплакивать их смерть.

Настоящий ущерб правосудию наносится, когда для предотвращения преступлений других людей казнят преступника, чья полная

порочность не была доказана. Наказание, применяемое ради примера, весьма вероятно, будет несправедливым, как это видно во времена войны, революции или при деспотических правительствах, будь то наказание отдельного человека или толпы. Но наказание не может быть иным, кроме как справедливым, когда оно имеет единственную цель — разоружить врага общества, когда оно является исключительно средством прямого и специального предотвращения, когда оно приспособлено к личности преступника. Оно, без сомнения, будет образцовым, но лишь естественным следствием, которое никоим образом не должно влиять на его определение. Такова истинная справедливость — справедливость, которой смягчается максима: никто не должен страдать больше или меньше, чем того заслуживает его индивидуальность. Только благодаря этому правилу мы можем исключить возможность преувеличений, будь то индивидуализм или утилитаризм.

VIII. ПОКУШЕНИЕ НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Дополнением к доктринам ответственности и соразмерности наказания в действующем уголовном праве служат некоторые менее существенные теории, которые теперь необходимо рассмотреть. Первой и наиболее важной из них является теория покушения на преступление («предварительная») — теория, которая лишь с большим трудом согласуется с принципами классической школы.

Объективные доктрины покушения

В Германии и Италии существует объективная доктрина покушения, согласно которой покушение наказывается только тогда, когда намерение было частично осуществлено. Следовательно, с этой точки зрения покушение — это лишь фрагмент преступления, которое должно было быть совершено.

Существует также более поздняя доктрина, которая определяет покушение как «действие, направленное на достижение предполагаемого результата и имеющее материальный характер преступления». Во Франции и Италии требуется, чтобы преступный умысел проявлялся в действиях, направленных на его достижение, которые по своей сути способны привести к преступлению. Это, следовательно, освобождает от наказания случаи покушения, при которых исполнитель ошибочно применил средства, недостаточные или неподходящие для достижения желаемого результата. Более того, проводится различие между абсолютной недостаточностью и относительной недостаточностью средств. Признается, что покушение

имеет место, когда средства в целом оказались бы достаточными, хотя в конкретном случае они оказались недостаточными (Каррара). Далее делается вывод о том, что когда исполнитель, хотя и выбрал средства, которые могли бы оказаться эффективными, но в силу обстоятельств, о которых он не знает, фактически применяет другие средства, которые оказались недостаточными, такой случай не является наказуемым покушением. Таким образом, если А, полагая, что он целится из заряженного ружья в Х, нажимает на курок с намерением убить Х, его деяние не наказуемо, если выяснится, что оружие не было заряжено. То же самое было бы верно, если бы без ведома А механизм орудия был настолько неисправен, что препятствовал его выстрелу.

Эти взгляды соответствуют принципу, согласно которому покушение является частичным осуществлением намерения или, как это можно выразить иначе, существенной частью факта, составляющего преступление. Утверждается, что закон не может принимать во внимание действия, не имеющие имманентной вредоносности. Не имеет значения, является ли исполнитель безнравственным или даже опасным: следует обращать внимание на то, была ли опасность присуща самому деянию. Преступление не может существовать без деяния.

Истинная теория покушения

Истинное правило, по нашему мнению, должно быть прямо противоположным. В этом отношении расхождение между нашей системой и системой юристов не может быть более явным. Точка зрения на преступное покушение, которую мы считаем правильной, близко подходит к так называемой субъективной теории, отстаиваемой многими немецкими авторами, в частности, Герцем, Шварце, фон Бури и фон Листом. Согласно учению римского права, только намерение имеет значение при определении покушения: материальный факт не имеет значения. Когда ущерб не причинен, наносить удар можно только по воле. То, что эта воля использовала средства, не имевшие никакой вероятности успеха, не имеет большого значения. Более того, невозможно одновременно оценить и волю, и факт, ибо они соединяются только при совершении действия. В попытке они отделены, и объективная величина, то есть совершенная часть факта, не может ничего для нас значить, пока замысел не осуществлен. Факт не имеет никакого отношения к делу, кроме как выражение воли действующего лица. Однако само обстоятельство, что предполагаемый результат не был достигнут, всегда указывает на невозможность, как конкретную, так и относительную. Бессмысленно выяснять, были ли бы средства, которые действующее лицо считало достаточными, тако-

выми расценены другими. Скажем, человек, идущий к определенной точке, обнаруживает, что дальнейшее продвижение невозможно из-за обрушения моста. С момента, как он начал движение, и до достижения этой точки все его действия были бесполезны. И все же, насколько ему было известно, насколько любому, кто не был осведомлен о происшествии, эти действия были кратчайшим путем к достижению его цели.

Эта завершенная часть замысла совершенно лишена объективной ценности. «Возьмем, к примеру, путника, который, мучимый жаждой, оказался посреди непроходимой пустыни. Внезапно он замечает вдали невысокий холм, увенчанный зеленью и усеянный человеческими жилищами. Если, несмотря на все усилия, его физические силы не позволят ему преодолеть больше половины пути до этого безопасного места, он неизбежно погибнет, если только кто-нибудь не придет ему на помощь. Преодоление половины расстояния, отделяющего его от оазиса, не утолило бы и половины его жажды».

Более того, нет ни одного человеческого действия, которое было бы абсолютно не способно привести к заданному результату, и, с другой стороны, ни одного, которое обязательно приведет к этому результату. «Действие никогда не может быть причиной не осуществившегося результата. Тот факт, что средства, использованные действующим лицом, не привели к желаемому результату, сам по себе свидетельствует о недостаточности средств для достижения замысла. Можно сказать, вообще говоря, что не существует средств, абсолютно недостаточных при любых обстоятельствах, так же, как и не существует средств абсолютно достаточных... Всякое невыполнение замысла происходит по вине действующего лица, которое не предвидело обстоятельств, помешавших его достижению. Чего же мы тогда добиваемся, пытаясь дифференцировать обстоятельства, повлиявшие на обман действующего лица? Зачем, например, выяснять, существовало ли препятствие с самого начала, возникло ли оно в ходе действия, ошиблось ли действующее лицо в оценке своих сил и способностей, не удосужилось ли оно оценить вид и количество использованных им средств или не выбрало ли оно наиболее подходящее орудие или не применило его наиболее эффективным образом?»

Эта субъективная теория покушения, однако, отвергается юристами Франции и Италии и даже в Германии встречает жесточенное сопротивление. Но, как уже отмечалось, это единственная теория, имеющая хоть какие-то точки соприкосновения с нашей.

Как только наказание измеряется извращенностью преступника, вопрос о покушении недостаточным образом полностью исчезает. Если покушение, как и совершенное преступление, достаточно для

раскрытия преступности исполнителя, то между ними не может быть никакой разницы. Независимо от достаточности или недостаточности средств, необходимо, во-первых, установить, была ли преступная воля проявлена недвусмысленным образом, и, во-вторых, определить, представляет ли эта преступная воля опасность. Вторая ветвь исследования необходима, поскольку извращенность, не поддающаяся воплощению в действие, не требует репрессий со стороны общества.

В этом последнем отношении подразумевается уточнение субъективной теории. Ибо здесь, в некоторых случаях, исследование использованных средств не обойдется без ее применения. Выбор средств может служить для демонстрации ума или глупости действующего лица. Так может быть, когда А думает отравить X сахаром или поваренной солью, или застрелить его из ружья, о заряженности которого он, А, знает, что оно не заряжено, или же выстрелить с совершенно невозможного расстояния. В этих случаях преступления не было бы не из-за недостаточности средств, а из-за некомпетентности («неспособности»; «непригодности») агента, которую эта некомпетентность устанавливает. Преступные желания агента — не более чем мошенничество. Фактически он безвреден. В таком случае, следовательно, уголовное преследование было бы необоснованным.

Точно так же дело обстоит иначе, если ружье, которым А пытается лишить жизни X, было заряжено самим А, но без его ведома было разряжено другим; или же если вместо невозможного расстояния расстояние, с которого он выстрелил в X, оказалось лишь немного больше дальности любого вида огнестрельного оружия. Ошибка деятеля не делает его менее преступником, поскольку никоим образом не доказывает его некомпетентность. Само по себе деяние, как мы можем признать, не представляет опасности. Но это не мешает ему самому раскрывать опасность. Аналогичная ситуация возникает, когда средства таковы, что их недостаточность не могла быть выявлена без специального исследования, как, например, ошибка в качестве или дозе яда. Ошибка такого характера никоим образом не доказывает некомпетентность деятеля. Факт неверного расчета не может сделать отравителя безвредным.

В отношении малолетних преступников несколько сложнее прийти к правилу, которое подходило бы для всех случаев. Часто незнание ребенком самых обычных вещей недостаточно для доказательства его безвредности. Он может быть прирожденным преступником, и все же его неловкость могла бы быть настолько велика, что, будь он старше, это послужило бы основанием для признания его безвредным. Все, что нам нужно знать, — это обладает ли он прони-

пательностью и решимостью. Если это так, то этого достаточно, чтобы убедить нас в том, что, перерастая свое невежество, он станет объектом опасности. Несмотря на различия, возникающие из-за различий в фактах конкретных случаев, любую трудность можно преодолеть с помощью этого общего правила: «Некомпетентность со стороны действующего лица должна определяться не только рассмотрением использованных средств, но и фактом, взятым в целом». Ведь выбор средств важен лишь тогда, когда он доказывает безвредность действующего лица. Это величина, не имеющая абсолютного значения. Применение недостаточных средств может быть вполне совместимо с разумной и настойчивой волей.

Вопрос о наказании за покушение

Определив таким образом случаи, когда покушение наказуемо, мы можем теперь перейти к рассмотрению меры наказания. Криминалисты прошлого, как нам известно, выделили для нас несколько стадий. Они различали действия, которые были лишь подготовкой, и собственно покушение. В последнее время к ним добавилось неудавшееся преступление. Первые два наказуемы, как правило, а последние два — только в особых случаях. И все же почти все современные уголовные кодексы сходятся в том, что покушение и неудавшееся преступление наказываются гораздо менее сурово, чем само преступление. Французский кодекс, пожалуй, единственный, который рассматривает каждое покушение на преступление как само преступление. Однако это положение подвергается резкой критике со стороны теоретиков права, и на практике его постоянно обходят, прибегая к смягчающим обстоятельствам как к средству смягчения наказания. Предполагается, что суровость наказания должна варьироваться в зависимости от степени поспешности в реализации замысла. Соответственно, итальянский кодекс, строго логичный в этом отношении, предусматривает гораздо более суровое наказание за неудавшееся преступление, чем за простое покушение.

Причина данной градации заключается в том, что в случае покушения, поскольку исполнитель не достиг конца «*iter criminis*», существует вероятность, что он мог воздержаться от совершения преступления до его завершения. Но это не поддается определению, поскольку действующее лицо было остановлено на полпути возникшим препятствием. В случае неудавшегося преступления еще труднее обосновать смягчение наказания. Ведь здесь нет места сомнениям в решимости цели, поскольку действующее лицо сделало все необходимое для осуществления своего замысла.

«Однако, — поясняет Росси, — невозможно игнорировать ни естественное для человеческого разума различие между возместимым и непоправимым вредом, ни тенденцию судить о важности человеческих действий по их результату». Это, на наш взгляд, соображение не имеет никакого значения. Различная значимость, придаваемая успеху или неудаче проекта, зависит исключительно от ощущения боли в одном случае или облегчения в другом. Когда совершается преступление, мы сочувственно разделяем страдания нашего ближнего, ставшего его жертвой. С другой стороны, когда преступление не удалось совершить, облегчение сменяет тревогу в сознании лица, на которое направлена агрессия, и мы разделяем это чувство. Если мы оцениваем важность факта исходя из опасности совершившего его, вопрос о том, было ли преступление совершено или ему помешали какие-либо обстоятельства, становится актуальным лишь в одном случае, а именно когда это обстоятельство легко могло быть предвидено совершившим его. Не предвидя его, совершивший его по этой причине перестает быть настоящим преступником и объектом опасности. Ничего другого, по нашему мнению, рассматривать не нужно. Различие между различными стадиями совершения деяния, поскольку его пытаются использовать в качестве стандарта для определения меры наказания, представляется совершенно бесполезным. Я также не могу считать приемлемой критику, которую Тард выдвигает в отношении другого аспекта ситуации. Он не озабочен, как он предполагает, «мелочной логикой» юристов и полагает, что даже неисполненное покушение или намек, раскрывающий преступную склонность, представляет опасность для общества. Но далее он утверждает, что опасность увеличивается вдвое, если преступление фактически совершено, поскольку к зарождающейся преступной привычке присоединяется зарождающийся преступный пример, и оба они подлежат репрессиям.

Я не могу понять, как кража, сопровождающаяся неудавшимся убийством, может послужить обескураживающим примером для преступников, если преступнику действительно удалось достичь своей цели, а именно ограбить свою жертву.

Жертва, скажем, выжила после ранений или спаслась благодаря чистой случайности. Как любой из этих фактов может ослабить силу преступного примера? Можно предположить, что это облегчает обнаружение и идентификацию нападавшего. Но это обстоятельство не окажет никакого сдерживающего воздействия на других злодеев. Оно лишь научит их, что их безопасность заключается в более эффективном нанесении ударов и обеспечении смерти жертв. Таков неизменный результат в подобных случаях. Метод, который ис-

пользовался до сих пор, всегда будет отброшен, как только они узнают о лучшем. Опыт преступника, попавшего в руки полиции, не ускользнул от внимания подмастерьев криминального мира, сидящих на скамьях для зрителей в суде присяжных. Вместо того чтобы отказаться от своего ремесла, они решили извлечь выгоду из ошибок своего предшественника. Тард, однако, признает, что его различие «не раскрывает истинной причины, по которой судьям и присяжным трудно понять тождество, на котором настаивал Гарофало и которое закреплено во многих уголовных кодексах, между совершенным преступлением и покушением на то же преступление, сорванным по неосторожности». Истинная причина, по мнению Тарда, весьма близка к той, которую указал Росси, а именно «бессознательное, общее всем, чувство первостепенной важности, которое следует придавать случайному и непредвиденному». Мы привыкли «признавать, что ничто так законно не принадлежит человеку, как его удача или неудача. Когда человека, пытавшегося взорвать поезд, привлекают к суду, каждый испытывает мысль о том, что ему, как и его предполагаемым жертвам, повезло, что фитиль погас прежде, чем искры достигли взрывчатки».

Мы не должны основывать систему репрессий, ориентированную на социальную защиту, на неоправданном, абсурдном и иррациональном чувстве. «Присяжные, — говорят нам, — всегда проявят снисходительность к виновнику неудачной попытки совершить убийство или кражу». Однако из этого не следует, что закон должен подчиняться этой иррациональной тенденции. Необходима замена рационального суждения вердиктом присяжных. Пусть судьи будут обладать необходимой квалификацией для определения факта порочности преступника — для определения того, является ли он постоянным источником опасности; пусть их решения будут логикой и последовательностью; пусть они назначат такое наказание, которое будет адекватным не только для успокоения общественного беспокойства, но и для реального предотвращения угрозы. Тогда мы увидим, какое снисхождение будет проявлено к преступнику, чья попытка убийства или кражи была предотвращена случайностью.

Поэтому наш вывод не может быть иным, кроме как следующим: покушение на преступление должно рассматриваться как само преступление, если та же опасность исходит от исполнителя. Всегда можно будет установить, является ли исполнитель действительно преступником или, несмотря на демонстрацию им преступного умысла, факт его некомпетентности следует считать установленным. В случае неудавшегося преступления расследование будет направлено исключительно на выяснение того, не обнаруживает ли способ, которым он приступил к исполнению своего замысла, полной беспо-

мощности в причинении вреда, и это, как уже объяснялось, независимо от внутренней достаточности принятых средств. В случае собственно покушения (предварительного) необходимо дополнительно выяснить, не является ли очевидным, что при отсутствии непредвиденных обстоятельств исполнитель добровольно отказался бы от совершения окончательного действия. Наказание, вместо того чтобы смягчаться в каждом таком случае, должно быть назначено в размере, требуемом оконченным преступлением, или же полностью отменено в зависимости от того, сочтет ли судья, что уголовное решение было или не было окончательным. Даже действия, которые являются всего лишь подготовкой, иногда могут служить основанием для подобного определения. Почему же тогда такие действия не следует рассматривать в свете истинного покушения? Какое значение может иметь то, что один или несколько этапов еще предстоит пройти, если мы убеждены, что исполнитель, если бы ему не мешали, продолжал бы действовать до конца? К тому же многие классические юристы признавали, что действия по подготовке могут стать наказуемыми как истинные покушения.

Когда речь идет о деянии, которое является всего лишь подготовкой, необходимо рассмотреть два момента: во-первых, не было ли целью деятеля что-либо иное, кроме совершения преступления, или же факт его преступного решения не вызывает сомнений; и, во-вторых, если нет сомнений в том, что деяние было направлено на преступную цель, убедительно ли доказано, что деятель продолжал бы совершать преступления до их завершения. В случае истинного покушения второе исследование является единственным необходимым.

Но могут спросить: как нам достичь необходимой степени определенности в наших выводах? Как бы ни было сложно сформулировать какие-либо общие правила, частный случай не вызовет больших трудностей. Предположим, например, что около двери хорошо обставленного жилища, расположенного на некотором расстоянии от других, были пойманы два профессиональных взломщика, прячущихся с инструментами взломщика. Могут ли здесь возникнуть какие-либо разумные сомнения в преступном умысле? Если здравый смысл называет это попыткой совершить кражу со взломом, почему закон должен применять к этому какое-то другое название? Если речь идет о профессиональном преступнике и действиях, необходимом для конкретного вида преступлений, который составляет его специализацию, не может быть никаких сомнений относительно намерения. Конечно, это гипотеза, но ни в одной области науки принцип не считается бесполезным только потому, что гипотеза лежит в его основе. Мы не имеем права отвергать принцип, пока не будет показано, что

сама гипотеза полностью несостоятельна или, по крайней мере, игнорирует противоположную вероятность, достаточно важную, чтобы ее принять во внимание.

В действиях, которые являются просто подготовкой, уголовное решение, как правило, трудно доказать. Следовательно, в этом случае, как и в любом случае «*sonatus remotus*», возникает необходимость подвергнуть агента допросу. Если, исходя из этого, мы обнаружим в нем инстинктивного преступника, полностью лишённого альтруистических чувств, или являющегося жертвой алчных желаний или необузданной страсти, или движимого такой степенью похоти, которая делает его совершенно нечувствительным ни к наказанию, ни к общественному мнению, то мы можем быть уверены, насколько это вообще возможно для человека, что он не отказался бы от своей цели добровольно: опасность здесь столь же велика, как и в случае, если бы преступление было совершено. Проводить какое-либо различие между этими двумя случаями в отношении репрессивных мер было бы невозможно. Если же, с другой стороны, наше исследование выявит, что действующее лицо находилось под влиянием проходящего, которое, по всей вероятности, никогда больше не повторится, что, несмотря на свою низкую нравственность, оно не полностью лишено нравственного чувства, то можно допустить возможность того, что на каком-то промежуточном этапе его преступного предприятия сопротивление его добрых инстинктов или страх разоблачения и наказания заставили бы его отказаться от него по собственной воле. По этой причине опасность, хотя и возможная, маловероятна, а сама возможность не дает обществу права нанести удар.

Рассматривая покушение недостаточным образом как всегда безнаказанное, существующее право нерационально; наказывая покушение с меньшей суровостью, чем совершенное преступление, оно абсурдно; никогда не наказывая действия по подготовке и всегда наказывая само покушение, оно несправедливо. Эти результаты представляют собой ложный прогресс — прогресс, наносящий ущерб социальной защите. Позитивистская доктрина, которая в данном случае гораздо ближе к римскому праву, чем доктрина современных юристов, приходит к совершенно иным выводам. В ней говорится, что покушение наказуемо, несмотря на недостаточность средств, при условии, что выбор средств не устанавливает факта некомпетентности исполнителя; что в некоторых случаях действия по подготовке могут рассматриваться как действительное покушение («пробное»); что преступление, сорванное случайно, должно быть наказано так, как если бы преступник достиг своей цели; и что более отдаленное покушение должно в одних случаях наказываться так же, как и само преступление, в других — вообще не наказываться.

IX. УЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Следующая теория, которую следует рассмотреть, — это теория участия в преступлении («соучастие»). Нельзя отрицать, что в этом отношении существенным шагом вперед является принцип, согласно которому личные обстоятельства не должны вменяться соучастнику, в то время как материальные обстоятельства должны вменяться соучастнику лишь в той мере, в какой соучастнику известно о них.

Мы не можем понять, почему к исполнителю и соучастнику преступления должно применяться одно и то же наказание, если их нельзя отнести к одному классу преступников. Человек, который, желая отомстить за чудовищные страдания, причиненные его семье другим человеком, нанимает головореза для убийства преступника, — это совершенно иной тип преступника, чем наемный убийца, который фактически совершает это преступление. Почему же оба должны получить одинаковое наказание? Почему же, опять же, к профессиональному вору должно применяться одинаковое обращение с новичком, которого он склонил к участию в преступном деянии?

Еще один принцип юридической школы, который мы считаем совершенно несостоятельным, заключается в следующем: если, например, А нанимает Х для совершения преступления, а Х добровольно отказывается от него, А освобождается от наказания, несмотря на то, что Х принял предложение. «Ибо, — говорит Росси, — никакой процесс рассуждения не может установить существование чего-либо еще не начавшегося, и было бы несправедливо и нерационально признавать человека виновным в преступлении, которое никогда не существовало». Тем не менее тот же автор признает, что сам по себе факт использования другого лица для совершения преступления может в определенных случаях рассматриваться как особое правонарушение и наказываться соответствующим образом.

И снова: кража совершается с применением насилия. Факт насилия является отягчающим обстоятельством, и, поскольку он присущ самому преступлению, — материальным или объективным обстоятельством. Следует ли в таком случае, чтобы соучастник, не участвовавший в применении насилия, был затронут этим материальным отягчающим обстоятельством и наказан за отягчающее, а не простое воровство? Согласно принципу, упомянутому в тексте, соучастник в первом случае был бы виновен лишь в простом воровстве, поскольку отягчающее обстоятельство, будучи личным для слуги, не могло быть вменено соучастнику. Во втором случае соучастник будет виновен в тяжком преступлении, только если он сознательно допустил насилие.

Оправдывающие и смягчающие обстоятельства допускают аналогичное разделение. В данном случае вопрос заключается в том, будет ли данное оправдательное или смягчающее обстоятельство, явно существующее в пользу одного из участников, служить на благо его соучастника.

По моему мнению, истинное решение проблемы заключается в применении тех же принципов, которые мы использовали бы в случае покушения с недостаточными средствами. Субъект, который ослабляет и воздерживается, как раз и представляет собой недостаточные средства. В таком случае необходимо выяснить, имел ли преступник достаточные основания полагать, что его агент окажется эффективным инструментом для совершения преступления. Предположим, что в одном из тех несчастных регионов, где все еще существует ремесло наемных убийц, человек нанял известного члена этой гильдии для совершения убийства. Задача легкая, риск практически нулевой. Если сделка заключена и деньги уплачены, разве не следует признать, что наниматель ничего не упустил? Что касается его преступности, какое значение имеет провал покушения или даже то, что исполнитель не предпринял никаких шагов для совершения преступления? Можно ли поставить мою невиновность или виновность в зависимости от действия или бездействия другого? Мне ничего не остается сделать, чтобы преступление стало возможным, и все же то, что я сделал, может быть либо все, либо ничего в зависимости от решения другого, без моего ведома! Такой результат показывает, как взгляды идеалистов действительно привели к материализации уголовного права. Разительным контрастом является утилитаризм позитивной школы, которая, направляя внимание законодателя на преступника, а не на преступление и тем самым придавая большее значение элементу намерения, способствует возвышению и достоинству этой науки.

Х. МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Еще один момент, заслуживающий внимания в данной связи, — это множественность правонарушений, совершенных одним и тем же лицом. Эту ситуацию следует отличать от рецидивизма, поскольку, в отличие от последнего, она не рассматривается как покушение на преступление (ст. 90). Уголовный кодекс Германской империи, Итальянский кодекс 1889 года и другие умалчивают об этом.

Согласно господствующей доктрине, тот факт, что преступник был предупрежден одной или несколькими предыдущими судимостями и, несмотря на это, продолжал нарушать закон, делает его вину в случае рецидивизма более тяжкой, чем в данном случае. По-

сколько общество не смогло найти необходимые средства пресечения, оно приписывает вину преступнику: это подобно тому, как если бы врач считал своего пациента ответственным за вредное воздействие неправильно назначенного лекарства. С другой стороны, в случаях рецидива без судимости та же школа выступает за снисходительность к правонарушителю, утверждая не без некоторого подсознательного юмора, что, поскольку он не был предупрежден о предыдущем наказании, его повторные нарушения закона менее тяжки.

Такой критерий мог бы быть полезен для регулирования дисциплины в начальной школе, но в сфере естественной преступности он представляет собой просто фарс.

Согласно той же теории, которая принята в большинстве кодексов, судья в случае рецидива без рецидива не имеет полномочий изменять характер наказания. Сколько бы мошенничеств ни совершил преступник до него, судья может назначить лишь ограниченное количество исправительных наказаний, не выходя за рамки, установленные законом для одного преступления. Преступнику, совершившему три или четыре убийства, он не имеет права вынести приговор к пожизненному заключению, если ни одно из рассматриваемых преступлений не карается более чем одним годом лишения свободы. Короче говоря, Закон обязывает его обращаться с рецидивистом ни в коем случае не иначе, чем с тем, кто совершил преступление впервые. Это яркий комментарий к мудрости доктрины.

Вряд ли необходимо здесь указывать на совершенно иные выводы, к которым приведет наша система. Мы полагаем, что человек, совершивший несколько непреднамеренных убийств, в некоторых случаях может быть еще более извращенным, еще более опасным, чем исполнитель одного преднамеренного убийства. Поэтому мы не понимаем, почему первый всегда должен быть наказан более мягко, чем второй. По нашему мнению, также вполне возможно объявить профессионального мошенника рецидивистом, несмотря на то что он никогда ранее не был судим. Почему же тогда так много внимания уделяется факту судимости, если доказано, что мы имеем дело с рецидивистом или неисправимым преступником? Единственная причина — это предубеждение, которое существует в пользу предполагаемого исправительного эффекта наказания.

XI. РЕЦИДИВИЗМ

Еще более поразительным является то обстоятельство, что некоторые авторы строго юридической школы начали нападать на особые наказания рецидивистов или, по крайней мере, утверждать, что факт

рецидивизма не должен влиять на вид назначаемого наказания. Они обычно говорят: «Факт рецидивизма не дает законодателю права заменять уголовное наказание исправительным наказанием или назначать пожизненное заключение вместо тюремного заключения на срок лет, тем более санкционировать смертную казнь, ибо этот факт никоим образом не может изменить природу наказуемого деяния». Порядок рассуждений всегда один и тот же — всегда непримиримый с нашим. Нас интересует не то, меняет ли рецидивизм природу деяния, а то, требует ли он перевода агента из одного класса преступников в другой. Простой здравый смысл подсказывал людям это в прошлые века, еще до того, как юридические теоретики преувеличили важность объективной стороны преступления.

Но реформаторы идут еще дальше. Они не только выступают против изменения характера наказания, но и настаивают на том, что ужесточение наказания допустимо только в случае особого рецидивизма, то есть когда второе преступление идентично по своему характеру первому. Эта теория получила распространение в Германии, где уголовный кодекс совершенно не рассматривает вопрос рецидивизма, за исключением случаев повторных преступлений против собственности. Она практически возобладала в итальянском кодексе 1889 года, где не предусмотрено никаких мер строгости для рецидивиста, за исключением случаев, когда его новое преступление соответствует его предыдущему.

Напротив, с нашей точки зрения, тот факт, что человек, совершивший кражу, впоследствии совершает убийство, служит убедительным доказательством того, что он не испытывает чувства жалости, равно как и чувства честности, или, другими словами, что он лишен всех основных альтруистических инстинктов. Следовательно, он совершенно лишен общительности и, следовательно, должен быть полностью устранен. Однако это не отрицает того, что существуют случаи, когда рецидив в другом виде преступления мало что доказывает или вовсе ничего не доказывает. Но существование таких случаев лишь доказывает невозможность какого-либо «априорного» установления правил и необходимость признания множества различий. Рецидивизм, особый или общий, для нас — лишь один из элементов, определяющих классификацию преступников, но при этом один из самых важных и полезных.

В предлагаемой нами системе немыслимо, чтобы наказание, применяемое к рецидивисту, было того же характера, что и наказание, назначенное первому преступнику. Ведь сам факт совершения нового преступления — лучшее доказательство того, что средства, использо-

ванные в первом случае, не достигли своей цели. До определенного момента я легко понимаю целесообразность повторного эксперимента, который существенно увеличивает количество рецидивистов, совершивших преступление, наказуемое пожизненными каторжными работами.

Но что мы скажем о враче, который после второй неудачи упорно цепляется за свой первоначальный метод, не пробуя никаких других терапевтических мер, рекомендованных медицинской наукой для данного случая?

Наконец, юристы утверждают, что юридический рецидивизм имеет место только тогда, когда второе правонарушение совершается в течение фиксированного периода времени после первого осуждения — например, через пять или десять лет, в зависимости от того, является ли правонарушение тяжким преступлением или проступком. Ибо, как уже было сказано, факт хорошего поведения в течение многих лет свидетельствует об эффективности репрессий. Мы имеем здесь одну из таких юридических фикций, которые всегда были предметом прискорбных злоупотреблений. Предполагается, что преступления, которые были раскрыты, виновные в которых предстали перед судом и были осуждены, являются единственными совершенными правонарушениями, тогда как на самом деле они представляют собой лишь малую часть целого числа. Возьмем, к примеру, мошенника, у которого уже есть одна судимость, но который, тем не менее, не может быть юридически признан рецидивистом, поскольку с момента совершения преступления прошло пять лет. Кто может сказать нам, сколько преступлений мошенничества действительно можно предъявить этому человеку?

Но предположим, что мы поверим этой фикции. Предположим, что поведение преступника на самом деле было хорошим в течение пяти или десяти лет. Если же после такого перерыва тот же человек снова совершит преступление того же рода, разве этот факт не служит убедительным указанием на прочно укоренившиеся преступные инстинкты, которые, возможно, редко проявляются, но все же ждут лишь благоприятного случая, чтобы выйти наружу? Дурная склонность внезапно появляется снова, когда все думают, что она исчезла навсегда. Должны ли мы тогда воздать признательность преступнику за то, что он воздерживался от преступлений в течение этих лет? Должны ли мы в качестве компенсации за это «благодеяние» игнорировать существование элемента преступности, обнаруженного в его предыдущей жизни, в своей классификации и определении наиболее необходимых в его случае репрессивных мер?

В нашей системе факт рецидивизма — слишком важный вопрос, чтобы его ни при каких обстоятельствах не упускать из виду. Иногда он служит одним из самых верных признаков инстинктивного и неисправимого преступника. Но если мы хотим оценить его по достоинству, как будет показано в последней главе этой книги, то не следует рассматривать его как изолированный факт: поскольку его значение во многом зависит от вида преступления, его следует изучать в связи с различными классами преступников.

Следует воздать должное французскому правительству за его здравый смысл, позволивший ему отбросить юридические софизмы и принять энергичные меры по пресечению рецидивизма. Еще в 1854 году был принят закон, согласно которому преступники, приговоренные к каторжным работам на срок от восьми лет и более, по истечении срока заключения должны были пожизненно проживать в колонии Новая Каледония. Это, как и следовало ожидать, привело к заметному снижению рецидивизма. Среднегодовое число случаев, составлявшее 1200 в 1851–1855 годах, снизилось до 864 в 1861–1865 годах. В 1871 году из 1710 обвиняемых только 80 имели судимость. Но движение на этом не остановилось. В 1885 году был принят закон, согласно которому пожизненное заключение в колониальные владения было наказанием для рецидивистов, виновных даже в менее тяжких преступлениях, если число предыдущих судимостей превышало фиксированный минимум, варьирующийся в зависимости от вида преступления. Аналогичные предложения выдвигались в Германии после приобретения ею африканских колоний.

В других странах благодаря всемогущему влиянию теоретиков права ход событий, к сожалению, меняется. Написаны тома, доказывающие, что в моральном отношении рецидивист не более ответственен, чем тот, кто совершил преступление впервые, что, без сомнения, верно. И из этой предпосылки вытекает совершенно необоснованный вывод о том, что первое не должно наказываться строже второго.

И это не просто безобидное времяпрепровождение какого-то тайного логика, который отвлекается на вывод следствий из своих принципов. Мы сталкиваемся здесь с тревожным фактом, что законодательные органы, в составе которых преобладает юридический элемент, не колеблясь переводят эти же ошибочные выводы в положения закона, следствием чего могут быть только поощрение врагов общества и воодушевление их в их беспощадной войне.

ХИ. СМЯГЧАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Кстати, стоит сказать несколько слов о смягчающих обстоятельствах. Принцип, о котором здесь идет речь, вошел в законодательство в связи с доктриной моральной ответственности. Логическим следствием этого принципа является то, что наказуемость деяния уменьшается обратно пропорционально силе и непреодолимости преступного побуждения. Таким образом, сводя на нет истинную цель репрессий, он служит дополнительным доказательством полной несовместимости доктрины моральной ответственности с социальной защитой.

Замените это соображение на соображение о порочности преступника, и станет очевидно, что многие обстоятельства, обычно считающиеся смягчающими, становятся совершенно безразличными или же требуют иной формы пресечения, чем та, которая была бы предусмотрена при их отсутствии, но никак не регулируемой словами «мягкость» и «суровость». Эти слова действительно неизбежно исчезнут из словаря криминалиста, поскольку понятия, которые они несут, не имеют никакого отношения к объекту наказания.

Смягчающие обстоятельства — это практика применения исправительного наказания к преступлениям, которые на самом деле являются тяжкими преступлениями. Например, кража, отягченная взломом и проникновением, может утратить характер тяжкого преступления и стать проступком, если суд решит признать незначительную стоимость украденных вещей смягчающим обстоятельством. Тот факт, что имущество было возвращено, часто рассматривается как смягчающее обстоятельство. Возраст преступника также нередко служит оправданием для применения данной практики к особо тяжким преступлениям. Таким образом, различие между тяжкими преступлениями и проступками теряет всякий смысл. Такое различие оправдано лишь до тех пор, пока мы ограничиваем последний класс простыми правонарушениями, проступками, не имеющими особой внутренней безнравственности, и вредоносными деяниями, совершенными по неосмотрительности или непреднамеренности. Однако реформы, введенные Кодексом Наполеона, и упомянутая здесь практика все больше отходят от этой концепции различия. И сегодня часто можно увидеть, как нарушения самых интимных человеческих чувств переводятся в категорию проступков и, следовательно, освобождаются от наказаний, предусмотренных за тяжкие преступления, которые, следует отметить, единственные из существующих наказаний действительно обеспечивают некоторую степень устранения, каким бы неполным и временным оно ни было.

ХIII. НАКАЗАНИЯ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ

Наказания, имеющие место в существующей системе, не должны долго нас задерживать. В предыдущих главах мы показали неэффективность временного заключения на заранее определенный срок. И это, следует отметить, именно тот тип наказания, который сегодня преобладает, тип, которым юридическая школа полностью вытеснила бы все остальные. Не имеет большого значения, говорим ли мы в терминах пенитенциарного учреждения, тюрьмы или исправительного дома. Метод всегда, по сути, один и тот же, различаясь только формой регулирования. Другие типы, однако, все еще сохраняются: смертная казнь, пожизненное заключение, ссылка, интернирование в заграничную каторжную колонию («высылка») и штрафы. Но последние, когда преступник не может заплатить, преобразуются в фиксированный срок тюремного заключения; интернирование в каторжные колонии — это мера, используемая лишь в небольших масштабах и немногими странами; изгнание возможно только в случае политических преступников, тогда как смертная казнь почти повсеместно в Европе применяется лишь в исключительных случаях.

Для завершения нашего исследования действующего уголовного права нам потребовалось бы показать правовую связь между различными преступлениями и наказаниями за них. Но это увело бы нас слишком далеко и, кроме того, было бы бесполезно с точки зрения результатов. Ведь народ признает законом не то, что написал законодатель, а то, что он видит применяемым судьями. Принцип моральной ответственности в сочетании со смягчающими обстоятельствами, установленными самим законом или оставленными на усмотрение судьи, привел к тому, что наказания, предусмотренные законом, почти никогда не применяются.

Например, Сардинский кодекс, как и французский, содержал положение, карающее убийство без умысла или из засады пожизненной каторгой. Но как только суды присяжных стали ограничивать наказание за это преступление, как правило, шестью или семью годами тюремного заключения, закон превратился в мертвую букву. Вся действенность наказания должна быть отнесена к этому приговору в шесть или семь лет, который публика действительно наблюдала, а не к бессмысленной угрозе пожизненного заключения, известной лишь тем, кто изучал кодекс. «Мне известен случай, — говорит Козенца, — когда заключенный, осужденный за убийство и приговоренный к двадцати годам каторжных работ, не имел ни малейшего сомнения, что это наказание незаконно, поскольку до того времени

ни одно убийство, совершенное в его районе страны, не каралось сроком более нескольких лет лишения свободы. В другом случае приговор к двадцати пяти годам каторжных работ за убийство и покушение на убийство был настолько неслыханным делом в обществе, где это произошло, что его все считали результатом ошибки или злоупотребления властью». В этих временных наказаниях — изоляции на несколько лет, назначенной заранее, — мы имеем, таким образом, все, что осталось от наказаний, установленных законом. И при этом эта изоляция лишь относительна, ибо в пенитенциарных учреждениях, содержащихся за счет больших расходов для общества, абсолютной и постоянной изоляции никогда не бывает. В других местах камерный режим, доведенный до состояния так называемого совершенства, которое соответствует учениям исправительной школы, позволяет заключенным определенную степень общения: если они больше не спят в общей комнате, то, по крайней мере, работают вместе. Однако, несмотря на то что эти приговоры к трем, пяти или десяти годам тюремного заключения совершенно не влияют на самого преступника, нельзя отрицать, что они приносят некоторую социальную пользу. Ведь такая изоляция избавляет общество от большего или меньшего числа преступлений. Пять лет тюремного заключения, например, для профессионального вора означают от одной до двухсот краж, если не меньше. Это всегда следует учитывать; и наказания нынешней системы, если бы применялись строго, имели бы, по крайней мере, эту относительную полезность. Но, к сожалению, статутное право — это одно, а судебное право («юриспруденция») — другое. Единственная цель, которую последнее, похоже, всегда преследует, — это смягчить наказание настолько, насколько это возможно. Это обстоятельство обусловлено определенными принципами, прочно укоренившимися в юридическом сознании, в частности принципом, согласно которому при толковании закона магистрат должен склоняться на сторону преступника. Рассматривая решения наших судов по вопросам уголовного права, можно легко предположить, что у нас такое же представление о том важном институте, который мы называем наказанием преступников, как у римских юристов о рабстве. Ибо мы учимся смягчать, нет, даже отменять, насколько это возможно, правовые последствия, которые, как представляется, слишком тяжелы для преступника. Однажды я присутствовал при оправдании преступника, потому что по ошибке был написан отрицательный ответ на главный вопрос, предложенный присяжным, несмотря на то что ответы на второстепенные вопросы ясно свидетельствовали об ошибке. Не имело значения то, что присяжные хотели исправить вердикт. Суд постановил, что отрицательный ответ на главный вопрос создает

право в пользу обвиняемого. Это решение напомнило мне правило римского права, согласно которому ребенок рабыни приобретал право на свободу в силу того, что мать во время беременности пользовалась некоторой свободой, пусть даже и по ошибке. Мы, по-видимому, подражаем гуманизму наших отцов, позволяя преступнику избежать наказания по заслугам. Мы смеемся над средневековым римским обычаем, который прощал преступника, случайно встретившего кардинала по пути. Но в наши дни случайное событие, не имеющее большого значения, — скажем, падение капли чернил на бюллетень присяжных — может означать не что иное, как оправдательный приговор.

Никакие тонкости не могут быть слишком изощренными, никакие софизмы не могут быть слишком экстремальными, чтобы не получить благоприятного рассмотрения в суде, когда речь идет о смягчении наказания, считающегося чрезмерно суровым. Признание смягчающих обстоятельств, которое должно быть исключением, вместо этого стало правилом. Есть суды, которые признают это почти само собой разумеющимся и оправдывают его самыми тривиальными причинами, такими, например, как тот факт, что обвиняемый признался, несмотря на то что отрицание обвинения не дало бы ему никакой пользы. В тех немногих случаях, когда суд не считает нужным смягчить установленное законом наказание таким образом, он редко назначает наказание больше установленного законом минимума. К тому же факт рецидивизма практически упускается из виду. По моему собственному опыту, я видел судебные протоколы, которые рассказывали почти невероятную историю: о смягчающих обстоятельствах, признанных в случае рецидивистов с десятью предыдущими судимостями; о ворах и мошенниках, приговоренных к двум и трем месяцам тюремного заключения за пятое или шестое преступление; о кровожадных негодях, с которыми закон неоднократно сталкивался за нанесение ран огнестрельным или ножевым оружием и которые избегали нескольких недель заключения за новое преступление подобного характера.

В тех районах, где использование ножа и револьвера является обычным явлением среди преступных элементов, количество случаев применения огнестрельного и ножевого оружия привело к появлению практики, принятой с целью предотвращения перегруженности судов присяжных, делающей эти преступления предметом исправительной юрисдикции. Это достигается либо путем учета смягчающих обстоятельств, либо путем рассмотрения дела не как покушения на убийство, а как нанесения телесных повреждений категории проступка. В результате существует очень большое число

преступников, для которых сам факт удара ножом в грудь жертвы или выстрела из револьвера в голову не послужил основанием для квалификации в качестве убийц. Их вина забыта, и сегодня они — свободные граждане, полностью пользующиеся своими законными правами. В качестве одного из тысячи примеров можно привести случай, когда обвиняемый приставил дуло пистолета ко рту противника и, находясь в таком положении, нажал на курок. Эти факты не являются покушением на убийство. Поскольку оружие дало осечку, суд счел, что доказательств умысла на убийство недостаточно и что единственным правонарушением в данном случае является запугивание с помощью смертоносного оружия («угрожает оружием»).

Когда убийство действительно совершено и факт умысла не вызывает сомнений, в качестве оправдания используется самое незначительное обстоятельство. Если преступлению предшествовала ссора, то, не прилагая никаких усилий, если учесть, как возникла ссора или на чьей стороне вина, сразу же можно заключить, что обвиняемый действовал под влиянием провокации. Пусть человек, которого грубо оскорбили, поднимет руку на обидчика или ударит его тростью — он сделает это на свой страх и риск. Ведь этим поступком он предоставил другому власть над своими жизнью и смертью. Скорее всего, агрессор отправится на поиски револьвера и, вернувшись через полчаса, когда оскорбленный, возможно, уже забыл о случившемся, оставит его труп на улице. Судьи или, если они не проявят инициативу, присяжные не замедлят обнаружить отсутствие преднамеренности, поскольку в момент совершения деяния чувства обвиняемого все еще были оскорблены легким физическим воздействием его жертвы. Они также обнаружат, и по той же причине, что он действовал под влиянием провокации. Более того, они предоставят ему преимущество в виде смягчающих обстоятельств, если, конечно, не сочтут нужным применить в его пользу принцип непреодолимой силы. Если оправдание не последует, наказание, обычно назначаемое в таких случаях, по крайней мере в Италии, составляет всего от трех до пяти лет тюремного заключения. Это объясняет, почему на счету одного и того же человека может быть три или четыре убийства, разделенных короткими интервалами. Убийца такого типа настолько хорошо знает, что факт легкой ссоры, предшествующей преступному деянию, спасет его от серьезных последствий, что он намеренно устраивает так, чтобы это произошло, провоцируя противника до тех пор, пока тот не ответит ударом. После этого преступник может проявить свою волю. А будучи арестованным с еще дымящимся ножом в руке, он восклицает: «Хорошо. Я получу за это восемнадцать месяцев тюрьмы, но я сделал то, что давно хотел

сделать». Вот почему мы терпим убийство в нашей так называемой цивилизации.

На этих страницах нет ничего, кроме того, что почерпнуто из какого-то дела, с которым я был связан по официальному поручению. У меня не было возможности заимствовать у других; еще меньше я давал волю своему воображению. Протоколы вышеприведенных фактов все еще находятся у меня, и при необходимости я могу предоставить доказательства моих утверждений любому, кто, не знакомый с судами и адвокатурой, мог бы склониться обвинить меня в преувеличении.

Но, можно сказать, эти злоупотребления — вина не самого закона, а его применения. Это, возможно, верно, но не может изменить ситуацию. Ибо чем же обусловлена эта ошибка применения, если не принципами господствующей теории? Именно они породили судебное право, которое всегда склоняется на сторону преступника. Если судья обязан решать вопрос о виновности, руководствуясь принципом моральной ответственности, какое право мы имеем требовать, чтобы он не искал смягчающих обстоятельств? Согласно этому принципу, такие обстоятельства действительно существуют в большинстве дел; иногда их ошибочно игнорируют. Ведь когда мы пытаемся выяснить, действительно ли человек ответственен за свои действия, мы всегда в конечном итоге обнаруживаем, что он не ответственен. Именно заблуждением, пронизывающим всю систему, объясняется нынешняя неэффективность репрессий. Вся вина лежит на двух принципах: моральной ответственности и соразмерности наказания.

Ибо эти принципы обезоруживают судью и делают его бессильным принимать какое-либо активное участие в борьбе с преступностью. Как, например, он может последовательно утверждать, что рецидивист виновен больше, чем впервые совершивший преступление, и наказать его соответствующим образом, зная, что из-за позора, связанного с его прошлым, заключенный не смог найти работу, был отвергнут и презираем честными людьми и, как следствие, по выражению Тарда, нашел свой единственный приют в криминальном микрокосме, откуда он и вышел? Как может судья предполагать, что этот человек сможет противостоять своим преступным наклонностям так же легко, как тот, кого сдерживает страх потерять свою еще не запятнанную репутацию? Судья логичнее закона. Когда мы видим, как он назначает наказания, столь смехотворно неэффективные, столь совершенно бесполезные с точки зрения социальной защиты, что они выглядят как ироническая шутка, вина лежит не на нем, а на теории, в которой он находит свое оправдание.

Глава III

ДЕФЕКТЫ СУЩЕСТВУЮЩЕГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

То, что господствующая теория и принявшее ее судебное право, по-видимому, существуют с целью защиты преступника от общества, а не общества от преступника, читатель уже узнал из предыдущих глав. Но только когда мы дойдем до правил, регулирующих уголовное судопроизводство, мы найдем эту цель в ее наиболее полном выражении. Ибо здесь само статутное право, предлагая преступникам способы избежать наказания или обеспечивая длительную отсрочку его исполнения, в одной из своих отраслей взяло на себя обязательство затруднить применение положений, содержащихся в другой отрасли.

I. РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ПУБЛИЧНЫМИ И ЧАСТНЫМИ УГОЛОВНЫМИ ДЕЛАМИ

Мы можем начать с различия между публичными и частными уголовными делами. Это различие часто основано на объективной природе преступления независимо от испорченности агента, иногда на виде наказания, предписанного законом или наложенного судом. Например, непристойные посягательства в большинстве случаев не относятся к категории публичных действий или, что то же самое, требуют жалобы со стороны пострадавшего, прежде чем правонарушитель может быть привлечен к ответственности. То же самое относится к случаям угроз, ударов и нанесения телесных повреждений, которые караются как полицейские правонарушения, а согласно кодексам некоторых стран — и к ложным заявлениям независимо от применяемого наказания. В Италии наблюдается растущая тенденция к сужению круга публичных деяний. При этом личность исполнителя полностью забывается. Является ли он рецидивистом, указывает ли способ, которым он замыслил и осуществил свое преступление, на опасность преступника, возместил ли он ущерб — на эти вопросы не обращается ни малейшего внимания. Таким образом, рядовой гражданин становится арбитром социальной функции репрессий. Ему принадлежит право решать, следует ли нарушителю социального закона быть наказанным, заключить его в тюрьму или оставить на свободе. Государство задает этому гражданину вопрос: «Хотите ли вы, чтобы профессиональному мошеннику, сделавшему вас своей жертвой, было запрещено обирать других, или вы хотите...

чтобы он сделал другим то же, что сделал вам?» Такое отношение со стороны государства почти наводит на мысль, не возвращаемся ли мы к тем временам, когда наказание было всего лишь мстостью жертвы или ее семьи.

Для нас выражение «частный иск» в применении к уголовному преследованию совершенно лишено смысла, по крайней мере, в том, что касается того, что мы называем естественными преступлениями. В случаях нанесения ударов и телесных повреждений, угроз убийством, изнасилования, обмана и подделки документов независимо от того, была ли подана жалоба или нет, общество, узнав о преступлении, не может оставаться бездеятельным. И когда государство таким образом берет инициативу в свои руки, преступник не сможет противостоять целям правосудия, как это часто происходит в некоторых регионах, запугивая пострадавшего, чтобы тот отозвал свою жалобу.

Не имеет значения, что при объективном рассмотрении преступление не выглядит особенно тяжким. Речь идет о том, чтобы понять, с каким преступником мы имеем дело, познакомиться с его личностью, определить его тип, понять, не следует ли его отнести к тем, кто в силу своей непригодности к социальной среде должен быть подвергнут элиминационным мерам. Если расследование покажет, что преступник не принадлежит к классу настоящих преступников, что, несмотря на промахи, его природа не сильно отличается от природы большинства людей, тогда и только тогда, как было сказано в предыдущей главе, репрессия, всегда необходимая, может принять иную форму, а именно принуждение к возмещению ущерба, как морального, так и материального, причиненного его злодеянием.

II. ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЯ СУДА О ВОЗМЕЩЕНИИ УЩЕРБА

В этом вопросе о возмещении ущерба мы еще более решительно расходимся с юристами. Последние довольствовались принципом, согласно которому осуждение правонарушителя влечет за собой обязанность возместить ущерб. Поставив этот вопрос, они остановились, поскольку, по их мнению, исполнение обязательства должно регулироваться обычными правилами гражданского судопроизводства; они рассматривают это обязательство как «*ex delicto*», точно так же, как если бы оно было «*ex contractu*»: это не имеет отношения к криминалистам. На практике, даже если ответчик не является неплатежеспособным, решение о возмещении ущерба по уголовному делу в большинстве случаев не более чем издевательство. Ведь арест имущества

не может быть наложен до вынесения решения о завершении дела. Это означает, что до судебного расследования и даже после вынесения обвинительного приговора, если были приняты меры для его пересмотра, обвиняемый имеет право добиться исчезновения всего своего личного имущества. По законодательству некоторых стран, правда, арест на недвижимость может быть наложен после выдачи ордера на арест, но, с другой стороны, лишь в немногих случаях, и только в самых серьезных, считается необходимым обеспечить безопасность обвиняемого до судебного расследования. Поэтому в большинстве случаев требование потерпевшего не является ни преимущественным, ни обеспеченным требованием. Ответчик платит только тогда, когда это ему удобно, и это, как можно предположить, случается редко. Поскольку правила гражданского судопроизводства применимы как к установлению ущерба, так и к исполнению судебного решения, порой годы тратятся на тяжбы, апелляционные разбирательства и всевозможные задержки. Это объясняет тот факт, что, как подтверждает Козенца, известны случаи, когда в качестве компенсации за убийство предлагались суммы не более трехсот, двухсот или даже ста франков. Он пишет, что однажды «братья убитого, устав от судебных тяжб, пошли на компромисс, приняв от убийцы пятьдесят франков». Что касается неплатежеспособных правонарушителей, то о них даже говорить бесполезно.

Таким образом, подавляющее большинство правонарушителей уклоняются от исполнения данного обязательства. А у тех, кто не может его избежать, исполнение вряд ли заслуживает этого названия.

Против этого у юристов нет средства, поскольку, по их мнению, рассматриваемое здесь обязательство является гражданским и, следовательно, может быть принудительно исполнено только обычными средствами гражданского судопроизводства. Любая более радикальная форма принуждения была бы злоупотреблением, достойным варварской страны, полностью противоречащим правовому прогрессу и т.д.

На наш взгляд, существует неизмеримая разница между долгом, возникшим из договора, где неуплата — это нечто, что можно предвидеть и от чего можно защититься, и долгом, возникшим из уголовного преступления — нарушения не правила поведения, принятого соглашением двух лиц, а общепризнанного в человеческом обществе правила поведения. Люди не привыкли давать в долг несостоятельным лицам или давать в долг без обеспечения. Если кто-то это делает, он проявляет неблагоразумие и должен нести ответственность за последствия. Но все они одинаково подвержены нападению со сто-

роны части неплательщиков. Почему же тогда неплатежеспособность должна пользоваться этой привилегией? И если учесть, что происхождение и природа двух долгов столь различны, почему средства принуждения к уплате должны быть идентичными?

Читатель уже ознакомился с нашими взглядами на этот вопрос. Мы считаем самую строгую форму принуждения справедливой в случае неплатежеспособного преступника. Его следует содержать под стражей до тех пор, пока он не выплатит свой долг вместе со всеми расходами на его содержание в тюрьме. Ему не должно быть оказано ни малейшей снисходительности. Как я уже говорил в другом месте: «Пусть он продаст свой дом, свою лавку, свою кузницу — сколько бы это ни стоило, он должен найти деньги». Главное, чтобы он возместил ущерб за преступление. Чтобы принудить его к этому, необходимо, чтобы закон был неумолим.

Если он неплатежеспособен, то его следует обязать выплатить из его дневного заработка каждую копейку сверх его фактических потребностей — то есть сверх того, что строго необходимо, независимо от разницы в социальных условиях, для поддержания жизни и здоровья. Если преступник окажется непокорным или если есть разумные основания полагать, что его неплатежеспособность мнимая, это принуждение будет длиться неопределенно долго. В других случаях устанавливается более длительный или более короткий срок в зависимости от тяжести ущерба, причиненного преступлением, чтобы не возникло опасности того, что заключенный окажется в пожизненном рабстве в попытке добиться судебного решения о какой-то невыполнимой сумме.

То, что эти положения легко применимы на практике, будет показано в следующей главе. Вышеизложенные соображения ясно показали читателю радикальное различие между нашей системой и системой юристов в вопросе возмещения ущерба. Если бы были приняты строгие правила, которые мы отстаиваем, можно было бы отказаться от любых видов наказаний в отношении тех преступников, которые не представляют достаточной опасности, чтобы требовать их устранения. Результатом стало бы полное исчезновение так называемых исправительных наказаний. А это означало бы конец переполненным тюрьмам и возвращению тысяч людей, которые, однажды испытав тюремное заражение, уже никогда не смогут стать добропорядочными гражданами. Более того, заключенный, отбыв несколько месяцев или лет исправительного заключения, уже не мог бы беспрепятственно пользоваться плодами своей преступной деятельности, доверенными пока друзьям или родственникам. И исключение такой

возможности будет гораздо более действенным средством разоружить врагов общества, чем нелепые наказания, которые сегодня налагаются в надежде исправить преступников.

III. СУДЕБНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Еще один момент, на который следует обратить внимание, — это судебное расследование, предшествующее судебному разбирательству. Оно, по мнению доктринеров, должно проводиться открыто, в присутствии обвиняемого и его адвоката. Только таким образом, утверждают они, можно обеспечить беспристрастность. Они, однако, забывают, что в большинстве случаев для установления истины требуется строжайшая секретность. Показывать обвиняемому и его адвокату тонкую нить, которая, едва заметная, является единственным путеводителем в лабиринте возможных доказательств, равносильно ее разрыву. И даже в самых простых случаях ознакомление обвиняемого с показаниями, данными против него, было бы практикой, не лишенной опасности.

Несмотря на это весьма существенное соображение, французы в 1897 году внесли изменения в Уголовно-процессуальный кодекс, касающиеся допроса обвиняемого. В результате этого законодательство Франции теперь предоставляет право на адвоката с момента ареста и позволяет адвокату присутствовать при первом допросе обвиняемого. По моему мнению, эта система очень опасна, поскольку она позволяет адвокату стать посредником между подсудимым и поклядистым свидетелем.

В Италии были выдвинуты предложения еще более опасного характера, в подробности которых я не могу здесь вдаваться. Только быстрая смена министерских кризисов спасла итальянского судью по уголовным делам от превращения, по меткому выражению одного газетного обозревателя, в состояние танцующей марионетки, которой попеременно управляют два противника. В случаях самых серьезных преступлений, когда еще не найдено убедительных доказательств против подозреваемого, проводить публичное судебное расследование — значит отказаться от всякой надежды на установление истины. Можно привести сотни случаев, в которых убедительные доказательства вины были получены только путем соблюдения строжайшей секретности судебного расследования. Поэтому следует надеяться, что общественность не обратит внимания на риторические выпады некоторых членов коллегии адвокатов, выступающих за полную публичность каждого этапа процедуры от начала до конца.

IV. ВРЕМЕННОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Самой обсуждаемой темой уголовного судопроизводства является содержание обвиняемого под стражей до окончательного решения по делу.

По французскому закону «в случаях, когда максимальное наказание составляет два года тюремного заключения, заключенный имеет право на освобождение, если у него есть место жительства и он ранее не был осужден за преступление или приговорен к году тюремного заключения. В случаях, когда временное освобождение не является вопросом права, обвиняемый может быть отпущен под залог». В Италии, с другой стороны, хотя временное освобождение, как правило, является вопросом права, когда наказание составляет менее трех лет обычного тюремного заключения, залог может быть отпущен только в одном случае, а именно когда обвиняемый является бедным человеком и результаты расследования благоприятствуют его прежней хорошей моральной репутации.

Высказанные и повторяемые правоведами, не имеющими практического опыта в уголовных делах, подобные аргументы стали почти обыденными; их подхватила пресса; и в одно прекрасное утро мы проснемся и обнаружим, что они переведены на язык закона — стали предметом законов, наспех составленных лицами, которые либо некомпетентны, либо в силу своих личных профессиональных интересов выступают против суровости пресечения преступлений.

Во-первых, неверно утверждать, что предварительное заключение имеет только одну цель — предотвратить побег обвиняемого. Часто это необходимо для того, чтобы не допустить исчезновения вещественных доказательств преступления обвиняемого; помешать ему договориться с сообщниками или друзьями о подтверждении рассказанной им истории; затруднить запугивание или подкуп свидетелей; повлиять на заключенного, чтобы он признался (что случается нередко); и, наконец, защитить самого обвиняемого от мести потерпевшего или его семьи. Что же касается вероятности побега, то очевидно, что, за исключением некоторых исключительных случаев, она всегда присутствует, если наказание более или менее суровое или грозит преступнику серьезными финансовыми потерями. Несомненно, сложно сформулировать общие правила, применимые во всех случаях, но при условии, что судья, ведущий расследование, имеет право делать исключения в соответствующих случаях, предварительное заключение может быть признано необходимым в следующих случаях:

1) когда существует вероятность того, что обвиняемый будет приговорен к наказанию, достаточно тяжкому, чтобы у него возникло желание бежать или скрываться, поскольку рассматриваемое наказание является для него большим из двух зол;

2) когда речь идет о нанесении ударов («coups») или ранений («blessures»), до тех пор, пока жертва полностью не оправится от последствий полученных травм;

3) когда существует вероятность того, что пострадавший прибегнет к кровопролитию, чтобы отомстить агрессору;

4) когда обвиняемый является рецидивистом или лицом без видимых средств к существованию или постоянного места жительства;

5) если обвиняемый является вором или мошенником, застигнутым врасплох;

6) и наконец, во всех случаях, когда существует опасность, что обвиняемый запугает или подкупит потерпевшего или свидетелей или каким-либо образом воспрепятствует судебному расследованию.

Если таким образом определить случаи, в которых должен быть выдан ордер на арест, институт временного освобождения потеряет всякий смысл в своем существовании. Такого института больше не будет, за исключением случаев, когда у следственного судьи есть веские основания полагать невиновность обвиняемого.

В своем нынешнем виде этот институт является источником величайшей опасности. Он, по-видимому, специально создан для поощрения преступных слоев и свидетельствует о наивности законодателей, не учитывающих новые инструменты, которыми цивилизация снабдила преступника. Легко понять, как в небольших городах античного мира или даже в муниципалитетах Средних веков обвиняемый в проступке или, если на то пошло, в уголовном преступлении мог оставаться на свободе до вынесения решения суда. Трудности путешествия были велики; трудности жизни в чужой стране — еще большие. Бегство было добровольным изгнанием; а изгнание считалось наказанием исключительной тяжести — согласно римскому праву, смертной казнью. И все же меры предосторожности принимались: заключенный не освобождался без обязательства со стороны некоторых уважаемых лиц привести его в надлежащее время. Римское право всегда делало исключение из привилегии освобождения в случае совершения наиболее тяжких преступлений. Даже в Англии действует аналогичное исключение, а в других случаях закон разрешает освобождение обвиняемого только при условии, что предоставленный залог достаточен для гарантии его явки в суд и выполнения решения суда.

Мы, в романских странах, охотно прислушиваемся к риторике правоведов и в особенности поддаемся влиянию сенсационных романов, в которых описываются моральные муки невинного героя, которого по ложному обвинению в преступлении заточили в ужасную темницу. В результате закон во многих случаях устанавливает право обвиняемого на освобождение до завершения судебного разбирательства. Более того, судьбе предоставлены самые широкие полномочия для предоставления такого права, даже если преступление носит наиболее тяжкий характер. Неимущие лица освобождены от внесения залога любого рода — иммунитет, напоминающий древние привилегии касты, поскольку это подлинная привилегия пролетариата. Освобождение стало предоставляться даже после вынесения обвинительного приговора с учетом задержек, связанных с апелляционным или надзорным производством. Следствием этого является то, что человек, признанный виновным и приговоренный лишь к исправительному наказанию, может выйти из тюрьмы и не иметь никакой необходимости возвращаться до тех пор, пока вышестоящий суд не вынесет решения против него. Можно даже сказать, что легкость освобождения прямо пропорциональна уверенности в его виновности. Ведь тот же самый человек, который был арестован по одному лишь подозрению и задержан на основании доказательств, которые далеки от убедительных («простые индексы»), оказывается на свободе, как только торжественный приговор объявляет его виновным.

Разве подобные вещи не противоречат разуму и здравому смыслу? Какие бы доводы ни приводились в оправдание такой системы, нельзя отрицать тот факт, что она неестественна; что она необоснованна; что она не может быть понята народным разумом, и меньше всего разумом южанина нации. Как можно предположить, что народ с меридиональными характеристиками малой предусмотрительности, малой чувствительности к тому, что отсутствует и не происходит немедленно, может быть впечатлен угрозой тюремного заключения, которое не вступит в силу до истечения неопределенного срока — одного или двух лет, или даже большего срока в случае нового судебного разбирательства, предписанного вышестоящим судом? Отдаленные угрозы такого рода не могут не оказывать влияния на людей холодного и расчетливого склада ума. До определенного момента они понятны на Севере, но на Юге, если использовать выражение Спенсера, «должны быть наказания, которые являются достаточно суровыми, быстрыми и конкретными, чтобы их можно было живо представить».

В Неаполе, когда новыми законами 1865 года было введено временное освобождение даже в случаях серьезных ранений, среди низших сословий распространилось представление, что эти про-

ступки больше не подлежат наказанию или, в лучшем случае, караются конфискацией залога, размер которого редко превышал пятьдесят франков. В результате среди представителей этих сословий часто можно было услышать, что за пятьдесят франков можно купить удовольствие нанести удар ножом. Это показывает, что наказание, которое суд налагал и приводил в исполнение после долгой задержки, не вызывало беспокойства; воображение поражала уплата пятидесяти франков, поскольку она взыскивалась немедленно.

Что касается впечатления, которое этот институт производит на широкую публику, то оно, без преувеличения, можно сказать, всегда удручающее. Попытки объяснить такую систему совершенно тщетны. Фактом остается то, что преступник, находившийся во власти закона, больше не находится в его власти и что именно закон отпустил его на свободу. Представьте себе, что подумают об этом процессе соседи, друзья и родственники пострадавшего — возможно, еще стонущего от боли от ран, изувеченного пожизненно или, опять же, доведенного до нищеты уловками какого-нибудь ловкого мошенника, — когда они увидят, что преступник после нескольких месяцев заключения, несмотря на то что судебный исполнитель постановил задержать его до суда, освобожден из-под стражи и ему предоставлена полная и абсолютная свобода, пока дело не будет рассмотрено в Апелляционном и Кассационном судах. Это означает, что преступник волен вернуться к своему прежнему образу жизни, бок о бок со своей жертвой — в тот же дом, если ему это угодно. Можно привести один случай из множества подобных примеров, когда крестьянин, чтобы избавиться от конкурентов за аренду фермы, выстрелил из заряженного ружья в своего соседа. Его попытка убийства не увенчалась успехом, но по прошествии восемнадцати месяцев мужчина все еще не оправился от ран. Тем временем несостоявшемуся убийце, обвиненному только в нанесении телесных повреждений, позволили оставаться дома безнаказанным. Дом, в котором он жил, и жилище пострадавшего выходили на общий двор, их двери находились прямо напротив. В результате пострадавший, лежа на одре боли, был вынужден постоянно наблюдать, как его обидчик наслаждается трубкой и стаканом на открытом воздухе ограды. Таков прогресс судебных учреждений!

Но могут последовать и гораздо более серьезные злодеяния, и действительно происходят. Преступник часто мстит свидетелям, давшим против него показания, или возобновляет попытку, которая ранее оказалась неудачной. И здесь можно привести сотни трагических случаев, из которых я выберу несколько. Так, мужчина, которого отвергла молодая женщина, чьей любви он добивался, выстрелил в нее

из револьвера, к счастью, промахнувшись. Его арестовали, но отпустили на свободу. Во время задержки, последовавшей за слушанием его дела, он убил брата девушки. В другом случае один из жителей Каммора запретил официанту оказывать знаки внимания молодой женщине, на которую имел виды один из друзей преступника. Первое же неповиновение со стороны официанта было наказано порезом бритвой по одной стороне лица. Молодой человек пожаловался в полицию, но суд продолжился. Несколько месяцев спустя он получил такой же порез на другой щеке. Таким образом, он был обезображен на всю жизнь двумя страшными шрамами. Преступник был арестован и приговорен исправительным трибуналом к четырем годам тюремного заключения. Сначала была апелляция, а затем началось разбирательство о пересмотре приговора, вынесенного в апелляционном порядке. Так прошло четыре года. Тем временем камморист ежедневно прогуливался перед кафе, где работал официант, пользуясь случаем, чтобы выпустить сигарный дым в лицо своей жертве. Бедняга неоднократно отказывался от предложений о мировом соглашении, но в конце концов долгое промедление заставило его отчаяться в результате, и он согласился принять предложенную сумму. Было вынесено решение о новом судебном разбирательстве, жалоба была отозвана, новые свидетели дали показания о мнимой провокации, и злодей был приговорен к нескольким месяцам тюремного заключения, и даже от этого его спасло своевременное объявление амнистии!

Иногда терпение потерпевшего истощается, и последующий взрыв гнева становится причиной нового преступления. Свидетельством тому служит трагедия, произошедшая не так давно в Париже, прямо у стен Дворца правосудия, когда мадам Кловис Юг застрелила своего клеветника, которого она много месяцев преследовала в судах и видела все еще на свободе, несмотря на то что он был приговорен к тюремному заключению.

Опять же, невозможно оценить пагубное воздействие этого института на подражательную и эндемическую преступность. В одной деревне на юге Италии мужчине, арестованному за то, что он изуродовал бритвой молодую крестьянку, отказавшуюся от его ухаживаний, было предоставлено временное освобождение; как обычно, апелляция и надзорный процесс оставили его на свободе более чем на два года. Тем временем другие разочарованные поклонники последовали его примеру, и подобные случаи умножились до такой степени, что, как я уже отмечал ранее, самые красивые молодые женщины были настолько напуганы, что стали самыми отъявленными негодьями округи. Разве мы не вправе возлагать всю вину на этот

институт временной свободы? Ведь если бы негодяй, подавший пример, не был таким образом освобожден, если бы он содержался под стражей до и после суда, пока не отбудет свои пять или шесть лет заключения, то вряд ли у него нашлись бы подражатели. По сути, это замечание одного из этих самых подражателей, которому отказали во временном освобождении, предоставленном всем его предшественникам. Он откровенно признался, что, если бы ожидал столкнуться с обращением, столь отличным от обращения других, он бы не совершил этого преступления.

Более того, есть одно соображение, которое должно предрешить любые споры по поводу обсуждаемой практики. Временное освобождение предоставляет обвиняемому свободу либо понести назначенное ему наказание, либо избежать его. Ведь в наши дни человек может беспрепятственно путешествовать из одного конца света в другой: паспорта, даже почти везде, не нужны. И, если уж на то пошло, зачем преступнику вообще нужно бежать или вообще куда-то уезжать? Достаточно лишь укрыться в водовороте какого-нибудь большого города. Если он уже там живет, ему достаточно сменить место жительства, и полиция отметит в своих «словесных прозах», что его не найти. Они не спешат, за исключением случаев сенсационных преступлений, которые держат в постоянном напряжении телеграфные линии всей страны. В целом их нельзя винить, ибо услуга, которую общество теперь, во второй раз, требует от них, уже выполнена. Они обнаружили преступника и, преодолев неведомо сколько трудностей, арестовали его. Затем, во имя высоких принципов, во имя священной личной свободы, вор или убийца освобождается под честное слово, подобно тому, как некогда джентльмен освобождался под честное слово. И вот, спустя два года после этого события, полиции снова приходится искать в каком-нибудь укромном уголке одного из наших современных Вавилонов, безвестного негодяя, память о котором давно забыта, чтобы подвергнуть его трех- или шестимесячному тюремному заключению, к которому он был приговорен. Что может быть нелепее?

Однако, если наказание столь кратковременно, преступник не станет особенно утруждать себя тем, чтобы скрываться от полиции. Какое ему дело до этих нескольких недель вынужденного бездействия? Зимой крестьянин-преступник действительно рад такому наказанию, ведь оно означает для него сбережение денег в сезон, когда его труд непроизводителен. Но здоровый человек, приговоренный к двум или трем годам тюрьмы, вряд ли станет спешить в тюремную дверь, особенно если у него есть деньги в кармане. Что же тогда сказать о случае, когда виновный в мошенничестве в огромных размерах

или в краже на сумму в сотни тысяч франков, приговоренный по решению присяжных к наказанию, равному лишь исправительному (что часто встречается в Италии), освобождается до рассмотрения апелляции или пересмотра дела? Насколько вероятно, что он явится в суд и подчинится закону? Всем известно, что, имея двести-триста тысяч франков, такой человек может пренебречь любым преследованием, называть себя любым именем и, не подвергаясь домогательствам, жить в окружении ближних.

Короче говоря, мы обнаруживаем, что практика предоставления условно-досрочного освобождения является самым порочным из всех институтов нашего уголовного права, поскольку она непосредственно противодействует репрессиям. Она непосредственно поощряет преступность; она отпугивает потерпевшего и свидетелей; она деморализует полицию. Абсурд достигает апогея, когда преступника освобождают после вынесения решения в первой инстанции, но царство безрассудства становится необъяснимым, когда после отклонения его апелляции ему все еще позволяют оставаться на свободе.

В этом параграфе я имел в виду, в частности, законодательство Италии, согласно которому временное освобождение в большинстве случаев проступков является правом обвиняемого.

Наконец, в системе, предлагаемой в этой книге, нет места для подобного института. Случаи, в которых заключение под стражу до судебного преследования является необходимой мерой, уже рассматривались. Следовательно, временное освобождение не должно рассматриваться, за исключением случаев, когда магистрат, ответственный за судебное расследование, сочтет доказательства недостаточными. Но когда есть основания полагать, что преступник будет признан заслуживающим освобождения, никакой залог не может быть использован. Ибо здесь необходимо, чтобы общество избавилось от пагубного элемента, и, осуществляя это, оно не может ждать благоволения преступника или рассчитывать на его покорность и смирение.

Что касается редкого случая несправедливого задержания, когда невиновность обвиняемого полностью установлена, я без колебаний призываю, как и многие другие, к тому, чтобы государство выплатило надлежащую компенсацию этой жертве обманчивой видимости. Как только право на такую компенсацию будет признано, не будет больше повода для возмущения, обычно вызываемого подобной ошибкой. Во-первых, речь идет не о невыносимом или непоправимом ущербе, а о неприятном несчастном случае, одно лишь признание которого само по себе является возмещением для действительно честного человека. Опять же, в большинстве случаев сам обвиняемый виноват

в ошибке из-за своей неосторожности, легкомыслия, эксцентричного поведения или дурной компании, с которой он связался: очень редко вина лежит исключительно на полиции. Поэтому справедливо, что при определении размера компенсации следует учитывать тот вклад, который сам обвиняемый внес в возникновение подозрений. Мы не можем понять, почему из-за нескольких отдельных случаев, незначительного количества легко исправимых судебных ошибок предлагается такая мера, как полная отмена тюремного заключения до суда — шаг, который может означать лишь ослабление репрессий и безнаказанность для множества преступников.

V. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ПРИСЯЖНЫЕ

Теперь необходимо сказать несколько слов о способе разрешения уголовных дел. Строго юридический характер, придаваемый репрессивной функции, привел к тому, что уголовный процесс приобрел искусственное и обманчивое сходство с гражданским судопроизводством. В последнем случае есть истец и ответчик; в первом же роль истца занимает прокуратура: она играет роль кредитора, требуя под видом наказания уплаты долга обвиняемого. В случае обвинительного приговора суд признает иск обоснованным и определяет, какую сумму обвиняемый должен заплатить, чтобы расплатиться с обществом.

Недальновидные прогрессисты утверждают, что нет ничего более достойного восхищения, чем эта система обвинения. Они даже хотели бы перестроить ее на чисто обвинительную основу и превратить судебный процесс в настоящую битву, в которой красноречие адвокатов противоположной стороны служит оружием, применявшемуся в самые варварские века Средневековья. Один автор заметил: «Специфика системы обвинения заключается в том, что она всегда исходит из теории антагонизма между двумя сторонами и, следовательно, имеет в виду проверку и соответствие не абсолютной, а лишь относительной достоверности. Вопрос не в том, виновен человек или нет, а в том, победила ли одна из сторон. Судьбой битвы стал залог, вызов — обвинителем, вызываемый — обвиняемым, пары — присяжными, — на смену стычке оружия пришла словесная перепалка, — но первобытный характер боя всегда остается прежним». Все черты этой системы «свидетельствуют о том, что речь идет не столько о публичной функции, сколько о частном вопросе... Система расследования, введенная церковными трибуналами в Средние века и принятая во Франции Людовиком XII, несомненно, ознаменовала собой шаг вперед, поскольку она признала истинной сущностью процедуры критический и беспристрастный поиск истины, и что это

должно быть целью каждого рационального и законного судебного разбирательства».

То, что эта система, особенно в политических вопросах, стала предметом злоупотреблений, не подлежит сомнению. Единственно, что было необходимо, — это добавление гарантий для обвиняемых и ограничение полномочий магистратов. Но вместо этого с учреждением гротескного института суда присяжных и преувеличением значения устного характера судебного разбирательства произошло то, что можно назвать возвратом к устаревшей системе обвинения.

Какими бы убедительными ни были доказательства против обвиняемого, каким бы безупречным ни был их характер, весь их эффект может исчезнуть перед внезапным впечатлением, которое искусство искусного адвоката способно произвести на присяжных. Все, и прежде всего юристы, признают, что исход судебного разбирательства в суде присяжных зависит от чистой случайности. И все же, хотя общественное мнение, по крайней мере в Италии, решительно враждебно относится к этому «прюдомскому» институту суда присяжных, ни один голос в законодательном органе не прозвучал с требованием его отмены. Это связано с предположением, что он неразрывно связан с политическими свободами страны — представление, которое, возможно, верно в случае Англии, где суд присяжных является самобытным и традиционным, но лишено здравого смысла в случае других стран, где магистратура специально создана для отправления правосудия. Кроме того, в случае Англии характер народа, его малое сочувствие преступникам, его суровость и непреклонная строгость к любому нарушению закона делают этот институт все еще работоспособным. Более того, английское жюри, в отличие от континентальных стран, привлекается к работе только в том случае, если обвиняемый заявляет о своей невинности или отказывается признавать себя виновным, и в этом случае его вердикт должен быть единогласным. Таким образом, один разумный присяжный может лишиться невежественное большинство власти, за исключением заявления о невозможности достижения соглашения. В случае разногласий должно быть проведено новое судебное разбирательство. И наконец, его членам не разрешается разлучаться или поддерживать связь с посторонними до тех пор, пока их обязанности не будут выполнены. Достаточно распространенная в романских странах практика попыток подкупа присяжного, возвращающегося домой или идущего пообедать в кафе между заседаниями по делу, которое может затянуться на десять дней или более, не имеет, таким образом, никаких шансов на существование.

Несправедливость, совершаемая присяжными, в большинстве случаев обусловлена их невежеством, будь то из-за неспособности понять значение многих юридических терминов и оценить истинное значение и взаимосвязь часто многочисленных вопросов, которые им задают, или из-за отсутствия необходимых способностей или опыта в критической работе по изучению доказательств и взвешиванию аргументов «за» и «против» в деле, где факт виновности не очевиден с первого взгляда. Иногда присяжные выносят оправдательный вердикт в знак протеста против правительства. Это часто происходит в Италии в случаях хищения государственных средств — вор не может быть отпущен на свободу ни за что.

В судах присяжных, проводимых в небольших городах, присяжные собираются из разных районов; их размещают в одной гостинице и подвергают всевозможным влияниям. «Когда какой-нибудь известный оратор, какой-нибудь адвокат, фигурирующий в политической жизни и пользующийся популярностью как член Палаты депутатов, берется за защиту подсудимого, — говорит Туриелло, — даже самые честные и умные члены суда присяжных не в силах устоять перед заразительным восхищением его мастерством. Не поняв его как следует или не успев обдумать, они испытывают своего рода смущение, поддаются чувству уважения к тому, что в этой атмосфере носит видимость таланта. Они теряют из виду суть спектакля, и подобно тому, как театральная публика аплодирует актеру хлопаньем в ладоши, они аплодируют оратору своим вердиктом. Рассмотреть факты и сделать соответствующий вывод было бы невежливо. Короче говоря, будь то из-за его нервной чувствительности или художественной впечатлительности, я не понимаю, как итальянец, призванный выступать в качестве судьи, может не быть эмоционально взволнованным, если только он не прошел специальную подготовку к этой функции».

Следует также добавить, что адвокаты очень часто используют всевозможные средства, чтобы сбить с толку присяжных, создать сомнения там, где доказательства очевидны. Иногда они доходят до того, что сообщают присяжным факты, которые являются чисто вымышленными. У нас не запрещено, как в Англии, играть на чувствах присяжных и вызывать их сочувствие к судьбе обвиняемого и его семьи. Таким образом, адвокат может выиграть дело, рисуя картину бедственного положения жены и детей подсудимого в случае его осуждения: то, что подсудимый никогда не имел ни того, ни другого или давно их бросил, не имеет значения. Другой адвокат с предельной искренностью скажет вам, что мать обвиняемого от горя сошла с ума и находится на грани смерти, в то время как на самом деле она насла-

ждается добрым здоровьем и давно отреклась от своего драгоценного сына. Оратор говорит со слезами в голосе; он заламывает руки в знак отчаяния; председатель улыбается; но присяжные в своей простоте позволяют себя обманывать; они видят трагедию в том, что является откровенным фарсом.

Но это еще не все. Помимо огромного количества несправедливых оправдательных приговоров, вынесенных либо из-за неспособности оценить доказательства, либо из-за сиюминутных эмоций, существуют и другие случаи, когда результат следует отнести на счет недобросовестности, робости или фактической коррупции. В Неаполе, например, страх перед каморрой настолько силен, что практически невозможно добиться от присяжных обвинительного вердикта в отношении члена этой организации. Говоря о неудачном эксперименте с этим институтом, проведенном в Испании в 1873–1875 годах, Мануэль Сильвела сообщает, что в некоторых провинциях невозможно было добиться обвинительного приговора ни одному человеку с влиятельными связями, «даже если преступление было самым тяжким». Сицилийские присяжные часто подчиняются велениям мафии. В Романье ненависть к правительству часто приводит к оправданию преступников, убивших карабинеров. И наконец, частые оправдания, повсеместно происходящие по отношению к состоятельным людям — фальшивомонетчикам или преступникам-банкротам, — оказывают пагубное воздействие на общественную мораль, поскольку, очевидно, это происходит из-за всемогущества денег.

Постоянный судья, правда, не всегда свободен от коррупции: он также может быть подвержен страху или другим влияниям. Но ему нужно сохранить имя, почетное положение; из благоразумия, из необходимости он обретает мужество и твердость при малейшем подозрении.

В некоторых провинциях есть присяжные, имеющие фиксированную шкалу гонораров: одна цена за оправдание, другая — за допущение смягчающих обстоятельств. Сообщается о случае, когда сицилийский присяжный пожаловался члену Палаты депутатов, что некий судебный процесс не принес никакой материальной выгоды членам суда присяжных. Нередко присяжные осуждали бедных сообщников и оправдывали истинных виновников преступления, людей состоятельных. На юге Италии, где богачи порой совершают кровопролитные преступления из мести, распространено мнение, что обвинительный приговор никогда не будет вынесен, и оно очень редко бывает ошибочным. «16 декабря 1879 года в Потенце судили женщину, совершившую супружескую измену, и ее любовника по обвинению в убийстве мужа. Хотя оба признались, в одном из отелей

был приготовлен ужин в ожидании их оправдания. И ожидания не были обмануты, поскольку, по сути, после завершения процесса обвиняемые, присяжные и зрители, которые в зале суда аплодировали оправдательному вердикту, собрались в назначенном месте, чтобы отпраздновать это событие».

Нас уверяют, что во Франции присяжные, как правило, выполняют свой долг. Возможно, правда в том, что они лишь немного больше следят за внешним видом. Некоторые известные уголовные процессы, которые мы вспоминаем, не способны дать нам высокого представления о французском суде присяжных. Среди прочих стоит упомянуть дело маркиза де Н., обвиняемого в том, что он увез в отдаленное место незаконнорожденного ребенка своей жены и сбросил его с вершины утеса на скалы внизу, где его труп и был обнаружен. Мы также не забыли о всеобщем оправдательном вердикте после инцидента в Эгсморте — когда под предлогом сговора с целью снижения заработной платы около пятнадцати итальянцев были атакованы и преднамеренно забиты до смерти их французскими коллегами. Более того, во Франции, как и в Италии, в случае преступлений, совершенных в состоянии ярости, всегда имеются смягчающие обстоятельства, и если обвиняемой оказывается женщина, ее оправдание предрешено.

Повсюду слышны жалобы на суд присяжных. В Британской Индии большое количество преступлений остается безнаказанным, и, как сообщает нам Брайтон, там практикуется самый постыдный способ коррупции. Главный судья Высокого суда в Аллахабаде заявил, что единственный способ реформировать этот институт — упразднить его.

Но если бы я взялся за сбор примеров, потребовались бы целые тома, чтобы вместить тысячи, которые можно было бы привести. Несомненно, иногда выносятся справедливые и беспристрастные вердикты, но то, что должно быть правилом, стало исключением. В результате даже там, где доказательства абсолютно неопровержимы, есть основания опасаться, что преступник ускользнет от ответственности. В таком случае мы ждем вердикта с не меньшей тревогой, чем в случае, когда есть место для сомнений: мы всегда опасаемся какой-нибудь ошибки, какой-нибудь вопиющей судебной ошибки. Этот факт свидетельствует о том, что мы несколько не уверены в честности или интеллекте присяжных. И разве не ясно, что такое недоверие означает вероятность того, что преступник останется безнаказанным, — вероятность, которая не может не поощрять злоумышленников? Несомненно, что, когда правительство действительно заинтересовано в обеспечении соблюдения какого-либо закона, оно,

не теряя времени, лишает суд присяжных юрисдикции в отношении конкретного нарушения. Разве мы не видим здесь очевидного признания слабости и неопределенности репрессий, осуществляемых присяжными?

Когда присяжные не подвергались влиянию незаконных средств и находились под пристальным наблюдением на протяжении всего судебного разбирательства, то способность и проницательность судьи, его четкость в постановке вопросов и терпение в их объяснении до мельчайших деталей часто приводят к вынесению обоснованного вердикта. Но при таких обстоятельствах уголовный процесс становится подвигом Геракла. Можно было бы воскликнуть вслед за итальянским публицистом: «Что это за судьи, которых мы постоянно, ценой огромных затрат времени и посредством сложного механизма форм, обязаны наблюдать, оберегать, наставлять, предупреждать, чтобы они не ошиблись в своих решениях, не поддались развращающему влиянию и не стали посмешищем!».

На часто приводимый аргумент о том, что суд присяжных — прекрасная школа для гражданина, достаточный ответ содержится в известном рассуждении Сильвелы об уголовном суде присяжных в Испании: «Если говорят, что суд присяжных — это школа обучения, разве это не признание того, что его ученики не достигают мастерства, не совершая ошибок? Какое уважение мы можем испытывать к институту, который превращает храм правосудия в учебное заведение? Входит ли в программу обучения присяжных то, что они должны иногда выносить несправедливые приговоры? Несчастному обвиняемому было бы трудно смириться с этой точкой зрения. Или же им следует учиться постепенно и начать с оправдания преступника, независимо от того, виновен он или нет? Вряд ли можно ожидать, что общество согласится с этим».

И снова говорится, что присяжные представляют народ и что, будь он хорошим или плохим, народ получит правосудие, которого заслуживает. Следует признать, что эта идея полностью подтверждается фактами. Ведь присяжные, по сути, являются верным выразителем всех предрассудков — политических, социальных, религиозных или антирелигиозных, — которые господствуют над народом в данный период. Там, где популярные местные романы рекомендуют мужу убить жену, нарушившую брачные обеты, присяжные неизменно признают превосходство этого совета, оправдывая убийцу. Так, в тех частях страны, где женщина не может распоряжаться своими чувствами без согласия всех мужчин своей семьи, отца, братьев и дядей, и, согласно господствующему предрассудку, заслуживает смерти в случае неповиновения, там присяжные, как представитель народа, неизменно

оправдывают убийцу под аплодисменты зрителей. Истинность этих утверждений бесспорна.

Единственный вопрос, который затрагивает суть дела, заключается в следующем: может ли такое учреждение способствовать народному образованию? Рассчитано ли оно на смягчение жестоких настроений, царящих среди некоторых народов отсталой цивилизации? Что, если бы британцы установили систему суда присяжных среди маори-каннибалов и судили бы дело о каннибализме жюри, состоящим из местных жителей? Принцип тот же самый, когда мы передаем дела об убийстве на рассмотрение жюри, выбранного из народа, который оправдывает убийства, совершенные в порыве страсти или побуждении.

Неспособность народа вершить правосудие не является основанием для лишения его справедливости. Заслуживает он того или нет, правосудие должно быть ему возложено, иначе он никогда не достигнет более высокого уровня цивилизации. Для преодоления его варварских обычаев нужны не присяжные, а судьи, которые не представляют этот народ, не разделяют его страстей и предрассудков, одним словом, совершенно на него не похожи.

Наконец, существует утверждение, что жюри служит для гражданина гарантией от злоупотреблений властью. Этот аргумент заслуживает рассмотрения лишь в политических вопросах: применительно к обычным преступлениям он просто смехотворен. Потребовалось бы недюжинное воображение, чтобы представить себе министра юстиции, яростно стремящегося к преследованию честных граждан, — коррумпированного магистрата, чтобы защитить настоящих виновников воровства, поджогов и убийств и вместо них осудить достойных людей, совершенно невиновных в подобных преступлениях. Ни одно правительство никогда не прибегало к такому оружию, даже против своих злейших врагов. Иногда при деспотических правительствах мнимые заговоры, придуманные слишком рьяной полицией, становились предметом судебного преследования, но практика заключения граждан в тюрьму по ложным обвинениям в позорных преступлениях — это нечто, чего еще не наблюдалось. Какое современное государство стало бы прибегать к столь постыдным и в то же время столь легко разоблачаемым средствам? Но предположим на мгновение, что такой случай возможен. Можно ли предположить, что двенадцать малоизвестных граждан, составляющих жюри присяжных, будут менее подвержены коррупции со стороны правительства, чем постоянные судьи? История суда присяжных в его отношении к политическим вопросам подтверждает противоположное мнение. В Англии XVI и XVII веков, а также во Франции времен Революции и Реставрации

суд присяжных почти всегда оказывался верным слугой могущественнейших: он преклонял колени перед любым видом тирании, как тронной, так и народной.

VI. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: СУДЬИ

Настаивая на отмене уголовного суда присяжных, мы весьма далеки от того, чтобы предлагать судьям обращаться к юристам, чей научный арсенал в основном состоит из максим Дигест. Какими бы ценными ни были такие знания при рассмотрении гражданских дел, они малополезны или бесполезны, когда речь идет об осуждении и классификации преступников. Из всех государственных чиновников современные судьи, пожалуй, наименее приспособлены к этой работе. Привыкшие по роду своей деятельности рассматривать человеческие дела с абстрактной точки зрения, они занимаются главным образом формулами. Гражданское право совершенно безразлично ко всему, что касается моральной и физической природы: действительность долга совершенно не зависит от добродетели или злобы кредитора. Этот строго юридический характер никоим образом не может быть приписан уголовной науке, целью которой является борьба с социальной болезнью, то есть с преступностью. У этих двух отраслей мало точек соприкосновения: с нашей точки зрения, они представляют собой две совершенно различные науки. Почему же тогда мы должны нанимать одних и тех же должностных лиц в двух ведомствах государственной службы, которые, по сути, чужды друг другу? Член гражданского суда, призванный председательствовать в уголовном процессе, сохраняет все свои привычки мышления. Его внимание направлено не на личность, а на юридическое определение факта. Его заботят только интересы закона: общественный интерес ускользает от него. Операция, которую он совершает, назначая наказание, почти механична. Он действует, используя арифметику. Он подсчитывает обстоятельства, добавляет их или вычитает одни из других и к результату применяет шкалу, которая находится у него под рукой. Слишком общая шкала кодексов была детально разработана так называемым судебным правом («юриспруденцией») суда, обращение к которому является наиболее удобным способом избежать хлопот, связанных с рассмотрением и оценкой новых фактов по мере их возникновения. И наконец, судья легко забывает, что при назначении наказания главное соображение заключается в том, чтобы оно приносило пользу; что польза должна достигаться различными средствами в зависимости от личности; и что, следовательно, именно рассмотрение личности должно определять вид и меру наказания.

Обновление криминалистики, за которое мы выступаем и которое заключается главным образом в классификации преступников с психологической точки зрения, естественно, влечет за собой еще более фундаментальное различие между квалификациями, необходимыми для двух должностей — гражданских и уголовных судей. Судьи по уголовным делам должны быть особенно хорошо осведомлены в статистике и пенитенциарных системах, а также в уголовной антропологии и психологии. Поэтому они должны составлять отдельную группу от судей гражданских. Ибо аналогия между функциями этих двух судов лишь кажущаяся и поверхностная, и такого рода внешние обстоятельства явно не являются критерием для определения истинного характера функции.

VII. ДАВНОСТЬ УГОЛОВНЫХ ИСКОВ

Еще одна благосклонность, которую закон оказывает правонарушителям, — это давность уголовных исков. Мы можем понять причину давности в гражданских делах. Если в течение определенного периода времени истец не защищал свои права, следует презюмировать молчаливый отказ от этих прав, чтобы предотвратить последующее нарушение новых прав, которыми добросовестно пользуется другой человек. Но когда речь идет о преступлении, разве тот факт, что ему в течение определенного периода времени удавалось избегать рук полиции, может служить основанием для того, чтобы не беспокоить преступника?

И все же именно на этой теории основываются все кодексы, санкционирующие судебное преследование по истечении пяти, десяти или двадцати лет в зависимости от того, является ли правонарушение мелким правонарушением (“*délit*”) или тяжким преступлением (“*crime*”) большей или меньшей тяжести. Обратите внимание, как закон распространяет свою защиту на врага общества. После какого-нибудь выдающегося подвига ловкий мошенник меняет имя и переезжает на новое поле деятельности. В конце концов, будучи пойманным, если с момента его первого правонарушения прошло пять лет, он может быть привлечен к ответственности только за последующие. И если из-за отсутствия доказательств его невозможно осудить за эти преступления, то волей-неволей он должен быть восстановлен в своем гнусном ремесле!

Однако это не означает, что давность в отношении преступлений должна быть полностью отменена. Она должна быть сохранена, но только в определенных случаях, когда поведение деятеля доказывает, что он не является антиобщественным существом, и когда

последующее изменение условий, обусловивших преступление, делает маловероятной возможность его будущего совершения. Предположим, например, что праздность и бедность являются определяющей причиной преступления против собственности, но преступник, которому удалось ускользнуть от полиции, обнаруживается лишь через пять или десять лет, в течение которых, подобно Жану Вальжану в «Отверженных», он претерпевает моральные изменения и становится честным работником, чья честность признана во всем районе. Такой случай может произойти один из тысячи, но если бы он случайно представился, разве не все согласились бы, что наказание больше не нужно, что его применение было бы бесполезной жестокостью и что все, что требуется, — это возмещение ущерба? То же самое, по сути, было бы верно и в случае некоторых видов агрессии против личности, таких как нанесение побоев и телесных повреждений, посягательство на целомудрие и т.д., где последующее хорошее поведение виновного и достигнутый им зрелый возраст в совокупности защищают общество от повторения его преступного деяния. И это было бы верно, опять же, в случае всех преступлений, совершенных людьми, не являющимися рецидивистами, где, иными словами, преступник попадает в промежуточную зону, которую мы упомянули как существующую между классом настоящих преступников и классом честных людей. В уголовном праве некоторых стран признан принцип, согласно которому рецидивизм прерывает течение срока давности наказания. Нам следует усвоить этот принцип, или, вернее, его суть, и использовать его в случае давности деяния, когда, то есть, приговор о наказании еще не вынесен, заменив негативный элемент, а именно отсутствие нового преступления, позитивным элементом, а именно доказательством того, что преступник претерпел моральное преобразование. Такое правило, естественно, предотвратило бы любое исчисление срока давности в случае инстинктивных преступников убийственного типа, чья активная извращенность не поддается исправлению. И тогда нам больше не пришлось бы терпеть отталкивающее зрелище преступников, живущих в самом театре своих кровавых деяний, защищенных от потрясений лишь тем фактом, что с момента совершения деяния прошло около десяти лет.

VIII. ДАВНОСТЬ НАКАЗАНИЙ

Аналогичные соображения послужат и для решения проблемы давности наказаний — института, предусмотренного некоторыми кодексами и не признаваемого другими. Здесь так же решительно, как и в предыдущем случае, позитивистская теория выступает против лю-

бого абсолютного правила. Она бы рассматривала индивидуальный случай в соответствии с требованиями социальной защиты. Она бы применяла принцип, согласно которому, когда время произведет моральное преобразование преступника и сделает его полезным и социально адаптируемым существом, объект наказания исчезает. Преступник, чье последующее поведение подтвердило диагноз его неисправимости, таким образом, лишается всех преимуществ давности¹.

IX. ПОМИЛОВАНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ

Еще одним средством, используемым государством для защиты преступников, является осуществление права помилования. Прощение — это акт великодушия, понятный в случае правонарушений, которые являются таковыми, поскольку запрещены правительством, как, например, политические преступления и нарушения финансовых и административных правил; никто не станет оспаривать право правительства не обращать внимания на то, что вредит только ему. Но мы не можем понять, по какому праву правительство может прощать вред, причиненный обществу в целом действием, запрещенным естественными законами социального организма, для защиты которого и существует это самое правительство. Загадка, как эта власть помилования умудрилась пережить все другие иррациональные предубеждения.

Амнистия, то есть всеобщее прощение целой категории лиц, виновных в обычных преступлениях, — это нечто, что, как ни странно, не может быть превзойдено. Государство, по сути, говорит преступнику: «То, что ты сделал, было преступлением вчера; оно будет преступлением завтра, но только сегодня мы не будем считать это таковым». Ведь амнистия отменяет само преступление. Какой бы

¹ Камевале отказывается признать, что больший или меньший промежуток времени способен аннулировать факт преступления или что в таком случае абсолютная безнаказанность опасных преступников совместима с моральными чувствами цивилизованной нации. Мы слишком много способствуем шансам преступника на безнаказанность. Уважающее себя государство, осознающее свои обязанности, должно направить все свои усилия на то, чтобы минимизировать эти шансы, а не способствовать их увеличению с помощью таких институтов, как институт давности в уголовных делах. Однако автор не считает, что промежуток очень длительного периода времени между совершением преступления и арестом преступника должен быть совершенно безрезультатным. В данном случае эффект не должен выходить за рамки сокращения срока наказания или замены наказания другим, соответствующим новым фактическим обстоятельствам.

комичной ни казалась эта формула, она тем не менее служит для того, чтобы стереть из протокола («easier judiciaire») преступника все следы его преступления, так что рецидивист перестает быть рецидивистом в силу того, что правительство приняло такое решение. В настоящее время, к счастью, в самых просвещенных странах этим правом амнистии редко злоупотребляют. Однако следует надеяться, что недалек тот момент, когда сам этот институт исчезнет.

Иначе обстоит дело с правом предоставлять индивидуальные помилования, касающиеся только вопроса наказания. Это право, которое мы находим установленным при всех формах правления, как в республиках, так и в монархиях. В первых, однако, оно приобретает видимость пересмотра дела Главой исполнительной власти в наиболее серьезных случаях с целью предотвращения исполнения смертного приговора, когда есть основания полагать, что вердикт присяжных был ошибочным или чрезмерно суровым. Ограниченное таким образом право помилования должно быть сохранено, поскольку, в конце концов, это всего лишь дополнительный винтик в судебной машине, полезный, возможно, в крайних случаях.

Но, как ни странно, во многих странах эта концепция помилования не получила широкого распространения — где она сохраняет все свое первоначальное значение как акт милосердия, великодушия, прощения. Этот акт ни в коей мере не считается противоречащим цели наказания, и это просто из-за нежелания понять, что последнее — не акт возмездия, а лишь одно из средств, которые необходимо использовать в борьбе с преступностью.

Просто, по справедливости, правительство должно взять на себя ответственность за новые преступления, совершенные помилованными им преступниками. Оно должно, по крайней мере, возместить ущерб, который, если бы не его неразумный акт милосердия, по всей вероятности, не был бы причинен; но даже если предположить, что оно склонно к этому, как оно может возместить ущерб за новое лишение человека жизни? Ведь, не говоря уже о грабежах, совершаемых преступниками, которым по неосторожности государственных чиновников удалось бежать из тюрьмы, — а в некоторых странах это случается весьма часто, — нередко случается, что помилованные убийцы убивают какого-нибудь несчастного тюремщика, какого-нибудь жандарма, назначенного ответственным за их перевозку, какого-нибудь заключенного, менее виновного, чем они сами. Уникальная щедрость, позволяющая убийце продолжать свои убийства!

И все же мы видим, как некоторые правительства последовательно отказываются санкционировать исполнение смертных приговоров. Бельгия, начиная с 1863 года, — яркий тому пример. Такой курс

действий не понравился королю Швеции Оскару, когда в 1875 году к нему обратились с просьбой смягчить приговоры двум мужчинам, приговоренным к смертной казни за грабеж и убийство. Он заявил, что в таком случае осуществление права помилования будет означать не что иное, как отмену смертной казни, установленной законом. «Теперь, — добавил он, — независимо от моих личных взглядов на справедливость и целесообразность смертной казни в целом, я твердо убежден, что, осуществляя право помилования в подобных случаях, я не имею права отменять закон, принятый с общего согласия короля и парламента».

Это выдающееся высказывание не оставляет ничего недосказанного. Право помилования, подвергавшееся критике со стороны таких великих мыслителей, как Руссо, Беккариа и Филанджери, явно несовместимо с теорией, которую мы отстаиваем. Для нас приговор по уголовному делу — это определение типа преступника в соответствии с рассмотрением, наказание — средствами социальной защиты, требуемыми в данном случае. Нет ничего справедливее, чем предусмотреть возможность пересмотра дела вышестоящим судом или самим Главой исполнительной власти, когда общественное мнение убеждено в невинности осужденного. Такой пересмотр может быть даже разрешен как полезный и справедливый, если наказание представляется чрезмерно суровым. Но как вообще можно допустить, чтобы Глава исполнительной власти имел право свести на нет средства защиты общества от его естественных врагов? Помилование опасного преступника является нарушением права граждан навсегда избавиться от его присутствия. В нынешних условиях тот факт, что человек признан непригодным к жизни, ничего не значит. Как только мы узнаем об этом, правительство вмешивается, даря ему помилование и вознаграждая его за недостаточную социальную компетентность. Разве подобные акты щедрости не хуже государственной благотворительности, единственным результатом которой, как убедительно продемонстрировал Спенсер, являются поощрение бродяг и разорение честного рабочего?

Глава IV

РАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ

В трех предыдущих главах мы указали на следствия, к которым приводят отстаиваемые принципы в отношении виновности в целом, покушения на преступление, участия в преступлении, рецидивизма, процедуры и давности. Теперь остается только показать практическое применение теста на идентичность в качестве замены критериев моральной ответственности и уголовной соразмерности — другими словами, указать средства пресечения, подходящие для различных классов преступников.

I. НАКАЗАНИЕ УБИЙЦ

Итак, следуя порядку этой классификации, мы сначала встречаемся с крайними, типичными преступниками — людьми, которые лишены морального чувства и, следовательно, чувства сострадания даже в его низших проявлениях. В некоторых случаях эта фундаментальная характеристика проявляется с первого взгляда из самой природы преступления, которая сама по себе достаточна для обозначения такой врожденной психической аномалии у преступника, что делает его неспособным к ассимиляции в человеческом сообществе. Рассматриваемые случаи — это убийства, которые могли быть результатом только врожденной и инстинктивной жестокости — черты, всегда ненормальной для любого социального класса или среды. Для преступников такого рода мы используем обозначение, устоявшееся в обычае, а именно — убийцы.

Иногда именно мотив преступления, иногда способ его совершения являются главными признаками моральной чудовищности этих преступников.

Первая категория: мотив как показатель

Таким образом, каждое убийство, совершенное с чисто эгоистической целью — например, для получения денег, власти или благосклонности, сексуального удовлетворения, сокрытия прежнего проступка или любой другой выгоды, преимущества или удовольствия, — представляет собой доказательство независимо от степени развращенности окружения преступника, его исключительной извращенности или полного отсутствия альтруистических чувств. К убийствам этого

последнего типа следует отнести случаи лишения человека жизни, мотивом которых является удовлетворение какого-либо чудовищного желания. Убийство, сопровождающее изнасилование, является примером такого рода, как и убийство, совершенное исключительно ради удовольствия от вида крови и изуродованной плоти. Затем идут случаи, когда жертва не сделала ничего, чтобы заслужить ненависть или вызвать гнев убийцы, или когда в силу кровных связей или полученных выгод то, что убийца считал провокацией, не было бы таковой для обычного человека. Таково, в общем, преступление отцеубийства, ибо даже явная несправедливость, совершенная по вине отца, не побуждает обычного человека мстить актом кровопролития. Таково также убийство благодетеля или человека, которому убийца обязан уважением и повиновением. И, наконец, к этому типу относится случай, когда убивают безобидного незнакомца, не имея иных мотивов, кроме желания убийцы продемонстрировать свою физическую силу или мастерство обращения с оружием. Все эти разнообразные проявления жестокости, все еще распространенные среди дикарей, но редко встречающиеся у цивилизованных народов, связаны общей чертой: отсутствием со стороны жертвы какого-либо поведения, способного вызвать реакцию со стороны нормального человека, или, другими словами, отсутствием того, что для нормального человека было бы оскорблением или разумной несправедливостью.

Вторая категория: способ убийства как показатель

Вторая категория убийц характеризуется способом совершения преступления. Если убийство сопровождается пытками, если преступник намеренно продлевает причиняемые им страдания, мы всегда можем быть уверены в его врожденной жестокости, — ибо ни один нормальный человек не выдержал бы стонов жертвы или вида ее мучительных извивов. Сам факт пытки является достаточным доказательством полного отсутствия чувства жалости, даже если намерение лишить жизни не проявляется явно. По этой причине Французский кодекс прав применяет термин «убийство» к любому виду преступления, которое при его совершении включало преднамеренное причинение физической жестокости.

Преднамеренность не является верным критерием аномалии

Возможно, уместно напомнить читателю, что мы не использовали критерий преднамеренности, ставший доминирующим в теории юридической школы, как средство различения наиболее тяжелых преступлений против человеческой жизни. Характер убийцы не зависит от длительности размышления. Скорость, с которой действие следует

за решением, никак не связана с исправимостью или неискорректируемостью исполнителя. Немедленность действия не исключает полного отсутствия нравственного чувства. С другой стороны, существуют случаи, когда убийца не является типичным преступником, хотя у него и было время для размышления. Это может произойти, когда он пережил тяжкий вред, возмутительную несправедливость, отравившую ему жизнь и жизнь его семьи, или когда он убежден, что месть — его священный долг. Более того, преднамеренность не означает отсутствия страсти, поскольку степень ее проявления зависит от индивидуального темперамента.

Иногда убийство, хотя и непреднамеренное, тем не менее является верным признаком инстинктивной жестокости, например, когда жертва не была спровоцирована. «Отъявленные, жестокие преступники, — говорит Деспен, — так же лишены моральных чувств, как и те, кто хладнокровно совершает преступления». Предположим, что человек, уже имеющий репутацию жестокого человека, проводит вечер в таверне. В минуту дурного настроения он затевает ссору с первым попавшимся на глаза человеком, возможно, с соседом по столу, — оскорбляет его, бьет, а когда его подстрекают к ответным действиям, жертва бросает стакан в голову своего мучителя, тот выхватывает пистолет и стреляет в него. В таком случае мы вполне можем иметь преступника, представляющего психологические характеристики убийцы, несмотря на то что деяние было мгновенным и непреднамеренным.

Одно, однако, неоспоримо, а именно — что обстоятельство незапланированной и совершенно невыносимой провокации показывает, что манера чувств убийцы близка к манере чувств большинства людей, и в большинстве случаев не позволяет нам приписывать ему чрезмерно ненормальный характер. Подобные обстоятельства могут встречаться как при преднамеренных преступлениях, так и при преступлениях, совершенных под влиянием мгновенного импульса. Следовательно, факт преднамеренности не всегда является признаком психологической аномалии, отличающей экстремальных преступников.

Итак, наш вывод заключается в том, что жестокость, с которой было совершено убийство, и отсутствие серьезной провокации со стороны жертвы — это два критерия, которые следует заменить критерием преднамеренности. С их помощью мы сможем отличать от других преступников-убийц тех, кого мы называли убийцами, то есть крайних, инстинктивных или типичных преступников, которых можно считать существами, морально деградировавшими в крайней степени и навсегда неспособными к общению.

Устранение смертью — необходимая мера

Как только будет признана невозможность адаптации в случае с этими преступниками, потребуется их абсолютное устранение. Немыслимо, чтобы общественная власть хотя бы в одном случае допустила вероятность, пусть даже и незначительную, повторения чудовищного акта подобного рода тем же преступником. В случае этих особо опасных преступников может применяться только смертная казнь. Единственным исключением из ее применения будут установленные случаи умственного помешательства по причинам, которые были приведены ранее. В таких случаях необходимо будет поместить преступника в лечебницу для душевнобольных преступников, откуда он не будет выписан до тех пор, пока не будет полной уверенности в его излечении.

Что касается самой смертной казни, то здесь нет необходимости в ее обосновании. Этот вопрос уже достаточно обсуждался в других частях этой книги.

Однако утверждается, что в качестве средства устранения пожизненное заключение является адекватной заменой смертной казни, поскольку оно препятствует возвращению преступника в общество и делает его воспроизводство невозможным. Мы вынуждены оспорить точность этого утверждения. Во-первых, количество ежегодно совершаемых побегов доказывает, что устранение, осуществляемое пожизненным заключением, не является абсолютным. Кроме того, всегда существует значительное количество непредвиденных обстоятельств, таких как тюремные бунты, помилования, амнистии и т.д., в результате которых преступник возвращается в общество. И наконец, не редкость, когда пожизненно заключенные убивают своих надзирателей или жандармов, отвечающих за их перевозку из одной тюрьмы в другую.

Следовательно, тюрьма не является абсолютным и необратимым средством устранения. Но даже если бы это было так, этого факта было бы недостаточно, чтобы отдать ей предпочтение перед смертной казнью. Мы не видим веских причин для сохранения жизни людей, которые должны быть навсегда отлучены от общества, — для сохранения чисто животного существования. Мы также не можем понять, почему граждане государства должны облагаться налогами с целью предоставления пищи и крова постоянным врагам общества.

Если полностью оставить предыдущие соображения без внимания, есть еще одно, еще более решающее. Предположим, что два средства устранения — смерть и пожизненное заключение — одинаково абсолютны. Раз уж нам приходится выбирать между ними, почему бы

нам не выбрать то, которое обладает неоценимым преимуществом запугивания?

Мы считаем несправедливым причинять человеку более тяжкое зло, чем того требует его личность, исключительно в целях устрашения или запугивания. Мы говорили, что к каждому преступнику должны применяться репрессивные средства, соответствующие его индивидуальной природе, в зависимости от степени его несоответствия социальной жизни, — с большей или меньшей вероятностью его ассимиляции: в противном случае могут быть совершены крайние несправедливости и жестокости с целью предотвращения преступлений. В данном случае, однако, преступник не способен к ассимиляции; он заслуживает устранения; и такое устранение, как мы видим, безусловно осуществляется посредством смертной казни, без излишеств или несправедливости. Теперь предлагается заменить это средство другим, якобы равноценным. Но, очевидно, прежде чем отказаться от первого, мы должны посмотреть, дает ли второе те же косвенные преимущества — преимущества, которые не являются определяющими, но которым тем не менее следует придать должное значение. Таким преимуществом является устрашение. В случае смертной казни это естественный эффект; наказания, ограничивающие свободу, производят его в несравненно меньшей степени.

В этом вопросе сомнений быть не может. Хотя виселица не устрашает всех преступников, она вселяет ужас во многих, кого не пугает угроза тюремного заключения, какой бы продолжительности оно ни было. Если бы смертная казнь могла обезоружить всех убийц, не было бы необходимости в ее применении. Но нельзя сомневаться, что она обезоруживает многих. Более того, когда государство казнит убийц, оно не может сделать большего. Однако, если оно не делает всего, что в его силах, оно несет ответственность за человеческие жизни, которые в противном случае не были бы отняты. Когда оно стремится сделать все возможное для предотвращения деяния, необходимо угрожать тому, кто его совершит, причинением максимально возможного вреда. Лишение свободы — это не максимально возможное зло, ведь жизнь все еще остается. Когда государство отменяет смертную казнь, оно разрешает убийство: оно говорит преступнику: «Риск, которому вы подвергаетесь, убивая человека, — это смена места жительства, необходимость проводить свои дни в моем доме, а не в своем собственном». В действительности смертная казнь не отменяется. Отказываясь от своего права назначать это наказание, государство тем самым признает за другими право лишать жизни. Здесь мы сталкиваемся с порочным кругом. Разве не лучше, чтобы

смертная казнь была назначена государством, а не отдельными лицами? Вот в чем вопрос.

Кроме того, следует отметить, что влияние смертной казни не ограничивается той категорией преступников, которым она непосредственно угрожает: она оказывает мощное воздействие даже на менее тяжких преступников, поскольку человек, стремящийся к преступной карьере, не имеет точного представления о том, насколько далеко он может зайти и какое наказание повлечет за собой его деяние. Таким образом, осознание того факта, что «существует сила, способная лишить жизни определенных преступников» (какой именно, он не знает), может стать достаточно сильным мотивом, чтобы парализовать его преступные наклонности.

История и статистика подтверждают истинность этих утверждений. В Бельгии, как сказал генеральный прокурор этой страны, убеждение в том, что смертная казнь осталась в прошлом, возникшее в массах из-за отношения правительства к смертной казни в течение нескольких лет до 1850 года, сопровождалось ростом числа более тяжких преступлений, начиная с этого года. А после 1863 года, когда возобновилась практика систематического помилования, число тяжких преступлений умножилось «тревожным образом, поскольку вера в отмену смертной казни все больше укреплялась в общественном сознании». Фактически с 1865 по 1880 год число уголовных дел по факту убийств увеличилось с 34 до 120.

Как известно, грозная вспышка разбоя, произошедшая в 1861 году на юге Италии, была подавлена только расстрелами осужденных преступников. Англия, которая постоянно применяла повешение в качестве наказания, смертную казнь за убийство — единственная страна в Европе, где наблюдается ощутимое снижение преступности. В Пруссии, где в течение многих лет смертные приговоры практически не приводились в исполнение, уголовная статистика демонстрирует непрерывный рост числа убийств в период с 1854 по 1880 год: с 242 в первом году оно непрерывно росло до 518 во втором. В Швейцарии в результате отмены смертной казни в 1874 году было установлено, что за пять лет число этих преступлений увеличилось примерно на 75% — обстоятельство, побудившее многие кантоны восстановить данное наказание.

Что касается Франции, то, пока смертные приговоры продолжали регулярно приводиться в исполнение, число наиболее тяжких преступлений сокращалось. Но в 1878 году президент Грэви, по-видимому, желая поэкспериментировать «*in anima vili*», разрешил лишь 7 казней, в 1880 году — лишь 2, а в 1881 году сократил их число до 1. Как только эта снисходительность была замечена уголовным миром,

убийства участились. Если в 1877 году был вынесен 31 смертный приговор, то в 1880 году их было 35. Число приговоров за отцеубийство, составлявшее 8 в 1878 году, возросло до 14 в 1882 году. За этот последний период число убийств увеличилось на 36. С тех пор под влиянием общественного мнения право помилования стало применяться реже. Из преступников, приговоренных к смертной казни в период с 1886 по 1900 год, почти половина была казнена, в результате чего число убийств сократилось с 224 до 175.

Корреспондент из Чили пишет мне, что в связи с практикой систематической замены смертной казни 15 или 20 годами заключения в «пресидио» наблюдается постоянный рост числа убийств и умышленных убийств. В период с 1898 по 1902 год среднегодовое число таких преступлений составляло 950, то есть 35 на 100 000 жителей. Эта исключительная частота преступлений против человеческой жизни, добавляет мой информатор, делает колонизацию практически невозможной.

Жители постоянно находятся в состоянии страха, и их главная забота — уехать из сельской местности. И все же, несмотря на эти условия, газеты и политики продолжают проповедовать «ассасинофилию».

В Италии, где, за исключением армии, казни не проводились с 1876 года, наиболее тяжкие преступления достигли почти невероятных масштабов. В то время как в Англии среднегодовое число убийств составляет всего 300, в Италии, при почти равном населении, среднегодовое число составляет 3814, из которых почти треть — это настоящие убийства. С 1892 года цифры мало изменились: в 1899 году их было 3686. Возможно, причина в том, что уровень преступности достиг своего пика. Независимо от того, существует ли смертная казнь или нет, в любой стране не все граждане склонны развлекаться, перерезая друг другу горло. Единственное, что стоит отметить, так это то, что с отменой смертной казни у тех, кто склонен к этому виду развлечения, больше нет причин для колебаний.

Один-два примера, пожалуй, не бесполезны. В Неаполе офицер пожарной охраны был хладнокровно убит своим подчиненным, к которому он проявил много доброты. Признание убийцы показало, что он был твердо убежден в том, что смертная казнь — не то, с чем следует считаться, поскольку он заявил, что мотивом его преступления было желание добыть еду и кров на всю оставшуюся жизнь без необходимости работать или просить милостыню. В 1884 году произошел случай с солдатом Мизеа, который однажды ночью в казармах Пиццофальконе в Неаполе открыл огонь из винтовки по своим спящим товарищам и, продолжая свою кровавую работу в течение четверти

часа, убил десять из них. Приговоренный к смертной казни военным трибуналом, он отказался серьезно отнестись к своему приговору, поскольку был твердо убежден, что казни в Италии невозможны. Через несколько дней после этой бойни другие солдаты убили своих сержантов. Все преступники были расстреляны. С тех пор в итальянской армии не было ни одного подобного случая.

Если страх потерять жизнь способен влиять на поведение людей, которым по роду своей деятельности часто приходится сталкиваться со смертью, как можно предположить, что тот же страх неэффективен для населения в целом?

Любые попытки реализовать план Беккариа и сделать условия пожизненного заключения настолько суровыми, чтобы внушать ужас, были бы совершенно бесполезны. Во-первых, применение неизбежно связанных с этим жестокостей было бы отвратительно. С другой стороны, любые меры, которые мы могли бы предпринять, чтобы придать тюрьме устрашающий вид, не имели бы иного эффекта, кроме зловещего впечатления, производимого на тех, кто посещал подобные учреждения из любопытства, ибо отчаяние заключенного не находит отклика за стенами его темницы.

II. НАКАЗАНИЕ ЖЕСТОКИХ ПРЕСТУПНИКОВ

(а) Убийцы

Теперь перейдем ко второй категории преступников. У них преступность обусловлена главным образом поверхностным слоем характера, в котором находят пристанище ложные представления о чести, долге мести или других предрассудках, часто традиционных для семьи или целого социального класса. Преступники такого рода не убивают из побуждений чисто эгоистического удовлетворения. Их преступления являются следствием эго-альтруизма, того, что они считают оскорбленной честью, или даже истинного, но ложно направленного альтруизма, например, когда ими движут политические или религиозные предрассудки.

Как уже указывалось, аномалия преступника всегда обратно пропорциональна тяжести его провокации: чем серьезнее провокация, тем меньше его образ чувств отличается от образа чувств нормальных людей. Преступление может, таким образом, принять вид реакции, в принципе законной, но чрезмерной (и именно эта чрезмерность, следует отметить, и определяет факт ненормальности); чувства преступника, хотя и преувеличенные, могут быть объяснимы. Но для этого провокация должна быть осязательной, она должна иметь такую

природу, чтобы сама по себе представлять собой оскорбление нравственных чувств. Все, что относится исключительно к образу чувств преступника, должно быть оставлено без внимания, ибо именно его психическая аномалия заставляет его преувеличивать внешние впечатления, превращая факт, который для других почти безразличен, в тяжкий ущерб, несправедливость, требующую отмщения. Поэтому необходимо, чтобы провокация была такой, чтобы большинство людей или, по крайней мере, те, кто принадлежит к одному социальному классу или части страны, считали ее реальной. Только тогда преступник становится более или менее похожим на обычного человека в зависимости от тяжести причиненного ему вреда или несправедливости.

В качестве примера можно привести преступление, представляющее собой немедленную и непреднамеренную реакцию на тяжкое оскорбление, вызванную чувством собственного достоинства. Всеобщая распространенность этого чувства делает преступление менее шокирующим. Вот почему мы всегда готовы простить человека, который применяет оружие в тот самый момент, когда он испытывает невыносимое оскорбление.

Следует опасаться, что на практике эти обстоятельства оправдания станут предметом злоупотреблений. В романских странах очень трудно добиться от присяжных обвинительного приговора за преступления, совершенные в пылу страсти. Отмена суда присяжных должна стать первым шагом в реформе уголовной науки.

И снова, есть случай, когда мотивом является месть за убийство родственника. Совершенное в соответствии с местными предрассудками или предрассудками определенного социального класса, преступление можно назвать «эндемическим». Однако, по сути, оно ничем не отличается от убийства, которое оправдывается фактом провокации. Мы считаем ущерб реальным, когда он таковым является в соответствии с представлениями, распространенными в сфере, в которой мы движемся: не имеет значения, является ли эта сфера всем миром или только тем микрокосмом, в котором мы живем и который единственный нам известен. Такого рода кровная месть, несомненно, предписывается первобытными обычаями, которые все еще сохранились в некоторых регионах Юга, таких как Корсика, Сицилия и Калабрия.

Тем не менее факт преднамеренности, каков бы ни был мотив убийства, всегда указывает на жестокую натуру. Не обладая такой натурой, Гамлет проводил долгие дни в нерешительности, не в силах решиться на поступок, против которого восставали его инстинкты. Однако влияние окружающей среды, суеверное представление

о долге, требующем отомстить за смерть отца или честь дочери, в значительной степени ограничивают ту долю в преступлении, которую следует приписать индивидуальному характеру, то есть моральной аномалии убийцы. Именно неэгоистический внешний мотив владел и стал определяющим. Если нет других фактов, которые привели бы нас к противоположному убеждению, мы не можем быть уверены в постоянной необщительности преступника. Ни в одном из случаев, упомянутых в этом разделе, преступник не может быть классифицирован как убийца. Однако есть основания полагать, что в нем присутствует моральная аномалия, заключающаяся в том, что его чувство сострадания не достигает той меры, которую требует социальная жизнь. Следовательно, необходимы какие-то средства устранения. Прежде всего необходимо изгнать человека из среды, где господствующие предрассудки почти оправдывают его преступление.

Но это исключение не должно быть ни абсолютным, ни постоянным, ни предопределенным заранее — во-первых, потому что невозможно утверждать, что степень извращенности настолько высока, чтобы давать основания опасаться дальнейших преступлений со стороны того же преступника, и, во-вторых, из-за нашей неспособности отличить в совершении преступления ту часть, которая обусловлена моральной аномалией индивида, от той, которая обусловлена влиянием окружающей среды.

Представляется, что репрессивное обращение в данном случае должно принять форму интернирования («высылки») в какое-либо место — например, на остров или в колонию, — где преступнику будет предоставлена свобода передвижения и при этом он будет находиться под таким надзором, который не позволит ему сбежать. Продолжительность наказания не должна быть установлена заранее, а должна зависеть от ряда обстоятельств, среди которых важнейшими являются возраст и пол. Ведь если речь идет о совсем молодом преступнике, можно предположить, что наступление зрелости смягчит чрезмерную чувствительность, ответственную за его преувеличенную склонность к обиде на совершенное преступление, и лишит его энергии, которую он так нерационально использовал. В случае женщин замужество и рождение детей могут служить достаточной гарантией. У взрослых преступников приближение старости может иметь аналогичный эффект. Каждое из этих условий знаменует собой перемену в жизни, при которой доминирующие страсти ослабевают или вовсе исчезают, уступая место другим. Наконец, если заключенный в тюрьму преступник в течение ряда лет будет демонстрировать однородную мягкость характера, это должно ускорить его возвращение в общество. По этим причинам необходимо установить срок наблюдения. Он

будет варьироваться в зависимости от конкретного случая, однако следует позаботиться о том, чтобы он не был слишком коротким. По его завершении мировой судья, имея перед собой подробный отчет обо всех фактах, проливающих свет на характер преступника, решит, следует ли прекратить или продлить наказание.

(б) Правонарушители, виновные в актах серьезной физической или нравственной жестокости

Правонарушители, виновные в других преступлениях того же характера, должны подвергаться уголовному наказанию, существенно отличающемуся от того, которое предусмотрено в физических («болезненных») и исправительных наказаниях в рамках существующей системы. К этой категории относятся лица, совершающие такие преступления, как нанесение ран с намерением искалечить, изуродовать или вызвать постоянную или временную физическую инвалидность, нанесение увечий, насильственное похищение, изнасилование, применение физической жестокости к беззащитным людям, ложное обвинение и похищение с длительным задержанием жертвы. Иногда случается, что преступный инстинкт такого преступника оказывается стойким. Так ли это, можно установить, проведя обследование на наличие стигматов дегенерации, упомянутое в предыдущей главе, в сочетании с исследованием фактов, относящихся к его привычкам и характеру, которые длительное наблюдение позволит изучить во всех подробностях. Может оказаться, что преступник страдает истерией. Это особенно вероятно, когда его преступление связано с ложным обвинением или жестоким обращением с детьми. Так, когда речь идет о нанесении телесных повреждений или изнасиловании, может показаться, что преступник — эпилептик или жертва алкогольного опьянения. В таких случаях преступника необходимо поместить в лечебницу для душевнобольных преступников.

Кроме того, может случиться, что виновник жестокого акта, не проявляя никаких признаков невроза или аффективного расстройства, продолжает проявлять зверскую извращенность, хотя у него еще не было случая совершить убийство. В этом случае единственным средством, способным примирить потребности социальной защиты с чувством гуманности, которое в наши дни не санкционирует применение смертной казни к человеку, который не лишил жизни, является ссылка. И поскольку в подобных случаях преступник по своей природе действительно дикарь, депортация должна заключаться в том, чтобы преступника доставили в какой-нибудь отдаленный регион, куда еще не проникла цивилизация, и там предоставили ему возможность жить самостоятельно, будучи лишенным всякой воз-

возможности причинить вред цивилизованным людям. Такая депортация — высадка преступника на сушу — в подобных случаях является единственной разумной формой наказания, поскольку она наиболее проста и наименее затратна для общества. Что касается места, то острова Океанического архипелага и пустыни Африки сделают этот способ репрессий возможным еще в течение многих столетий.

С другой стороны, когда преступление рассматриваемого характера представляет собой единичный случай в жизни его совершившего и не доказывает его абсолютной необщительности, наиболее подходящим средством наказания будет интернирование («высылка») в исправительную колонию за морем. Наказание не будет прекращено до истечения срока достаточного наблюдения, если только за это время преступник не выплатил потерпевшему или его семье полную сумму компенсации, установленную мировым судьей, и не получил от последнего разрешения на возвращение.

(с) Молодые правонарушители

Период наблюдения также необходим в случае несовершеннолетних правонарушителей, виновных в совершении особо тяжких преступлений или изнасиловании, когда существует вероятность того, что умственное и нравственное развитие изменит их инстинкты. Наличие этой возможности не должно зависеть от каких-либо жестких правил, устанавливающих несовершеннолетие, а должно быть оставлено на усмотрение судьи в каждом конкретном случае. Как мы уже имели возможность отметить, инстинкт кровопролития иногда начинает проявляться в очень раннем возрасте в серии актов, характеризующихся насилием и жестокостью. Хотя недостаток физической силы у действующего лица препятствует иметь серьезные последствия, ситуация требует внимательного рассмотрения со стороны судьи, а не, как при нынешней системе, поспешного назначения так называемого исправительного наказания, предполагающего несколько дней или месяцев заключения. Эти мелкие правонарушения повторяются с порой почти невероятной частотой, пока наконец не достигают кульминации в каком-нибудь чудовищном преступлении. Только тогда мы задумываемся о прошлом преступника. Дело в том, что он всегда был инстинктивным убийцей, и антрополог сказал бы нам об этом давно, если бы мы предоставили ему этот вопрос для изучения. С одной стороны, характер и частота деяний в сочетании с психологией и антропологическими характеристиками преступника, с другой — то, что можно назвать королевой доказательств, — наследственная предрасположенность к пороку, безумию или преступлению — позволили бы наблюдателю обнаружить в жестоком и вспыльчивом ребенке тот

тип преступника, которого мы назвали убийцей, и предложить меры, которые, если бы были приняты, привели бы к спасению одной или нескольких жизней.

Для юных преступников, подобных данному описанию, необходим первичный период наблюдения в приюте для душевнобольных преступников. Это, вероятно, выявит существование какой-либо психопатической формы. Если же нет и все еще есть надежда, что наступление половой зрелости приведет к трансформации инстинктов, то необходимой мерой является вторичный период наблюдения в сельскохозяйственной колонии, длящийся неопределенно долго, то есть до тех пор, пока не появятся веские основания полагать, что опасность исчезла. В случае рецидивизма, когда становится очевидным, что преступник характеризуется отсутствием морального чувства и стойким инстинктом жестокости, который рано или поздно проявится в убийстве, депортация, упомянутая в предыдущем разделе, а именно высадка на необитаемый остров, по-видимому, является единственным средством, с помощью которого государство может предотвратить лишение жизни невинных людей и в то же время сохранить жизнь преступнику, который еще не совершил убийства.

(d) Правонарушители, испытывающие недостаток только в профессиональной подготовке или сдержанности

Далее мы имеем класс преступников, которые занимают место на самом краю естественной преступности или, если угодно, посередине между преступниками и нормальными людьми. Совершаемые ими правонарушения представляют собой наименее серьезные нарушения чувства жалости и едва ли могут быть отнесены к настоящей жестокости, представляясь скорее следствием того, что можно назвать грубостью, отсутствием моральной подготовки или сдерживающих воздействий. Таковы случаи нападения, происходящего во время драки, когда, поскольку пленный воздержался от удара поверженного противника, очевидно, что намерения убить не было; случаи причинения смерти или телесных повреждений, когда результат напрямую обусловлен халатностью или небрежностью правонарушителя, — то есть тем пренебрежением к жизни других, которое всегда является признаком низкого уровня развития альтруистических чувств; а также оскорбления и угрозы, не имеющие серьезного значения. К этой категории можно отнести и случай соблазнения.

Именно в таких случаях мы могли бы с успехом заменить наказание в виде тюремного заключения обязательным возмещением, строго соблюдаемым, материального и морального ущерба, при-

чиненного правонарушителем. Это могло бы выражаться в требовании к уплате двух штрафов: одного в пользу государства в качестве компенсации за нарушение общественного порядка, а также для покрытия судебных издержек, и другого в пользу потерпевшего. Размер каждого штрафа должен зависеть от платежеспособности заключенного, принимая во внимание его личные средства, если таковые имеются, а если их нет, то возможность выплаты суммы за счет его труда. В отношении платежеспособных правонарушителей требуются меры крайней строгости. Потерпевшему следует предоставить залог («ипотека», «судебная ипотека») на недвижимое имущество ответчика, а что касается остатков активов последнего, то требование должно быть объявлено преимущественным и обеспеченным долгом. И чтобы пресечь любые попытки со стороны ответчика обманным путем передать свое имущество, эти документы должны быть датированы не моментом вынесения окончательного решения, а моментом вынесения постановления о предании заключенного суду. Наконец, в случае отказа потерпевшего воспользоваться этими льготами причитающаяся ему сумма должна быть перечислена в Компенсационный фонд, созданный для выплаты авансовых платежей нуждающимся лицам, пострадавшим от уголовных преступлений.

Что касается неплатежеспособных лиц, то следует обязать их выплачивать в пользу государства, с одной стороны, и в пользу потерпевшего или (в случае отказа последнего) в вышеупомянутый Компенсационный фонд, с другой стороны, все свои доходы сверх того, что необходимо для удовлетворения самых насущных жизненных потребностей, а именно: жилья и пропитания, достаточного лишь для утоления голода. В случае фабричных рабочих и подобных лиц работодатель должен быть обязан удерживать эту сумму из заработной платы. Наконец, все нарушители, отказывающиеся подчиняться этим мерам, а также те, кто не в состоянии выполнять эти требования, — бродяги, злостные бездельники и лица без постоянного места жительства, — должны быть зачислены в корпус государственных рабочих. Их заработная плата на этой службе будет номинально не ниже заработной платы свободных рабочих. Однако государство фактически будет выплачивать им лишь ту часть, которая строго необходима для их существования: остаток будет время от времени перечисляться в Компенсационный фонд, который будет производить надлежащие выплаты пострадавшим.

Принятие таких мер имело бы тройной эффект. Во-первых, это позволило бы быстрее утихомирить негодование пострадавших. Кроме того, общество было бы освобождено от бесполезного бремени содержания постоянно обновляющегося множества преступников,

населяющих исправительные тюрьмы. И наконец, сами преступники будут защищены от еще большей деморализации и унижения тюремной атмосферой и от ожесточения из-за вынужденного безделья, обусловленного ее режимом.

III. НАКАЗАНИЕ ПРЕСТУПНИКОВ, ЛИШЕННЫХ ЧЕСТНОСТИ

Теперь мы переходим к рассмотрению уголовного наказания, применимого к третьей основной категории преступников — тем, кто полностью или частично лишен чувства честности.

(а) Инстинктивные и привычные правонарушители

Уже было отмечено, что, как аналог болезненной формы, называемой клептоманией, у людей, не страдающих психическими расстройствами, может существовать склонность к воровству, обусловленная наследственностью или атавизмом, и что такие склонности часто проявляются по внешним антропологическим признакам, в частности по характерной физиогномике. Наличие этих характеристик у человека, не находящегося в состоянии крайней нищеты или бедности, в сочетании с фактом его многочисленных рецидивов, несомненно, делает его прирожденным и неисправимым вором. То же самое относится и к мошенникам, которые также часто проявляют отличительные черты.

Как я уже говорил ранее, устранение в его абсолютной форме должно применяться только в случае убийц, поскольку, если деяние преступника не нанесло тяжкого и непоправимого ущерба чувству сострадания, само это чувство препятствует лишению его жизни. Для защиты общества от таких врагов могут быть предложены и менее абсолютные средства.

Одного исключения вполне достаточно. Прежде всего следует выделить клептоманов и пироманов, а также воров и поджигателей, страдающих эпилепсией: их следует помещать в приют для душевнобольных преступников и там обеспечивать им надлежащее лечение. Вменяемые преступники, с которыми мы имеем дело в данной связи, — это, следовательно, воры, поджигатели, мошенники и фальшивомонетчики, не страдающие психическим расстройством, но обладающие преступным инстинктом (или, по словам Бенедикта, моральной неврастенией), а также рецидивисты этого вида независимо от того, является ли их недостаток честности врожденным или, возникнув вследствие внешних обстоятельств (плохое воспитание, дурные примеры и дурное общество), впоследствии стал инстин-

ктивным и неисправимым. Для таких преступников подходящей мерой была бы ссылка в какую-нибудь отдаленную и малонаселенную местность, в какую-нибудь колонию на начальном этапе развития, где усердный труд абсолютно необходим для поддержания существования. Осознание преступником того, что все оставшиеся ему дни придется провести в изгнании, возможно, побудило бы его приложить некоторые усилия; вероятно, он попытается сделать свое существование менее обременительным и опасным. Но если неврастения непреодолима и преступник находит средства для осуществления своей злонамеренной деятельности в месте своего заключения, то потребуются дальнейшее устранение. В таком случае следует прибегнуть к наказанию в виде высадки на чужбину.

Франция владеет Новой Каледонией, колонизация которой едва началась, и отправляет туда своих закоренелых преступников, несмотря на сопротивление австралийского правительства — сопротивление, несомненно, вызванное страхом перед будущей торговой конкуренцией в гораздо большей степени, чем страхом перед тем, что Австралия станет убежищем для беглых каторжников. Россия имеет в Сибири огромную территорию с очень слабым населением, которую она использует для ссылки преступников. Правительство Британской Индии продолжает переправлять каторжников на Андаманские острова. На тюремном конгрессе, состоявшемся в Калькутте в 1877 году, предметом дебатов была не отмена ссылки, а лишь ее ограничение для рецидивистов — мера, с которой наш план полностью согласуется.

Возможно, когда-нибудь места не хватит. Так же, кстати, иссякнут когда-нибудь мировые запасы угля: даже подсчитано, сколько столетий потребуется, чтобы это произошло. Но разве из-за смутной вероятности мы должны отказаться от использования мира таким, каким он есть сегодня? После островов Полинезии и Малайзии можно было бы обратиться к Сахаре и, наконец, к бесчисленным коралловым островам, большей частью совершенно необитаемым, которыми усеян Тихий океан... Мы можем быть уверены, что на протяжении многих столетий не будет недостатка в пустошах, способных принять пагубные элементы цивилизованных народов. Конечно, необходимо решить и экономическую проблему, связанную с расходами на транспортировку и надзор, а также с расходами на защиту населения, находящегося на таком большом расстоянии от метрополии. Но следует учитывать, что первоначальные затраты, какими бы большими они ни были, в конечном счете дадут экономию. Освободив исправительные учреждения страны от заботы о всех рецидивистах, чьи правонарушения, следует отметить, составляют почти половину

общего числа преступлений, эта мера приведет к все более осязаемому сокращению размера тюремных ассигнований. Интернированный преступник будет вынужден зарабатывать себе на жизнь сельскохозяйственным трудом. Возможностей для этого будет предостаточно, тогда как в случае с тюрьмой найти полезное занятие для заключенных всегда чрезвычайно сложно.

(b) Непривычные правонарушители

Подкласс, с которым мы только что имели дело, как следует отметить, состоит из правонарушителей, чья бесчестность либо врожденная, либо стала инстинктивной в силу привычки, и которые в то же время в силу тяжести или количества своих преступлений представляют постоянную угрозу для общества. Теперь мы имеем дело со вторым подклассом, состоящим из лиц, чья распущенность еще не завершена и которые еще не стали рецидивистами или крайне опасными для общества.

Это особенно многочисленная группа. Типичный случай — человек без глубоко укоренившегося чувства честности, который совершает правонарушение из-за дурного примера, которому он последовал из духа подражания. Первый проступок часто ведет к другому. Ведь хорошая репутация — это необходимое условие существования даже в самых скромных социальных условиях. Слуга или рабочий, уличенный в краже, столкнется с трудностями в поиске работы. Тогда перед ним открывается новая карьера — карьера злодея, и, поскольку его больше не сдерживает самое сильное из сдерживающих влияний, действовавших до сих пор, — страх быть обвиненным в нечестности, — он, не теряя времени, сделает эту карьеру своей. Единственное возможное средство в случае таких преступников — изменить их территориальное окружение, привычки, характер работы, — короче говоря, помочь им начать новую жизнь. Если наказание, применяемое государством, направлено на улучшение ситуации, а не на ее ухудшение, как это происходит сегодня, оно не должно упускать из виду причины, определившие преступление. Поэтому нам необходимо различать различные случаи этого типа в зависимости от этих причин.

Юные правонарушители, подверженные влиянию дурных примеров

Рассмотрим сначала случай подростков, склонных к воровству под влиянием дурных примеров, встречающихся в их окружении или, если уж на то пошло, в их собственных семьях. Необходимость немедленного удаления правонарушителя из его пагубного окружения здесь очевидна, поскольку в этом заключается единственная надежда предотвратить его превращение в закоренелого вора. Эта

необходимость давно признана практически всеми авторами, рассматривавшими эту тему. Единственная сложность заключалась в определении средств — в определении того, будут ли это исправительные дома, промышленные приюты или сельскохозяйственные колонии. Однако, по мнению Д'Оливекроны, нет сомнений в том, что сельскохозяйственная колония гораздо предпочтительнее.

Во Франции с 1850 года существуют сельскохозяйственные колонии для молодых преступников, оправданных по причине неспособности осознать характер своих деяний («*défaut de discernment*»), и несовершеннолетних, приговоренных к лишению свободы на срок от шести месяцев до двух лет. Некоторые из этих колоний были основаны правительством; другие, в свою очередь, были основаны частными лицами, но в настоящее время находятся под контролем государства. В последних было всего 6,42% рецидивистов, тогда как в правительственных колониях этот процент был несколько выше — 11,29%. Срок заключения варьируется от 3 до 6 лет. Сельскохозяйственный труд является основным видом занятости, но и другие отрасли, такие как кузнечное и плотницкое дело, находят свое место. «Никогда государственные средства не были потрачены с большей пользой, — говорит Д'Оливекрона, — поскольку таким образом государство в 93 случаях из каждых 100 заново адаптирует к обществу класс лиц, которые в противном случае в большинстве своем стали бы заключенными пенитенциарных учреждений на всю оставшуюся жизнь за счет государства». Когда срок заключения истекает, директор колонии находит для своего подопечного работу у какого-нибудь фермера или же добивается его поступления в армию или флот. Таким образом, достигается полная изоляция человека от прежней среды. Аналогичные колонии существуют в Англии, Бельгии, Голландии, Германии, Швейцарии и Соединенных Штатах.

Едва ли нужно говорить, что подобные учреждения могут быть созданы безопасно в цивилизованной стране. Категория преступников, о которых здесь идет речь, такова, что надзор за ними будет легким делом, и даже если некоторые побегут и произойдут, опасность для соседних жителей не будет очень серьезной. Этот случай совершенно не представляет трудностей, сравнимых с теми, что возникают при создании сельскохозяйственных колоний, состоящих из взрослых, приговоренных к каторжным работам, как это было предпринято в Италии, — начинание, которое, по моему мнению, является весьма серьезной ошибкой.

Взрослые новички

Обращаясь теперь к лицам, не вышедшим из подросткового возраста, мы обнаруживаем большую группу начинающих воров, которых к преступлению подтолкнули небрежность, праздность, отсут-

стве профессии или склонность к бродяжничеству. Каков бы ни был характер кражи, если только не очевидно, что речь идет о непреодолимом врожденном инстинкте, этот случай всегда требует эксперимента. Это примет форму определения преступника в отряд государственных рабочих, где его заработная плата, номинально равная обычному стандарту, будет удерживаться для уплаты штрафа государству и компенсации пострадавшему. На этой службе он будет иметь право на еду только после надлежащего выполнения своих ежедневных обязанностей и, таким образом, будет поставлен перед выбором: работать или голодать. Выплата причитающейся суммы не должна сопровождаться его полным освобождением. Вместо этого от него следует потребовать внести небольшую сумму в качестве залога за свое хорошее поведение и найти работу на какой-либо фабрике или другом промышленном предприятии. В случае нового преступления внесенная сумма будет немедленно конфискована; в противном случае она будет возвращена ему, но не ранее, чем по истечении определенного количества лет с его стороны хорошего поведения. Если государство имеет колониальную территорию, на которой оно желает поощрять заселение, преступник может быть освобожден от предоставления залога при условии его немедленной эмиграции в одну из этих колоний. В случае рецидивизма пожизненное заключение в зарубежной исправительной колонии — это средство, к которому следует прибегнуть напрямую. Поскольку в данном случае доказано наличие устойчивой индивидуальной причины, а именно отвращения к труду, любая другая мера будет бесполезна.

То же самое относится к начинающим мошенникам и фальшивомонетчикам.

Случаи аберрации или алчности

Довольно часто преступник не является ни бездельником, ни бродягой. Он занимается каким-либо ремеслом, профессией, имеет достаточный доход, возможно, даже умеренное богатство. Тем не менее по какой-то странной аберрации он совершает кражу; из чистой алчности он незаконно присваивает деньги, доверенные ему: он внезапно становится мошенником, фальшивомонетчиком или банкротом. Обстоятельства доказывают его непорядочность, но не существует постоянного мотива, побуждающего его к дальнейшим преступлениям. Поэтому вполне возможно, что он не повторит своей ошибки, если полное разочарование в его алчности заставит его осознать, что в его собственных интересах честность — лучшая политика. Для этой цели нет лучшего способа действия, чем заставить его с помощью средств, указанных в параграфе II (d) настоящей главы, выплатить штраф

государству и компенсацию пострадавшему. Такая мера привела бы к еще большим преимуществам для общества. Предположим, что нечестный кассир или мошеннический банкрот точно знает, что, будучи обнаружен, он не сможет воспользоваться ни малейшей долей своих неправомерно нажитых доходов, но будет вынужден вернуть их до последней копейки или же работать в течение неопределенного срока на благо тех, кого он ограбил. Разве не вероятно, что результатом станет быстрое возвращение украденных средств, якобы растраченных, но на самом деле доверенных в дружеские руки? И разве предлагаемый здесь план не гораздо более полезен со всех точек зрения, чем приговор преступнику к определенному сроку тюремного заключения — процедура, которая никому не приносит выгоды и лишь увеличивает расходы на содержание заключенного к ущербу, причиненному его преступлением?

Если сумма действительно была растрачена, то преступник должен посвятить свой постоянный труд ее возмещению. В случае отказа искать работу самостоятельно его заставят поступить в одну из упомянутых выше компаний государственных рабочих, где работа станет для него единственным средством избежать голодной смерти. Если по истечении нескольких лет он не сможет заработать всю незаконно присвоенную сумму, его возраст и добрые намерения могут быть приняты во внимание. Срок этого принуждения может быть установлен даже в 10 или 15 лет с возможностью, однако, бессрочного продления в случае проявления какой-либо тенденции к уклонению от выполнения работы.

Когда преступник полностью возместит ущерб пострадавшему и уплатит причитающийся государству штраф, он будет освобожден. В этом случае, как и в упомянутом выше, когда он может быть освобожден по истечении срока в связи с невозможностью выплатить всю требуемую сумму, он не будет подвергнут никакому дальнейшему наказанию, за исключением лишения политических прав и запрета занимать какие-либо государственные должности или, если преступление связано с уголовным банкротством, заниматься какой-либо коммерческой деятельностью.

Однако, если преступник совершит новое преступление того же рода, к нему следует применить ту же меру наказания, которая предложена выше для бездельников и бродяг. Повторный рецидив с его стороны, как и в случае с ними, повлек бы за собой пожизненное заключение в зарубежной исправительной колонии. Ведь сам факт рецидива является достаточным доказательством того, что речь идет не об отдельном случае преступления, а о человеке, чья бесчестность характера сопровождается постоянным мотивом к бесчестному поведению.

IV. НАКАЗАНИЕ ПОХОТЛИВЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Теперь необходимо поговорить о тех преступниках против целомудрия, которых нельзя отнести к категории насильственных преступников. Отдельно от них стоит класс похотливых преступников («сатиры и циники»), требующий иного порядка рассмотрения. Представители этого класса в большинстве своем являются дегенератами, но не всегда психопатами. Если истинная форма психопатии не проявляется явно, подходящим режимом для такого правонарушителя является интернирование в зарубежную исправительную колонию («высылка») на неопределенный срок. Освобождение должно быть обусловлено изменениями, вызванными новыми привычками жизни и сопутствующими обстоятельствами, связанными с возрастом и семьей, как поясняется в параграфе II (а) настоящей главы. Но если правонарушитель является психопатом — неважно, идет ли речь о садизме, старческой похотливости или любой другой форме, — необходимой мерой будет заключение его в специально предназначенной для этой цели лечебнице, подобной тем, что предназначены для эпилептиков и лиц, страдающих хроническим алкоголизмом.

V. СЛУЧАИ СОХРАНЕНИЯ СУЩЕСТВУЮЩИХ НАКАЗАНИЙ

Следует отметить, что временное лишение свободы на заранее определенный срок, типичное наказание современного уголовного права, не имеет места в только что описанной системе. Причины, побудившие нас выступить против этой формы наказания, были достаточно изложены в ходе нашего обсуждения и не нуждаются в дальнейшем повторении. Мы стремились направить любое наказание к цели, которую сегодня оно оставляет вне поля зрения, а именно к социальной пользе, и мы стремились сделать это, строго логически следуя принципу рациональной реакции на преступление. Иногда, как было показано, необходимой мерой является устранение, реализуемое в абсолютном смысле смертной казнью, в относительном — заключением в учреждение для преступников, душевнобольных, путем высылки, путем интернирования в зарубежную каторжную колонию пожизненно или на неопределенный срок, продолжительность которого будет зависеть от ряда обстоятельств. В других случаях, как было показано далее, требуется не что иное, как возмещение ущерба, выплата компенсации пострадавшему вместе со штрафом в пользу государства, для исполнения которого, если возникнет необходимость, правонарушитель может быть подвергнут принудительному труду на некоторых видах общественных работ, причем его заработная

плата будет удерживаться государством — на срок, который может быть продлен на неопределенное время.

Исключительные случаи, например, фальшивомонетчики

В некоторых преступлениях физическое ограничение свободы передвижения преступника все еще может быть применено как единственное средство предотвращения повторения его деяния. Таковым, например, может быть преступление подделки бумажных денег или монет. Ссылка в исправительную колонию («высылка») не будет рассчитана на искоренение этого преступного промысла. Принудительное возмещение ущерба вряд ли окажется более эффективным. Преступники этого вида в большинстве своем находятся в сговоре и имеют в своем распоряжении достаточно средств, чтобы выплатить компенсацию преступнику и дать ему возможность начать все сначала. По этим причинам необходимо, чтобы фальшивомонетчики были заключены в тюрьму и содержались в изоляции до истечения срока, достаточного для того, чтобы оправдать уверенность в исчезновении их сообщников. Но подобные случаи, когда физическое препятствие для передвижения преступника абсолютно необходимо в силу социальной защиты, составляют лишь малую часть от общего числа, и тюремное заключение («изоляция») должно применяться здесь в порядке исключения.

Случаи, не связанные с естественной преступностью

Наконец, тюремное заключение или содержание под стражей на заранее установленный срок будут применяться ко всем тем правонарушениям, которые мы исключили из наших категорий преступности, — случаев, связанных с особой безнравственностью, не совместимой с альтруистическими чувствами, которые в настоящее время составляют основу морали. Безнравственность этих деяний заключается главным образом в неповиновении власти или неподчинении закону. Если этот политический элемент преобладает, то необходимо, чтобы наказание не определялось критерием приспособления к общественной жизни, а принимало форму кары, способной принудить к уважению к закону. Речь идет не о настоящих преступниках, а о людях, восстающих против закона. Выпадая из сферы нашего исследования, они также выпадают из сферы наших выводов. Таким образом, мы останавливаемся на точке, где политика государства заменяет естественные законы общественного организма.

По вопросам приобретения книг обращайтесь:
Отдел продаж «ИНФРА-М» (оптовая продажа):

127214, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1

Тел. (495) 859-48-60 (доб. 222, 564)

E-mail: books@infra-m.ru

•

Отдел «Книга—почтой»:

тел. (495) 859-48-60 (доб. 222)

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1
----------------	--

Научное издание

Гарофало Рафаэле

КРИМИНОЛОГИЯ

Оригинал-макет подготовлен в НИЦ ИНФРА-М

ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»

127214, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1

Тел.: (495) 859-48-60

E-mail: books@infra-m.ru   <http://www.infra-m.ru>

Подписано в печать 12.03.2026.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 18,5.

Тираж 500 экз. (I — 50). Заказ № 00000

ТК 872013-2238820-120326

Отпечатано в типографии ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»

127214, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1

Тел.: (495) 859-48-60